
**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА**

**Санкт-Петербург
1994**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Под редакцией В.М.Массона и Е.Н.Носова

Санкт-Петербург
1994

Печатается при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (93-06-11156) в рамках Программы изучения памятников Северо-Запада "От Северной Руси к Северной Пальмире".

Выпуск 6

Компьютерный набор и верстка: Т.С.Дорофеева,
К.А.Матехин

ISBN 5-201-01164-0

© Институт истории материальной культуры РАН,
1994

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.А. Рябинин.</i> У ИСТОКОВ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЛАДОГЕ	5
<i>В.М. Горюнова.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА РАННЕГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ	60
<i>О.И. Богуславский.</i> НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ	74
<i>Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская, И. Янссон.</i> МОГИЛЬНИК У ДЕРЕВНИ КРИВОЙ НАВОЛОК В ЮГО-ВОСТОЧ- НОМ ПРИЛАДОЖЬЕ	107
<i>О.В. Овсянников.</i> ПЛЕМЕННОЙ ЦЕНТР ЛЕТОПИСНОЙ "ПЕЧЕРЫ" НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ..	133
<i>С.Г. Попов, Г.И. Зайцева.</i> РАННИЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ. НОВГОРОДСКОЙ ОКРУГИ И НИЖНИЕ ЯРУСЫ НОВГОРОДА ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА	164
<i>С.В. Белецкий, В.П. Петренко.</i> ПЕЧАТИ И ПЛОМБЫ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ (СВОД)	184

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник подготовлен в Институте истории материальной культуры РАН в рамках общей Программы изучения памятников Северо-Запада "От Северной Руси к Северной Пальмире", осуществляемой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Основная цель издания состоит во введении в широкий научный оборот новейших материалов по археологии Северо-Запада, освещающих важнейшие вопросы древней истории региона.

Сборник открывается двумя статьями, посвященными характеристике ремесленного производства в раннегородских центрах Северной Руси - Ладоге и Городке на р. Ловати под Великими Луками. В столь полном виде материалы касающиеся ремесла этих памятников Е.А.Рябининым и В.М.Горюновой издаются впервые. Результаты раскопок последних лет в Юго-Восточном Приладожье рассматриваются О.И.Богуславским. В статье Е.Н.Носова, Н.В. Хвоцинской и шведского археолога И.Янссона (Стокгольмский университет). В научный оборот вводится ранее не известный материал одного из могильников на р.Паше под г.Тихвином. Яркие материалы раскопок племенного центра летописной "печеры" на Русском Севере анализируются в статье О.В.Овсянникова. Впервые в наиболее полном виде издается свод вислых печатей и пломб найденных в Старой Ладоге. Свод начал собирать В.П.Петренко, а затем он был широко дополнен С.В.Белецким, подготовившим материалы к изданию. Наконец, сотрудники Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН Г.И.Зайцева и С.Г.Попов публикуют материалы сопоставления датировки по данным радиоуглеродного анализа нижних ярусов Троицкого раскопа Новгорода и поселений округа города, что дает основания еще раз проверить и надежность самого метода для датировки средневековых памятников и уточнить хронологию сельских поселений.

В целом, представленный сборник отражает широкое внимание сотрудников ИИМК РАН к изучению древностей Северо-Запада России и свидетельствует о необходимости скорейшего и полного введения в научный оборот новейших археологических материалов, как полноценных источников для последующих общих культурологических и исторических выводов.

У ИСТОКОВ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЛАДОГЕ (к истории общепалтийских связей в предвикингскую эпоху)

В 1973-1975 гг. автором было предпринято исследование хорошо известного в историко-археологической литературе Староладожского Земляного городища - древнейшего участка протогородского поселения в низовьях р. Волхов, возникшего в последней четверти I тыс. н.э. на международном пути из Балтики в Восточную Европу. Раскопками Н.И.Репникова (1909-1913 гг.) и В.И.Равдоникаса

(1938-1940, 1945, 1947-1950, 1957-1959 гг.) за предшествующие годы здесь в общей сложности было вскрыто около 2500 кв.м, изучена основная часть культурных отложений в пределах позднесредневековых земляных укреплений конца XVI в. В течение трех последующих сезонов изучался участок площадью 136 кв.м, заложенный на перемычке в западной части валов и примыкавший с за-

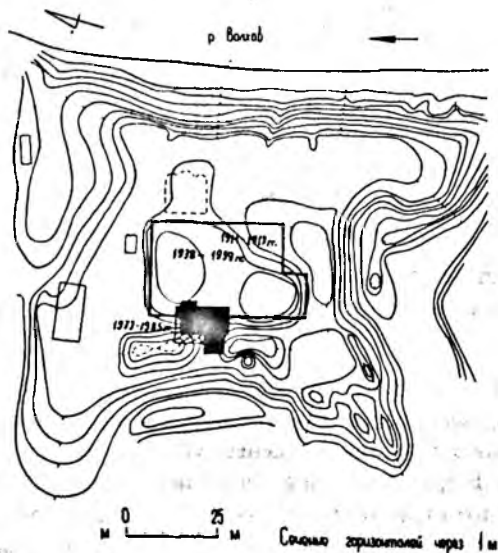

Рис.1 План Староладожского Земляного городища с локализацией участков раскопок.

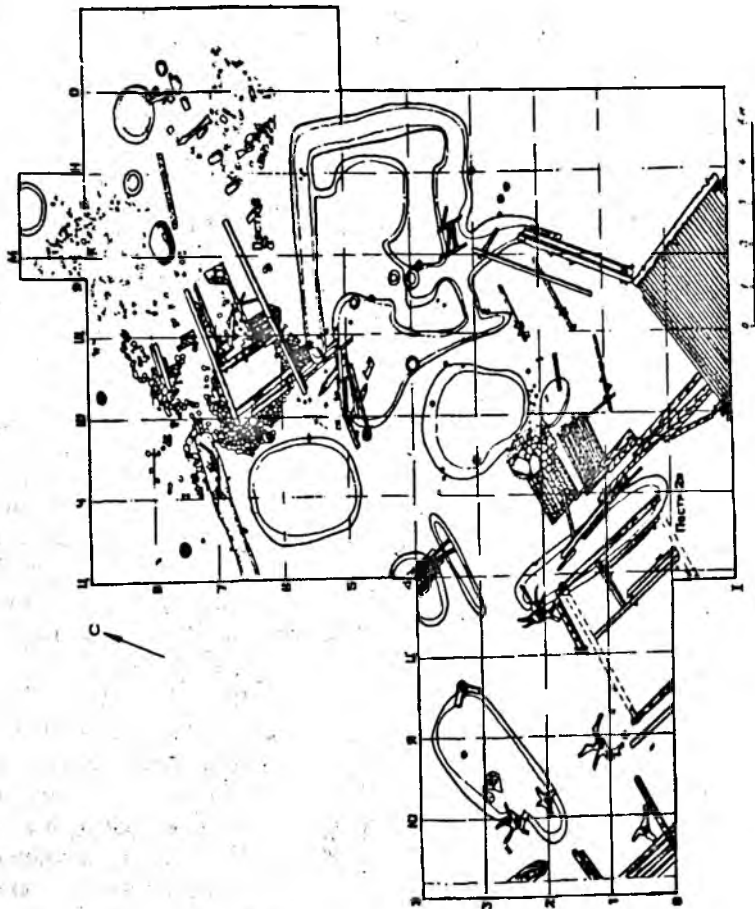

Рис.2 Участок раскопок 1973-1985 гг.

Сводный план строительных остатков нижнего микрогоризонта Е3.

пада к раскопу 1948-1950 гг. (рис.1).

В процессе этого цикла работ была впервые осуществлена попытка стратиграфического деления в полевых условиях напластований нижнего горизонта Е3, позволившая выделить не менее трех слоев и соответствующих им строительных этапов в жизни первоначальной Ладоги. Был открыт ряд жилых, хозяйственных и производственных сооружений разных периодов, получена серия спилов из горизонтов Д и Е, пригодная для их дендрохронологического анализа. Результаты этих исследований получили достаточно полное

освещение в археологической литературе (Рябинин 1976:123-125; 1980:161-177; 1985:27-75; Черных 1985:76-80; Kirpitschnikov, Rjabinin, Petrenko 1987:54-61).

Особый историко-культурный интерес представлял частично изученный в пределах участка производственный комплекс с выразительным кладом кузнечно-ювелирных инструментов, относящийся к эпохе начального освоения поселения. Его открытие вследствие древности и уникальности объекта, а также информативной значимости для изучения раннесредневекового ремесла и истоков международных связей на востоке Балтийского региона, вызвало многочисленные отклики у отечественных и иностранных специалистов. Появились публикации, посвященные специальному анализу комплекса и происходящих из него находок (Vierk 1983:3-64; Meinander 1985:65-69). Клад инструментов был включен в разделы "Обработка железа" и "Верования" каталога скандинавских древностей в Европе, изданном на ряде языков (см., например: From Viking to Crusader 1992:150, fig.7; 192, fig.2; 298).

Вместе с тем, ограниченная площадь раскопок 1970-х гг. не позволяла судить в достаточно полном объеме о характере и составе сооружений производственного комплекса. В частности, невыясненным оставался вопрос о наличии здесь стационарной кузнечной мастерской. В процессе работ, продолженных в 1981-1985 гг., были заложены два новых раскопа, примыкающие к предшествующему участку с севера и запада. В результате вскрытая площадь достигла 325 кв.м, включив в себя не выявленные ранее ремесленные сооружения древнейшей Ладоги. Информация об этом до сих пор носила лишь краткий и суммарный характер (Рябинин 1986:162-164; 1987:40-42; Рябинин, Черных 1988:72-100). Введению в научный оборот всей совокупности добытого материала и посвящена настоящая публикация.

Предматерик, на уровне которого зафиксированы первые следы человеческой деятельности, представляет собой темный торфяниковый слой толщиной 0,08-0,12 см с примесью голубоватой материковой глины - вивианита. Изредка в предматериковом слое встречаются включения щепы и навоза.

На исследованной площади наблюдается понижение первоначальной поверхности в западном направлении, которое фиксировалось и при предшествующих раскопках. Перепад древней почвы от восточной - прибрежной - части раскопа 1938-1959 гг. (глубина 1,6-1,8 м от репера) до западной границы нашего участка (уровень - 2,7 м) превышает 1 м¹. Далее к западу начинается резкий склон, по

верхнему краю которого и были возведены позднесредневековые земляные укрепления. Топография местности свидетельствует о положении рассматриваемого участка на окраине раннего поселения, что и определило сложение здесь особой производственной зоны, связанной с "огненной" обработкой материалов.

При зачистке предматерика выявлены контуры канавообразных углублений и ям, врезанных в материковую глину. Заполнения ям - гумус коричневого цвета, насыщенный щепой и навозом. Аналогичный характер имела и залегающая выше прослойка мощностью до 0,20-0,35 м ("бурый гумус II" по полевой номенклатуре), в которой зафиксированы жилые и производственные сооружения нижнего строительного яруса микрогоризонта Ез. Это обстоятельство в ряде случаев затрудняет решение вопроса о конструктивной взаимосвязи предматериковых углублений с первоначальной строительной деятельностью на древней почве или же с последующим накоплением бурого гумуса. К тому же ранние постройки Ладоги, возводившиеся в сырой, заболоченной местности, нередко устанавливались на подсыпке из культурного слоя, тем самым оказываясь выше уровня окружающей поверхности. Вследствие этого строительные остатки на уровне предматерика и перекрывающей его нижней гумусной прослойки рассматриваются в качестве единого пласта сооружений, разумеется с учетом всех стратиграфических и дендрохронологических различий между ними² (рис.2).

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Первые указания на производственный характер западной окраины поселения были получены еще при вскрытии смежного с нею участка в 1948-1950 гг. В кв.Об на глубине -1,99-2,04 м от репера было зафиксировано скопление железных шлаков, среди которых, в частности, обнаружен и наиболее ранний для Ладоги дирхем 699/700 гг. (об этом см.: Давидан 1976:112). В наших раскопках обширный комплекс древнейших мастерских выявлен на площади около 160 кв.м. Основу последнего составляла **кузница** - наземная постройка

- 1 Все нивелировочные отметки приводятся от общепринятого репера - условной точки на глубине 0,6 метра от поверхности восточной границы раскопа 1938-1959 гг.
- 2 Дендрохронологические определения свыше 500 образцов, среди которых представлены 63 спиля из "бурого гумуса II" микрогоризонта Ез, осуществлены Н.Б.Черных.

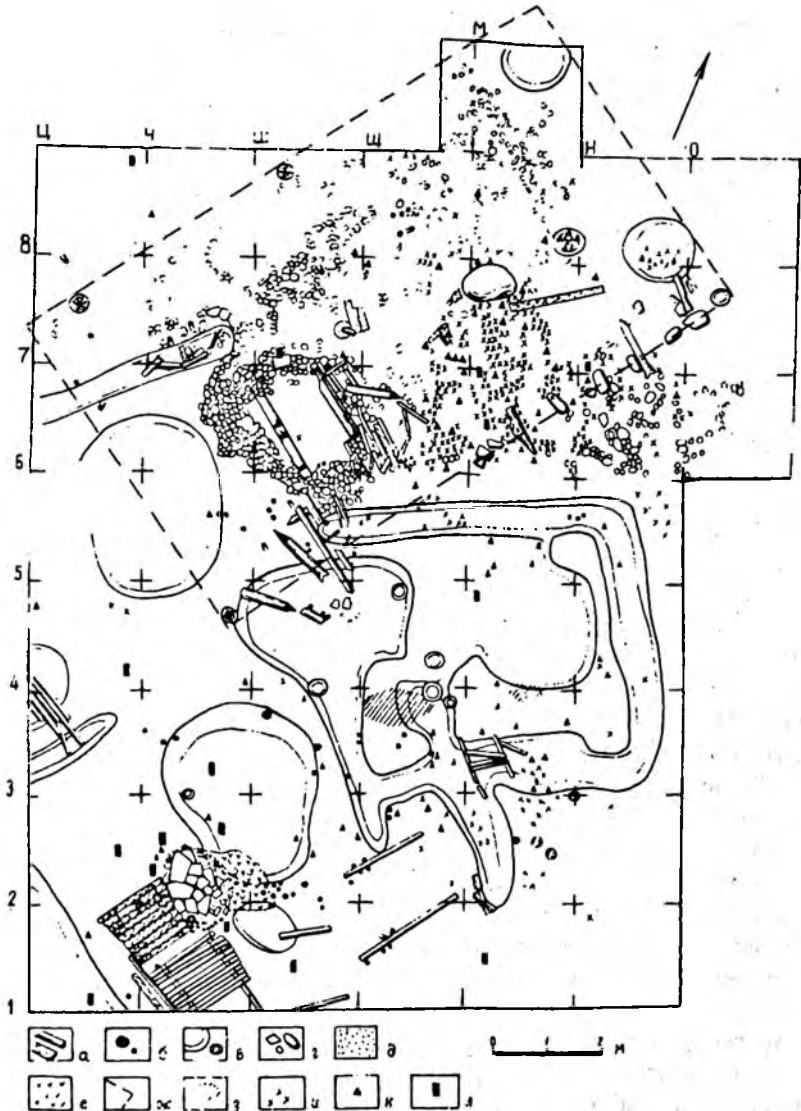

Рис.3 План производственной зоны

а - бревна, доски, горбыль; б - остатки столбов и кольев; в - ямы; г - камни; д - песок; е - уголь; ж - элементы реконструкции; з - район находки клада инструментов; и - железные шлаки; к - отходы, полуфабрикаты и изделия кузнечного производства; л - находки, связанные с ювелирным делом.

Рис.4 Остатки кузницы. Вид с северо-востока.

8, занимающая всю северную часть вскрытой площади (раскопки 1985 г.)³. Она была сооружена на предматерике и отделена от него лишь тонким, не превышающим 5-8 см слоем щепы с включениями навоза (рис.3,4). Нивелировочные отметки ее основания в восточной части составляют - 2,13-2,25 м, в западной, в соответствии с понижением поверхности - 2,55-2,70 м.

Постройка ориентирована по продольной оси юго-запад - северо-восток.⁴ Ее южная сторона трассирована фундаментными подкладками из крупных плоских валунов и обрубков бревен, образующими четко выраженную прямую линию в кв.кв.М 6 Н 6-7. Юго-восточный угол фиксируется круглой столбовой ямой диаметром около 0,3 м, выявленной в кв.О7 с уровня предматерика. Юго-западный угол постройки отмечен столбом диаметром 0,25 м, расположенным по трассе фундамента стенки в кв.Ч 4.

Северная стенка сооружения прослежена не полностью. Она трассирована лишь линией из двух столбов диаметром 0,26-0,28 м, один из которых является северо-западным угловым (кв.Ц 7), второй - промежуточным (кв.Ш 8); расстояние между столбами составляет

3 Нумерация построек соответствует данным полевых отчетов и сводной публикации материалов раскопок (Рябинин, Черных 1988).

4 Для краткости изложения при характеристике сооружений приняты условные обозначения по странам света.

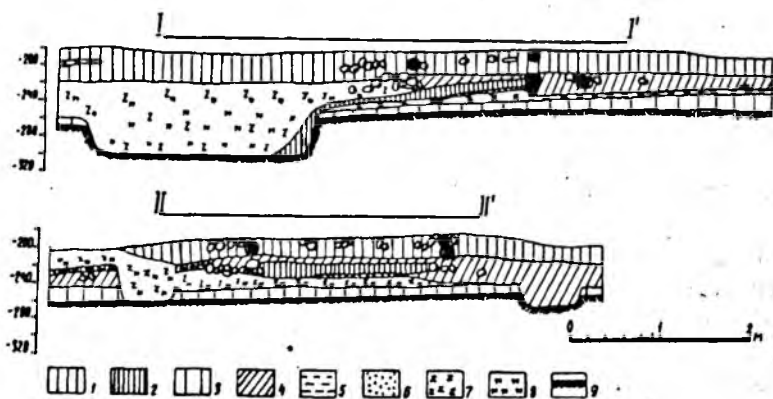
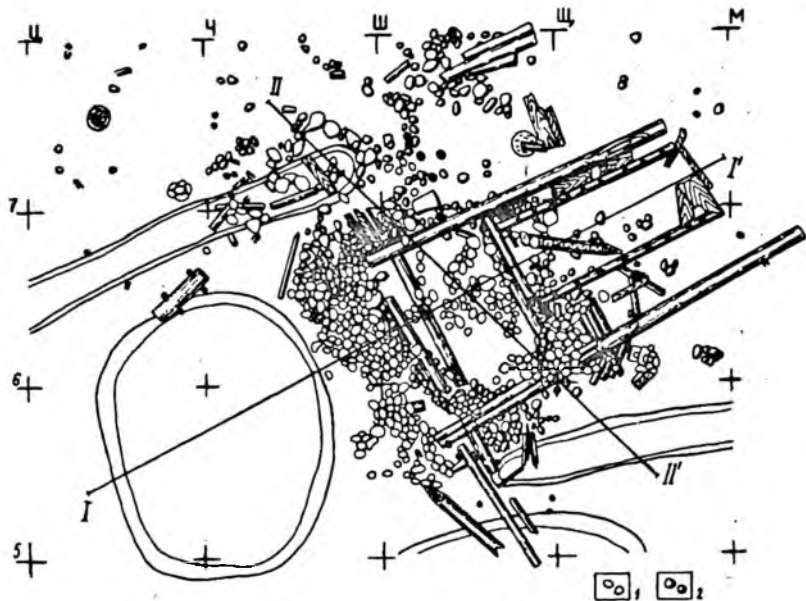

Рис.5 Горновое устройство с прилегающими участками.

Сводный план двух строительных ярусов и разрезы
 план (1 - камни верхнего яруса; 2 - камни нижнего яруса);
 разрезы (1 - черный гумус; 2 - черный гумус, насыщенный углем
 и золой; 3 - предматериковый серый гумус; 4 - коричневатый-серый
 гумус; 5 - серая глина; 6 - желтый песок; 7 - щепа; 8 - навоз;
 9 - материковая глина).

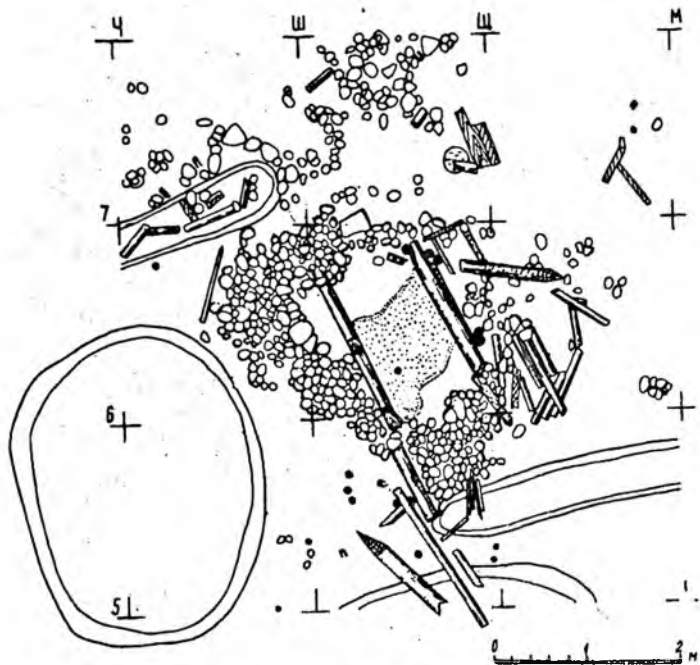

Рис.6 Горновое устройство с прилегающими участками.
План нижнего яруса.

4 м. Реконструируемые по угловым столбам общие размеры постройки - 11,2 x 6,5 м.

Обращает на себя внимание развал мелких камней, образующих неровную, но достаточно определенно выраженную линию с внутренней стороны северной стенки постройки (в 1,0-1,2 м от линии столбов), и перпендикулярно расположенный развал с внутренней стороны ее восточной стенки (также на расстоянии 1,0-1,2 м). Не исключено, что такие скопления камней связаны с последующими работами по разборке горнового устройства, но и в этом случае они фиксируют наличие каких-то прямолинейных преград внутри мастерской.

Горн располагался в западной части постройки на расстоянии около 1 м от ее границы, трассируемой угловыми столбами. Выделяются два яруса этой конструкции, возведенной, судя по дендрохронологическим данным, в середине 750-х гг. и подвергшейся перестройке около 763 г. (рис.5).

Рис.7 Горновое устройство, нижний ярус. Вид с запада.

Нижний ярус представлен кольцом из мелких, покрытых углистым налетом булыжных камней и валунов, также основанных на тонкой прослойке щепы с включением навоза (рис.6-8). Примыкающий к конструкции слой в целом сходен с нижележащим, отличаясь от него более серой окраской, обусловленной примесью золы и угля. Заполнение кольца имеет темную окраску и насыщено углем и золой.

Рис.8 Горновое устройство, нижний ярус. Вид с северо-востока

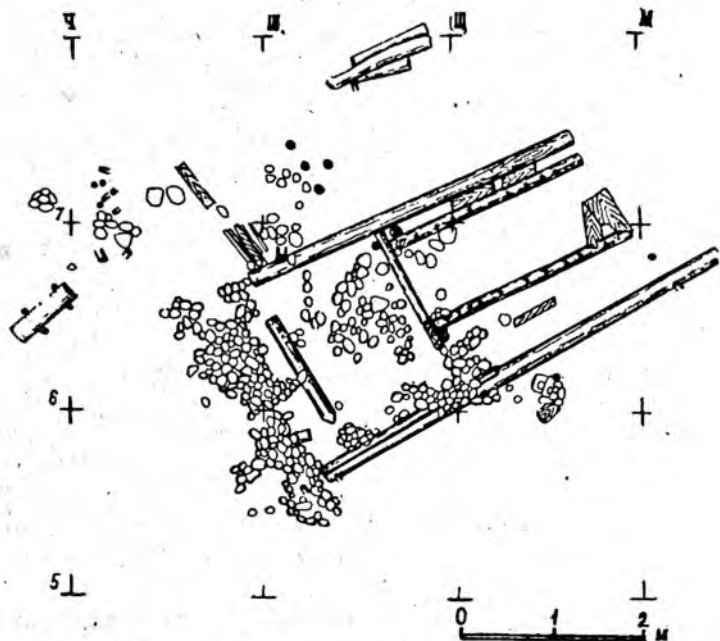

Рис.9 Горновое устройство. План верхнего яруса.

Аналогичная прослойка прослежена и под развалом камней в северном секторе каменного устройства.

Камни уложены в один-два ряда (нивелировочные отметки их основания с наружной стороны составляют в среднем -2,30-2,35 м, отметки поверхности обноски с внутренней стороны -2,05-2,15 м). Внешние размеры кольца, имеющего вытянутые очертания, составляют 3,2 x 2,8 м. По-видимому, оно было частично разобрано при перестройке и, кроме того, его конфигурация несколько изменилась при нивелировке в процессе последующих строительных работ. Тем не менее, можно установить, что обкладка окружала площадку овальной или подчетыреугольной формы размерами 1,6 x 1,8 м. Судя по отсутствию регулярной системы камней в восточной части объекта, здесь мог первоначально находиться или один ряд валунов, или же этот сектор вообще был разомкнут. Его конструктивное своеобразие подтверждается наличием обноски из двух ярусов бревен диаметром 0,18 м и длиной 1,5 м, к которым с наружной стороны был приложен установленный на ребро горбыль такой же длины. Обноски укреплены столбиками и кольями, вбитыми с наружной стороны; еще один столб-фиксатор сохранился с внутренней стороны

ее северного конца. Рядом с нею обнаружена серия коротких обрубок жердей и плах, локализованных на участке шириной 0,6 м. Хотя некоторые из них лежат в беспорядке, все же концентрация их здесь явно не случайна, а обусловлена вероятным использованием для вымостки у восточного края горнового устройства.

В 0,9 м к западу от указанной обноски и параллельно ей под каменным кольцом располагалось еще одно бревно (длина 2,2 м, диаметр 0,16 м); южный конец бревна затесан, в середине имеется

Рис. 10 Горновое устройство, верхний ярус. Вид с запада.

вырубка шириной 0,18 м. По нивелировочным отметкам поверхности (-2,26-2,30 м) оно соответствует основанию восточной обноски. Этими рядами параллельно уложенных бревен ограничивалась линза желтого песка с незначительной примесью угля, локализованная в южной части кольца на площади 1,0 x 1,4 м.

Перестройка горна отмечена появлением на том же месте производственного устройства, отделенного от нижнего яруса тонкой прослойкой щепы, которая прослежена лишь на участке происходивших восстановительных работ. Это позволяет отнести верхний ярус к периоду функционирования той же кузницы (рис.5). Более того, сопоставление элементов, отсутствующих в том или ином сооружении, при несомненной типологической близости последних, создает основу для воссоздания в дальнейшем достаточно детальной реконструкции ладожских горнов.

Внешние контуры конструкции, соответствующей по своей направленности продольной оси мастерской, образуют два ряда бревен,

уложенных параллельно друг другу на расстоянии 1,7-1,9 м (рис.9,10). Южная линия частично сохранилась на два венца. Диаметр бревен 0,18 м, длина 3,7-4,8 м, с наружной стороны они фиксированы столбиками и кольями. С западной стороны деревянный каркас ограничен бревном длиной 1,3 м. Внутри обноска, в ее восточной части, выявлено еще одно сходное сооружение размерами 1,1 x 2,4 м. Оно сложено из более тонких бревен (диаметр 0,10-0,12 м), имеющих следы сильной обугленности и также закрепленных столбиками и кольями. Сохранившиеся фрагменты уложенного перпендикулярно дощатого перекрытия указывают на использование этой конструкции в качестве несущей основы деревянной платформы.

Сам очаг был частично разобран при возведении построек среднего строительного яруса Е 3. Археологическое подтверждение этого - аккуратно сложенная в несколько ярусов кладка из покрытых нагаром мелких валунов, выявленная близ каменной конструкции, но предназначенная для фундамента жилого сруба вышележащего яруса. Наибольшая сохранность горна отмечена с его западной стороны. По нивелировочным отметкам верх каменной обноска соответствует поверхности бревенчатого каркаса (-1,85-1,90 м), ее нижний ряд - основанию того же сооружения (-2,05 м). Аналогичное соотношение наблюдается и при обращении к разбросу камней в восточном секторе.

По своему положению верхний ярус горнового устройства точно соответствует нижнему и, очевидно, характеризуется сходными параметрами. Во всяком случае, его внешний широтный диаметр составлял не менее 2,5 м при протяженности нижнего сооружения 2,8 м. Важно отметить, что очажные камни с восточной стороны четко ограничены бревенчатой основой платформы. Положение конструкции, возведенной на границе "бурого гумуса II" и перекрывающей его прослойки черного гумуса (окраска последнего обусловлена значительными зольно-углистыми включениями) не позволяет судить о локализации следов горения в пределах самого горна.

С рассматриваемым комплексом связано расположенное к западу от горнового устройства крупное ямообразное углубление и частично прослеженная к северу от него канавка. Яма размерами 2,6 x 3,3 м по заполнению из навоза и щепы выявлена с предматерикового уровня на глубину 0,6 м. Она прорезает нижний слой щепы, предматерик, но в основном выкопана в плотной и водонепроницаемой материковой глине, прорезая вивианит на 0,40-0,45 м. Яма имеет плоское дно и довольно отвесные, лишь несколько сужающиеся ко дну ровные стенки. В заполнении найдены железный шлак и отход кузнечного производства. По стратиграфическим наблюдениям ее

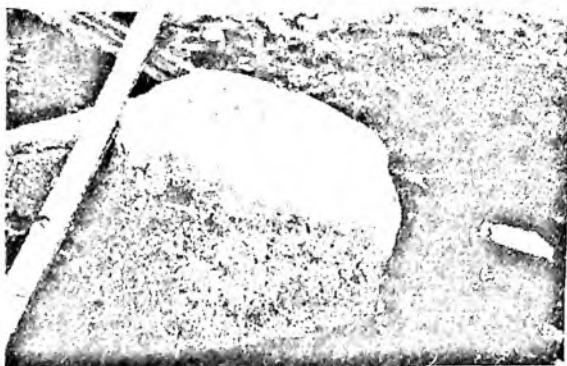
появление относится к началу функционирования мастерской (свидетельство этого - углистый натек на восточной стенке из прослойки, связанной с ранним горновым устройством). Есть все основания рассматривать этот объект в качестве искусственного водоема, использовавшегося для закалки железных изделий.

Выкопанная с того же уровня канавка имеет глубину около 0,3 м и аналогичное заполнение. Она прорезает нижний слой щепы и предматерик, но не заглублена в материк. Ширина канавки, восточный край которой близко подходит к северной оконечности горна, около 0,5 м, прослежена она в пределах вскрытой площади на протяжении около 4 м.

Еще три ямы в пределах постройки располагались вдоль ее восточной стенки. Круглая яма диаметром 1,25 м рядом с юго-восточным угловым столбом прослежена с предматерикового уровня на глубину 0,4 м; она имеет уплощенное дно, заполнена бурым гумусом со щепой и навозом. Второе ямообразное углубление с уплощенным дном, частично выявленное у северной границы раскопа, расположенного симметрично первому относительно продольной оси постройки, занимая, очевидно, сходное место у северо-восточного углового столба; его диаметр 1,0 м, глубина от предматерика 0,4 м, заполнение состоит из спрессованного навоза. Небольшая округлая яма в кв. Н8 (диаметр 0,5-0,6 м, глубина 0,25 м) имеет интенсивное

А

Б

Рис.11 Каменная наковальня (А - общий вид; Б - деталь).

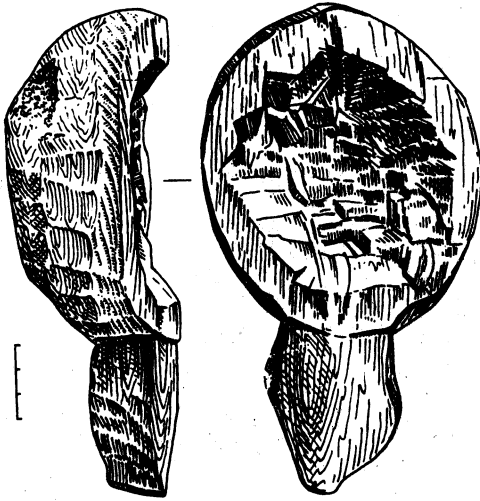

Рис. 12 Заготовка деревянного ковша
— ритуальная находка под каменной
наковальней.

полнительной опорой посередине). Ее длина, определяемая по угловым столбам, составляла 11,2 м, ширина 6,5 м, площадь около 73 кв.м. Наличие фундамента из валунов и обрубков бревен вдоль южной стороны указывает на существование легких - наборных из деревянных плах или плетеных - стен, возможно не достигавших верха постройки. С западной стороны, где располагался крупный водоем для закалки железа, ограда, судя по планометрическим данным, отсутствовала. Сверху, по-видимому, постройка была перекрыта легким навесом, опиравшимся на угловые столбы.

Горновое устройство находилось в западной половине и было обращено рабочей частью вовнутрь кузницы. Полное отсутствие здесь обожженной глины исключает предположение об ее использовании для оформления стенок горна. По крайней мере с трех сторон очаг был окружен кольцевидной стенкой из камней. Хотя она прослежена лишь на высоту 0,20-0,25 м, сопоставление нивелировочных отметок крепежных столбиков и бревенчатых конструкций в основании устройств допускает увеличение высоты стенок до 0,5 м. Вопрос о том, с какой стороны находились меха, подводившие к углям воздух, остается открытым. Судя по конструктивным остаткам верхнего

зольно-углистое заполнение. Синхронность ям с периодом функционирования кузницы доказывается находками в засыпи и на дне шлаков и отбросов кузнечного производства. Особый интерес представляет находка в углистом заполнении небольшой ямки обломка глиняного сопла от сыродутных мехов - принадлежности горнового устройства.

Конструктивные остатки кузницы позволяют заключить следующее. Это была крупная наземная постройки с достаточно мощными для ладожского дерева угловыми столбами (а у северной стенки - и с до-

яруса, перед горном располагалась дощатая платформа, уложенная на бревенчатые лаги и обрамленная внешним каркасом.

Важным функциональным элементом мастерской являлась каменная наковальня - большой валун размерами 0,7 x 1,0 м и высотой 0,5 м, установленный по средней оси постройки в 3 м от горнового устройства (рис.11). Его положение на тонкой прослойке глины, перекрывающей предматерик, свидетельствует об использовании наковальни с начала функционирования кузницы. Поверхность валуна покрыта частыми выбоинами и мелкими ямообразными углублениями - следами обработки на нем железа. Интересно, что под нижний угол камня был подложен деревянный ковш крайне грубой выделки и непригодный для какого-либо использования (рис.12). Эту находку можно интерпретировать в качестве ритуального предмета, специально оставленного под наковальней при помещении ее в мастерской.

В пятне постройки найдены сотни железных шлаков и отдельные стекловидные шлаки, связанные с бронзолитейным делом, а также многочисленные отбросы, полуфабрикаты и готовые изделия кузнечного производства. На их рассмотрении я остановлюсь ниже, после характеристики всех сооружений ремесленного комплекса. Здесь лишь отмечу, что основная концентрация этих находок наблюдается у наковальни и на участке к югу от валунного камня (рис.3)⁵.

Поиски аналогий исследованному объекту затруднены слабой изученностью мастерских раннего средневековья в сопредельных регионах Восточной и Северной Европы (об этом см.: Vierk 1983:21-31). На самом Староладожском городище известен лишь один комплекс, связанный с обработкой железа и получивший условное название кузницы (Лаушкин 1960:75; Давидан 1986:100). Он принадлежит к отложениям горизонта E₁, датируемым по дендрохронологии 870-930-ми гг. От постройки сохранились бревна, располагавшиеся с трех сторон, но не образующие срубного венца - по-видимому также фундаментная основа под легкие наборные стены. Горн здесь не обнаружен, но ремесленный характер сооружения засвидетельст-

5 Находка каменной наковальни в ладожской кузнице прекрасно иллюстрируется помещенным в исландской "Сага об Эгиле" рассказом об искусном кузнице Скаллагриме, переселившемся в Исландию в конце IX в. Найдя большой, достаточно твердый и ровный камень, он "перенес его к своей кузнице, положил перед дверями и позже ковал на нем железо. Этот камень лежит там до сих пор и около него много шлака. Видно, что по камню много били [...] и что он не похож на другие камни, которые можно найти в том месте. Теперь его не поднять и вчетвером" (Сага об Эгиле 1956:116-117).

вован концентрацией в пределах комплекса шлаков, отбросов железоделательного и бронзолитейного производства, находками кузнечных и ювелирных инструментов. В постройке лежал большой валун, использовавшийся в качестве наковальни. Рядом стоял столб, предположительно служивший основой для крепления на нем железной наковальни. Закалка изделий производилась в большой бочке, остатки которой зафиксированы около местаковки (использование для этой цели вырытых в грунте ям исключается из-за рыхлой субстанции культурных отложений).

Если исходить из признаков, не имеющих связи с устойчивыми культурными традициями, то общие черты в оформлении и устройстве кузнечных комплексов можно обнаружить на памятниках разных эпох и народов. Примером может служить Опутятское городище - металлургический центр второй половины V- начала VI в., исследованный в Верхнем Прикамье (Генинг 1980:106-107,210, рис.17). По мнению В.Ф.Генинга, выявленные на месте производственного сооружения (домницы-кузницы) остатки столбовых ям свидетельствуют о небольшом навесе, защищавшем мастерскую от дождя. Судя по представленной реконструкции, автор признает наличие легких наборных стенок, крепившихся к угловым столбам, но не достигавших кровли (закрытое помещение при примитивной технике того времени препятствовало бы необходимому притоку воздуха). Для проковки использовались каменные наковальни. Вырытые рядом с очагами в плотном грунте ямы служили вместилищами воды для закалки железных изделий.

Примеры такого рода можно продолжить. Несомненно, однако, что определяющим показателем характера и технологических навыков металлургов является само "рабочее место" мастера - горновое устройство. Каменные ладожские горны, сохранившие благодаря ладожской почве, остатки деревянных конструкций, достаточно своеобразны.

Археологические параллели, говорящие об устройстве кузнечного горна в Древней Руси, фрагментарны и малочисленны. Как отмечает Б.А.Колчин, судя по этнографическим данным его конструкция была довольно проста, "представляя собой обыкновенную жаровню с воздуходушными мехами". Более оборудованные и совершенные древнерусские горны, выявленные лишь в единичных случаях, состояли из глинобитного возвышения со стенкой у одного из краев; около стенки имелось небольшое углубление, через которое выходило сопло мехов (Колчин 1985:248-249). Что касается остатков ювелирных горнов Древней Руси, то они представлены, как правило,

массивными развалами глины или глины и камней и имели глинобитные стенки (Рындина 1963:225-226; Колчин 1985:261).

Судить об устройстве горнов раннесредневековой Северной Европы по имеющимся публикациям достаточно сложно. Это объясняется преобладанием на ряде раскопанных торгово-ремесленных центров следов производственной деятельности, носившей активный, но, вместе с тем, сезонный характер и не требовавшей использования долговременных сооружений.⁶ После открытия в Ладогe стационарной кузницы с горновым устройством нельзя не учитывать мнения, высказанного специалистом в области изучения раннесредневекового кузнечного ремесла Европы Х.Фирком еще при трактовке результатов первого цикла наших исследований: если здесь при возобновлении раскопок будут найдены функционально предназначенные для металлообработки строения с соответствующими устройствами (прежде всего каменные, доходящие высотой до колена, горны и другие технические очаги и печи), это поставит вопрос о связи ладожского ремесла с зоной "античного типа". Под последней подразумевается обширная территория с более или менее развитой городской культурой, сложившаяся на землях или в областях влияния бывшего римского CIVITAS и сохранившая традиции предшествующего времени (Vierk 1983:29-30).

Интересные данные о характере производственных очагов IX-X вв. получены в последние десятилетия при исследовании поселения Крутик в Белозерском крае (Голубева, Кочкуркина 1991:47-50,63). Наиболее сохранившийся кузнечный горн на этом памятнике имел подпрямоугольную форму и размер 2,3 x 2,0 м. Возведенные на материковом останце стенки сложены из глины и камней, достигали толщины 0,45 м и прослежены на высоту до 0,2 м. Еще один кузнечный комплекс со слабо выраженными остатками горна в конструктивном отношении, по мнению авторов, обнаруживает наиболее близкие аналогии с ладожской мастерской горизонта E₁.

6 В качестве примера горновых устройств можно привести данные, полученные при раскопках металлургического центра в провинции Телемарк на юге Норвегии, функционировавшего в период около 550-1350 гг. при наивысшем расцвете его деятельности около 800 г. Это небольшие заглубленные в грунт "жаровни" подпрямоугольной или круглой формы (диаметр 0,5-1 м), обложенные по периметру вертикально установленными в один ярус обломками плиты с примыкающим к ним канавообразным углублением. Такие горны явно не имели долговременного назначения (Martens 1988:20,29, fig.5,6,29 ff).

К сожалению, судить о наличии и типе деревянных конструкций из-за сохранности органики в данном случае мы не можем, однако сходство горновых устройств с ладожским представляется несомненным. Этот факт заслуживает особого внимания вследствие того, что по результатам металлографического анализа и характеру кузнечных изделий поселение Крутик обнаруживает тесные связи с Северо-Западом. Более того, предполагается пребывание здесь городских ремесленников (возможно, скандинавского происхождения), принеших свои традиции обработки железа (Голубева, Кочуркина 1991:51-52; Розанова 1991:180). В этом случае вполне реально и распространение специфических производственных сооружений в среде белозерской веси вместе с пришлыми мастерами из раннесредневековой Ладоги.

Кузнечно-слесарная "холодная" мастерская (рис.2;3). Примыкает с юга к кузнице и образует с ней единый комплекс построек. В основном она была вскрыта при раскопках 1975 г. и доследована в 1985г.⁷ Контуры объекта определяются по обводной канавке, окружающей площадку четырехугольной формы. Ширина канавки составляет, в среднем, 0,6-0,8 м, в южной части достигает 1,2 м. Она прослеживалась в предматерике и материковой глине на глубину 0,20-0,35 м по заполнению из бурого гумуса с включениями щепы и навоза.

Такую же глубину эта канавка имела, очевидно, и в период функционирования объекта. Сохранился переходный мостик через канаву в южной части системы. Мостик из горбыля, обращенного уплощенной стороной книзу, был уложен на две лаги из жердей, концы которых опирались на оба края канавки.

В юго-западной части объекта отходят канавообразные выступы к югу. Там же канавка поворачивает на север, переходя в ямообразное расширение подпрямоугольных очертаний с деформированными углами (размеры около 3,2 x 2,5 м), дно которого соответствует по нивелировочным отметкам дну канавки (-2,55-2,65 м от репера). Между этим расширением и северо-западным краем обводной системы имеется незначительный разрыв протяженностью 0,3 м.

Размеры сооружения составляют около 4,0 x 4,8 м, вместе с канавками - 5,2 x 5,8 м. Центральная часть площадки образует понижение до 0,15-0,20 м. Обращает на себя внимание размещение

7 При характеристике объектов, исследованных в 1970-х гг. и получивших освещение в публикациях, приводится лишь их краткое описание.

на границе столбовых ям диаметром до 0,3 м с примыкающими к двум из них небольших столбовых ямок. У наружного края того же расширения расположен угловой столб предполагаемого навеса над кузницей. Примечательным представляется наличие на этом участке опрокинутых наклонно ко дну расширения столбов одинаковых размеров (длина 1 м, диаметр 0,18 м) с заостренным нижним концом и вырубкой на верхней площадке.

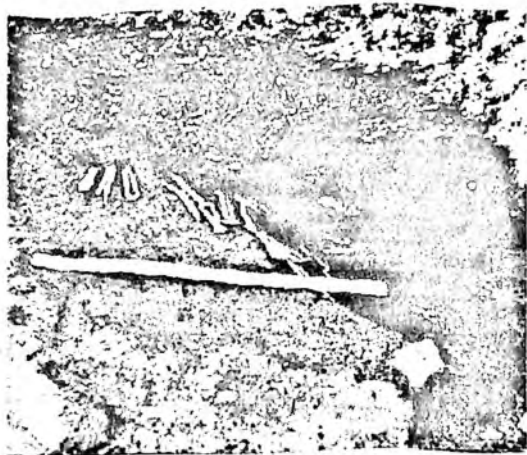

Рис. 13 Клад инструментов. Вид с юга.

Очевидно все эти конструктивные остатки относятся к оградке - возможно, опоре для невысокой плетеной стенки - отделявшей центральную часть площадки от северо-западного канавообразного расширения и входившей в общую систему с оформлением южной стенки кузницы.

Следует отметить прослеженную на том же участке линию из двух рядов жердей с поперечной лагой, уложенную от края горна к канавообразному расширению на протяжении 2 м. Сконцентрированная здесь значительная серия колышков частично может быть связана с фиксацией несохранившейся части настила, частично - с опорой для плетеных стенок.

Следы четырех столбов диаметром 0,10-0,12 м выявлены в углу между юго-восточной линией обводной системы и отходящим от нее выступом канавки. Интересно, что само окончание последней обложено вертикально установленными крупными обломками плитняка.

Производственный характер объекта документирован находками значительного количества шлаков и скоплениями угля. Вместе с ними нередко попадались заготовки, полуфабрикаты и поделки из железа. Большинство находок обнаружено не на самой площадке, а

А

Б

Рис.14 Металлоплавильная печь (А - общий вид; Б - деталь).

за ее пределами, причем многие из них оказались на склонах и дне обводной системы.

Наиболее важным является открытие в юго-западной части мастерской на площадке между двумя канавообразными выступами и в самой канавке клада кузнечно-ювелирных инструментов. Кроме того, еще два инструмента оказались в центральной части сооружения. Основное скопление находок было сосредоточено на площади размерами около 1 x 0,8 м. Инструменты располагались на площадке, на дне канавки и склоне ее стенки (рис.13). Все это указывает на то, что данные находки попали на исследованный участок в период функционирования производственного комплекса.

Х.Фирк, отмечая отсутствие здесь очажных устройств, предлагает назвать объект рабочим местомковки (Vierk 1983:12-13). По определению А.Н.Кирпичникова, это "отделочная" часть мастерской, где "мастер отделявал свои изделия, так сказать, в холодном виде" (Кирпичников 1985:19). Эти заключения полностью подтверждаются открытием кузницы, с которой рассматриваемое сооружение - кузнечно-слесарная "холодная" мастерская - составляет единую функциональную систему.

С юго-запада почти вплотную к мастерской примыкало крупное ямообразное углубление овальной формы, выявленное с уровня предматерика и заполненное бурым гумусом со щепой и навозом. Яма

размерами 2,8 x 3,4 м и глубиной до 0,4 м прорезала водонепроницаемый материковый вивианит. По своему положению у производственного объекта и даже общим параметрам она почти идентична крупной яме у кузнечного горна и, очевидно, имела аналогичное назначение - использовалась как водоем для закалки кузнечных изделий при их обработке в "отделочной" мастерской.

Очаг для плавки цветных металлов (рис.14), полностью исследован в 1975 г. Примыкает к юго-западному краю описанной выше крупной ямы и ограничен с противоположной стороны деревянными мостками. С юга к нему прилегает еще одна яма овальной формы, впущенная с уровня предматерика (0,8 x 1,3 м, глубина 0,35 м). Основу очажного устройства составляет вымостка из крупных обломков плиты, сложенная непосредственно на предматерике (нивелировочные отметки - 2,32-2,41 м). Плиты плотно прилегают друг к другу. Кладка имеет вытянутые очертания и размеры около 1,0 x 1,4 м. Поверх камней и вокруг вымостки зафиксирована линза белого песка со значительными включениями угля. Она имеет аналогичную направленность, но более четко выраженные овальные очертания (размеры 1,2 x 1,6 м). К востоку прослежено сплошное пятно угля и золы, ширина которого соответствует размерам вымостки, длина составляет около 0,8 м. Зольно-углистая линза частично перекрывает прилегающие края крупного ямообразного углубления и овальной ямы, образуя натеки по их стенкам - свидетельство их явной синхронности с производственным объектом.

О форме всего очажного устройства можно судить по системе его обрамления из тесно расположенных колышков малого диаметра. Они забиты по периметру вымостки и песчаной линзы, исключая западный сектор, и далее охватывают участок между краями обеих ям в пределах зольно-углистого пятна на протяжении 1 м. По-видимому это каркасная основа несохранившихся глинобитных стенок, окружавших каменную вымостку и суженую часть, выходящую за ее пределы к востоку.

Функциональное назначение сооружения засвидетельствовано концентрацией вокруг него остатков ювелирного производства (рис.3).

По стратиграфическим и планографическим данным все производственные сооружения образуют единый кузнечно-ювелирный комплекс. Вместе с тем, с ним несомненно связаны и некоторые близко расположенные объекты иного характера - жилые и хозяйственные строения, настилы, мостки (сводный план нижнего яруса представлен на рис.2). Динамику и последовательность освоения участка позволяют определить дендрохронологические данные, полученные

Н.Б.Черных (Черных 1985:76-80; см. также: Рябинин, Черных 1988:75-80).

Время функционирования кузницы, возникшей предположительно в середине 750-х гг., маркируется временем происходивших в ней восстановительных работ (постройка горна около 763 г.), а верхняя хронологическая граница существования определяется возведением в конце 760-начале 770-х гг. на ее месте срубного жилища 3Б. После 756 г. начинается использование ювелирного горна, продолжавшееся, судя по связанным с последним пешеходным мосткам, в начале 760-х гг. (серия дендродат 759-762 гг.), а, скорее всего, и в последующие годы.

Переброшенные через канавку "холодной" мастерской того же производственного комплекса мостки дают порубочную дату 769 г., однако хрупкие и недолговечные сооружения подобного рода неоднократно менялись и не могут дендрохронологически фиксировать появление самого объекта; ясно лишь, что мастерская функционировала в указанное время.

В 50-е гг. VIII в. возводятся частично прослеженные в пределах вскрытой площади настилы неясного назначения в кв.ЦзЧз-4 и Э0. Ко времени около 765 г. относится появление плотно пригнанного бревенчатого настила в южной части раскопа - по-видимому предмостья перед "большим домом", связанного, если судить по проложенным к кузнечно-слесарной отделочной мастерской переходным мосткам, с хозяевами этого производственного сооружения и, соответственно, с владельцем клада инструментов.

Наконец, рубежом 760-770-х гг. датируется малая срубная изба 2В (размеры 4,1 x 4,2 м), построенная параллельно и в непосредственной близости от мостков у металлоплавильной печи.

Сопоставление дендродат перечисленных объектов, относящихся к нижнему уровню - "бурому гумусу II" - микрогоризонта Ез, при учете имевших место подновлений и восстановительных работ свидетельствует о том, что примерно с 753 г. (дата древнейших спилов дерева на участке) и до начала 770-х гг. здесь производилась активная и плотная застройка при участии поселенцев, так или иначе связанных с комплексом рассматриваемых производств.

Это, в свою очередь, позволяет привлечь (при обращении ниже к вещевым свидетельствам ремесленной деятельности) некоторые находки, обнаруженные на том же уровне, но за пределами фиксируемых мастерских. Разумеется, главное и основное внимание при этом уделено материалам, происходящим из собственно производственной зоны.

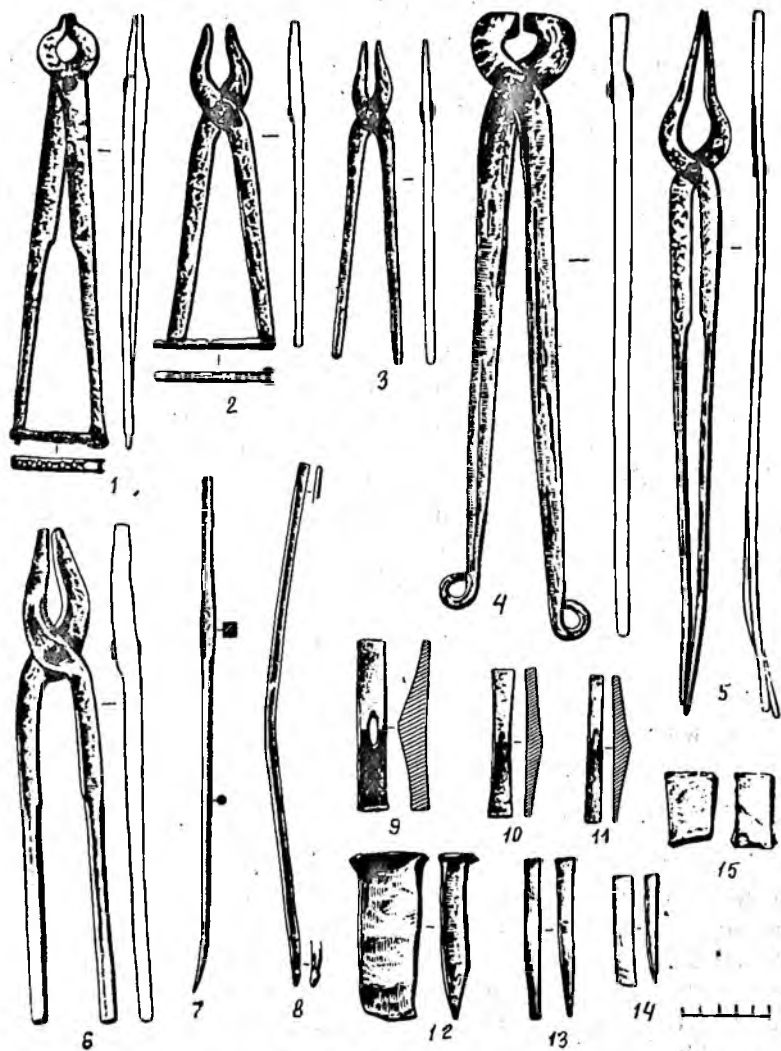

Рис. 15 Клад инструментов.

Клад инструментов из "отделочной" мастерской

1. Клещи (рис. 15:1). Общая длина 253 мм, длина рабочей части до шарнира 40 мм. Губы уплощены с внутренней и закруглены с внешней стороны. Рукоятка изготовлена из тонких прокованных пластин шириной 4-5 мм. К ее концу на шарнире прикреплен ограничитель длиной 56 мм. Он представляет собой согнутую вдвое пластинку; в уплощенном месте перегиба, расположенном в нижней части ограничителя, имеется 6 круглых отверстий. У второй половины рукоятки конец оформлен в виде тонкого заостренного стержня. В зависимости от положения последнего в той или иной ячейке ограничителя фиксировалось и различное расстояние между соприкасающейся частью губ.

2. Клещи (рис. 15:2). Также имеют ограничитель-фиксатор, но изготовленный из круглого стержня длиной 65 мм с десятью сквозными отверстиями. Общая длина клещей 192 мм, расстояние рабочей части до шарнирного соединения 46 мм, длина соприкасающейся части губ 10 мм, ширина 3 мм. Рукоятка изготовлена из пластин шириной 3-4 мм.

3. Клещи (рис. 15:3) длиной 192 мм; губы в виде тонкой пластины шириной 1-1,5 мм, рукоятка изготовлена из стержней четырехугольного сечения со слегка скругленными углами.

4. Клещи (рис. 15:6). Общая длина 287 мм, длина губ до шарнирного соединения 70 мм, длина накладываемой части губ 23 мм. У губ расширенный конец (ширина 10 мм). Рукоятка имеет в сечении подчетыреугольную форму с закругленными углами.

Перечисленные находки относятся к группе малых одноручных клещей с хорошо пригнанными губами, предназначенными для изготовления средних и мелких кузнечных изделий (ср.: Колчин 1985: 249-250, 277, табл. 93:6-11). Клещи с фиксаторами имеют ограниченный круг аналогий, связанный со скандинавскими древностями эпохи викингов (Petersen 1951:86,513, Abb.62; Pleiner 1962:177, obr. 27:1; Müller-Wille 1977:155, Taf.10:8).

5. Клещи (рис. 15:4). Общая длина 350 мм, длина рабочей части до шарнирного соединения 42 мм, длина накладываемой части губ не превышает 3 мм. Рукоятка изготовлена из пластин толщиной 4-5 мм; концы, загнутые в кольцо, имеют круглое сечение.

Эта разновидность инструментов предназначена для требовавшего больших физических условий протягивания проволоки через отверстия в волоочильной доске. Кузнец прикреплял кольцевидное завершение рукоятей к специальным крюкам на поясе и тянул

проволоку, работая всем корпусом (Vierk 1983:15). Сходное функциональное использование имели, вероятно, клещи с крючковидным завершением одного из концов, известные в средневековых древностях Болгарии и Моравии (см., например: Pleiner 1962:109,111,173, obr. 16:13; 18:22-24; 25:1) и памятниках Скандинавии (Pleiner 1962:177, obr.27:3; Oldenberg 1966:Fig.93,387).

Наиболее ранней специализированной находкой инструмента для протягивания проволоки в Северной Европе считаются клещи с загнутым крючком концом из клада Смисс X в. на острове Готланд. Их вероятный прототип

представлен изображением клещей с зажатым между губами полуфабрикатом и сходным завершением конца на надгробном камне VIII в. в Стора Хаммарс (Готланд) (Lindquist 1942:83-86, Taf.82:2). Воспроизведение на надгробии готландского ремесленника-торговца волоочильных клещей, синхронных экземпляру из ладожского клада, наряду с общим сюжетом орнаментации камня (изображения кораблей) и его местонахождением у древней судовой стоянки, позволяют предполагать, что указанные параллели не случайны, а отражают существование рано установившихся связей Готланда с востоком (Vierk 1983:28-29).

6. Клещи (рис.15:5). Длина 418 мм, длина губ до шарнирного соединения 93 мм. Губы с расширенным краем шириной 6 мм

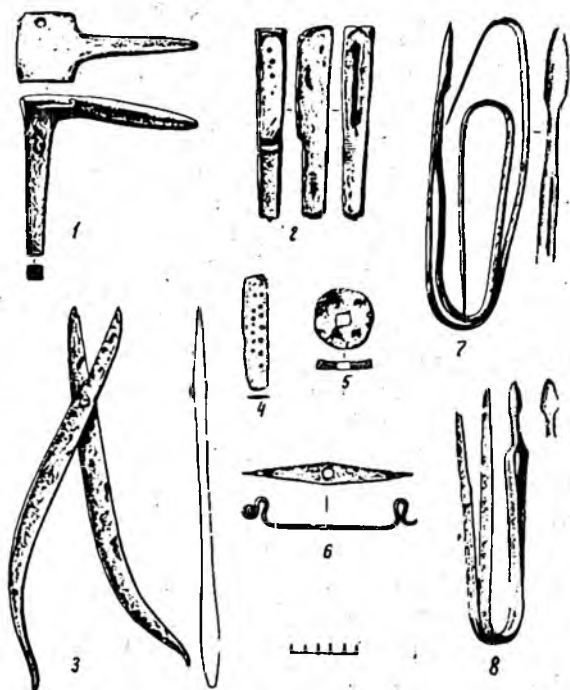

Рис.16 Клад инструментов.

сужаются в предшарнирной части до 1,5 мм. Рукоятка при переходе от шарнирного соединения изготовлена в виде тонких пластин длиной 13 и шириной 2 мм; ниже эти пластины переходят под углом в стержни четырехугольного сечения со сглаженными углами.

Эта форма клещей хорошо известна по древнерусским и северноевропейским аналогиям. Такие орудия использовались для ювелирного производства - установки тиглей и вынимания тиглей с расплавленным металлом, а также ряда других горновых работ. Наша находка по размерам удлиненных губ напоминает экземпляр тигельных клещей из Новгорода (Колчин 1985:262,288, табл.104:1-3).

7. Клещи, сохранившиеся во фрагментарном состоянии. Длина губ до шарнирного соединения 85 мм, длина соприкасающейся части губ 50 мм, их ширина 3-5 мм. Также принадлежат к разряду тигельных клещей.

8,9. Два длинных стержня с заостренными концами (рис.15:7,8). Их длина 300-305 мм. Один из стержней имеет четырехугольное, в верхней части - круглое сечение. Другой в верхней части также имеет круглое сечение, при расширении к концу второй трети переходит в четырехгранный стержень. Эти изделия относятся к разряду шильев или пробоев - универсальных инструментов для прокалывания отверстий (Колчин 1953:63-65). Они могли использоваться при обработке тонких изделий из цветных металлов. Вместе с тем, малый диаметр стержней при их большой длине и отсутствии расковки верхнего края не позволяют рассматривать их в качестве кузнечно-слесарных орудий - бородков (пробойников), применявшихся при пробивании отверстий в горячих поковках (сравни: Колчин 1985:250,278, табл.94:8-10).

10. Миниатюрная железная наковаленка с роговидным выступом (рис.16:1). Она имеет четырехгранный корпус высотой 112 мм (высота всей наковальни 125 мм). Квадратная в плане рабочая поверхность размерами 45 x 50 мм переходит в роговидный выступ длиной 93 мм, предназначенный для проковки кольцеобразных и втульчатых изделий. На одном из краев лицевой площадки имеется круглое отверстие диаметром 6 мм. Из древнерусских памятников происходит шесть наковален с фигурным рогом, однако, по своим параметрам (длина рога до 40-50 мм) они существенно отличаются от ладожского экземпляра (сравни: Колчин 1985: 263). Сходные находки известны в древностях Скандинавии эпохи викингов (Petersen 1951:93, 513, Abb.67; Pleiner 1962:177, obr.27:14; Müller-Wille 1977: 151-152, Taf.8).

По заключению Б. А. Колчина, миниатюрные наковальни применялись при ковке цветного металла (Колчин 1985:263), хотя это не исключает их использование для мелких слесарных работ (Колчин 1953:57-58). М. Мюллер-Вилле на основе анализа кузнечных находок из памятников Скандинавии пришел к выводу о том, что подобные наковаленки использовались преимущественно для изготовления гвоздей и их отбивки, а также для иных, в том числе ювелирных работ (Müller-Wille 1977:151).

11-13. Три ювелирных молоточка (рис.15:9-11). Самый крупный из них имеет длину 100 мм, размеры бойка 19 x 10 мм, задника 16 x 3 мм, толщину у втулки 16 мм. Второй молоток достигает длины 86 мм, третий характеризуется той же длиной, но отличается меньшими размерами бойка и задника. У второго молотка их ширина 13 мм, толщина 3-6 мм, у третьего - ширина бойка и задника соответственно 6 и 10 мм, толщина 2-3 мм. Все инструменты имеют овальную продолговатую втулку. В них сохранились железные проволочные стержни для крепления к деревянным рукояткам. Использование подобных молотков для обработки цветных металлов раскрыто в известном трактате византийца Теофила "Записка о разных искусствах" (X-XI вв.). Сходные орудия представлены в слоях Новгорода XI в. (Колчин 1985:263-264, 279, табл.95:16-17), а также на средневековых памятниках Северной Европы.

14-16. Зубила. Самое массивное орудие имеет длину 100 мм и ширину лезвия около 30 мм (рис.15:12). По своим широтным параметрам оно вписывается в разряд кузнечных зубил, использовавшихся для холодной рубки железа (Колчин 1985:250). Два других инструмента, длина которых составляет 65 и 95 мм при ширине лезвий соответственно 10 и 6,5 мм, относятся к ювелирным зубилам (рис.15:13,14).

17. Ножницы, предназначенные для резки цветного листового и полосового металла (рис.16:3). Конструктивно - это шарнирное орудие из двух половинок с короткими режущими губами и длинными изогнутыми рукоятками. Их общая длина составляет около 300 мм, длина режущей части - 75-80 мм. Такие ножницы известны на древнерусских памятниках (Рындина 1963:219,224, рис.12:10,11; Колчин 1985:264,279, табл.95:9-11,13), широко встречаясь и в северо-европейских древностях (сравни: Petersen 1951:86,513, Abb.64-65; Pleiner 1962:177, obr.27:2; Arbman 1962:202, Taf.5; Müller-Wille 1977:156,157,181,185,187, Taf.11:10, 20:10, 23:4, 24:3). Следует, правда, отметить, что по данным Б. А. Колчина древнерусские экземпляры имеют в основном несколько меньшие размеры. Их длина колеблется в пределах от 150 до 220 мм при размерах режущих губ

у большинства орудий 20-40 мм; известны, однако, и ножницы более крупных размеров и иных пропорций. По своей профилировке рассматриваемая находка обнаруживает наибольшую близость с ножницами из знаменитого клада ремесленных инструментов эпохи викингов, обнаруженного на дне высохшего озера Местермюр (Готланд), однако готландское изделие выделяется более крупными размерами. Его длина составляет 467 мм (Arwidsson, Berg 1983: 15,31, Pl.6,22; Thålin-Bergman 1983: 197-198, Abb. 3:18).

18-19. Сверла, преднамеренно согнутые вдвое (рис.16:7,8). Оба инструмента, применявшиеся для изготовления круглых отверстий в дереве, относятся к типу перовидных (ложковидных) сверл-"напарьев". Длина более крупного сверла 600 мм, длина меньшего - 406 мм. Их рабочая часть имеет заостренный конец и загнутые бортики. Длина пера у крупного сверла 55 мм, а его ширина, равная диаметру сквозного отверстия в обрабатываемом дереве - 18 мм; длина пера у второго инструмента 25 мм, ширина 12 мм.

У перовидных сверл, известных в Древней Руси и на севере Европы стержень ручки переходит, как правило, в широко расплюсченный черенок, иногда завершающийся ромбовидным острием и сами инструменты производят впечатление одноэлементного изделия (Колчин 1953:118-121, рис.87:5-7; 1985:257,283, табл.99:11-13,15; Arbman 1962:202; Müller-Wille 1977:189, Taf. 26:6; Arwidsson, Berg 1983:33-34, Pl.13:46-50 и другие работы). Особенностью ладожских находок является их конструирование из отдельно изготовленных деталей - пера с шейкой и двух узких и длинных пластинчатых ручек, которые затем соединялись посредством сварки и горячей поковки. Аналогии сверл с подобным исполнением ручек нам не известны.

20. Волочило (гвоздильня) в виде массивного железного бруска четырехугольного сечения с обломанным нижним концом (рис.16:2). Его длина 148 мм, сечение верхней части 24 x 27 мм, нижней 18 x 18 мм. На боковой грани имеются четыре расположенных по продольной оси сквозных отверстия разного диаметра: сверху вниз соответственно 4,5; 3,5; 3,0; 2,0 мм. Они соединены с продольным пазом длиной 55 и шириной 5 мм, расположенном на противоположной стороне бруска. Подобные инструменты известны в Европе с римского времени, но наибольшее сходство они обнаруживают со скандинавскими находками конца I тыс. н.э. (сравни: Pleiner 1962:112; Foltz 1979:213-222). Они могли использоваться как для волочения проволоки, так и для изготовления гвоздей и заклепочных головок (Petersen 1951:101,514, Abb. 72; Müller-Wille 1977:156-157,180-181, Taf. 11:6, 19:3, 20:9).⁸

21. Волочило, представляющее собой продолговатую железную пластинку (около 90 x 20 мм) с 14 сквозными отверстиями разного диаметра - от 0,5 до 3 мм (рис.16:4). Судя по незначительной толщине инструмента - около 2 мм - наиболее вероятно его использование для волочения тонкой проволоки из меди и бронзы (ср.: Колчин 1985:264,265,291, табл.107:4,5). Аналогичное назначение исполненной, правда, из бронзы пластины со сходными размерами (110 x 20 x 10 мм), признается для находки из ладожской "кузницы" горизонта E₁ (Давидан 1980:62-63, табл.2:12). Волочила данного типа получили широкое распространение в средневековых памятниках Северной и Восточной Европы.

22. Дисковидная железная пластинка диаметром 45-47 и толщиной 7 мм (рис.16:5). В ее центре имеется квадратное сквозное отверстие размером 10 мм, по краям - четыре углубления округлой формы диаметром 5,6,7 и 10 мм. На бортике диска сделаны клиновидные врезки.

Мне уже приходилось в поисках аналогий этой необычной находки обращаться к так называемым мягким - деревянным - наковальням, представленным единичными экземплярами в ранних слоях Новгорода (древнейший из них относится к X в.) (Рябинин 1980:170-171; 1985:60). Такие "мягкие" наковальни, имевшие на верхней круглой площадке несколько конусовидных выемов, использовались для выпуклой чеканки и тиснения ювелирных изделий (Рындина 1963:221-222, рис.13; Колчин 1985:263,291, табл.107:14). Ладожская наковаленка, очевидно имевшая деревянную основу и соединявшаяся с последней благодаря отверстию в центре, была более прочным, рассчитанным на долговременное использование и легкую транспортировку инструментом, чем новгородские находки.

Большой интерес представляет недавнее открытие сходных изделий в культурных отложениях XVI-XVII вв. древнего Пскова. Это четыре круглые, слегка выпуклые железные накладки, крепившиеся к основе с помощью прямоугольного или округлого центрального отверстия. Диаметр пластинок составляет 50-65 мм, по их краю имеется 8-9 тисненых выпуклостей (Сергина 1983:95,97, рис.15:15). По существу, это та же разновидность инструментов, которая, одна-

8 Типологически близкое, но более позднее орудие из клада Местермюр на Готланде (размеры 229 x 19-38 x 21 мм) с четырьмя коническими и одним цилиндрическим отверстиями, максимальный диаметр которых 8-11, минимальный - 6-10 мм, интерпретируется как гвоздильная доска (Stenberger 1977:456-457; Arwidsson, Berg 1983:16,31, Pl.12,23).

Рис.17 Один из Старой Ладogi.

К орудиям ладожского ремесленника относятся также происходящие из комплекса: 24) обломок четырехгранного железного бруска (42 x 25 x 20 мм) - возможно фрагмент массивного кузнечного зубила для горячей рубки металла (рис.15:15); 25) крупный точильный камень длиной 250 мм.

Намеченная публикация статьи Л.С. Розановой, в которой приведены результаты металлографического анализа инструментов и содержится их культурно-технологическая оценка, позволяют не останавливаться здесь на этом важном исследовательском аспекте проблемы.⁹ К вопросу о характере раннего ладожского ремесла,

ко, отделена от ладожской находки огромным, охватывающим не менее семи столетий, промежутком времени. Устанавливаемые параллели свидетельствуют о многовековом использовании на севере Руси функционально выработанных ремесленных орудий, появившихся здесь еще в догосударственную эпоху.

23. Железная пластинка с сужающимися концами, которые завершены изо-

гнутыми спиральными завитками. Общая протяженность изделия 135 мм, максимальная ширина 17 мм, в его центральной части имеется сквозное отверстие (рис.16:6). Аналогичные предметы были широко распространены в Скандинавии, начиная с вендельского периода и в эпоху викингов. Они встречаются обычно в комплексах с ключами и обломками деревянных ларцев (ящиков, сундучков), удается установить и их положение на деревянных предметах - это ручки, прикреплявшиеся в крышкам ларцев (см., например: Stolpe, Arne 1927:31, Tabl.XXI:4; Arbman 1940:Taf.263,265,267-269). Известны примеры и иного использования подобных изделий. Так, в одном из норвежских погребений X в. пластинка со спиральными завитками служила для соединения сковороды с длинной железной рукоятью (Grieg 1947:10, Pl.XII:1, XIII:1).

К орудиям ладожского ремесленника относятся также происходящие из комплекса: 24) обломок четырехгранного железного бруска (42 x 25 x 20 мм) - возможно фрагмент массивного кузнечного зубила для горячей рубки металла (рис.15:15); 25) крупный точильный камень длиной 250 мм.

Намеченная публикация статьи Л.С. Розановой, в которой приведены результаты металлографического анализа инструментов и содержится их культурно-технологическая оценка, позволяют не останавливаться здесь на этом важном исследовательском аспекте проблемы.⁹ К вопросу о характере раннего ладожского ремесла,

ярко маркированным инструментарием, представляется целесообразным обратиться ниже, после рассмотрения всех остатков производственной деятельности на исследованном участке. Здесь лишь отмечу, что данная находка является древнейшим для Северной и Восточной Европы выразительным свидетельством появления ремесленников-профессионалов, деятельность которых имела политехнический, но, вместе с тем, уже в значительной степени специализированный характер. Судя по составу орудий, в сферу этой деятельности входили мелкие кузнечные и ювелирные работы, а также некоторые операции по обработке дерева.

Круг аналогий указывает на сходство клада в первую очередь с североевропейскими (скандинавскими) типами орудий. Весьма интересны прослеживаемые параллели с богатым набором ремесленных инструментов из Местермюр на о-ве Готланд, относящимся, однако, уже к поздней поре эпохи викингов и датируемым X в. (Foote, Vilson 1970:179), временем около 1000 г. (Arbman 1962:202) или, возможно, XI в. (Müller-Wille 1977:190). Высказанное мнение о северном происхождении как самого ладожского клада, так и его владельца (Рябинин 1980:161-177; 1985:55-62) было положительно воспринято многими отечественными и зарубежными исследователями. К выводу о скандинавском (по-видимому готландском) характере находок пришел и специалист в области кузнечного производства раннесредневековой Европы Х. Фирк, посвятивший ладожскому комплексу специальное исследование (Vierk 1983:28-35).

К последней проблеме непосредственное отношение имеет еще один предмет в составе клада, представляющий собой прекрасный образец древнерусского ювелирного искусства (рис.17). Это бронзовое навершие длиной 54 мм с реалистически выполненной головой бородатого мужчины, завершающейся обращенными навстречу друг другу и соединенными клювами стилизованными птичьими головками. У мужчины длинное узкое лицо, заплывший левый глаз и аккуратно зачесанные назад волосы; шея выполнена в виде четырехгранного полого стержня с декором из продольных и поперечных линий. В предшествующих публикациях мною была отмечена ее стилистическая связь с вендельским искусством (около 550-800 гг.) и высказано предположение о том, что антропо-орнитоморфный

9 Выражаю глубокую признательность Л.С.Розановой за большую работу по металлографическому анализу ладожских находок и полученную ценную информацию о ее результатах.

образ воспроизводит владыку мира и старейшего из богов скандинавской мифологии Одина в окружении двух вещей воронов - Хугина ("Думающего") и Мунина ("Помнящего").¹⁰

Сюжет с двумя стилизованными, обращенными друг к другу головками птиц на голове мужчины, получил заметное распространение в раннесредневековых памятниках Северной Европы. Он зафиксирован на обкладке шлема из меморативного комплекса Саттон-Ху (Англия), близкого династическим захоронениям в ладьях Средней Швеции VII-VIII вв., на стержнях из погребения в Кенте того же времени и того же региона (сводную публикацию см.: Rindquist 1969:287-296), в оформлении пряжки и протогородского поселения Рибе на юге Ютландии (Дания) (Jensen 1986:5). Интересна матрица из Торслунда на о-ве Эланд у юго-восточного побережья Швеции, содержащая изображение воина с птицевидными отростками на голове и сошедшегося с ним в схватке чудовища - по расшифровке К.Хаука сцена борьбы Одина с волком Фенриром, сыном бога огня Локи (Hauck 1957:360 f). Известный финский ученый К.Х.Мейнандер в посвященной ладожской находке статье отмечает иконографическое сходство этого мужского образа (вытекший левый глаз, птицевидное оформление головы) с фигуркой из Ладоги и полагает, что последнюю действительно можно назвать изображением Одина "без каких-либо кавычек" (Meinander 1985:66-67). Вместе с тем, этот автор считает возможным удревнить возраст ее изготовления, указывая, что имеющиеся особенности - сильно подчеркнутые, угловатые и опущенные к низу надбровные дуги, а также резко изогнутые клювы птиц - все это является типичным для фазы В вендельского стиля, датируемой 550/575 - 625/670 гг. или, суммарно, около 575-650 гг. Таким образом, по мнению К.Ф.Мейнандера, находка оказывается на 100, а, возможно, почти на 200 лет старше ее попадания в ладожский ремесленный комплекс. Являясь талисманом, она до этого переходила по наследству из поколения в поколе-

10 Согласно скандинавским сказаниям, Один, желая испить воды из медового источника мудрости, отдал за это охранявшему источник великану Мимиру свой глаз, что и отражено в облике антропоморфной части фигурки (см., например, Мелетинский 1987:242). Орнитоморфный мотив, связанный с образом Одина, находит красочные параллели в эддическом "Видении Гюльви": "Два ворона сидят у него на плечах и шепчут на ухо обо всем, что видят и слышат. Хугин и Муниин - так их называют. Он шлет их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От них-то и узнает он все, что творится на свете. Поэтому его называют Богом Воронов". (Младшая Эдда 1970:37).

первым же ее обладателем был, вероятно, житель Скандинавии (Meinander 1985:66-67).

Скандинавское происхождение рассматриваемого изделия признает и Х.Фирк, усматривая его стилистическое сходство, прежде всего, в изображениях вендельской эпохи Уппланда - центральной области Средней Швеции, Готланда и Эланда. Он полагает, что хотя серия готландских аналогий датируется VII в., благодаря ладожской находке некоторые из них можно считать более поздними, близкими ей по времени (Vierk 1983:14). В этом отношении интересно наиболее близкое в типологическом и иконографическом отношении наложение пинцета со скульптурной головой мужчины и аналогичным орнитоморфным сюжетом из погребения могильника Гатебю на о-ве Эланд, относящегося к периоду викингов. Автор публикации, вместе с тем, подчеркивает сходство данной находки с иконографией обкладок шлемов вендельской эпохи (Callmer 1984:72-84, fig.6). Таким образом, позднейшие параллели, относящиеся, по-видимому, к концу вендельской - началу викингской эпохи, не противоречат датировке ладожского комплекса находок.

Остатки кузнечно-слесарного производства.

Активная железообрабатывающая деятельность в производственной зоне документирована необычной для Ладожского поселения концентрацией на ограниченном участке находок из этого металла (125 экз.). Как и следовало ожидать, подавляющая их часть локализована в пределах кузницы и "холодной" мастерской.

Ведущее место среди этих находок занимают отбросы, заготовки и полуфабрикаты кузнечного ремесла (рис.18; 19; 20:1-12; 21:16,21-25). Среди них - железные пластинки, стержни четырехугольного и круглого сечения, костыли и обрезки проволоки. Некоторые находки по внешнему виду напоминают крупные и миниатюрные зубила, однако за единственным, и то предположительным, исключением (рис.18:3), они не имеют следов рабочего использования. Встречены частично перекрученные стержни, предназначенные для изготовления дротовых изделий (рис.18:9,10). Состав отходов, включая заготовки дрота, обнаруживает полное сходство с находками из мест металлообработки раннесредневекового ремесленного центра Хельго (Швеция) (ср.: Werner 1981:39-62).

Наряду с многочисленными образцами, назначение которых не поддается объяснению, встречены серии заготовок и недовершенных изделий, вполне сопоставляемых с конечной продукцией. Обращение к ним позволяет определить основные направления кузнечно-слесарной деятельности ладожских мастеров.

Ладейные заклепки и гвозди (рис.21).

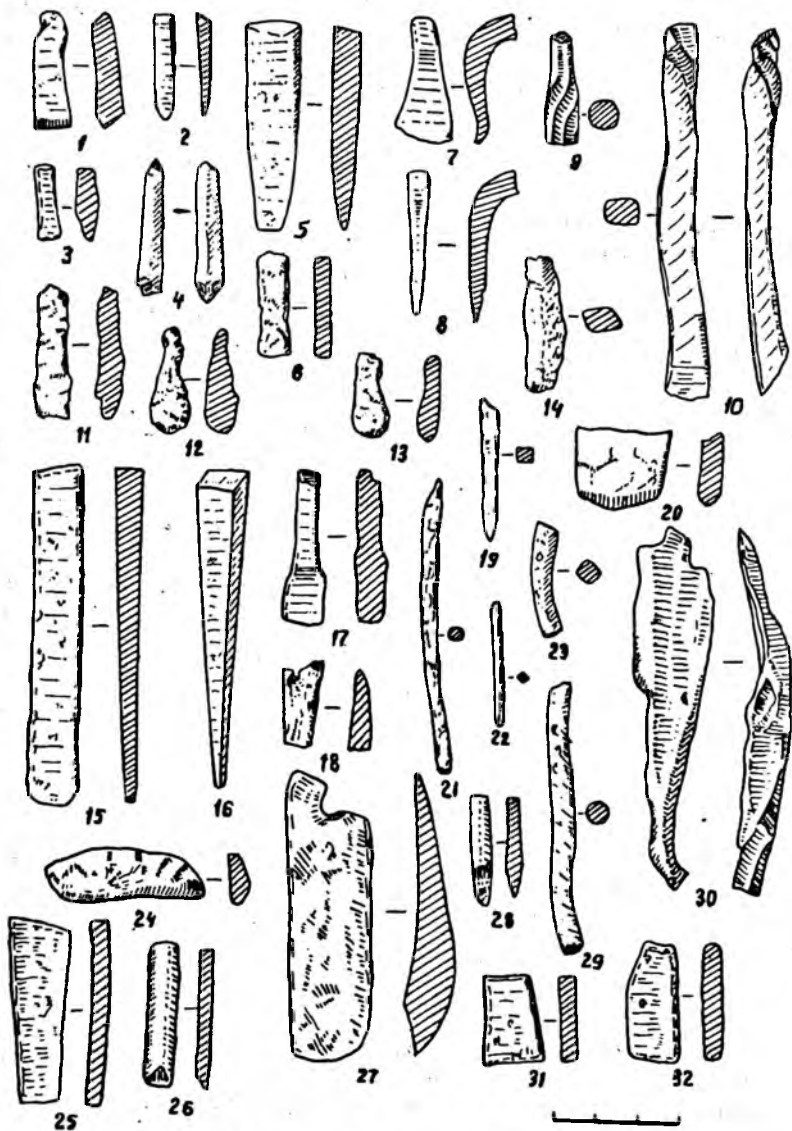

Рис.18 Отходы кузнечного производства.

Обнаружено 8 целых и фрагментированных заклепок со стержнями и 4 шляпки от этих изделий. Длина стержней, имеющих круглое сечение, (диаметр 5-8 мм) варьирует от 38 до 85 мм; пластинчатые насадки имеют, как правило, четырехугольную форму, но представлены и округлые шляпки.

Определимые гвозди и их заготовки представлены в количестве 7 экз. Выделяются крупные изделия с четырехгранными или круглыми стержнями и мелкие гвозди, имеющие круглые шляпки и длину до 15-20 мм. Часть последних, очевидно, предназначалась для крепления к сундукам и ларцам пластинчатых накладок.

По своему положению на производственном участке эта категория древностей распределяется следующим образом. Из кузницы происходит 13 находок, в основном - заготовки или детали заклепок и гвоздей. В "холодной" мастерской (7 экз.) сосредоточены почти все готовые или близкие к завершению изделия, встречающиеся, однако, совместно с их отходами. Единичные находки локализованы за пределами ремесленных комплексов.

Ножи (рис.22,23).

Значительная серия этих предметов особенно примечательна тем, что она позволяет проследить полный цикл операций ножовщика - от выковки заготовок клинков до выпуска конечной продукции. При этом, как выясняется, ладожские мастера изготовляли и рукояти для клинков, сбывая, таким образом, полностью завершенные, пригодные к использованию изделия.

Коллекция находок включает 11 клинков ножей, их фрагментов и заготовок; 5 ножей с рукоятями (один - лишь с сохранившимся черенком); 4 рукояти или их заготовки (табл.1).

Таблица 1. Распределение продукции ножовщика по объектам

Категория находок	Кузница	"Холодная мастерская"	Вне производственных комплексов	Всего
Ножи типа 1	-	-	3	3
Ножи типа 2	-	2	1	3
Ножи типа 3	-	2	1	3
Заготовки ножей	1	1	-	2
Ножи с рукоятями	1	2	1	4
Рукояти ножей	4	-	-	4

Ножи представлены тремя типами (при классификации учтены только клинки без рукоятей).

Тип 1 (рис. 22:4-6). Ножи с прямой спинкой, у которых черенок продолжает линию обушка. Длина полностью сохранившегося экземпляра - 90 мм; отношение длины клинка к длине черенка около 1:2. Черенок отделен от режущей кромки уступом. Ширина клинков 7-10 мм, толщина 1,5-2 мм. Прототипами этих ножей являются ножи с горбатой спинкой, известные в разных культурах лесной зоны раннего железного века. В синхронную с ладожскими находками эпоху тип 1 (группа I по Р.С.Минасяну) представлен в памятниках Верхнего Поднепровья, Верхнего Поволжья, Прибалтики и Финляндии, известен также в древностях культуры длинных курганов Северо-Запада. Заключительный этап бытования ножей в прямой спинкой относится к VIII-XI вв. (Минасян 1980: 69).

Тип 2 (рис. 22 :1-3). Ножи с узким черешком длиной 55-58 мм. Характеризуются четкими, около 2 мм, уступами, отделяющими их от черенка. Спинка прямая, в двух случаях слегка приспущенная к концу. Длина клинка составляет 47, 51, 57 мм, ширина 15-20 мм, соотношение клинка и черенка около 1:1. Ножи этого типа (группа IV по Р.С.Минасяну) имеют скандинавское происхождение, появляясь в Восточной Европе в последней четверти I тыс. н.э. В X-XI вв. они широко распространяются

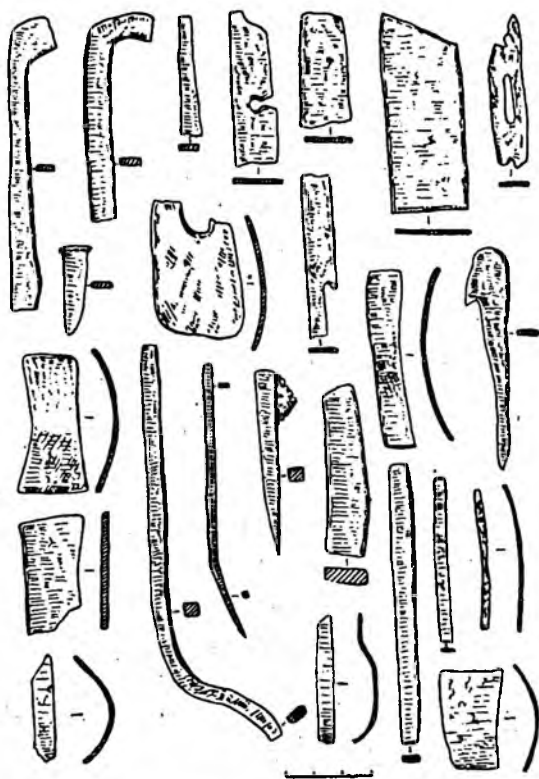

Рис.19 Отходы кузнечного производства.

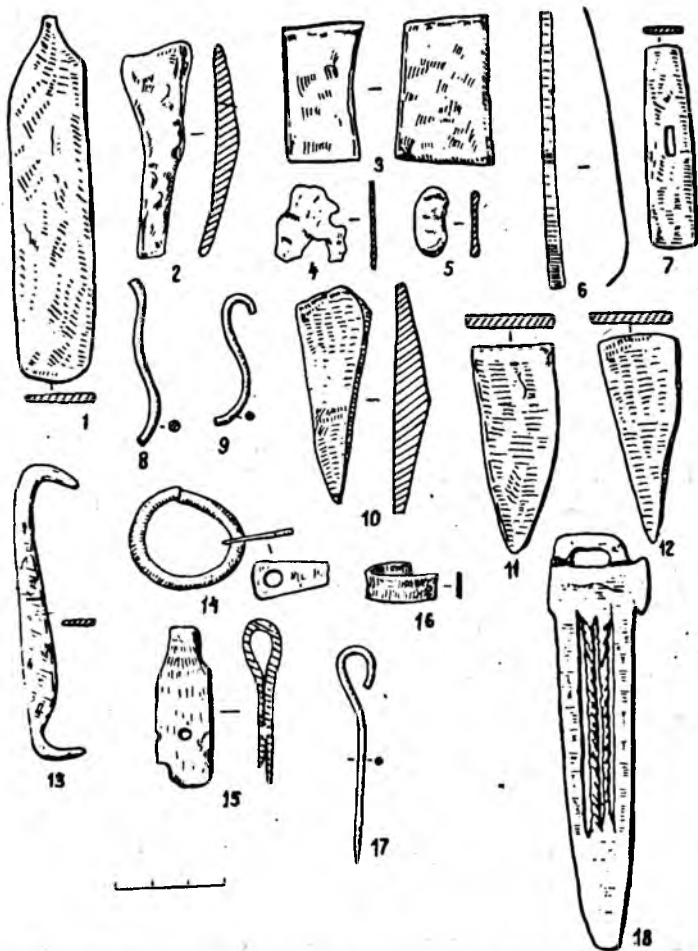

Рис.20 Отходы и изделия кузнечного производства.

на северных территориях Древнерусского государства (Минасян 1980:72-74).

Тип 3 (рис.22:9-11). Крупные ножи с широким черенком и четкими, до 3-4 мм, уступами клинка, отделяющими их от черенка. Спинка прямая, в двух случаях слегка приспущенная к концу. Длина клинка составляет 75, 89, 124 мм, ширина 20-30 мм, соотношение клинка к черенку, судя по определяемому экземпляру, 2:1. Эта группа ножей близка к клинкам типа 2, отличаясь от них значительно более крупными размерами, и, вероятно, имеет то же происхождение. Их

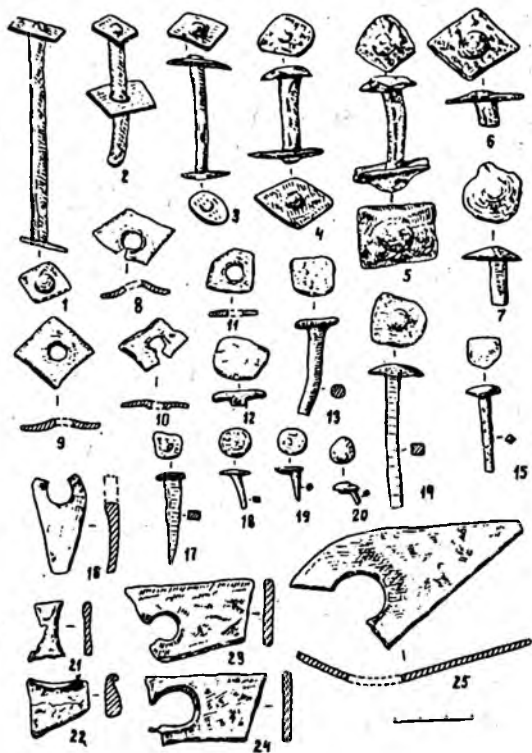

Рис.21 Отходы и изделия кузнечного производства.

характеризуется хорошим качеством исполнения: мелкозернистая структура металла, почти не содержащего шлаковых включений (анализ 4969). Еще одна заготовка (рис.22:7) с намеченным уступом от черенка к клинку откована из полосового (пакетного) металла и, возможно, является неудавшимся исполнением технологии трехслойного пакета (анализ 4968).

По технологии трехслойного пакета с последующей закалкой в воде изготовлены проанализированные образцы ножей типа 2 (анализ 4964; рис.22:1) и типа 3 (анализ 4961; рис.22:9). В противоположность этому связанный по происхождению с восточноевропейской лесной зоной нож типа 1 (анализ 4970; рис.22:5) целиком откован из металла, загрязненного шлаковыми включениями. Показательно, что все ножи данного типа найдены за пределами кузнеч-

аналогии хорошо известны в скандинавских, древностях эпохи викингов (см., например: Arbman 1940: Taf. 283 ff.).

Важная информация о технологии ладожского кузнечного ремесла получена Л.С.Розановой при металлографическом исследовании пяти образцов ножей. Особый интерес представляют данные о недоконченных изделиях, найденных в кузнице и бесспорно связанных с функционированием этого комплекса.

Заготовка клинка (рис.22:8) выполнена в классической схеме трехслойного пакета с последующей терми-

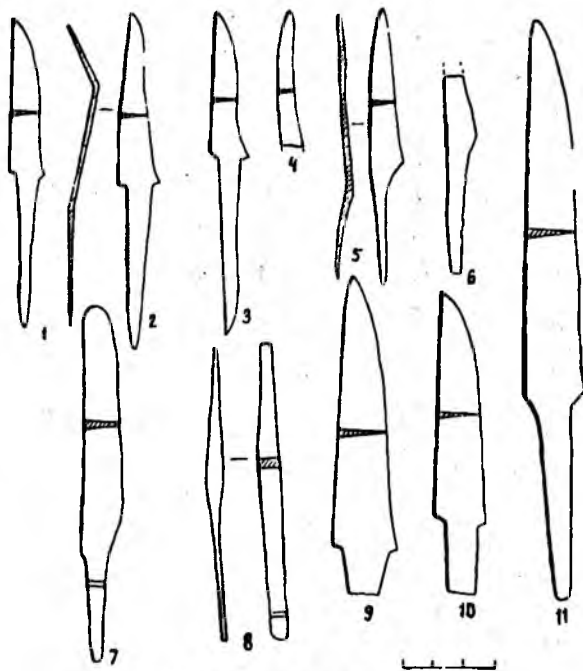

Рис.22 Ножи и их заготовки.

но-слесарных мастерских и, очевидно, не имеют отношения к их производству.

В работах последнего времени неоднократно высказывалось мнение о северном происхождении технологии трехслойного пакета и ее начальном распространении с Северо-Запада. Полученные данные не только позволяют определить нижнюю хронологическую границу появления пакетной сварки в Восточной Европе (середина VIII в.), но и прямо указывают на исходный центр ее местного использования.

Рукояти ножей изготавливались из дерева (рис.23:1-3,7) и кости (рис.23:8). Место, где они производились и использовались для насадки клинков, четко маркируется локализацией заготовок и законченных изделий в пределах кузницы. В этот перечень не включена фигурная костяная рукоять с резным зонным орнаментом из волнистых линий (рис.23:9), обнаруженная вне производственных сооружений и явно имевшая иное значение.

Наконечники стрел (5 экз.). Представлены тремя типами черешковых наконечников, выделяемых в соответствии с классификацией А.Ф.Медведева (Медведев 1966).

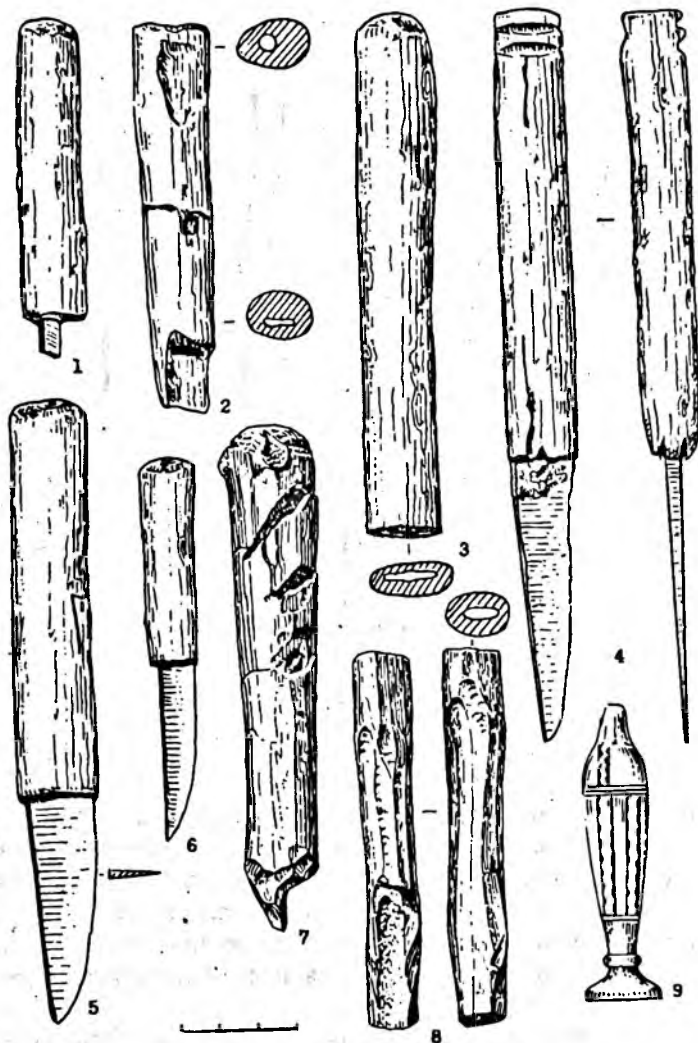

Рис.23 Ножи и рукояти ножей.

1. Лавролистные (тип 63, по А.Ф.Медведеву) - 1 экз. (рис.24:1). Были распространены на широкой территории от рубежа нашей эры до позднего средневековья.

2. Ромбовидные новгородского типа (тип 46 по А.Ф.Медведеву) - 2 экз. (рис.24:2,5). Применялись на севере Восточной Европы начиная с рубежа нашей эры до позднего средневековья.

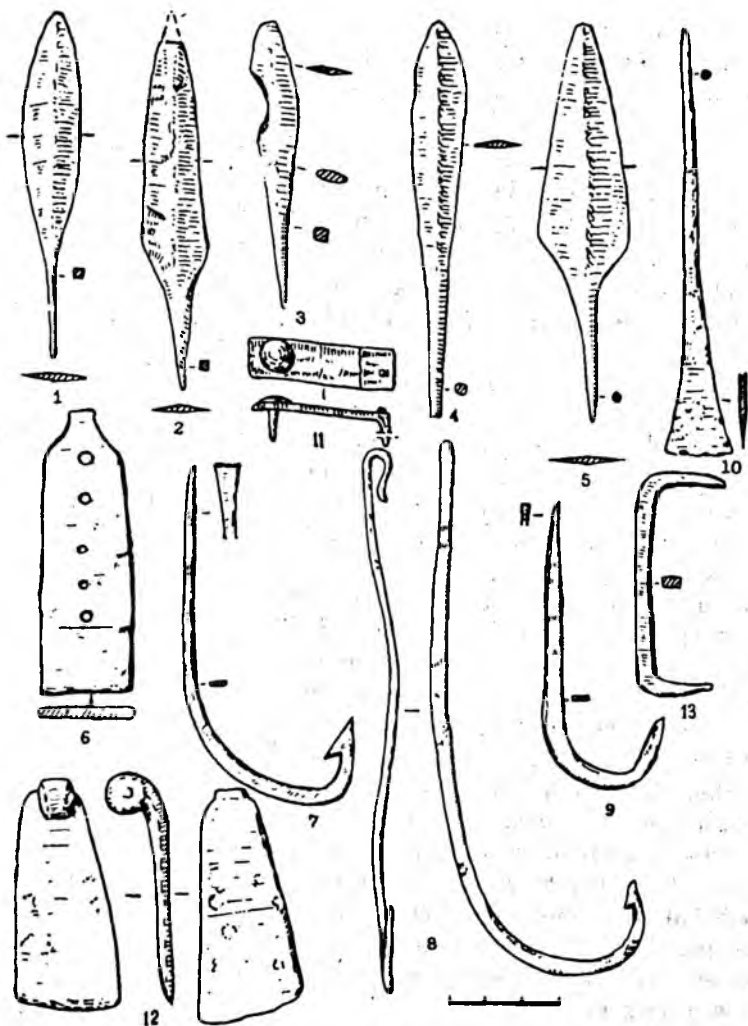

Рис. 24 Изделия кузнечного производства.

3. Ланцетовидные (тип 62, по А.Ф.Медведеву) - 2 экз. Серийно представлены на древнерусских памятниках IX - начала XI в., являясь, вместе с тем, наиболее массовой разновидностью наконечников стрел Скандинавии.

Из пяти находок три наконечника локализованы в "холодной" мастерской, один - в кузнице и еще один экземпляр обнаружен за пределами производственной зоны.

Рыболовные крючки (3 экз). Выкованы из пластин прямоугольного сечения. Самый крупный крючок (длина 155 мм) имеет в верхней части петлевидное завершение (рис.24:8). Второе пригодное для использования орудие для лова длиной 95 мм завершается расплюснутым в узкую пластинку расширением (рис.24:7). Третий экземпляр длиной 80 мм не прошел слесарной обработки - у него отсутствует жало (рис.24:9). Крупный крючок обнаружен в кузнице, незаконченное изделие - в кузнечно-слесарной мастерской.

Остальные находки, характеризующие состав продукции ладожских мастеров, представлены единичными предметами. Из "холодной" мастерской происходят: угловая оковка ларца или сундука (рис.24:11); игла от фибулы (рис.20:17); массивное кольцо с заходящими концами и фрагментом надетой на него пластинки с отверстием (рис.20:14). Из кузницы - пластинчатая обойма с отверстием (рис.20:15) и фрагментированное кольцо из узкой пластинки (рис.20:16). Интерес представляет обнаруженное рядом с мастерской изделие из массивной пластины длиной 80 и шириной 26 мм, завершающейся с одной из продольных сторон суженным и несколько изогнутым вовнутрь выступом; по центральной оси расположены пять отверстий разного диаметра (рис.24:6). Полностью аналогичный по форме, пропорциям и завершению конца предмет, имеющий, правда, лишь одно отверстие у противоположного прямосрезанного края, происходит из погребения по обряду кремации шведского могильника Бирка (Arbman 1943:102; 1940:Taf.280:11).

Для заточки и окончательной обработки железных изделий использовались *точильные камни и оселки*. Из семи крупных прямоугольных точил из песчаника (размеры некоторых из них - 135 x 55 x 35; 85 x 70 x 20; 75 x 60 x 23 мм) шесть обнаружены в кузнице. В "холодной" мастерской найден фрагмент дисковидного точила диаметром 75 мм с ямообразным углублением в центре. Оселки, представленные пятью экземплярами, встречены как в кузнице (3), так и в мастерской (2).

Большой интерес представляют обнаруженные в кузнице два разнотипных *огнива*.

Тип 1. Ажурное кресало в виде удлиненной пластины прямоугольной формы (размеры 110 x 22 мм) с суженным концом и с петлей для подвешивания в верхней части (рис.20:18). В середине огнива имеется вертикальная прорезь, через которую пропущены две тордированные узкие полоски железа. Данный тип кресал не известен в Восточной Европе. Имеющийся круг аналогий указывает на его скандинавское происхождение. Сходные по исполнению и типологи-

чески близкие огнива представлены, в частности, в погребениях Бирки (Arbman 1940:Taf.145:6,7).

Тип 2. Пластинчатое кресало трапецевидной формы (длина 63, ширина рабочего края 28 мм), верх которого оформлен в виде дисковидного выступа (рис.24:12). Проведенный Л.С.Розановой металлографический анализ показал, что огниво целиком отковано из

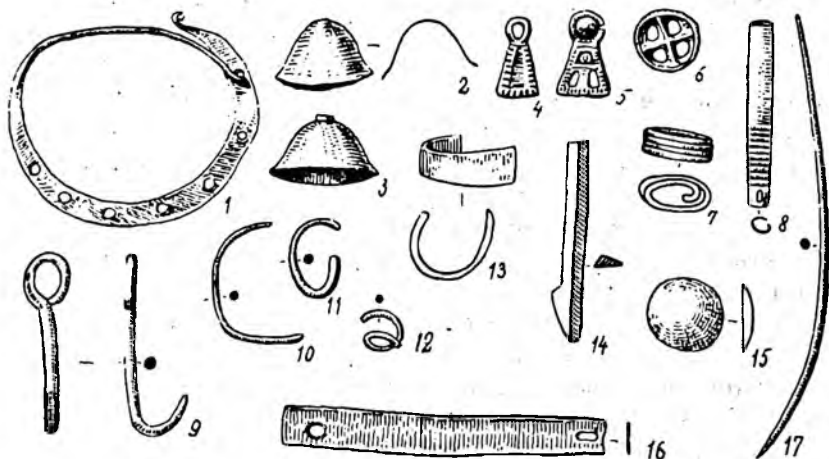

Рис.25 Находки, связанные с ювелирным производством

тонкой стальной заготовки и имеет мелкозернистую, хорошо освобожденную от шлаков структуру.

Пластинчатые огнива широко представлены в раннесредневековых древностях балтских и финских племен. Значительная серия таких изделий обнаружена, в частности, в курганах второй половины IX - начала XI в. территориально близкого к Ладоге чудского населения Юго-Восточного Приладожья. Однако особенности рассматриваемой находки указывают на ее принадлежность к разновидности кресал, изредка встречающихся только "в бесспорных восточнославянских памятниках" и отличающихся от приладожской формы огнив (Голубева 1965:258-259). Как отмечает Л.А.Голубева, они имеют вид трапецевидных пластин длиной от 3,5 до 6 см, с нижним краем, ширина которого составляет около половины их длины. К этой разновидности принадлежат две находки на городище Хотомель в нижнем течении р.Горынь (Брянская обл.), одна - из верхнего слоя Новотроицкого городища на р.Псел (Сумская обл.) и одна - из

Гнездовского могильника (Смоленская обл.). Ладожская находка полностью аналогична кресалу с дисковидным завершением верхнего края из культурных отложений VIII-IX вв. городища Хотомель (Кухаренко 1957:93-94, рис.35:9) и близко напоминает кресало из кургана 7 с трупосожжением X в. Гнездовского могильника, отличающееся от ладожского экземпляра наличием петли (Спицын 1905:рис.16).

Остатки ювелирного производства. При проведении цикла исследований в 1973-1975 гг. была выявлена серия находок, связанных с обработкой цветных металлов и локализованных преимущественно в районе металлоплавильной печи. Она включала 4 тигля (один целый, остальные в обломках); фрагмент литейной формочки из песчаника; слиток олова или свинцово-оловянистого сплава; свинцовую круглую пломбу; бронзовую узкую пластинку; два обрезка бронзовой изогнутой проволоки (рис.25:12,14-16).

Вскрытие северной части участка принесло новые данные об этом направлении ремесленной деятельности. В кузнице, где наряду с железными шлаками встречены стекловидные шлаки, связанные с бронзолитейным производством, найдены обломки еще двух тигельков. Из той же постройки происходят фрагмент бронзовой изогнутой проволоки и согнутая в кольцо пластинка из того же металла (рис.25:11,13).

Судя по обломкам, древнейшие ладожские тигельки имели округлое дно и конусовидную форму. Аналогичные образцы хорошо известны в слоях Земляного городища IX-X вв. и последующих столетий (Львова 1970:90-92, рис.2:1; Давидан 1980:52,63, табл.3:8-10). В конце I тыс. н.э. такие тигли появляются на Крутике - поселении белозерской веси и Сарском городище - племенном центре ростовской мери. Л.А.Голубева, отмечая наличие самых ранних конусовидных округлых тиглей в ладожском производственном комплексе, высказала предположение о проникновении этой формы тигельков в финские земли по Великому Волжскому пути из Ладоги (Голубева 1984:87).

Обнаруженный у металлоплавильной печи брусок олова (по-видимому свинцово-оловянистого сплава) имеет треугольное сечение и продольные бороздки: его размеры 45 x 8 мм. На Земляном городище найдено еще семь слитков, но все они происходят из культурных отложений X в. и последующих столетий, отличаясь также по составу металла (6 медных, 1 из сплава меди с цинком); к IX в. относятся наиболее ранние формы для их местного изготовления (Давидан 1980:62,64, табл.2:1-4,6-7,10).

Параллелью нашей находке может служить серия привозных слитков их свинцово-оловянистого сплава, обнаруженная в комплексе с кладом арабских монет середины IX в. на городище Выжегша в Волго-Клязьминском междуречье. Автор публикации связывает их появление с европейской торговлей и началом поступления восточного серебра с Северо-Запада (Леонтьев 1988:97-98). Треугольные слитки из такого же сплава встречены в Новгороде, Белоозере, известны и в древностях Скандинавии эпохи викингов (Рындина 1963:206-207; Голубева 1973:132).

Несомненный интерес представляет находка на участке, прилегающем к металлоплавильной печи, незаконченного изделия - сплюснутый бронзовой колпачковидной подвески без отверстия в верхней части (рис.25:2). Аналогичная, но пригодная для ношения подвеска с отверстием встречена на настиле перед жилой постройкой, предположительно связываемой с производственным комплексом (рис.25:3). Колпачковидные или полусферические подвески принадлежат к украшениям, наиболее популярным у населения Прибалтики, особенно в ареале балтского расселения. На территории Латвии они известны в 55 памятниках VII-XI (Urtāns 1977:178,243, att.86:15,16). Сходные изделия достаточно характерны для культуры смоленских длинных курганов (Седов 1970:101-102, рис.26:4,7,11; 1974:33-34, табл.25:37-39). Судя по материалам латгальских могильников, они применялись преимущественно в качестве украшения "кос" - специальных трубочек, крепившихся к женским головным венкам - вайнагам (Нукшинский могильник 1951:34, табл.IV:3, XV:1, XVIII:3).

В непосредственной близости от производственного комплекса обнаружено еще одно изделие сходного круга древностей. Это бронзовое серповидное височное кольцо с шестью отверстиями для привесок (рис.25:1) - тип украшений, исключительно характерный для смоленских длинных курганов (Шмидт 1970:227, рис.1:11-12). С того же уровня происходит трапециевидная подвеска с ушком для привешивания, изготовленная из свинцово-оловянистого сплава (рис.25:4).¹¹ Примечательно, что именно для изготовления таких полностью аналогичных предметов предназначалась литейная формочка из длинного кургана второй половины I тыс. н.э., исследован-

11 В раскопках 1970-1980-х гг. еще три сходных по форме украшения из свинцово-оловянистого сплава обнаружены в слоях 810-830-х гг.

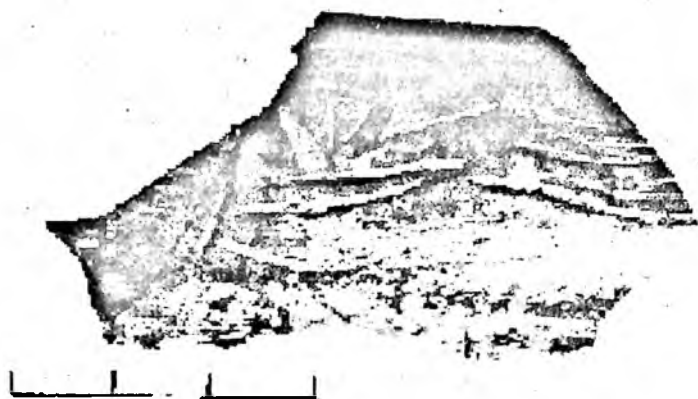

Рис. 26 Граффити на кости из кузницы.

ного на юго-востоке Эстонии (Лоози) (Schmiedehelm, Laul 1970:160-161, joon.4:1).

В древнейших отложениях Ладоги выделяется комплекс украшений, имеющий ближайшее сходство с древностями культуры смоленских длинных курганов и латгальских могильников люцинского типа. Этот факт, наряду с присутствием балтских вещей и проявлением элементов балтского ритуала в сопках Нижнего Поволжья расценивается рядом исследователей как свидетельство изначального оседания на поселении "кривичей" - особой этногруппы, состоящей из северных праславян и балтов, в последующем подвергшейся полной славянизации (Давидан 1986:102-104; Давидан, Мачинская, Мачинский 1985:9; Мачинский 1986:17-19; Мачинский, Мачинская 1988:48-51). Учитывая особый социально-экономический статус ранней Ладоги, возможны иные причины проникновения этнически значимых вещей на поселение - в результате торговли, заимствования, воздействия культурных импульсов и т.д. В этом отношении находка у металлоплавильной печи незавершенного, изготовленного именно в Ладоге и отвечающего местным запросам, изделия славяно-балтского круга древностей приобретает особую историко-культурную значимость.

К периоду функционирования производственного комплекса относятся обнаруженные на настиле жилой постройки у южной границы раскопа украшения из свинцово-оловянистого сплава - бляшка треугольной формы с прорезями в нижней части (рис.25:5) и миниатюрный круглый предмет диаметром 10 мм (рис.25:6). В наших раскопках найдено еще 3 тождественных и 3 несколько

отличающихся по деталям оформления круглых бляшек, по времени бытования не выходящих за пределы второй половины VIII в. К нижнему горизонту Е 3 Земляного городища принадлежит серия аналогичных изделий, обнаруженная в процессе предшествующих лет исследований этого памятника. Их аналогии известны в древностях Швеции вендельской эпохи (Lamm 1973:Pl.3:1-3,6-7; см. также Давидан 1980:59-60). Показательно открытие в горизонте Д формы для отливки изделий, подобной находкам из основания культурного слоя - свидетельство усвоения и включения в ладожскую кулю уру этого типа украшений.

Остальные предметы из цветного металла единичны. Это обнаруженная к югу от "холодной" мастерской трубочка длиной 40 мм, свернутая из бронзовой тонкой пластинки с поперечным рифлением (рис.25:8); происходящий с настила жилища в южной части раскопа перстень (?) из светлого сплава в виде свернутой в трубочку узкой пластинки с продольным орнаментом (рис.25:7); встреченные в кузнице бронзовые предметы - изогнутое острие длиной 110 мм (рис.25:17) и крючок (рис.25:9).

Следует упомянуть еще одну интересную находку, происходящую из кузницы и связанную с работавшим в мастерской ремесленником. Это схематичное изображение корабля, прочерченное на обрезке кости животного (рис.26). Древнейшее в средневековой Восточной Европе граффити с таким сюжетом воспроизводит судно с необычным для ранних северных кораблей треугольным "латинским" парусом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1. Целостный кузнечно-ювелирный комплекс, состоящий из кузницы, кузнечно-слесарной мастерской и ювелирного горна, является ярким свидетельством развития производства не только для самой Ладоги, но и для всей раннесредневековой Северной и Восточной Европы VIII в. Его значение возрастает благодаря открытию клада инструментов и многочисленных остатков ремесленной деятельности, вполне сопоставляемых с составом инструментария.

Прежде всего, следует отметить разнообразие и выработанность орудий, использовавшихся первыми ладожскими мастерами. Выше уже не раз упоминался широко известный клад инструментов X в. из Местермюр на острове Готланд, сближающийся с ладожским кладом не только по составу и назначению, но и по формам и деталям многих входящих в него орудий. По мнению исследователей он производит удивительно позднее впечатление. Как отмечает М. Стен-

бергер, многие предметы из местермюрского ларца идентичны орудиям, применявшимся в Швеции вплоть до начала индустриальной эпохи. В этом автор усматривает особую, культурно-историческую ценность готландскогоклада инструментов, формы которых, по его мнению, сложились и достигли наибольшей целесообразности задолго до эпохи викингов (Stenberger 1977:456-457). Находка из Ладogi является весомым доказательством справедливости этого заключения, фиксируя уже для середины VIII в. традиционные и функционально завершенные типы производственного инвентаря.

Но ладожский инструментарий - это, вместе с тем, и археологическое свидетельство внедрения новаций в ремесло восточноевропейского раннегородского образования, генетически связанное с последующим расцветом ремесленного производства Древней Руси. При анализе орудий постоянно указывалось на сходство и даже идентичность многих из них с инструментарием как древнерусской эпохи, так и позднего русского средневековья. В связи с этим приведу мнение крупнейшего специалиста в данной области Б.А.Колчина, писавшего: "Древнерусские кузнецы не позднее IX в. выработали такие формы инструмента и оборудования, которые в русской металлической промышленности просуществовали многие сотни лет. Созданные в конце I тысячелетия н.э. эмпирическим путем технические приемы и конструкции в разнообразных видах металлообрабатывающего инструментария сохранились до современности" (Колчин 1985:251). Находка из Ладogi, таким образом, не только удревяняет время появления функционально выработанных орудий, но и свидетельствует о тесной взаимосвязи и общности традиций раннего северо- и восточно-европейского ремесленного производства.

Металлографический анализ железных изделий показывает, что ладожские мастера использовали в кузнечной практике сложные технологические конструкции (цементация стали, пакетирование металла, сварка, наварка), требовавшие высоких профессиональных навыков.

Появление ремесленников-профессионалов не исключает поливалентной их деятельности. Если судить только по кладу инструментов, принадлежавшему, по всей вероятности, одному владельцу, последний занимался и кузнечными, и ювелирными работами, и операциями, связанными с обработкой дерева (ремонт судов). Заостряя эту тему, Х.Фирк замечает даже, что в сферу универсальной деятельности мастера не входило разве только изготовление костяных гребней и стеклянных бус (Vierk 1983:19).

Следует, однако, высказать следующие замечания. Во-первых, материалы указывают на то, что ювелирное дело сочеталось с изго-

товлением только мелкой кузнечной продукции - заклепок, гвоздей, ножей, наконечников стрел, крючков, оковок для ларцев и т.д. Не случайно, что многие инструменты из клада в одинаковой степени рассчитаны на обработку и цветного металла, и производство тонких кузнечно-слесарных работ. Во-вторых, еще одно - деревообрабатывающее - направление деятельности, документированное находками перовидных сверл и заготовками рукоятей, оказывается связанным с реализацией конкретной кузнечной продукции. Действительно, используемые для ремонта судов перовидные сверла следует рассматривать в контексте с изготавливаемыми в мастерской ладейными заклепками, рукояти - с ковавшимися в кузнице клинками ножей. Иначе говоря, характер специализации в целом оказывается достаточно высоким и образует целостный и законченный производственный цикл, ориентированный на доведение выпускаемой продукции до потребителя.

2. Новые данные подтверждают связь производственного комплекса с ремесленниками - выходцами из Скандинавии. Это не только вещевые находки (древнейшие в Восточной Европе ножи "скандинавского" типа; североевропейское кресало и др.), но и использование мастерами технологии, не известной у славянских и финно-угорских племен того времени.

Присутствие норманнов среди постоянных жителей Ладоги с начала ее основания, то есть с середины - второй половины VIII в., прослеживается и на других материалах. Как отмечает О.И. Давидан, "в числе первых северных поселенцев были не только мужчины, но и женщины, не только "находники" - воины и торговцы, но и ремесленники" (Давидан 1986:100-101). В частности, предполагается оседание здесь на длительное время мастеров-косторезов, принесших с собой традицию изготовления франко-фризских и западноскандинавских типов ранних гребенок.

Намечающийся по находкам круг аналогий в контексте с общепризнанной исторической ситуацией, сложившейся на Балтике в предвикингское время, позволяет признать возможным предположение Х.Фирка о готландском происхождении основателей производственного комплекса. Исследователями выделяется особая восточнобалтийская экономическая зона раннего средневековья, торговые и культурные связи внутри которой были достаточно стабильными. Она включала Среднюю Швецию, о-в Готланд, Аландские острова и побережье Финского залива с выходом на Ладожское озеро и речные системы Русской равнины (Херрман 1986:98-99). Благодаря своему благоприятному положению на морских коммуникациях именно Готланд являлся связующим звеном между Скандинавским полуостровом и

Северо-Восточной Европой. В свою очередь, Ладога изначально заняла сходное положение на восточной окраине складывающейся экономической общности. Показательно, что древнейшие клады восточного серебра балтийской зоны обнаружены именно в Ладоге (786 г.) и на Готланде (783 г.) (Фомин 1982:16-21).

3. Важнейшая роль в установлении этих связей принадлежала меховой торговле. Этот фактор стимулировал экономический интерес скандинавов к богатому пушниной восточноевропейскому Северу. Многие данные свидетельствуют о том, что производители продукции в раннем средневековье являлись одновременно и их торговцами, беря оплату за изделия натуральными продуктами. Как отмечает Л.С.Розанова при рассмотрении вопроса о возможном оседании скандинавских ремесленников в инородной - весской - среде, для них была характерна "работа на заказ, когда продукция не появляется на свободном рынке и, по-существу, ремесло было еще соединено с торговлей ремесленными изделиями. Разновидностью формы работы на заказ был отход ремесленника в другие местности". Продолжение древней традиции переселения мастеров в сельские местности и даже за рубеж отражено в средневековых документах, в частности в цеховых уставах и хартиях кузнецов Швеции XIII-XV вв. (Розанова 1991:180; см. также: Сванидзе 1980:215). Принимая данное положение, следует добавить, что ладожский комплекс обнаруживает несомненную связь с обслуживанием международной водной торговли и ремонтом судов.

4. Большую историческую значимость представляет вопрос об интеграции пришлых торговцев-ремесленников в местное общество. Х.Фирк, исходя из данных о части вскрытой в 1970-х гг. ранней производственной зоны в Ладоге и параллельных материалов северо-европейских поселений, рисует этот процесс как появление на новых местах странствующих мастеров, которые отыскивали пункты стоянки судов для изготовления продукции на короткое или более продолжительное время. По-видимому, отмечает этот исследователь, они работали под открытым небом в палатках (шатрах) или в легких строениях только в теплое время года. Сезонность пребывания ремесленников-торговцев в Ладоге ставит под сомнение возможность передачи их опыта и знаний местным мастерам (Vierk 1983:19 ff.).

Дополнительные исследования производственного участка позволяют с достаточной уверенностью говорить о стационарном характере раннего ладожского ремесла. Некоторые данные указывают на наличие долговременных жилых построек, связанных с кузнечно-ювелирными сооружениями. Наконец, металлографический анализ железных изделий прямо свидетельствует о включении северных

технологических новаций в кузнечное ремесло складывающейся Северной Руси.

В связи с этим следует отметить, что обслуживание обширного производственного комплекса при полифункциональности осуществлявшихся операций производилось, очевидно, не одним ремесленником - предполагаемым владельцемклада инструментов, а несколькими мастерами и подмастерьями (об этом также см.: Кирпичников 1985:19-20). Последнее, при учете наблюдаемой интеграции культурных и ремесленных традиций, позволяет предполагать органичное включение в производственную деятельность разных по этническому происхождению и, прежде всего, славянских групп первых ладожан. Это вполне согласуется с данными об еще одной отрасли ремесла - косторезном деле, где устанавливается сходный процесс усвоения мастерами Ладоги от пришлых северных косторезов технологических приемов и самих образцов ранних типов гребней (Давидан 1986:63).

5. Производственный характер зоны, связанный с "огненной" обработкой материалов, сохранялся и после прекращения в начале 770-х гг. функционирования кузнечно-ювелирных сооружений. К 780-830 гг. относится еще одна засвидетельствованная археологически отрасль ремесла древнейшей Ладоги - выплавка стекла и изготовление стеклянных бус (об этом см.: Rjabinin, Galibin 1994). Открыты остатки стеклодельной мастерской, обнаружены многочисленные находки, связанные с этим производством (стеклянные шлаки, непроваренные остатки шихты, деформированные и спекшиеся бусы). Количественный спектральный анализ позволил установить, что ладожскими стеклоделами применялась восточная технология, основанная на щелочном сырье - ввозившейся с Ближнего и Среднего Востока золе солончаковых растений. Производство ориентировалось на изготовление наиболее простых, серийных и дешевых разновидностей стеклянных изделий из тянутых трубочек (бисер, пронизки). Как и кузнечно-ювелирное ремесло, стеклоделие были тесно связано с торговлей. Само его возникновение определялось использованием стеклянных бус в качестве основного менового товара для получения пушнины у лесных племен и стимулировалось потребностями в арабском серебре, приобретаемом в обмен на северные меха. Показательно, что становление местного стеклоделия совпадает по времени с проникновением в Ладогу дирхемов и выпадением в восточной Балтике первых кладов восточных монет. Но это - особая тема, заслуживающая самостоятельной публикации.

Генинг, В. Ф. 1980. Опутятское городище - металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V - 1-я половина

- VI в. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье: 92-134, 197-217. Ижевск.
- Голубева, Л.А.* 1965. К истории пластинчатых кресал Восточной Европы // Новое в советской археологии: 257-260. Москва.
1973. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. Москва.
1984. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // Советская археология 4: 75-89.
1987. Вель // Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР: 52-64. Москва.
- Голубева, Л.А., С.И.Кочуркина.* 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск.
- Давидан, О.И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 17: 101-118.
1980. Бронзолитейное дело в Ладого // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 59-67.
1986. Этнокультурные контакты Старой Ладого VIII-X веков // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 27: 99-104.
- Давидан, О.И., А.Д.Мачинская, Д.А.Мачинский.* 1985. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII-X вв. (по данным летописей и археологии) // Проблемы этнической истории балтов: 8-9. Рига.
- Кирпичников, А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Раннесредневековая Ладога: 3-26. Ленинград.
- Колчин, Б.А.* 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР 32.
1985. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село: Археология СССР: 243-297. Москва.
- Кухаренко, Ю.В.* 1957. Раскопки на городище и селище Хотомель (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 68: 90-97.
- Лаушкин, К.Д.* 1960. Раскопки в Старой Ладого // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 81: 72-76.
- Леонтьев, А.В.* 1988. Городище Выжегша и происхождение Вежышевского клада) // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): 94-102.
- Львова, Э.А.* 1970. Стекланные бусы Старой Ладого // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 12: 89-111.

- Мачинский, Д.А.* 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской государственности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики: 3-29. Ленинград.
- Мачинский Д.А., А.Д.Мачинская.* 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Русский Север: 44-58. Ленинград.
- Медведев, А.Ф.* 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. // Свод археологических источников Е1-36.
- Мелетинский, Е.М.* 1987. Один // Мифы народов мира 2: 241-243. Москва.
- Минасян, Р.С.* 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 68-74.
- Младшая Эдда.* 1970. Младшая Эдда. Ленинград.
- Нукшинский могильник.* 1951. Нукшинский могильник // Материалы и исследования по археологии Латв. ССР 1. Рига.
- Розанова, Л.С.* 1991. Итоги металлографического исследования кузнечных изделий // Голубева Л.С., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.): 166-181. Петрозаводск.
- Рындина, Н.В.* 1963. Технология производства новгородских ювелиров X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР 117: 200-268.
- Рябинин, Е.А.* 1976. Новые находки на Земляном городище Старой Ладоги и их североευропейские аналогии // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов I: 123-125. Москва-Ленинград.
1980. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // Скандинавский сборник XXV: 161-167. Таллин.
1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога: 37-75. Ленинград.
1986. Раннесредневековая Ладога: некоторые итоги исследований // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов I: 162-164. Москва-Ленинград.
1987. Металлообработка и стеклоделие в Ладоге VIII - начала IX вв. // Культура и история средневековой Руси. Тезисы кон-

- ференции, посвященной 85-летию А.В.Арциховского: 40-42. Москва.
- Рябинин Е.А., Н.Б.Черных.* 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология 1: 72-100.
- Сага об Эгиле.* 1956. // Исландские саги: 61-252. Москва.
- Сванидзе, А.А.* 1980. Средневековый город и рынок в Швеции. Москва.
- Седов, В.В.* 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР 163.
1974. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников Е1-8.
- Сергина, Т.В.* Раскопки в Окольном городе в 1978-1979 гг. // Археологическое изучение Пскова: 81-104. Москва.
- Спицын, А.А.* 1905. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии 15: 84-172. Санкт-Петербург.
- Фомин, А.В.* 1982. Начало распространение куфических монет в районах Балтики // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 171: 16-21. Москва.
- Херрман, Й.* 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: 8-128. Москва.
- Черных, Н.Б.* 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам Земляного городища) // Средневековая Ладога: 76-80. Ленинград.
- Шмидт, Е.А.* 1970. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской обл. 7: 219-235. Смоленск.
- Arbman, H.* 1940. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm.
1943. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm.
1962. Vikingarna. Stockholm.
- Arwidsson G., G.Berg.* 1983. The Mästermyr find. A Viking Age tool chest from Gotland. Stockholm.
- Bruce-Mitford, R.* 1978. The Sutton Hoo Ship-Burial. Vol.2. Cambridge.
- Callmer, J.* 1984. Vendel and Viking Period finds from Gardby and Late Iron Age settlement Development on Öland // Meddelanden från Lunds universitets Historiska museum 1982-1984: New Series. Vol.5: 72-84. Lund.
- Foltz, E.* 1979. Einige Beobachtungen zu antiken Gold - und Silberschmiedetechniken // Archäologisches Korrespondenzblatt 9: 213-222.
- Foote P.G., D.M.Vilson.* 1970. The Viking Achievement. New York - Washington.
- From Viking to Crusader* 1992. From Viking to Crusader: Scandinavia and Europe 800-1200. Stockholm.
- Grieg.* 1947. Gjermundbufunnet // Norske oldfunn VIII. Oslo.

- Hauck*, 1957. Denkmäler der vorchristlichen Adelskultur // Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte XVI: 360-370. Stuttgart.
- Jensen*, S. 1986. En lille viking rejste // Skalk N 2: 5.
- Kirpitschnikow A.N., E.A.Rjabinin, V.P. Petrenko*. 1987. Das frühmittelalterliche Ladoga im Lichte der neusten Forschungen // Das Altertum. Bd.33. Heft.1: 54-61. Berlin.
- Lamm, J.P.* 1973. Fornfynd och fornlämningar pa Lovö. Stockholm.
- Lundqvist, S.* 1942. Gotlands Bildsteine I. Stockholm.
- Martens, I.* 1988. Jernvinna på Møsstrand i Telemark: En studie i teknikk, bosetning og økonomi. Oslo.
- Meinander, C.F.* 1985. Odin i Staraja Ladoga // Finsk Museum N 92: 65-69. Helsinki.
- Muller-Wille, M.* 1977. Der frühmittelalterliche Schmied im Spiegel scandinavischer Grabfunde // Frühmittelalterliche Studien. Bd.11: 127-201. Berlin - New York.
- Oldeberg, A.* Metallteknik under vikingatid och medeltid. Stockholm.
- Petersen, J.* 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Pleiner, R.* 1962. Staré evropské kovářctví. Praha.
- Ringquist, P.-O.* 1969. Två vikingatida uppländiska människofigurer i brons // Fornvänen: 287-296. Köpenhamn.
- Rjabinin E, V.Galibin*. 1994. New data about the early bead making in Ladoga (8-10th centuries) // Nordic glass bead seminar 1992. Lejre, Danemark.
- Schmiedehelm M., S.Laul.* 1970. Asustusest ja etnilisest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora: 154-165. Tallin.
- Stenberger, M.* 1977. Vorgeschichte Schwedens. Berlin.
- Stolpe A., T.J. Arne.* 1927. La Necropole De Vendel. Stockholm.
- Thålin-Bergman, L.* 1983. Der wikingerzeitliche Werkzeugkasten vom Mästermyr auf Gotland // das Handwerk in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Teil 11: 193-225. Göttingen.
- Urtāns, V.* 1977. Sānākie depoziṭu Latvijā (līdz 1200.g.). Riga.
- Vierk, H.* 1983. Ein Schmiedeplatz aus Alt-Ladoga und der präurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit: Zur frühmittelalterlichen Betriebseinheit von Produktion und Absatz im Metallhandwerk // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. Bd.II:2: 3-64. Münster.
- Werner, G.* 1981. Goldsmiths', silversmiths' and carpenters' tools // Excavations at Helgö VII: Glass-Iron-Clay: 39-62. Stockholm.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА РАННЕГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ (ТИГЛИ)

В решении общей проблемы становления города явственно вычленилось одно из неперенных конкретных направлений - изучение как можно в более полном объеме ремесленных комплексов предгородских образований.

Наряду со шлаками и другими производственными отходами в бронзолитейных мастерских наиболее массовый материал составляют фрагменты, а нередко и целые экземпляры тиглей, предназначенных для плавки цветных металлов. Приемы расплавки металлического сырья являются важным моментом в ювелирной технологии и находят хотя и опосредованное, но достаточно адекватное отражение в конструкции тиглей. Выработка устойчивых форм тиглей происходила не только в соответствии с теми или иными потребностями ремесленной технологии, играли не последнюю роль и различные приемы формовки глиняных сосудиков. Так в результате взаимодействия этих двух определяющих факторов к концу I тыс. н.э. на территории Восточной Европы получили самое широкое распространение два типа тиглей: стаканообразный с круглым или конусообразным дном с открытым достаточно широко устьем и закрытый с ручкой ("криновидный", закрытая льячка с "гребешком", "типа Новотроицкого" - в литературе не выработан термин для определения данного типа тиглей). Предметом нашей статьи мы избрали первый тип тигля, поскольку при изучении ювелирного ремесла северных регионов Восточной Европы времени сложения раннегородской культуры (конец I - начало II тыс. н.э.) археологам приходится сталкиваться в основном именно с открытой формой.

По оформлению стенок, дна, устья и сочетанию их модификаций тигли раннегородских центров Северной Руси можно разделить на несколько подтипов и вариантов. По оформлению дна они делятся на подтипы: округлодонные, остродонные и плоскодонные. Устье

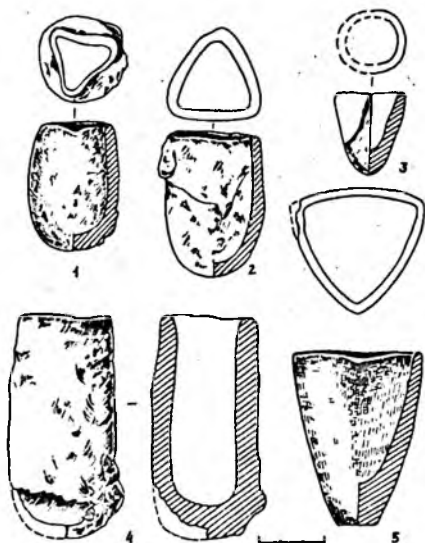

Рис. 1 Типологическая таблица тиглей.

1,2 - вариант Б; 3 - вариант Г; 4 - Вариант А; 5 - вариант В. 1 - Камно; 2 - Изборск; 3,5 - Старая Ладога; 4 - Городок на Ловати.

устьем (рис.1:3). Не исключено, что наша типологическая таблица не полна, так как число целых экземпляров и крупных фрагментов, по которым сделаны типологические заключения для последнего варианта, было ограничено. Вполне вероятно, что остродонные конические тигли могут быть и с треугольным устьем (например, на рис.3:9 представлен экземпляр с нечетко выраженной формой - переходной от остродонной к круглодонной).

Наиболее многочисленный материал, который был положен в основу типологического членения представлен в коллекциях Старой Ладоги (раскопки В.И.Равдоникаса - 26 экз., Рябина Е.А. - 11 фрагментов), Городка на Ловати (раскопки автора - 43 целых экземпляра и свыше 500 фрагментов), Гнездова (раскопки И.И.Ляпушкина - 1 целый, 25 фрагментов), Рюрикова городища (раскопки Е.Н.Носова - 54 фрагмента). Привлекались также целые экземпляры тиглей из раскопок С.А.Таракановой (Камно, Псков), В.В.Седова (Изборск) и другой более или менее качественно опубликованный в археологической литературе материал.

этих подтипов имеет два варианта: округлую и треугольную в плане форму. Сочетание форм дна и устья дают нам устойчивые варианты, которым для удобства дальнейшего изложения мы дадим буквенные обозначения. А - округлодонный, цилиндрический, довольно вытянутых пропорций стакан с округлым в плане устьем (рис.1:4). Б - округлый стакан с треугольным в плане устьем (рис.1:1,2). В - плоскодонные усеченно-конические стаканы с округлым в плане устьем (рис.1:5). Г - конические остродонные стаканы с открытым в плане

При анализе тиглей из выше перечисленных памятников обращает на себя внимание одна особенность. В ремесленных комплексах Гнездова и Городка на Ловати присутствует единственный вариант тиглей - круглодонные цилиндрические стаканы с округлым устьем (А).

Они сформованы из глины, содержащей большой процент растительной и какой-то другой органической примеси. Тигли всегда ошлакованы и пережжены, форма многих деформирована в процессе использования (Ляпушкин 1967: рис.16; Горюнова 1974: 79, рис.25: 14, 18, 19). На поверхности часто можно наблюдать отпечатки губ щипцов. Состав глиняной массы явно не способствовал повышению тугоплавкости тиглей (рис.2; рис.6:9).

Тигли только такой формы известны также в слоях X в. древнего Муром (рис.4:8) (Воронин 1947: 138, рис.42), Новгородка (рис.4:10) (Гуревич 1981: 32, рис.20:10), Лукомля (Штыхов 1978: 49) и других памятников Белоруссии (Заяц 1994: 137, рис.2:8).

Совершенно иную картину представляют нам материалы Старой Ладogi (рис.3). Глина, из которой делались тигли этого памятника, более огнеупорна, чем та, из которой сделаны тигли Гнездова и Городка на Ловати. В ней, в отличие от последних, присутствует примесь мелкой кварцевой дресвы. В бронзолитейных комплексах Староладожского городища цилиндрические круглодонные тигли (вариант А), отодвинуты на второй план, над ними преобладают формы конических тиглей с округлым устьем (вариант Г) и конических тиглей с уплощенным дном и треугольным в плане устьем (вариант В). Особенно ясное и полное представление о форме варианта В дает целый тигель, опубликованный в сборнике "Старая Ладога" 1948 года и такой же, не бывший в употреблении белогли-

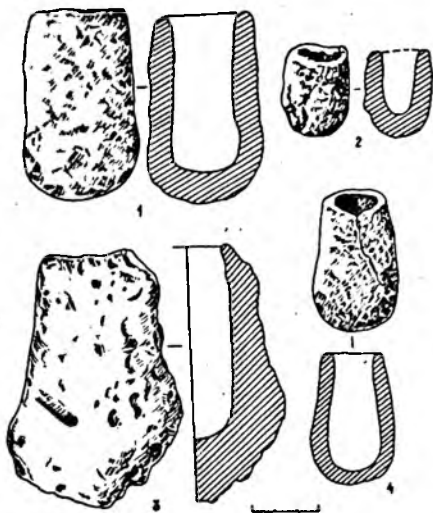

Рис. 2 Тигли Городка на Ловати X-начала XI вв.

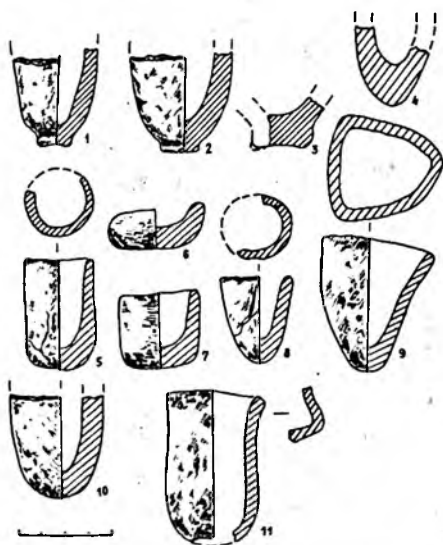

Рис. 3 Тигли Старой Ладоги VIII-начала X вв.

Все тигли определяет как круглодонные. Последнее не совсем верно, так как ошлакованная стекловидная масса, стекая вниз, часто закрывала узкое и плоское дно усеченно-конических тиглей и придавала ему округлость, но при этом все равно оставался угловатый переход ото дна к стенкам (рис.3:1-3).

Сочетание форм А и Б характерно для комплексов конца I тыс. н.э. Пскова и городища Камно (рис.1:1; 4:3,9) (Тараканова 1953: 206; Плоткин 1980: рис.78:1; 123:1). На Рюриковом городище целые тигли не известны, но судя по фрагментам были в ходу как остродонные, так и круглодонные, как с округлым устьем, так и с треугольным (фонды Новгородского исторического музея). В ранних слоях Изборского городища, пласт 7, встречен целый экземпляр тигля формы Б (рис.1:2) и отдельные фрагменты сливов (Седов 1985: 124, рис.1:19. См. также фонды Изборского краеведческого музея N 478).

Чем объяснить полное отсутствие форм Б, В и Г в ремесленных комплексах Гнездова, Городка на Ловати, в то время как памятники территориально и хронологически в общем-то близкие им дают обратную картину? Тигли варианта А имели широкое распространение на памятниках всего северо-западного региона Восточной Евро-

пьяный тигель, который хранится в коллекции Государственного Эрмитажа (ОПИК N 86-1927-7 - случайная находка) (см. рис.1:5). Некоторые фрагменты позволяют реконструировать округлодонную цилиндрическую форму с треугольно-оформленным сливом (вариант Б) (рис.3:11). О.И. Давидан подразделяет все старолadoжские тигли на конусовидные и цилиндрические, не придавая значения сочетанию профиля стенок и оформления устья (Давидан 1980: 63). Кроме того, автор

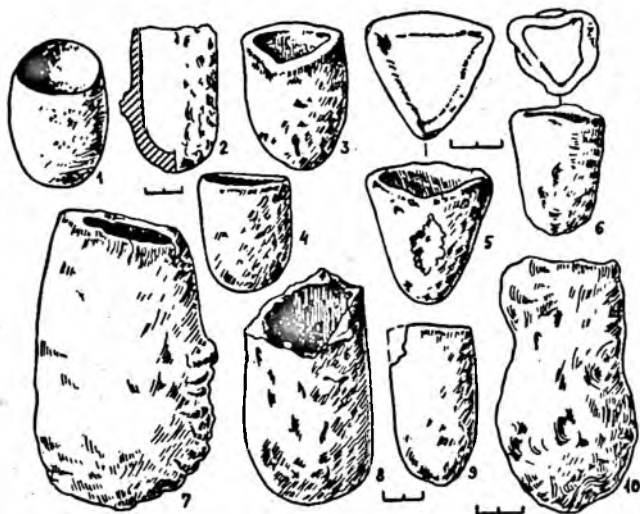

Рис. 4 Аналогии IX-X вв.

- 1 - Скирингсаль; 2 - Херсонес; 3 - Камно; 4 - Саркел;
 5,6 - Микульчице; 7 - Хедебю; 8 - Муром; 9 - Псков;
 10 - Новогрудок. 1,3,4,7,8 - без масштаба.

пы, включая Прибалтику. Вариант А составляет подавляющую массу тигельного материала в Эстонии на городищах Унипиха (Аун 1992: 55, табл. XVIII:5), Рыуге (Шмидехельм 1959: 179, табл.V:4), на поселениях Латвии: Кентескалнс, Асоте, Кивты (Daiga un Grosvalds 1964: 7-22, рис.3:11,24,25; рис.4:1-4,9,12. *Latvijas...* 1974: Т.73:1), Олинкаянс, Локстене (Mugurēvičs 1977. Т.XIII: 5,10,11; XXVI: 5,9-11). Распространение округлодонных тиглей без сливов не ограничивается рамками северных регионов Восточной Европы. Это также типичная форма для Дании и Скандинавии IX-X вв. (Graham-Campbell 1980 N 423; Blindheim 1969: 5-40, f.18, fig.8-9; Линдеберг 1980) (рис.4:1,7), есть они в слоях средневекового Херсонеса (Якобсон 1959: 330, 331, рис.181:1-3)(рис.4:2) и Белой Вежи (Артамонов 1958: рис.47) (рис.4:4). На перечисленных выше памятниках наблюдаются следующая закономерность: там, где есть слои более ранние, чем X в., например: Кентескалнс Дигная (Stubavs 1976: tabl.26:22; Daiga un Grosvalds 1964: 7-22, рис.3:26,27,28,30), Псков, Камно, Рюриково городище, как правило, вариант А всегда сопровождается вариантами Б,В или Г. В Белой Веже X в. тигель формы А сопровождается

криновидным тиглем. Последние, начиная с IX в. (Новотроицкое городище, Ляпушкин 1958: табл. XC), а с X в. массово, распространяются по всем памятникам южной России (Стоксова 1954: 3-15). В Чехословакии закрытые криновидные тигли с рубежа IX-X вв. заменяют открытые тигли варианта Б (рис.4:5,6). Эту верхнюю границу существования тиглей формы Б Зденек Кланица установил на материалах Микульчиц (Klanica 1974: 41-42, 55).

Комплексы Старой Ладого дают близкую картину: сосуществование типов А, Б и В фиксируется в начале X в. (постройки 2 и 3 в слое Д). Довольно значительное число фрагментов остродонных конических тиглей (Г) обнаружено непосредственно под комплексом 2 горизонта Д и ниже. В Латвии в первой четверти II тыс. н.э. разнообразие форм тиглей, характерное для I тыс. н.э., также исчезает, все они сводятся к одному типу - цилиндрическому округлодонному стакану. (Daiga un Grosvalds 1964: 22). На первый взгляд, процесс утраты всех бытовавших ранее форм тиглей, кроме формы А, после первой четверти X в. становится общим и кажется, что на протяжении всего X в. это положение сохраняется. Если данное утверждение верно, то для Гнездова и Городка на Ловати мы должны констатировать обеднение набора тигельных форм в качестве хронологического признака.

Но не все так однозначно. В данном случае, вероятно, не последнюю роль сыграли и другие причины. Все четыре варианта открытого тигля, распространившегося в предгородских и раннегородских центрах Северной Руси в последней четверти I тысячелетия, продолжают древнейшие технологические традиции ювелирно-литейного производства лесостепной и лесной зоны Восточной Европы. Формы Б, В и Г связаны, прежде всего, с появлением и распространением здесь влияния зарубинецкой культуры. Для таких классических памятников как Пилипенкова гора, Чаплинское городище характерны тигли формы В и Г (рис.5:2-4,6,7) (Максимов 1971: 51, рис.8:16; Поболь 1971: 37,43, рис. 21:1,3; 26:24; Третьяков 1959: 139, рис.12:22-24). На поселениях почепской культуры и других так называемых "позднезарубинецких" памятниках первых веков н.э. продолжают встречаться формы В, Г, появляется округлодонный стакан с треугольным устьем формы Б (рис.5:1,5,8) (Заверняев 1969: 103, рис.11:13,15; Максимов 1969: 44, рис.5:18; Материалы поселения Картамышево II из раскопок Е.А.Горюнова 1980 г.; Максимов 1982: 52, табл.ХI:25). Ареал тиглей варианта Б, В и Г в первой половине I тысячелетия н.э. был достаточно широк и связан со Средним и Левобережным Поднепровьем в его лесостепной и южной части лесной зоны.

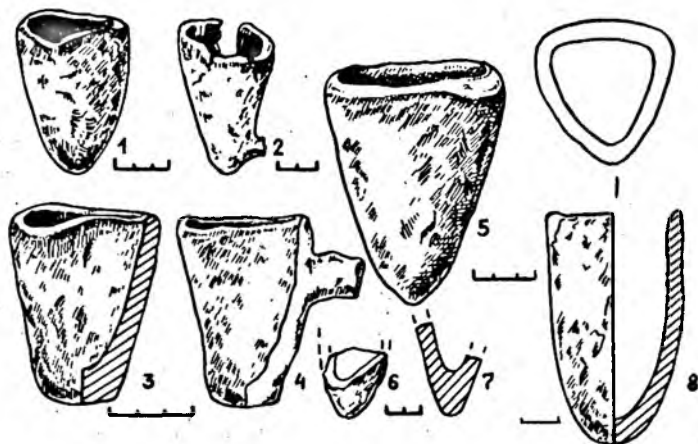

Рис. 5 Тигли зарубинецких и "постзарубинецких" памятников
 1 - Таценки; 2 - Пилипенкова гора; 3,4,6,7 - Чаплин; 5 -

Территория распространения цилиндрического округлодонного тигля без слива в это же время была ограничена Северной Белоруссией - Прудники, Малышки, Лабенщина (рис.6:2,4,6,12) (Шадыро 1985: 35, рис.18:14; Митрофанов 1978: 73,76, рис.22:18; 25:1,3); северной Смоленщиной - Новые Батеки, Акатово (рис.6:5,8) (Шмидт 1992: табл.39:14,15), верховьями Ловати и бассейна Западной Двины - Михайловское (рис.6:10) (Станкевич 1960: 206; табл. XXIV: 10). Единичные экземпляры и отдельные фрагменты тиглей формы А встречаются уже в материалах заключительных этапов юхновской и верхнеокской культур (рис.6:11) (Левенок 1957: 50, рис.1:24; Изюмова 1967: 129, рис.4:5). К сожалению, в материалах первых веков I тыс. н.э. тигли представлены единичными экземплярами, а на лакуну от II-IV вв. до VIII-IX вв. приходится лишь тигли Узмени (Минасян 1979: 172, рис.2:19,20), селища Городища Северной Белоруссии (Митрофанов 1978: 143, рис.51:2) и фрагменты тигля Жабинского поселения VI-VII вв. (Станкевич 1960: 117, рис.75). См. также рис.6:1,3,7.

Таким образом, в итоге наших рассуждений по поводу столь существенной разницы в наборе форм Гнездово и Городка на Ловати

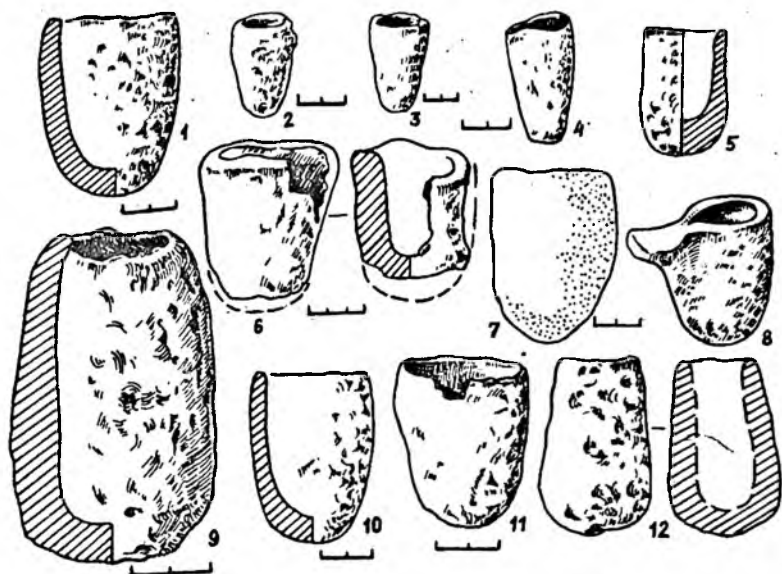

Рис.6 Тигли лесной зоны Восточной Европы I тыс. н. э.
 1 - Жабино; 2,4 - Малышки; 3 - селище Городище; 5 - Новые Батеки;
 6 - Лабенщина; 7 - Узмень; 8 - Акатово; 9 - Гнездово; 10 - Михайловское;
 11 - Сатинское; 12 - Прудники;
 5,8 - без масштаба.

с одной стороны и Старой Ладogi, Рюрикова городища, Пскова и его округи с другой стороны, нам следует заключить, что здесь сказываются причины не только хронологического порядка, но, по-видимому, форма А, присущая Гнездову и Городку на Ловати, является отражением сугубо автохтонных явлений процесса формирования ювелирно-ремесленного комплекса культуры смоленско-полоцкой группы длинных курганов.

В дальнейшем, в XI-XIII вв. открытый тигель варианта А продолжали использовать только мастера северной Белоруссии: Витебска (Алексеев 1966: 165, рис.39: 6,12), Минска (Тарасенко 1957: 220, рис.16), что лишний раз подчеркивает предельную устойчивость глубоких традиций в данном регионе Восточной Европы. Сохранились округлодонные без слива цилиндрические тигли также на территории Прибалтики (Daiga un Grosvalds 1964: 7-12, рис.4).

А в заключении я хотела бы остановиться на двух формах открытого тигля, получивших распространение в северно-русских

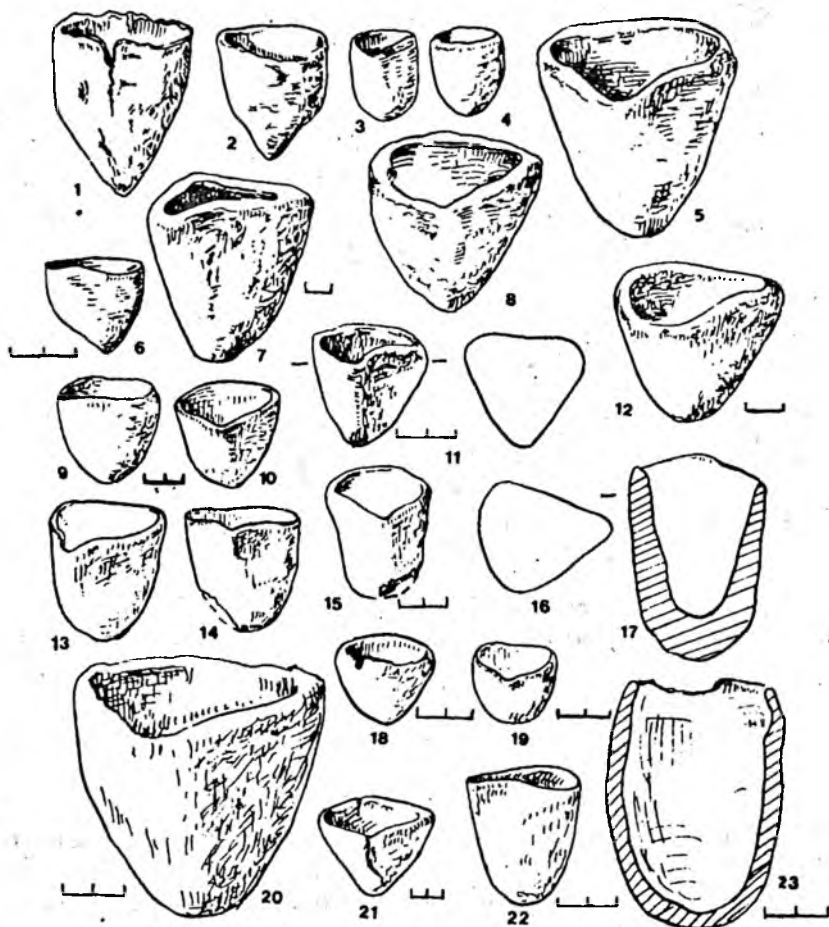

Рис. 7 Тигли XI-XIII вв.

северных русских городов и финских поселений IX-X вв. 1 - Сарское городище; 2-5,8 - Крутик; 7 - Белоозеро; 6,11 - Новогрудок; 9,10 - Полоцк; 12 - Торопец; 13,14,19 - Друцк; 15 - Браслав; 16-17 - Крутик; 18,20,22 - Новгород; 21 - Щербетское поселение; 23 - Минск.

1-5,8,16-17 - без масштаба.

городах XII-XIII вв. Эти формы ярко свидетельствуют, что именно в XI в. прекращается длительный процесс сохранения древних традиционных технологических навыков в ювелирном деле и наступает порог широких инновационных процессов.

В XII-XIII вв. в городах Северной Руси получают большое распространение конические широкооткрытые тигли с треугольным в плане устьем (рис.7:6,7,9-12,20). Опубликованы типичные экземпляры из Белоозера (Голубева 1951: 39, рис.5:5), Новогрудка (Гуревич 1981, рис.21:1), Новгорода (Рындина 1963: 213, рис.7:1), Полоцка (Очерки... 1972, II, рис.60). Данную форму нельзя объединять в одну группу с тиглями варианта Б I тысячелетия н.э. (сравни рис.1:1,2 и рис.7:7,9-12,20). Тигли варианта Б всегда имеют высоту намного превосходящую диаметр устья, тогда как у тиглей XII-XIII вв. размеры устья либо равны, либо несколько больше высоты. Истоки развития данных тиглей, по-моему, следует искать в материале финно-угорского региона (см. рис.7:1,2,8,5,21). Особенно выразителен в этом плане материал поселения Крутик конца IX-третьей четверти X вв. из Белоозерья (Голубева 1991: 162, рис.3:4,5,10) и неопубликованные материалы поселения X в. Унорож Костромской области (раскопки Е.А.Рябининой 1988, 1989, 1991 гг. Фонды Санкт-Петербургского музея Истории города). Такие же широкооткрытые конусовидные тигли известны в старых материалах Сарского городища (Собрание 1871, табл. XXVI:1; Эдинг 1928: 53, табл. VI:1). Они здесь появляются, казалось бы, неожиданно, и некоторые авторы склонны связывать их происхождение со Старой Ладогой, усматривая полное сходство с ее формами, имеющими к тому же более раннюю дату (Голубева 1984:86; 1991: 157-158). Но, как уже говорилось, пропорции тиглей Крутика совершенно не соответствуют старолadoжским VIII-начала X вв. Кроме того, есть свидетельства существования подобных тиглей в нижнем Прикамье и в более раннее время (рис.7:21): на селище у с.Щербеть в слое IV-VII вв. обнаружено 12 конусовидных тиглей точно таких же пропорций, как и подавляющая часть тиглей Крутика, Унорожа и Сарского городища (Сидоров, Старостин 1970: 233-237, рис.2:8).

Появление в северных русских городах широкооткрытых конусовидных тиглей хорошо увязывается с ходом новгородской колонизации и притоком в Новгород финно-угорского населения, с широким применением с XII в. новгородскими мастерами оловянистых и свинцово-оловянистых сплавов. Последнее было вызвано, по-видимому, не просто прогрессом технологии, стимулированной рыночным сбытом, но и притоком нового поколения ювелиров, имевших очень

давнюю традицию применения оловянистых бронз и свинцово-оловянистых сплавов.

Кроме широкораскрытых конических тиглей на Крутике есть круглодонные формы, которые на первый взгляд стоят очень близко с старолadoжскими формами тиглей варианта Б, а также тиглям из Камно, Изборска (рис.7:3,4,16-17). Пропорции их почти совпадают, но форму устья они имеют все же разную. Тигли Крутика имеют не треугольную в плане форму, а овально-заостренную или овально-комлевидную. Овал устья у них нарушен резко-пряматым сливом. (Сравни рис.1:1,2; 2:9 и рис.7:16,17). Подобные тигли получают очень широкое распространение в слоях XII-XIII вв. многих древнерусских городов: Галича (Пастернак 1944: 195, рис.81:6; Аулих 1983: 239), Друцка (рис.7:13,14)(Алексеев 1966: 127, рис.22:3,5), Новгорода (рис.7:22) (Рындина 1963: 213, рис.7:2), Браслава (рис.7:15) (Алексеев 1966: 127, рис.22:9). На юге они встречаются в несколько более раннее время: в X в. - в Старом Листе, Чехословакия (Z.Klanica 1974, tab.VII). В Гданьске, Польша (Hołowinska 1959: 63,64) тигли с резкопрямым сливом присутствуют в слоях конца XI в. Наиболее раннюю и единственную в своем роде аналогию я знаю из Согда VI-VIII вв., где круглодонные тигли с резко прямым сливом изготавливались, как, впрочем, в Галиче, из высококачественной огнеупорной глины (Распопова 1980: 47, рис.32). Не исключено, что первоначальный импульс исходил из Средней Азии как в северном, вверх по Волге, так и в западном направлении, но отрывочность материала и лакуна в два столетия не позволяют с достаточной степенью достоверности увязать происхождение круглодонного тигля с резко прямым сливом с пенджикентскими материалами.

Рамки статьи не позволяют уделить должное внимание всему разнообразию тигельного материала Северной Руси. Я не анализировала архаичные, существующие еще с эпохи раннего железа формы (см. рис.3:6,7), которые в конце I-начале II тысячелетия н.э. встречаются лишь спорадически, но составляют вполне определенный ареал. Интересно было бы сравнить изменения в наборе тиглей Руси и Прибалтики, которые в I-начале II тысячелетия н.э. в этих регионах протекали по-разному, и сопоставить, наконец, результаты "тигельных" штудий с результатами спектроаналитических исследований, что несомненно даст определенный эффект.

Алексеев, Л.В. 1966. Полоцкая земля. М.

Арсланова, Ф.Х., Чариков А.П. 1977. Раскопки у с.Избрижье // Археологические открытия за 1976 г.:42. М.,

- Артамонов, М.И.* 1958. Саркел-Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР 68. М.-Л.
- Аулих, В.В.* 1983. Раскопки древнерусского Галича XII-XIII вв. // Археологические открытия за 1981 г.:239-240. М.
- Аун, М.А.* 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.
- Воронин, Н.Н.* 1947. Муромская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, XXI:136-139.
- Голубева, Л.А.* 1951. Древнее Белоозеро // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР XLI: 37-40.
1984. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // Советская Археология 4:75-99.
1991. Литейное дело на поселении Крутик в Белоозере // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси.:148-164. М.
- Горюнова, В.М.* 1974. Новое в исследовании Городка на Ловати // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 139:74-80.
- Гуревич, Ф.Д.* 1981. Древний Новогрудок. Л.
- Давидан, О.И.* 1980. Бронзолитейное дело в Старой Ладогe // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 21:59-67.
- Заверняев, Ф.М.* 1969. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуры. Материалы и исследования по археологии СССР 160:88-118. М.,
- Заяц, Ю.А.* 1994. Паселішча X-XIIIст.ст. каля в. Дружба (Рылаушчына) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
- Изюмова, С.А.* 1967. О бронзолитейном производстве Советска Археологитинского городища // Советская Археология 1 :122-139.
- Левенок, В.П.* 1957. Городища юхновской культуры // Краткие сообщения Института археологии АН УССР 7:49-53 Киив.
- Линдеберг, Ф.* 1980. Ремесло и мастерские в 500-800 гг. н.э. // Доклад на конференции "Скандинавия и Восточная Европа", Ленинград, 7 февраля 1980 г.
- Ляпушкин, И.И.* 1958. Городище Новотроицкое // Материалы и исследования по археологии СССР 74. М.-Л.
1967. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИИМК РАН, оп.36, Оп.1, 16 Л., Д.17.
- Максимов, Е.В.* 1969. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии СССР 160:39-50. М.,

1971. Зарубинецкое городище Пилипенкова гора // Археология 4:41-56. Київ..
1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Минасян, Р.С.* 1979. Поселение и могильник на берегу озера Узмень // Труды Государственного Эрмитажа. XX:167-185.
- Митрофанов, А.Г.* 1978. Железный век средней Белоруссии. Минск.
- Очерки...* 1972. Очерки по археологии Белоруссии II. Минск.
- Пастернак, Я.* 1944. Старый Галич. Краків-Львів.
- Плоткин, К.М.* 1980. Псков и его округа во второй половине I тыс. н.э. // Канд. дисс. Л. Альбом.
- Поболь, Л.* 1971. Славянские древности Белоруссии II. Минск.
- Распопова, В.И.* 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Рындина, Н.В.* 1963. Технология производства новгородских ювелиров // Новые методы в археологии. Материалы и исследования по археологии СССР 117:200-268. М.,
- Седов В.В.* 1985. Изборск в 8-10 веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий:119-130. Таллин.
- Сидоров В.П., Старостин П.Н.* 1970. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская Археология 4:213-237.
- Собрание.* 1871. Собрание карт, планов и рисунков к Трудам 1-го Археологического съезда. М.
- Станкевич, Я.В.* 1960. Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР 76. М.-Л.
- Стоскова, Н.Н.* 1954. Древнерусское литейное дело (домонгольский период) // Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М.
- Тараканова, С.А.* 1953. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь:187-216. М.,
- Тарасенко, В.Р.* 1957. Древний Минск: Материалы по археологии БССР I:182-257. Минск.
- Третьяков, П.Н.* 1959. Чаплинское городище // Памятники зарубинецкой культуры. Материалы и исследования по археологии СССР 70:119-153.
- Успенская, А.В.* 1971. Остатки ювелирного производства на городище Подмоклово // История и культура Восточной Европы по археологическим данным:156-161. М.,
- Шадыро, В.И.* 1985. Ранний железный век Белоруссии. Минск.
- Шмидехельм, М.Х.* 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии (VI-XI вв.) // Труды Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции I:154-185. М.,

- Шмидт, Е.А.* 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.
- Штыхов, Г.В.* 1978. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск
- Эдинг, Д.* 1928. Советска Археологирское городище. Ростов Ярославский.
- Якобсон, А.Л.* 1959. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР 63. Л.
- Blindheim, G.* 1960. The market place at Skirigssal // Acta Archaeologica. XXI. P.83-100.
- Holowinska, Z.* 1959. Wczesnosredniowieczne rzemiosło złotnicze w Gdansk. Gdansk.
- Daiga, J. Un Grosvalds, J.* 1964. Senākie tigel. Latvigā // Arheologija un etnografija VI. Riga. P.7-22.
- Graham-Campbell J.* 1980. Viking Atreifacts. A Select Catalogue. London.
- Klanica, Z.* 1974. Prace Klenotniku na slovanskyh hradistich. Praha.
- Latvijas...* 1974. Latvijas PSR archeologija. Riga.
- Mugurevucs, E.* 1977. Olinkalna un Loksteries pilsnovadi. Riga.
- Stubavs, A.* 1976. Kentes pilkalns un armetne. Riga.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

История археологического изучения юго-восточного Приладожья насчитывает уже почти 300 лет практически самый длительный период в истории Российской археологии. В этом обширном регионе исследователи традиционно выделяли две части (Спицын 1895:153). На западе расположены археологические памятники Нижнего Поволховья, среди которых уникальное Староладожское Земляное городище и другие поселения, а также грандиозные погребальные сооружения сопки (рис.1). Восточную часть региона, отделенную от Нижнего Поволховья болотистым междуречьем Сяси и Волхова, составляют бассейны рек, впадающих с востока и юго-востока в Ладожское озеро. Археологические памятники здесь, в отличие от Ладожской округи, в подавляющем большинстве представлены погребальными древностями. Географическая и хронологическая близость древностей восточной и западной частей региона несомненно свидетельствует о взаимовлиянии. Вместе с тем, различия в характере археологических памятников Нижнего Поволховья и юго-восточного Приладожья не позволяют говорить об идентичности представленной культуры.

Конечно, сравнивать эти территории весьма трудно: некрополь средневековой Ладogi сохранился крайне фрагментарно, а поселения юго-восточного Приладожья не только не подвергались раскопкам, но и практически неизвестны. Исследованные же погребальные памятники свидетельствуют в первую очередь о том, что для региона Нижнего Поволховья характерны, в первую очередь, сопки, в то время как в юго-восточном Приладожье подавляющее большинство погребений представлены захоронениями в средневековых курганах. Однако, в целом ряде работ упоминается о существовании высоких сопковидных погребальных сооружений в юго-восточном Приладожье, а именно в бассейне р.Сясь. Например, в труде В.В.Седова "Новгородские сопки" вышедшем в серии "Свод археологических

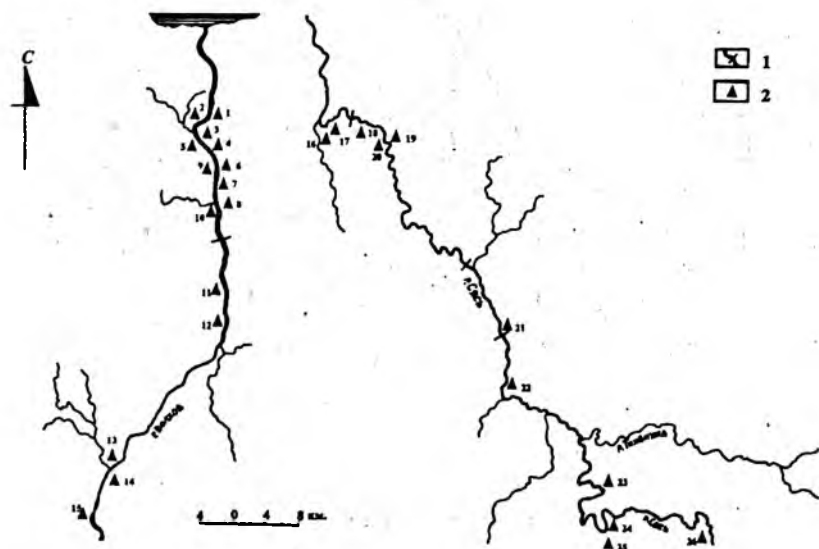

Рис. 1 Погребальные памятники Нижнего Поволжья (по В.П.Петренко) и бассейна р.Сясь.

Условные обозначения: 1 – пороги, 2 – могильники.

- 1 – могильники у д.Горчаковщина, 2 – могильники в ур.Сопки, 3 – могильники в ур.Плакун, 4 – могильник у д.Лопино, 5 – могильники в ур.Победище, 6 – могильник у д.Симанково, 7 – могильники у д.Новые Дубовики, 8 – могильник у д.Старые Дубовики, 9 – могильник у д.Званка, 10 – могильник у д.Михаила-Архангела, 11 – могильник у д.Горка, 12 – могильник-могильник у д.Вындин Остров, 13 – могильник у д.Подсопье, 14 – могильник у д.Городище, 15 – могильник у д.Осничек, 16 – могильник Великое Село I (1 насыпь), 17 – могильник Великое Село II (2 насыпи), 18 – могильник у д.Морозово (1 насыпь), 19 – могильник Кулаково I (1 насыпь), 20 – могильник Кулаково II (1 насыпь), 21 – могильники у д.Городище (49 насыпей в 3-х могильниках), 22 – могильник Валя (18 насыпей), 23 – могильник у д.Кулатино (1 насыпь), 24 – могильники Липная Горка I-II (11 насыпей в 2-х могильниках), 25 – могильник Липная Горка VI (2 насыпи), 26 – могильник у д.Новоандреево (6 насыпей).

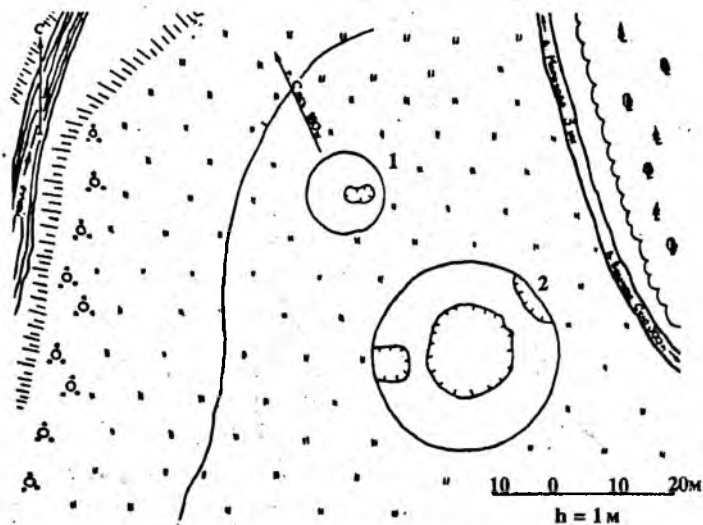

Рис. 2. Могильник Великое Село II. План.

источников" в 1970 г. и до сих пор остающимся основным, упоминаются четыре могильника, содержащих сопковидные насыпи, но один из них сопка в черте г.Тихвина к моменту выхода книги уже был уничтожен, а остальные не давали материала для сравнения с другими памятниками. В силу этого автор рассматривал эти могильники исключительно как часть сопочных памятников Нижнего Поволжья и полностью переносил на них выводы, основанные на материалах раскопок в районе Старой Ладogi (Седов 1970:43-46).

С момента написания работы В.В.Седова прошло уже более двух десятков лет и в настоящий момент нам известно несколько больше о погребальных памятниках этого региона. Кроме упоминаемых в книге В.В.Седова сопок у д.Мелегежа (ныне д.Ново-Андреево Тихвинского района Ленинградской обл.) (Седов 1970:45), д. Красная Заря (Бесовы Харчевни) (ныне д.Городище Тихвинского района Ленинградской обл.) (Седов 1970:46) и д.Великое Село (Седов 1970:46) в настоящий момент есть сведения еще о 10 памятниках, которые имеют некоторые черты сходства с сопочными могильниками Новгородской области. Естественно, нельзя с определенностью говорить о характере каждого из них и утверждать, что все они однозначно связаны с сопками. Действительно, для В.В.Седова сопки это насыпи не ниже 2 м высотой (Седов 1970:10) и если в отношении такого могильника, как Великое Село II вряд ли возникнут вопросы

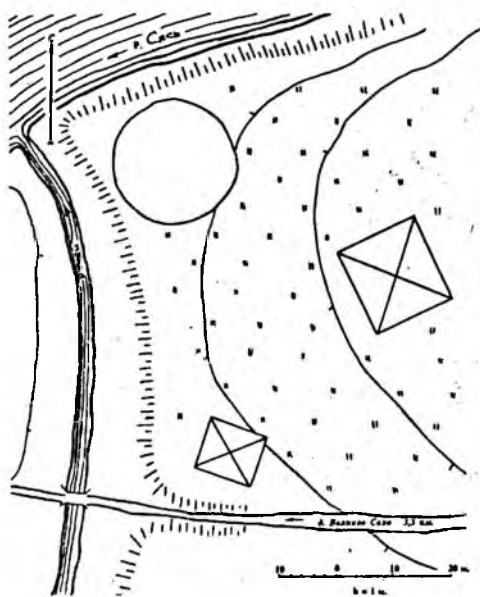

Рис. 3 Могильник Морозово. План.

о их культурной принадлежности, то сильно разрушенные могильники, такие как Валя, не могут быть так же однозначно отнесены к сопкам. Определить культурную принадлежность всех могильников могут только раскопки, но определенные черты — расположение могильников на суглинистых почвах, значительные размеры ряда насыпей, незначительное количество насыпей в могильнике, что нехарактерно ни для Приладожских курганов бассейна р.Сясь, ни для большинства "древнерусских" могильников и некоторые другие делают весьма ин-

тересным рассмотрением

этих памятников именно в рамках сопочной проблематики.

ВЕЛИКОЕ СЕЛО II. Могильник Великое Село II (рис.1:17), состоящий из двух насыпей расположен в 300 м к северу от окраины д.Великое Село по дороге в д.Морозово (рис.2). Могильник находится на поле в 70 м. от левого берега ручья, впадающего в р.Сясь и в 180 м от берега реки на ее коренном берегу. Насыпь № 1 представляет собой значительно разрушенный курган полусферической формы диаметром 13 м. Высота насыпи 1,9 м. Поверхность насыпи сильно изрыта, с восточной стороны она до середины прорезана траншеей шириной около 1,5 м и глубиной у центра насыпи 1,3 м. В 14 м юго-восточнее первой насыпи находится второй также сильно разрушенный курган диаметром 30 м и высотой 4,1 м. Насыпь сильно поросла соснами. В центре кургана имеется яма диаметром около 15 м и глубиной около 1,8 м. С западной и северо-восточной стороны полы насыпи разрушены земляными работами. О существовании этого могильника упоминает В. И. Рассказов в отчете о своей разведке 1929 г. (Рассказов 1929:5; Богуславский 1988:3).

МОРОЗОВО.

На окраине д. Морозово (рис.1:18), на правом берегу ручья, при впадении его в р.Сясь расположена сильно разрушенная сегментовидная насыпь диаметром 16 м и высотой 1,7 м (рис.3). Вершина насыпи сильно уплощена и часть грунта насыпи сброшена в сторону обрыва р.Сясь. Насыпь была повреждена при строительстве в конце прошлого века деревянной часовни, которая до настоящего времени не сохранилась (Богуславский 1988:3).

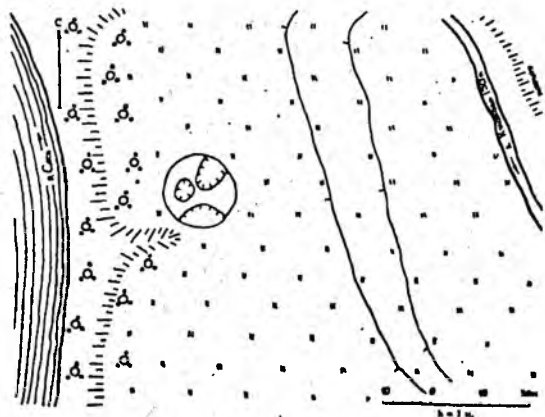

Рис. 4 Могильник Кулаково I. План.

КУЛАКОВО I. На правом берегу р Сясь (рис.1:19) на нижней надпойменной террасе в 150 м к северу от д.Кулаково расположена сильно разрушенная насыпь диаметром 13 м и высотой 2,1 м (рис.4). Сооружение расположено на краю поля и ее восточная полая распахивается. В центре имеется яма глубиной около 1 м. Северо-восточная и южная полы разрушены земляными работами (Богуславский 1988:3).

КУЛАКОВО II. На противоположном, левом берегу р.Сясь (рис.1:20) на нижней террасе на расстоянии 600 м по прямой от д.Кулаково находится практически полностью разрушенная насыпь округлой формы размерами с севера на юг 10 м и с запада на восток 13 м. Максимальная высота насыпи 0,5 м (рис.5). Поверхность кургана изрыта многочисленными ямами. Наибольшие разрушения заметны в северо-восточной и юго-восточной части насыпи. О существовании двух сопок севернее д. Кулаково на правом и левом берегу р.Сясь упоминает В.И.Равдоникас. Видимо, погребальные насыпи Кулаково I и Кулаково II и являются их остатками (Равдоникас 1929:7; Богуславский 1988:4).

ВАЛЯ. Могильник Валя расположен на высоком коренном берегу р.Сясь в четырех километрах юго-восточнее моста через р.Валя на шоссе Санкт-Петербург — Тихвин (рис.1:21). Могильник находится на песчаной гряде, вытянувшейся параллельно берегу

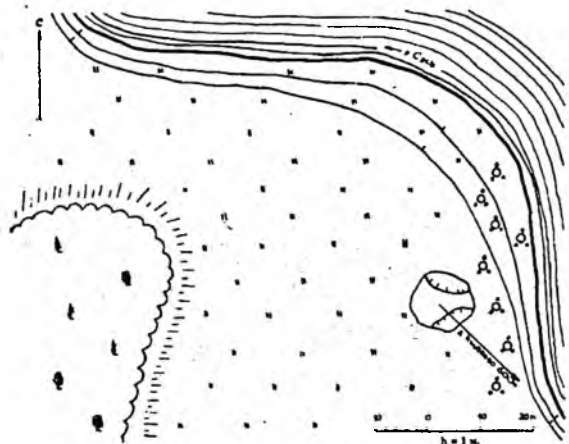

Рис. 5 Могильник Кулаково II. План.

цепочкой вдоль берега реки, четыре кургана насыпаны отдельно. Тринадцать курганов из восемнадцати частично разрушены при прокладке вдоль берега реки бичевника, поэтому установить их первоначальные размеры затруднительно. Диаметры насыпей № 6-18 от 6 м до 14 м, высота от 0,6 м до 1,3 м. Особо выделяется размерами курган № 17, от которого сохранилась только северная полая насыпи. Длина этого останца по линии запад — восток составляет 22 м, высота 2 м. Курганы № 1-5 расположены непосредственно на стрелке, образуемой ручьем и р.Сясь и меньше по размерам, чем другие курганы могильника диаметр 4-6 м, высота 1,2-1,5 м. Курганы № 1 имеет четырехугольную форму и ориентирован углами по сторонам света (размеры 6 х 6 м, высота 0,5 м). По внешнему виду отличается курган № 5, который имеет вытянутую овальную форму и ориентирован длинной стороной по линии север — юг (размеры 6 х 3 м, высота 0,6 м). Курганы № 1-4 повреждены в центре грабительскими ямами, кроме того, следы раскопок заметны в южных полах насыпей № 8,9,15,17 (Богуславский 1988:4-5).

КУЛАТИНО. Сопка находится на западной окраине д.Кулатино, на второй надпойменной террасе правого берега р Сясь в 70 м от реки (рис.1:23). Насыпь полусферической формы диаметром 15 м и высотой 1,9 м с уплощенной вершиной (рис.7). Впервые сведения о существовании этого кургана были получены Н.И.Репниковым в 1909 г. во время разведок в Тихвинском уезде. Затем в 1929 г. эта насыпь зафиксирована В.И.Рассказовым. По его сведениям на вершине сопки находилась деревянная часовня, которая до настоящего

реки в направлении запад — восток (рис.6). Вдоль северной стороны возвышенности расположена заболоченная низменность. С запада и с востока от могильника гряда прорезана двумя ручьями. Курганы находятся в густом хвойном лесу и вытянуты

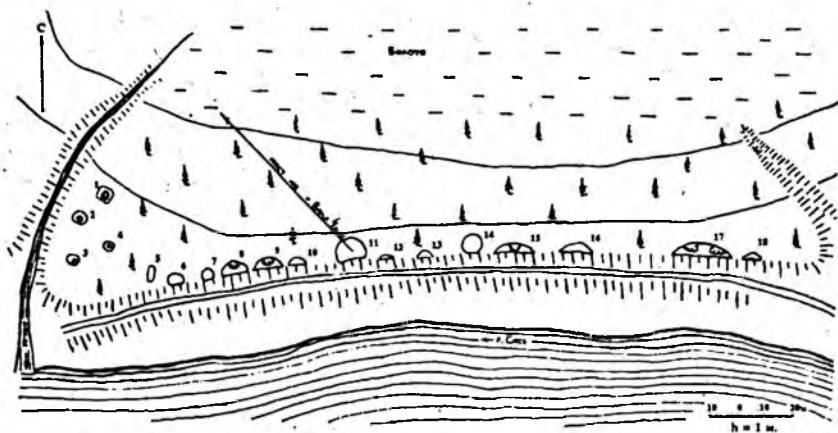

Рис. 6 Могильник Валя. План.

времени не сохранилась (Репников 1915:37; Рассказов 1929:6; Богуславский 1988:6-7).

ЛИПНАЯ ГОРКА I. Курганный могильник из пяти насыпей (рис.1:24) находится в 1,3 км к юго-востоку от д.Липная Горка на первой надпойменной террасе левого берега р.Сясь, на гряде, к западу от которой находится заболоченная низменность (видимо, древнее русло р.Сясь). Насыпи имеют полусферическую форму. Четыре кургана (№ 2-5) расположены цепочкой вплотную друг к другу (рис.10). Их диаметр 6-13 м, высота 0,8-1,5 м. Курган № 1 находится в стороне, его диаметр 17 м, высота 1,8 м. Курган окружен кольцевым ровиком глубина которого достигает 0,7 м. Курганы №1,2,4 повреждены грабительскими ямами, причем в кургане № 1 яма дошла до его основания. Впервые упоминание о курганах у д.Липная Горка приведено Н.И.Репниковым в материалах разведки 1909 г. (Репников 1915:39; Богуславский 1988:7).

ЛИПНАЯ ГОРКА II. Курганный могильник из 6 насыпей (рис.1:24) расположен в 1 км юго-восточнее д.Липная Горка в лесу на первой надпойменной террасе левого берега р.Сясь на невысокой гряде (рис.9). С запада и северо-запада к гряде подступает заболоченная низменность, возможно древнее русло р.Сясь. Могильник находится в 0,6 км к северу от курганной группы Липная Горка I. Насыпи могильника полусферической формы диаметром 9-12 м и высотой 0,9-1,6 м. Курганы № 1,3,4 повреждены грабительскими

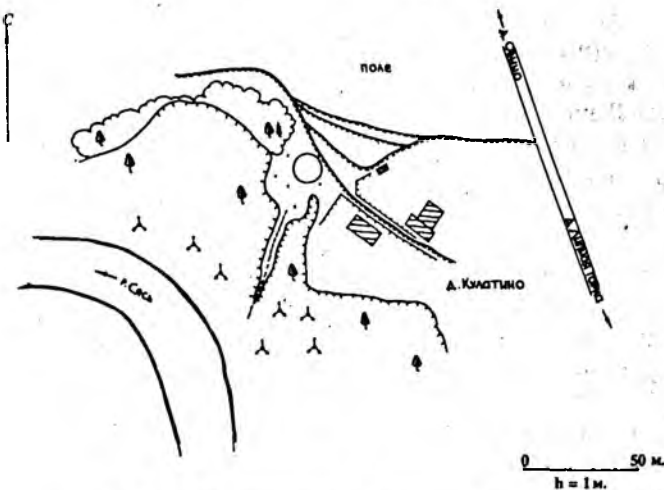

Рис. 7 Могильник Кулатино. План.

ямами. Курган № 6 раскопан на снос в 1984 г. И.П.Крупейченко (Крупейченко 1984:3-15; Богуславский 1988:7-8).

ЛИПНАЯ ГОРКА VI. Курганный могильник из двух насыпей (рис.1:25) находится в 3 км к югу от д.Липная Горка в лесу на краю второй надпойменной террасы в 0,25 км от левого берега р.Сясь и в 50 м от левого берега старицы р.Сясь (рис.10). Курган № 1 имеет диаметр 10 м и высоту 1,5 м, курган № 2 диаметр 9 м и высоту 1,3 м. Обе насыпи имеют полусферическую форму с уплощенной вершиной. Курган № 2 с северо-востока поврежден дорогой (Богуславский 1988:9-10).

Если говорить о материалах раскопок, то несмотря на целый ряд работ, наиболее хорошо изученным остается группа памятников в районе д.Городище Тихвинского района Ленинградской области. Комплекс не привлекал пристального внимания археологов, занимавшихся проблемами культуры сопки, поскольку здесь не были известны древности IX в., а тем более VIII в. и он расценивался только как достаточно своеобразный район существования памятников Приладожской курганной культуры, хотя насыпи, сходные с новгородскими сопками отмечали в этом месте с XIX в.

Комплекс у д.Городище состоит из (рис.11):

— городища и 2-х селищ (одно из них уничтожено распашкой) у д.Городище (рис.11:3);

— группы сопок севернее деревни, описанной Н.И.Репниковым и известной по раскопкам В.И.Равдоникаса. В 1909 г. она насчитывала 23 насыпи (к настоящему времени сохранилось 15) (рис.11:2);

— группы курганов юго-восточнее деревни, известной по раскопкам Н.Е.Бранденбурга, В.И.Равдоникаса и других исследователей и насчитывающей сейчас 25 поврежденных насыпей (по подсчетам Н.Е.Бранденбурга, состояла из 26 насыпей) (Бранденбург 1895:133-

135; Репников 1915:35-42; Колмогоров 1914:428; Рассказов 1929:6; Равдоникас 1934:38-39) (рис.11:5);

— группы из 8 курганов в самой деревне (по данным Н.Е.Бранденбурга, состояла из 10 курганов) (Бранденбург 1895:133; Репников 1915:35-37; Рассказов 1929:6) (рис.11:4);

— группы из 29 курганов (28 из них раскопаны В.И.Равдоникасом), известной как "курганы у хутора Красная Заря" в 1 км северо-восточнее деревни (Равдоникас 1934:39-46; Кочкуркина 1989:15-22) (рис.11:1).

В литературе первое определение поселения в среднем течении р.Сясь как городища, то есть имеющего укрепления, принадлежит

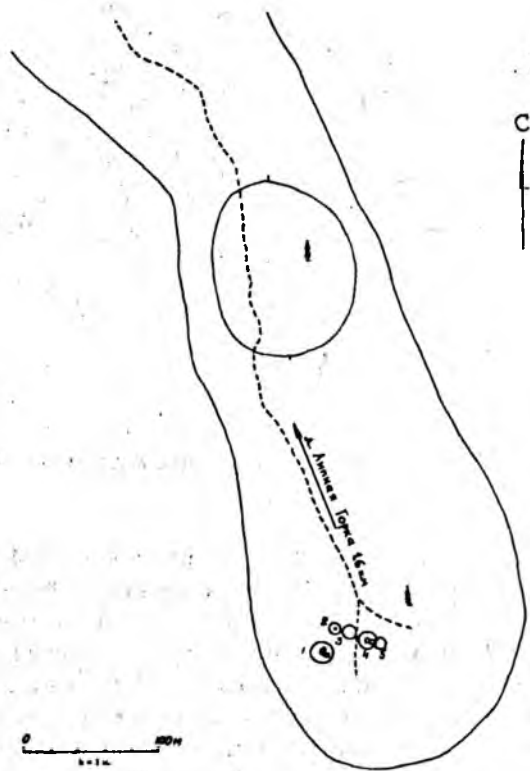

Рис. 8 Могильник Липная Горка I. План.

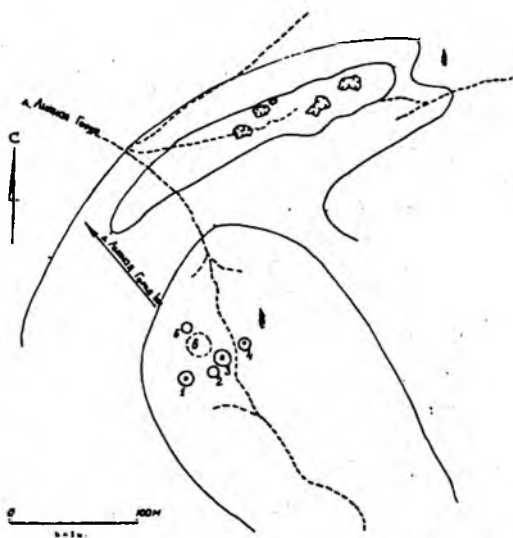

Рис. 9 Могильник Липная Горка II. План.

Н.И.Репникову, обследовавшему этот памятник в 1909 г. (Репников 1915:37). О следах вала с напольной стороны, который "совершенно уже уничтожен" писал и В.И.Равдоникас (Равдоникас 1934:37). Возможно, что за остатки вала В.И.Равдоникас принял существовавшие непосредственно на краю древнего поселения, если судить по плану Н.И.Репникова (Репников 1915:35, рис.1), по-

гребальные насыпи. Первые археологические раскопки здесь были предприняты Н.И.Репниковым, который только определил наличие культурного слоя мощностью до "1/2 аршина" (около 36 см.) (Репников 1915:40). Более масштабные работы проводил в 1930 г. В.И.Равдоникас (Равдоникас 1934:37-38; Равдоникас 1931:1-6). На площадке поселения им было разбито два раскопа общей площадью около 240 кв.м. Раскоп "А" (55 кв.м) был заложен в северо-западной части памятника и примыкал с востока к раскопу Н.И.Репникова. После снятия пахотного слоя мощностью 0,3-0,35 м в южной и юго-западной части раскопа был зафиксирован материковый песок, на фоне которого в двух местах выявлены небольшие пятна гумусированного темного слоя. Разборка ям В.И.Равдоникасом не производилась. На остальной части под пахотным слоем находился темный культурный слой. Он исследован только на одном квадрате в северо-западном углу раскопа, где имел толщину 0,35-0,5 м. На этом квадрате собрано пять фрагментов "грубой керамики плохого обжига", челюсть жвачного животного и несколько мелких костей.

Раскоп "В" (164 кв.м) находился в южной части городища. После снятия пахотного слоя на материковом песке отмечено обширное пятно темного цвета неправильных очертаний. В верхней части пятна были найдены фрагменты "грубой керамики", кости животных и обожженные камни. В пределах пятна обнаружена груда камней,

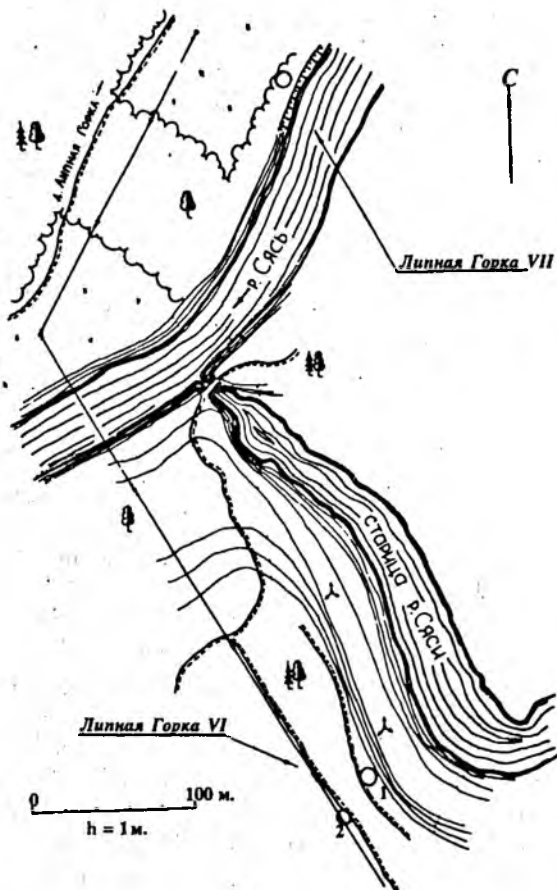

Рис. 10 Могильник Липная Горка VI. План.

лежавших в насыщенном углями слое, близ нее найдены синяя стеклянная бусина и фрагмент бронзового проволочного браслета. До материка были доведены только два квадрата в центральной части раскопа. На них, в слабо гумусированном слое мощностью до 0,8 м, содержащем большое количество углей и обожженных камней собраны фрагменты "грубой керамики" и кости животных. В.И.Равдоникас высказал предположение, что выявленное пятно культурного слоя представляет собой контур жилища-полуземлянки (Равдоникас 1934:37). На этом работы были прекращены и впоследствии не

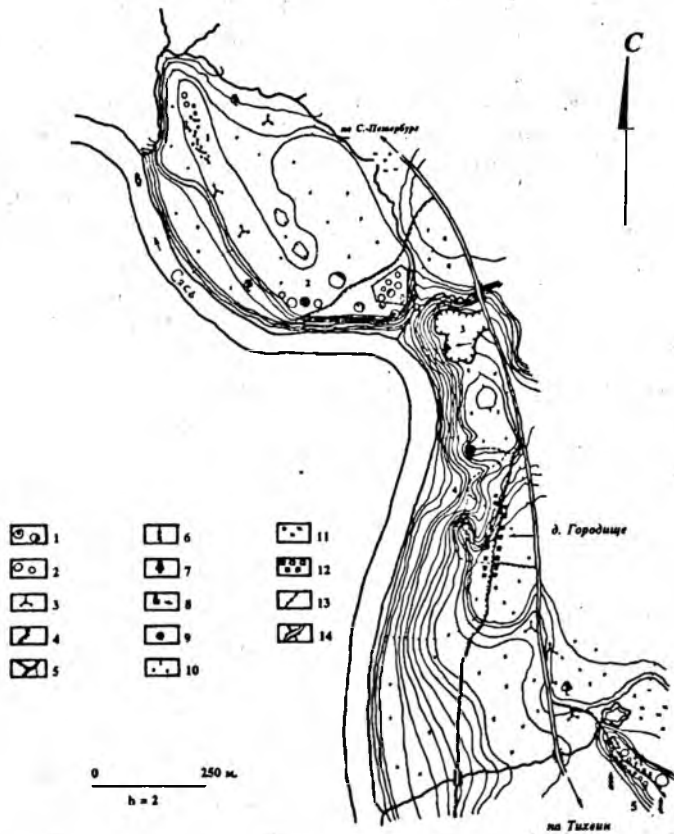

Рис. 11 План памятников в окрестностях д. Городище.

Условные обозначения: 1 поврежденные насыпи, 2 погребальные насыпи, 3 кустарник, 4 обрыв, 5 дороги, 6 хвойный лес, 7 лиственный лес, 8 местоположение раскопа, 9 раскопанные насыпи, 10 луг, 11 болото, 12 постройки, 13 изгородь, 14 мосты.

1 могильник Красная Заря, 2 могильник культуры сопок, 3 карьер на месте существования городища, 4 могильник в д. Городище, 5 группа курганов юго-восточнее д. Городище.

возобновлялись. Материалы раскопок 1930 г. были переданы в Карельский Государственный исторический музей, где пропали во время Второй мировой войны. По данным Л.А.Голубевой, коллекция из раскопок на Сясьском городище находится в Государственном Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге – коллекция № 1305 (Голубева 1973:155). Однако, эта коллекция содержит вещи не имеющие отношения к поселению у д.Городище на р.Сясь. В 1950-е гг., при строительстве автодороги, поселение было уничтожено карьером. В 1971 г. его остатки обследовала С.И.Кочуркина и ей было сделано заключение, что памятник полностью потерян для науки (Брыкина, Кочуркина, Сазонова 1972:25-26; Кочуркина 1989:22-23). В 1987-1990 гг. здесь работала Сясьская группа Приладожского курганного отряда. Во время работ на месте разрушенного городища найдены, чудом сохранившиеся, остатки культурного слоя, а также впервые проведена шурфовка селища с напольной стороны городища.

Раскоп общей площадью 54 кв.м располагался на самом краю древней площадки городища (рис.11:3).¹ Под завалами песка, возникшими при разработке карьера был обнаружен древний склон городища, покрытый переотложенным гумусированным слоем. По-видимому, слой был разрушен в конце XIX – начале XX вв. когда площадка городища использовалась под пашню, а впоследствии – размыт. На части раскопа залегал ненарушенный культурный слой толщиной около 20 см. При его разборке был обнаружен крупный развал камней, перекрытых угольной прослойкой. Камни носят следы пребывания в огне. Рядом с развалом находились две ямы также заполненные камнями. В одной из них найден развал лепного горшка.

Еще В.И.Равдоникас во время своих раскопок на поселении отмечал отсутствие керамики, сделанной на гончарном круге (Равдоникас 1934:38). Исследования последних лет подтвердили это наблюдение: ни на площадке городища, ни при разведке связанного с ними селища не было найдено гончарной керамики, если не считать нескольких фрагментов позднесредневековой поливной и белостенной посуды из балластного слоя.

Керамика городища на р.Сясь довольно грубая, изготовленная в технике кольцевого ленточного налепа с последующим костровым обжигом. Как отошающая примесь использовалась крупная дресва,

1 Раскопками городища руководила А.Д. Мачинская

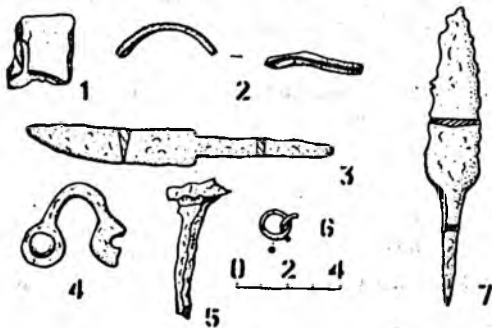
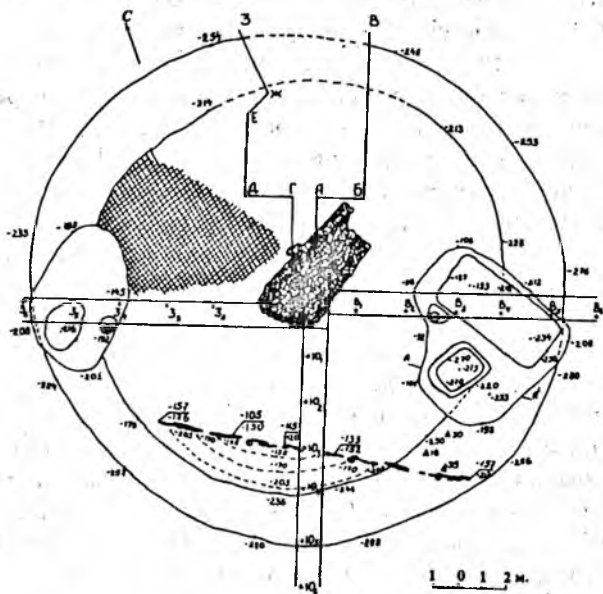

Рис. 12 Сопка № 3 могильника севернее д. Городище.

Условные обозначения приведены на рис. 15.

- 1 фрагмент литейной формочки, 2 фрагмент браслета, 3 нож,
4 ушко ведра (?), 5 лодейная заклепка, 6 фрагмент кольчуги.
1 камень, 2 бронза, 3-7 железо.

изредка песок, в некоторых случаях можно проследить наличие органических примесей. По тесту и составу примесей керамика идентична ладожской лепной посуде. Единственной отличительной особенностью является красноватый цвет некоторых черепков, что обусловлено использованием местной красной глины. В целом, керамический комплекс городища на р.Сясь крайне фрагментарен. Отсутствие целых форм, сравнительно небольшое количество керамики вообще не позволяет делать масштабные выводы. Однако, можно говорить о наличии в материалах памятника реберчатой керамики и сосудов с четким переходом от шейки к плечу.

Из материалов раскопок происходит также серия из 13 бус, аналогии которым достаточно хорошо известны в материалах Земляного Городища Старой Ладogi:²

— многочастная серебростеклянная пронизка с тонким поверхностным слоем из стекла желтоватого цвета наиболее массовые находки подобных пронизок сделаны в Старой Ладогe в горизонте E₂ - нижней части горизонта Д (840-е — 940-е гг.) (Рябинин, Черных 1988:72-100)³ (Львова 1968:82,84; Львова 1970:95, табл.5).

— серебростеклянная пронизка с поверхностным слоем из прозрачного бесцветного стекла наиболее массовые находки подобных пронизок сделаны в Старой Ладогe в горизонтах E₁-Д (860-е — 990-е гг.) (Львова 1970:95, табл.5).

— лимонообразная зеленая бусина с продольными рубчиками — Наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонтах E₃-E₁ (750-е — 910-е гг.) (Львова 1968:88; Львова 1970:99).

— ярко-зеленый бисер "классической" формы в виде "горбушки" — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонтах E₃-E₂ (750-е — 850-е гг.) (Львова 1970:96-97, табл.5).

— молочно-белая бусина с печеночным орнаментом — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонтах E₃-E₂ (750-е — 850-е гг.) (Львова 1968:73,75, рис.3).

2 Пользуемся случаем выразить нашу глубокую признательность З.А. Львовой за помощь и консультации при определении типов бус.

3 В дальнейшем мы будем приводить во всех случаях датировку стратиграфических горизонтов Старой Ладogi согласно этой работе, не приводя дополнительных ссылок.

— синяя прозрачная бусина с печеночным орнаментом — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонтах Е 2-Е 1 (840-е — 910-е гг.) (Львова 1970:78).

— ярко-синяя бусина с зелеными глазками в белых ободках — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонтах Е 3-Е 2 (750-е — 850-е гг.) (Львова 1968:45-48,49-51).

— бусина из серовато-синего просвечивающего стекла с глазками — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в горизонте Д (920-е — 990-е гг.) (Львова 1968:78-79).

— округлая бусина из розового просвечивающего стекла — наиболее массовые находки подобных бусин сделаны в Старой Ладогe в нижней части горизонта Д (920-е — 940-е гг.) (Львова 1968:90).

Из других находок в первую очередь обращает на себя внимание каменная литейная формочка. Она обнаруживает несомненное сходство с многочисленными литейными формами, найденными на городищах Псковском, Камно и Рыуге (Тараканова 1959, рис.17; Тараканова 1956:41, рис.20; Шмидехельм 1959:166, таб.V:9). Найдки подобных формочек происходят из нижнего горизонта второго (нижнего) слоя городища Камно, датированного К.М.Плоткиным второй половиной VIII в. (Плоткин 1974:16). Что касается Псковского городища, то здесь литейные формы интересующих нас типов связываются с горизонтом Псков В (VIII-IX вв.) по С.В.Белецкому (Белецкий 1979:11). Найдки подобных формочек по мнению многих исследователей связаны с распространением традиции изготовления украшений из оловянистых сплавов (Моора 1963:355-368; Дайга 1960:84-90). Эта традиция появляется в Прибалтике и в ареале культуры псковских длинных курганов во второй половине I тыс. н.э. Украшения из оловянистых сплавов найдены также на Земляном городище Старой Ладоги, где они образуют компактную группу, датируемую в целом 760-ми — 880-ми гг. (Рябинин 1985, рис. 23:1-6; Мачинская 1988:15-16; Мачинская 1988а:117). Из этого же раскопа происходит бронзовая трапецевидная подвеска. Подобные подвески (украшенные орнаментом или без него) чаще всего встречаются в памятниках культур псковских и смоленских длинных курганов (Белецкий 1979, рис.6:14; Шмидт 1970:225; Седов 1974, таб.23:27-29,32,34,38). Две подвески найдены на Земляном городище Старой Ладоги (Давидан 1986:100-101, рис.1; Мачинская 1988:27, рис.8:8-9). Одна из них может быть датирована 810-ми — 830-ми гг., другая 860-ми — 890-ми гг.

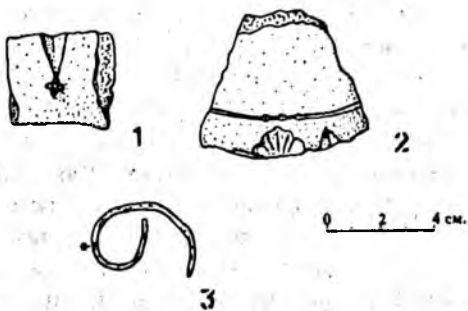
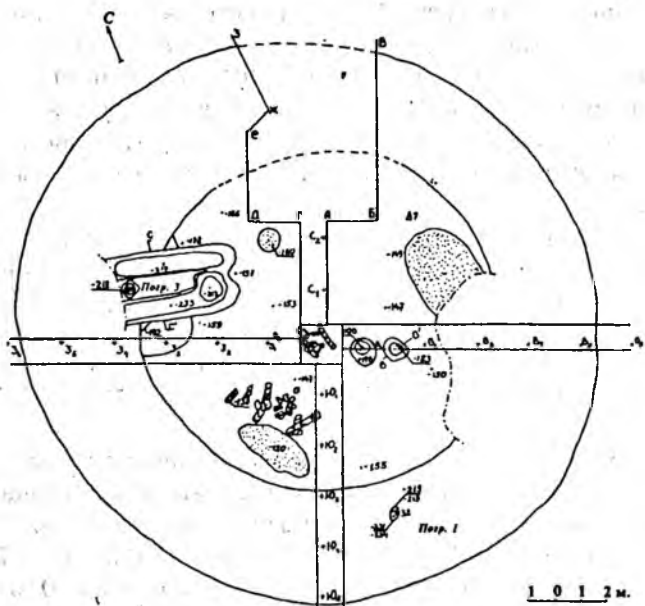
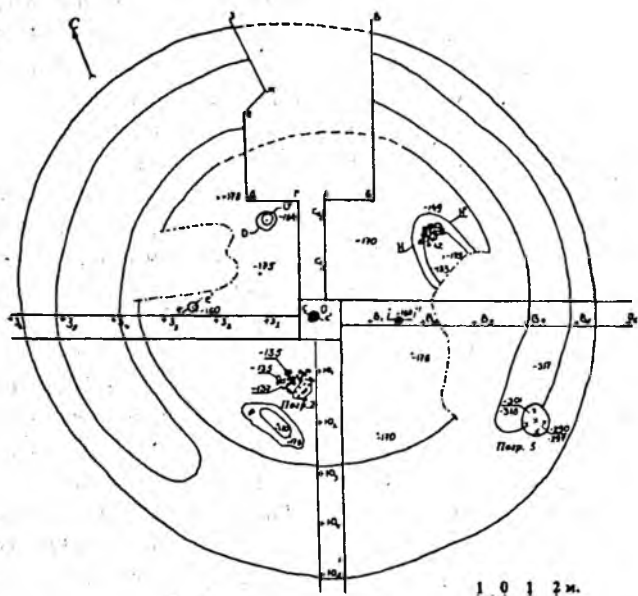

Рис. 13 Сопка № 3 могильника севернее д. Городище.
 Сооружения погребальной площадки и находки из первоначальной
 насыпи. Условные обозначения приведены на рис. 15.
 1, 2 литейные формочки, 2 фрагмент бронзового изделия.
 1, 2 камень, 3 бронза.

Среди других материалов раскопок поселения необходимо отметить находки ледоходного шипа, двух ножей, железной кольцевидной фибулы со спирально закрученными концами, янтарной бусины. В целом, по материалам городища на р. Сясь можно сделать следующие заключения о его датировке: судя по полному отсутствию раннегончарной керамики городище прекратило свое существование до 930-х гг. (принимая дату появления раннегончарной керамики в Ладогe по Е.А.Рябинину) (Рябинин 1985:37, таб.1), что касается нижней даты городища, то датировка бус свидетельствует о его возникновении не позднее второй половины IX в., чему не противоречат даты остальных находок (скорее они говорят о возможности удревнения этой даты).

Наряду с раскопками поселения в районе д.Городище на р Сясь были произведены раскопки сопковидной насыпи в могильнике к северу от городища. Эта группа высоких погребальных насыпей впервые упоминается в работе Н.И.Репникова (Репников 1915:35). Первые раскопки в этом могильнике были произведены А.И.Колмогоровым в 1914 г., когда он раскопал здесь две насыпи (Колмогоров 1914:428). К сожалению, кроме упоминания самого факта раскопок, никакой дополнительной информации автор работ не оставил. В 1928 г. могильник был осмотрен сотрудником Тихвинского музея В.И.Расказовым, который зафиксировал уже только 20 погребальных насыпей (Расказов 1929:6). В 1930 г. В.И.Равдоникас раскопал в этом могильнике, который в своих работах называл "Бесовы Харчевни" (Равдоникас 1934:38-39), две сопковидные насыпи.

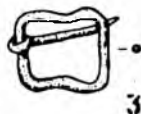
Один из курганов, раскопанный В.И.Равдоникасом и получивший № 18 по его нумерации, представлял собой полусферическую насыпь диаметром около 15 м и высотой около 5 м. Вокруг кургана, если судить по схеме В.И.Равдоникаса, прослежен неглубокий кольцевой ровик. Погребальное сооружение было сильно повреждено еще до начала раскопок. Так, например, в центре обнаружено "...недавнее погребение овцы" (Равдоникас 1934:36-37). В насыпи, в северо-западной части, вблизи поверхности, были найдены два скопления кальцинированных костей. В первом обнаружен железный нож (Равдоникас 1934: табл XIII,6), во втором фрагмент гладкого бронзового проволочного браслета. В северной части насыпи располагались четыре скопления древесного угля, по мнению В.И.Равдоникаса, являвшиеся остатками ритуальных очагов. Кроме того, из насыпи происходят некоторые предметы эпохи неолита. Другой курган, № 9 по описанию В.И.Равдоникаса, представлял собой расплывчатую насыпь диаметром около 17 м и высотой около 3 м. В насыпи, в юго-западной части, прослежено "скопление золы и угля". Остатков

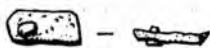
1

2

3

4

0 2 4 см.

5

Рис. 14 Сопка № 3 могильника севернее д. Городище.
План сооружений впущенных в материк и вещи из культурного
слоя и центрального погребения.

Условные обозначения приведены на рис. 15.

Находки из культурного слоя: 1 нож.

Находки из центрального погребения: 2 фрагмент браслета, 3,5
пряжки, 4 фрагмент оковки. 1,3,5 железо, 2,4 бронза.

погребения и каких-либо вещевых находок автор раскопок не упоминает.

Насыпь № 3 этого могильника, раскопанная в 1987-1988 гг., до раскопок представляла собой курган сегментовидной формы высотой 2,2 м и диаметр м 18 м, окруженный ровиком глубиной до 1,5 м. То, что в заплывший первоначальный ровик был впущен более поздний, позволяет говорить о двух этапах сооружения насыпи, разделенных значительным промежутком времени (рис.15). Поскольку верхний ярус сооружения был почти полностью разрушен в начале XX в., общая первоначальная высота насыпи может быть реконструирована весьма приблизительно по сохранившемуся в южной части сооружения склону (рис.12). Видимо, до разрушения сопка имела высоту около 3-4 м.

В основании насыпи залегал темный гумусированный слой мощностью до 0,15 м, содержащий большое количество костей животных, обломков керамики, железных шлаков, а также некоторые предметы: стрелу и три ножа (два из них во фрагментах) (рис.14:1). Кроме того, с этим культурным слоем поселения, существовавшего здесь до или во время сооружения погребальной насыпи, связано несколько хозяйственных ям. Например, яма в северо-восточном секторе (2,2 x 2,0 x 0,4 м.) содержала развал прокаленных камней и значительное количество угля (рис.14).

Что касается собственно конструкции первоначальной насыпи кургана, то к ее особенностям следует, в первую очередь, отнести расположенную в центральной части площадки, на основании кургана, вымостку подпрямоугольной формы размерами 5 x 2 x 0,4 м., ориентированную длинной стороной по линии северо-восток юго-запад. Вымостка сложена из дерновых "кирпичей" (рис.12). В центре погребальной площадки обнаружены остатки столба, поставленного и укрепленного камнями до сооружения насыпи (рис.14). С первоначальной насыпью связано четыре погребения (рис.13,14). Большинство из них не содержали находок и были представлены незначительным количеством кальцинированных костей. С определенной уверенностью можно говорить только о наличии в составе погребения № 4 кальцинированных костей крупного жвачного животного — лошади или коровы.⁴

4 Определение кальцинированных костей были проведены в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР А.Н.Громыным и С.Л.Сапкиной.

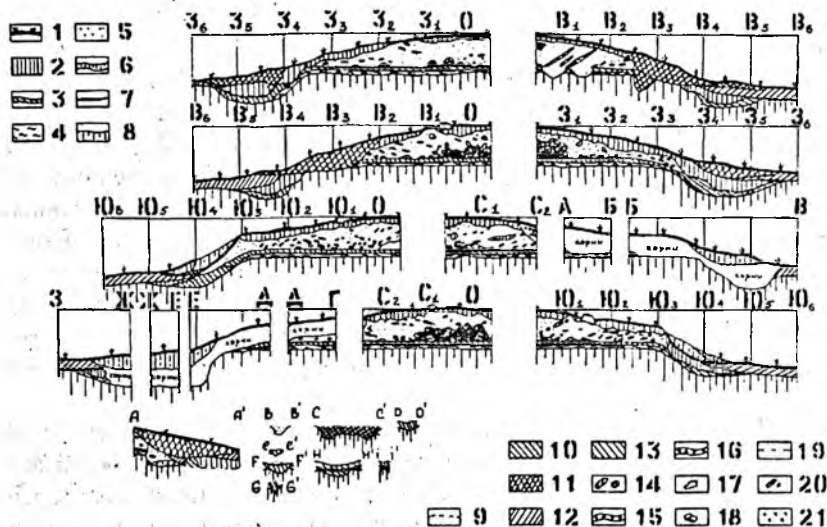

Рис. 15 Стратиграфия сопки № 3 могильника севернее д. Городище и разрезы ям.

Условные обозначения: 1 дерн, 2 верхний ярус, серый песок, 3 погребенная почва, 4 гумусированный подзол, 5 желтый песок, 6 ярко-желтый песок, 7 углистые прослойки, 8 материк, 9 реконструируемая линия, 10 слабо гумусированный песок, 11 перекоп, 12 пашня, 13 погребальная площадка, сильно гумусированный песок, 14 дерево, 15 прокаленный песок, 16 отдельные угли, 17 кость, 18 камень, 19 граница разрушений, 20 сгоревшее дерево, 21 кальцинированные кости.

Единственным погребением, содержащим вещевые находки является погребение № 2, обнаруженное вблизи центра погребальной площадки (рис. 14). Кальцинированные кости, являющиеся останками взрослого человека и коня, были помещены в грунтовую ямку, впущенную с уровня погребальной площадки. Над погребением был разведен костер из крупных кусков дерева, уложенных радиально (рис. 13). Среди углей обнаружены несожженные кости задней части жвачного животного в анатомическом порядке. В погребении найдены железные пряжки упряжи, бронзовая обоймица, фрагмент четырехгранного бронзового браслета с расширяющимися концами и остатки бронзовых полусферических бляшек.

Первоначальная насыпь возведена из песка, в котором встречаются куски дерна (рис. 15). Стратиграфия позволяет говорить о

поэтапном сооружении кургана путем возведения четырех радиальных валиков "от центра к краям". Видимо при возведении первоначальной насыпи был использован культурный слой разновременных поселений. Об этом говорят находки в насыпи керамики и орудий эпохи неолита, а так же предметов более поздней эпохи. Среди последних, наряду с лепной керамикой и неопределимыми металлическими предметами, следует выделить обоймицу, фрагмент ножа и две литейные формочки (рис.13:1,2). Если одна из формочек фрагментирована и определить тип изображенной на ней вещи весьма трудно, то вторая скорее всего была предназначена для отливки блюшек из оловянистых сплавов (рис.13:1). Аналогичные ей вещи известны на формочках, найденных на Псковском городище, городище Камно (Мачинская 1988а, рис.2:3) и на Земляном городище Старой Ладogi (Давидан 1980:60-61, таб.1:5). Однако, сами блюшки известны нам только в каменном могильнике на острове Сааремаа (Моора 1963, рис.3:1).

В северо-западном секторе обнаружено впускное погребение, совершенное до сооружения второго яруса кургана (рис.13). Погребение располагалось на вырезанном из материка и частично из оползшей первоначальной насыпи возвышении размерами 3,6 x 1 x 0,5 м. В северной части возвышения были найдены помещенные в ямку кальцинированные кости, среди которых определяются части конского скелета и, возможно, человека. Поверх кальцинированных костей были помещены несожженные длинные кости ног животного с остатками таза. Среди кальцинированных костей обнаружено несколько фрагментов лепной керамики. Обращает на себя внимание почти полное совпадение внешнего вида возвышения, на котором совершено впускное погребение и внешнего вида дерновой вымостки в центре погребальной площадки, а обряда центрального погребения с обрядом впускного захоронения.

Верхний ярус погребального сооружения сохранился крайне плохо только в отдельных случаях его мощность достигает 0,35 м. Слабая гумусированность верхней части насыпи, а также находки в ней и в слоях, связанных с ее разрушением, большого количества лепной и гончарной керамики, металлических предметов, а так же фрагмента литейной формочки свидетельствуют об использовании при ее насыпании культурного слоя. Однако, сохранность верхнего яруса не позволяет говорить о времени формирования вещевого набора формировался он при сооружении или при разрушении этой части насыпи. В переотложенной части верхнего яруса сооружения также были найдены вещи со следами пребывания на погребальном костре. К ним относятся: две стрелы (рис.12:7), два ножа (рис.12:3),

ушко ведра (?) (рис.12:4), лодейная заклепка (рис.12:5) и несколько сплавов бус. Особо надо отметить уникальную для Приладожья находку фрагмента кольчуги (рис.12:6). Получение "узкой даты" для этого набора вещей невозможно, поскольку нет уверенности в том, что они составляют закрытый комплекс. Определение хронологии вещей затрудняется также и тем, что большинство из них имеет очень широкие рамки бытования, как на Северо-Западе Руси, так и в Южном Приладожье (Богуславский 1991:108). Данные для уточнения времени возведения верхнего яруса погребального сооружения дают находки двух оплавленных молочно-белых бус с печеночным орнаментом. Аналогии этим бусам хорошо известны в материалах раскопок Земляного городища Старой Ладogi. К настоящему времени там найдены 43 подобные бусины, при этом исключительно в горизонте Е (750-е — около 900-х гг.). Однако, подавляющее большинство находок относится к горизонту Е 3-3 (750-е — 760-е гг.) (Рябинин 1982:170).

Вопрос о датировке первоначальной насыпи еще более труден. Данные стратиграфии оползание насыпи и заплывание ровика до сооружения второго яруса кургана определенно говорят о значительном промежутке времени, разделяющем этапы постройки насыпи. Что же касается хронологии вещей из центрального погребения (рис.14:2-5), то особое внимание привлекает бронзовый браслет с расширяющимися концами (рис.14:2). Нам известно несколько аналогий этому браслету. Сходные вещи имеются в материалах верхнекамских могильников, где они датируются деменковской стадией (конец VII-VIII вв.). Основные отличия от рассматриваемого браслета заключаются в отсутствии у верхнекамских аналогий отверстий на концах и в меньшей толщине (Голдина, Королева, Макаров 1980: рис.6). Также близкие по форме браслеты происходят из катакомб № 117 и № 119 Дмитриевского могильника в бассейне Северского Донца. Катакомбы отнесены С.А.Плетневой к 3 (промежуточной) группе погребений могильника. Абсолютная хронология этой группы погребений автором не определена, однако, в целом, могильник датируется первой половиной VIII - концом IX вв. (Плетнева 1989:114). Браслеты из Дмитриевского могильника имеют на концах отверстия по мнению С.А.Плетневой они служили для завязывания ремешком, но в сечении они также несколько тоньше браслета из рассматриваемого кургана. В заключение следует отметить сходство обряда кургана № 3 могильника севернее д.Городище и некоторых памятников Вологодской области (Башенкин, Иванищева 1989:34).

Курган, близкий по внешнему виду сопочным насыпям был исследован в 1988 г. Он располагался на северной окраине деревни,

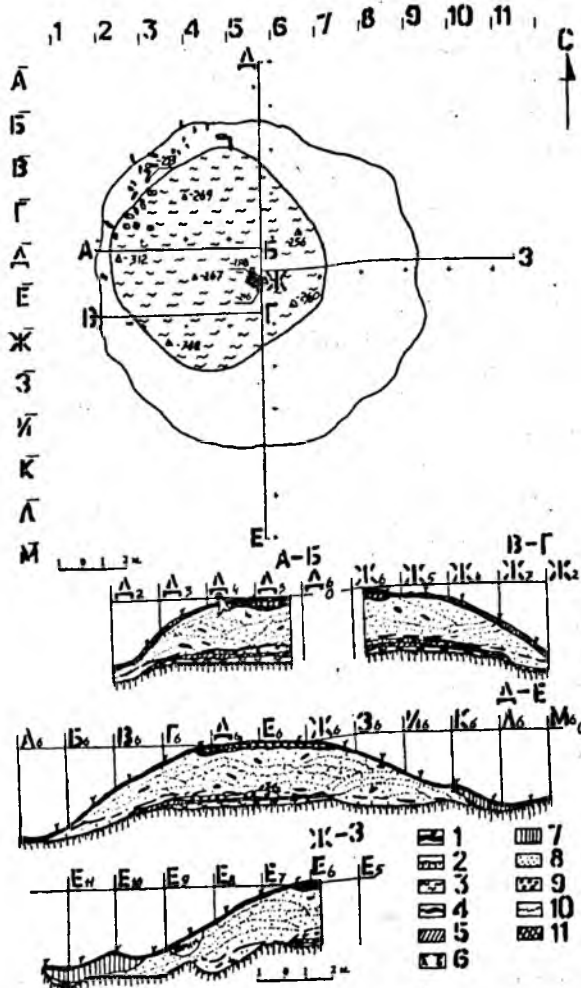

Рис. 16 Одиночный курган на северной окраине д. Городище. Условные обозначения: 1 дерн, 2 материк, красный песок, 3 подзол, 4 углистые прослойки, 5 черный гумус, 6 разрезы, 7 гумусированный песок, 8 желтый песок, 9 красный песок, 10 прослойки гравия, 11 перекоп.

на стрелке, образованной двумя оврагами, на высоком правом берегу р.Сясь (рис 16). Судя по плану, опубликованному Н.И.Репниковым, этот курган являлся одной из многочисленных сопковидных насыпей, расположенных цепочкой вдоль берега р.Сясь южнее сопочного могильника (Репников 1915:35-40). К сожалению, в настоящее время сохранилось всего две насыпи, включая исследованный в 1988 г. одиночный курган. Данные о каких-либо иных профессиональных работах в этой части комплекса отсутствуют. До раскопок курган представлял собой полусферическую насыпь высотой с напольной стороны до 3 м и диаметром 18 м (рис.16). Как и большинство насыпей этого района, насыпь была повреждена грабителями, сильно разрушившими центральную и западную части кургана. Насыпь сооружена на подрезке высотой около 1 м и не имеет следов ровика, окружавшего погребальную площадку. Сама погребальная площадка имеет четырехугольную форму и ориентирована углами по сторонам света (рис.16). Размеры площадки 9 x 9 м и она прослежена по распространению гумусированного слоя, достигавшего толщины 0,2 м. В нем найдены прокаленные камни, осколки костей животных и несколько фрагментов неорнаментированной лепной керамики. Таким образом, как и при раскопках кургана № 3 могильника севернее д.Городище, мы сталкиваемся с такой чертой, как сооружение погребальной насыпи непосредственно на культурном слое поселения. Крайнюю бедность его находками можно объяснить расположением кургана на самом краю материкового берега р.Сясь, а значит, близко к краю поселения. На основании кургана располагался слой песка с большим количеством подзола и кусками погребенного дерна (рис.16). Его мощность достигала 1 м. Выше на всей площади погребального сооружения прослежена интенсивная углистая прослойка. С ней связаны остатки сторевших плах толщиной до 15 см и длиной до 0,4 м в северо-западной части насыпи (рис.16). Возможно, они являются частью некой деревянной конструкции, которая была сожжена, а ее остатки сброшены вниз по склону перед завершением насыпания кургана. Маловероятно, что остатки сторевшего дерева являются частью ритуального очага, поскольку он располагался в юго-восточной части кургана, на подсыпке из песка и не имел разрушений.

Очаг прямоугольной формы (1,1 x 0,7 м), сложенный из крупных кусков дерева толщиной до 13 см и длиной до 1,1 м, был ориентирован длинной стороной по линии северо-запад юго-восток (рис.16). Северо-западный край очага приподнят перпендикулярно положенной плахой. На очаге, среди углей, обнаружен ряд сильно пострадавших от огня вещей, которые, возможно, являются частями

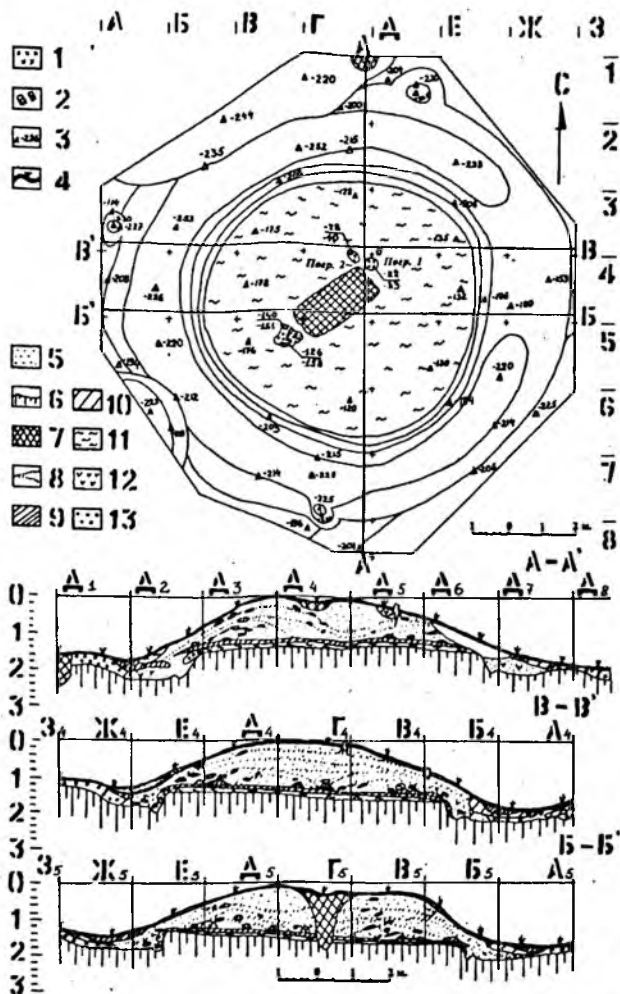

Рис. 17 Курган № 18

могильника юго-восточнее д. Городище. Условные обозначения:
 1 кальцинированные кости, 2 сгоревшее дерево, 3 нивилировочные
 отметки, 4 дерн, 5 розовый песок, 6 материк, светлый песок, 7 гра-
 бительский перекоп, 8 прослойка белой супеси, 9 сильно гумусиро-
 ванный песок, 10 слабо гумусированный песок, 11 подзол,
 12 отдельные угли, 13 красный песок.

небольшого ларца. Среди металлических предметов можно определить два железных ключа очень плохой сохранности, железные оковки и фрагмент лезвия ножа с прямой спинкой. Сама погребальная насыпь сооружена из песка, также как и курган № 3 могильника севернее деревни, путем насыпания нескольких радиальных валиков "от краев к центру": прослежены четыре яруса таких валиков (рис. 16). Поскольку каких-либо остатков погребения обнаружено не было, вопрос о времени сооружения насыпи крайне сложен. Вещи, происходящие с ритуального очага, кроме того что имеют очень широкие рамки бытования, никогда не встречались до последнего времени в Южном Приладжье на ритуальных очагах. Это заставляет усомниться в корректности применения в этом случае даже имеющих датировок найденных вещей.

Наиболее известной в археологической литературе можно считать группу курганов юго-восточнее д.Городище, которая расположена в лесу на значительном удалении от берега реки. Н.Е.Бранденбург в начале 1880-х гг. раскопал здесь 7 курганов, оставив достаточно подробные описания исследованных сооружений (Бранденбург 1895:133-134, №№ 124-130, табл.IV:2,6,7. V:3+5. VIII:15,19. XII:6,7). В 1909 г. Н.И.Репников исследовал 5 насыпей, видимо, в разных частях могильника (Репников 1915:35-42). Материалы раскопок обоих исследователей хранятся в Государственном Эрмитаже⁵. Известно, что А.И.Колмогоров в 1914 г. раскопал несколько курганов в окрестностях д.Городище, и возможно, 3 насыпи были раскопаны им в этом могильнике. К сожалению, подробного отчета о своих работах А.И.Колмогоров не оставил, а сделанные им находки до сегодняшнего дня не сохранились. В нашем распоряжении имеется только краткое сообщение А.И.Колмогорова на XV Археологическом Съезде, в котором даже отсутствует точное указание мест проведения работ. Еще два кургана были раскопаны В.И.Равдоникасом в 1930 г. Материалы раскопок были им вскоре опубликованы (Равдоникас 1934:38-39, табл. XIII,9), но сами материалы, переданные в Карельский исторический музей, погибли во время Второй мировой войны.

Подавляющее большинство погребений в могильнике совершенно по обряду трупосожжения. Исключением являются 5 христианских захоронений, совершенных в уже насыпанный курган № 130 (Бранденбург 1895:134).⁶ Они не сопровождались инвентарем и

5 Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Колл. №№ 886,1477.

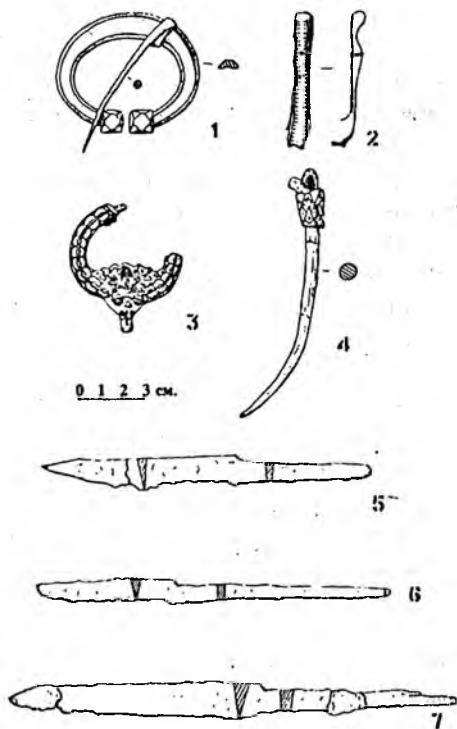

Рис. 18 Находки из кургана № 18 могильника юго-восточнее д. Городище. 1 подковообразная фибула, 2 оковка ножен ножа, 3 кольцевидная фибула, 4 костяное орнаментированное острие, 5-7 ножи с прямой спинкой, 8 ромбическая стрела. 1, 7, 8 погребение 1, 2-5 погребение 2, 6 насыпь кургана. 1-3 бронза, 4 кость, 5-7 железо.

поэтому определить их датировку практически невозможно. Вероятно, близко времени сооружения основной массы погребений могильника труположения из кургана № 125, где были найдены односторонний гребень, серьга и несколько бусин (Бранденбург 1895:134), и в кургане № 4 из раскопок Н. И. Репникова, где на костяке были найдены височные кольца, пронизка, подвеска-уточка, бубенчики, фибулы, перстни, нож и горшок, изготовленный на гончарном круге (Репников 1915:36-38). Раскопанные курганы могильника имели высоту 0,5-2 м и диаметр 10-20 м. Характерными признаками этих курганов можно считать размещение остатков покойников в насыпи, на высоте около 1 м над основанием. Такая характерная особенность приладожских курганов как ритуальные очаги были встречены в этом могильнике всего в двух насыпях. В

6 Все курганы, раскопанные Н. Е. Бранденбургом во всех частях Южного Приладожья за период 1878-1886 гг. имеют единую нумерацию.

обоих случаях они были размещены на основании погребального сооружения. Трудно говорить и о широком распространении в этом могильнике традиции разделения погребального сооружения на мужскую и женскую половины. Отличительной чертой инвентаря этой курганный группы является достаточно высокий процент находок, которые можно связать со Скандинавией. Это топор типа "G" по Я. Петерсену (Petersen 1919:42, fig. 42), литые ладьевидные браслеты типа Я. Петерсен рис. 184, 186, 189, фибулы типа Я. Петерсен рис. 52 и рис. 235 (Petersen 1928:150-156).

В 1989 г. Сясьским отрядом был раскопан курган № 18 этого могильника (рис. 11:5). До раскопок он представлял собой полусферическую насыпь диаметром 12 м и высотой 1,8 м. Насыпь была окружена кольцевым ровиком глубиной до 1 м и шириной до 2 м (рис. 17). Основание погребальной насыпи прослежено по распространению погребенного дерна, лежащего непосредственно на слое лесного подзола. В юго-западной части погребальной площадки, на подсыпке размерами 0,58 x 0,52 x 0,11 м, располагался ритуальный очаг из деревянных плашек длиной до 20 см и толщиной до 5 см (рис. 17). Сама погребальная насыпь сооружена путем насыпания двух рядов радиальных валиков "от краев к центру". Вблизи поверхности кургана, на глубине 0,28 м, в северо-западной части кургана, обнаружено два одновременных погребения по обряду сожжения на стороне (рис. 17). В первом погребении, представлявшего собой скопление кальцинированных костей размерами 0,28 x 0,3 x 0,26 м среди останков взрослого мужчины обнаружены бронзовая подковообразная фибула с гранеными головками, отлитая в односторонней форме (рис. 18:1), ромбическая черенковая стрела (рис. 18:8), нож (рис. 18:7) и фрагмент железного изделия — возможно, черенок ножа. Погребение № 2, представляло собой скопление кальцинированных костей, вытянутое по линии северо-запад — юго-восток размерами 0,4x0,24x0,29 м. и являлось погребением взрослого мужчины и, возможно, собаки (рис. 17). Оно сопровождалось бронзовой обкладкой ножен ножа, украшенной пуансонным орнаментом в виде треугольников, обращенных вершинами друг к другу (рис. 18:2), призматическим сланцевым оселком с отверстием, костяным острием, оформленным резным орнаментом в виде пересекающихся линий, пространство между которыми заполнено точками (рис. 18:4), ножом с прямой спинкой, отделенной от черенка уступом (рис. 18:5) и бронзовым литым цепедержателем с железной иглой ("кольцевидная фибула" по скандинавской терминологии), орнаментированным в северном зверином стиле (рис. 18:3). В южной части кургана, в оползшей части насыпи найден нож с прямой спинкой, отделенной

от черенка уступом и длинным черенком, загнутым на конце (рис.18:6). Эти вещи достаточно широко известны в курганах юго-восточного Приладожья, что позволяет определить дату совершения погребений периодом между 890-ми и 920-ми гг., (Богуславский 1991:108, рис.2).

Приведенные материалы не могут полностью исчерпать тему, связанную с характеристикой сопочных памятников бассейна р. Сясь. Все же, на наш взгляд, изложенные факты позволяют сделать ряд предположений. Появление первых погребений под курганными насыпями происходит здесь, видимо, в то же время, что и в Нижнем Поволховье, а именно во второй половине VIII в. (Богуславский 1991а:140-142). С одной стороны, эти памятники имеют ряд общих признаков: кроме внешних черт погребального сооружения, их сближает наличие в погребальном инвентаре вещей, имеющих аналогии на территории Прикамья или Хазарского каганата, расположение насыпей на слое поселения, двуэтапность возведения насыпей, характер погребений и топографии расположения могильников. С другой стороны, своеобразие сопки среднего течения р.Сясь выражается в наличии в насыпи дерновых сооружений, очагов, частей туши животного, отсутствии каменных конструкций. Это, видимо, говорит о сильном влиянии на памятники юго-восточного Приладожья древностей, расположенных на территории современной Вологодской области (Башенкин, Иванищева 1989:34).

Раскопки курганного могильника юго-восточнее д.Городище позволяют предложить также и первоначальную реконструкцию судьбы сопочных памятников в среднем течении р.Сясь. Информацию для этого дает одиночный курган на северной окраине д.Городище. Элементы его погребального обряда объединяют в себе черты сопки и приладожского кургана. С сопочными памятниками эту насыпь объединяют внешние параметры, расположение ее на культурном слое поселения и система ее возведения путем насыпания нескольких рядов радиальных валиков. С приладожскими курганами это сооружение связывают четырехугольная форма подрезки, ориентированной углами по сторонам света и существование близ основания кургана, но не в его центре, на небольшой подсыпке, прямоугольного ритуального очага, аналогичного приладожским (Назаренко 1983:142-146). Таким образом, мы можем предположить, что формирование обряда курганов IX-XI вв. в этом районе шло по пути трансформации широко распространенного сопочного обряда погребения за счет привнесения в него элементов местной погребальной традиции (Назаренко 1982:144).

Таким образом, нам представляется, что работы последних лет, проведенные на р.Сясь дают возможность говорить о достаточно своеобразном районе существования высоких сопковидных насыпей, несомненно связанного с Нижнем Поволховьем, но и имеющим ряд признаков, указывающих на его отличия. Время формирования этих древностей, их конкретные признаки, место среди известных древностей сопков и другие вопросы интерпретации несомненно станут предметом будущих исследований и дискуссий, но уже сейчас рассмотренный район нельзя не учитывать при рассмотрении древностей Северо-Запада Руси рубежа I и II тыс. н.э.

- Башенкин, А.Н., М.В.Иванищева.* 1989. Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на р.Кобоже. // Новгород и Новгородская земля: 32-35. Новгород.
- Белецкий, С.В.* 1979. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). // Краткие сообщения Института археологии 160: 3-18. Москва.
- Богуславский, О.И.* 1988. Отчет о работах Сясьской группы приладожского курганного отряда в 1987 г. // Архив ИА РАН.
1991. К хронологии юго-восточного Приладожья IX-XIII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 99-114. Ленинград.
- 1991a. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тыс. н.э. (опыт историко-культурной периодизации). Автореф.дисс... канд. ист. наук. Ленинград.
- Бранденбург, Н.Е.* 1895. Курганы Южного Приладожья. // Материалы по археологии России 18.
- Брыкина, Н.А., С.И.Кочуркина, О.И.Сазонова.* 1972. Исследования в Приладожье. // Археологические открытия 1971 г.: 25-26. Москва.
- Голдина, Р.Д., О.П.Королева, Л.Д.Макаров.* 1980. Агафоновский I могильник // памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области. // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье: 3-66. Ижевск.
- Голубева, Л.А.* 1973. Весь и славяне на Белом озере в X-XIII вв. Москва.
- Давидан, О.И.* 1980. Бронзолитейное дело в Ладого. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 59-67. Ленинград.

1986. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 27: 99-105. Ленинград.
- Дайга, И.В.* 1960. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.). // Совесткая археология 3: 7-92. Москва.
- Колмогоров, А.И.* 1914. Тихвинские курганы. // Труды XV Археологического съезда. Т.1: 411-434. Санкт-Петербург.
- Кочкуркина, С.И.* 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья: 411-434. Петрозаводск.
- Крупейченко, И.П.* 1984. Отчет о раскопках у д.Липная Горка в 1984 г. // Архив Института археологии АН СССР. Р-1, д. № 10371.
- Львова, З.А.* 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч.1. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 10: 64-94. Ленинград.
1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч.2. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 12: 89-111. Ленинград.
- Мачинская, А.Д.* 1988. Металлические украшения Старой Ладogi и хронология древностей лесной зоны Восточной Европы (VIII-X вв.). // Дипломная работа на каф. археологии исторического факультета ЛГУ. Ленинград.
- 1988а. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi. // Новгород и Новгородская земля: 17-19. Новгород.
- Моора, Х.* 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. // Munera archaeologica Josepho Kostrzewski: 355-368. Poznan.
- Назаренко, В.А.* 1982. Норманны и появление курганов в Приладожье. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 142-147. Ленинград.
1983. Погребальная обрядность Приладожской чуди: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ленинград.
- Плетнева, С.А.* 1989. На славяно-хазарском пограничье. Москва.
- Плоткин, К.М.* 1974. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 139: 13-16. Москва.
- Равдоникас, В.И.* 1929. Материалы работ в Карелии и юго-восточном Приладожье в 1929 г. // Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Ф.2, д. № 112.
1931. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них. // Сообщения Государственной академии института истории материальной культуры 3: 1-6. Москва-Ленинград.

1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. // Известия Государственной академии истории материальной культуры 94. Москва-Ленинград.
- Рассказов, В.И. 1929. Отчет о разведке в Тихвинском районе Ленинградской области. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.2. 1929 г. Оп. 1. Дело 123.
- Репников, Н.И. 1915. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. // — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. XI: 35-42. Санкт-Петербург.
- Рябинин, Е.А. 1982. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973-1975 гг.). // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 165-172. Ленинград.
1985. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.). // Средневековая Ладoga: 27-75. Ленинград.
- Рябинин, Е.А., Н.Б.Черных. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. // Совесткая археология 1: 72-100. Москва.
- Седов, В.В. 1970. Новгородские сопки. // Археология СССР: Свод археологических источников Е 1-8.
1974. Длинные курганы кривичей. // Археология СССР: Свод археологических источников Е 1-8. Москва.
- Спицын, А.А. 1895. Дополнительные замечания. // Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России 18: 143-154. Санкт-Петербург.
- Тараканова, С.А. 1956. Псковские городища. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 62: 3-44. Москва-Ленинград.
1959. Городища Псковское и Камно (рукопись и альбом). // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф.35. Оп. 2. Дело 1859, 1859-А.
- Шмидехельм, М.Х. 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии. // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции: 154-185. Москва.
- Шмидт, Е.А. 1970. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. // — Материалы по изучению Смоленской области 7: 219-235. Смоленск.
- Petersen I. 1919. Die norske vikingesverd: 42. Kristiania.
- Petersen I. 1928. Vikingetidens redskaper. Oslo.

МОГИЛЬНИК У ДЕРЕВНИ КРИВОЙ НАВОЛОК В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

(по следам забытой коллекции
Новгородского музея)

В архиве управления охраны памятников и Государственного исторического музея в Стокгольме имеется фотография планшета вещей, хранившихся в Новгородском музее, на которой есть пояснение: "Погребальная находка(ки) из Новгородской губернии (города) Новгородский музей" (АТА, Марр 46в, нег. № А 783:234). Фотография планшета явно происходит из России, поскольку в ее левом нижнем углу виден масштаб в вершках. Всего на планшете представлено 11 предметов: две скандинавских скорлупообразных фибулы и одна западнофинская круглая, подковообразная фибула с двумя головами животных, небольшая подковообразная фибула со спиральными концами и коротким язычком, металлический предмет (выпуклая скобочка), две полые подвески-уточка, три браслета с несомкнутыми концами, два из которых ладьевидные, а один - пластинчатый (рис.1).

В 1930 г. несомненно эти находки упоминал в своей статье Э.Флодерус. Рассматривая круглые фибулы западнофинского типа найденные в Швеции, он, в частности, писал: "Фибула очень близкая этой найдена в шведском погребении под Новгородом и находится сейчас в Новгородском музее. Погребение содержало также две овальные фибулы, почти такого же типа как этот комплекс Кунгсер: три несомкнутых браслета из бронзы, две подковообразные фибулы, на одной из которых имеются две головы зверей, обращенные друг к другу, этот тип представлен в Бирке и на Готланде. По сведениям доктора Т.Арне данный комплекс *абсолютно закрытый*." (Floderus 1931:16, подчеркнуто нами).

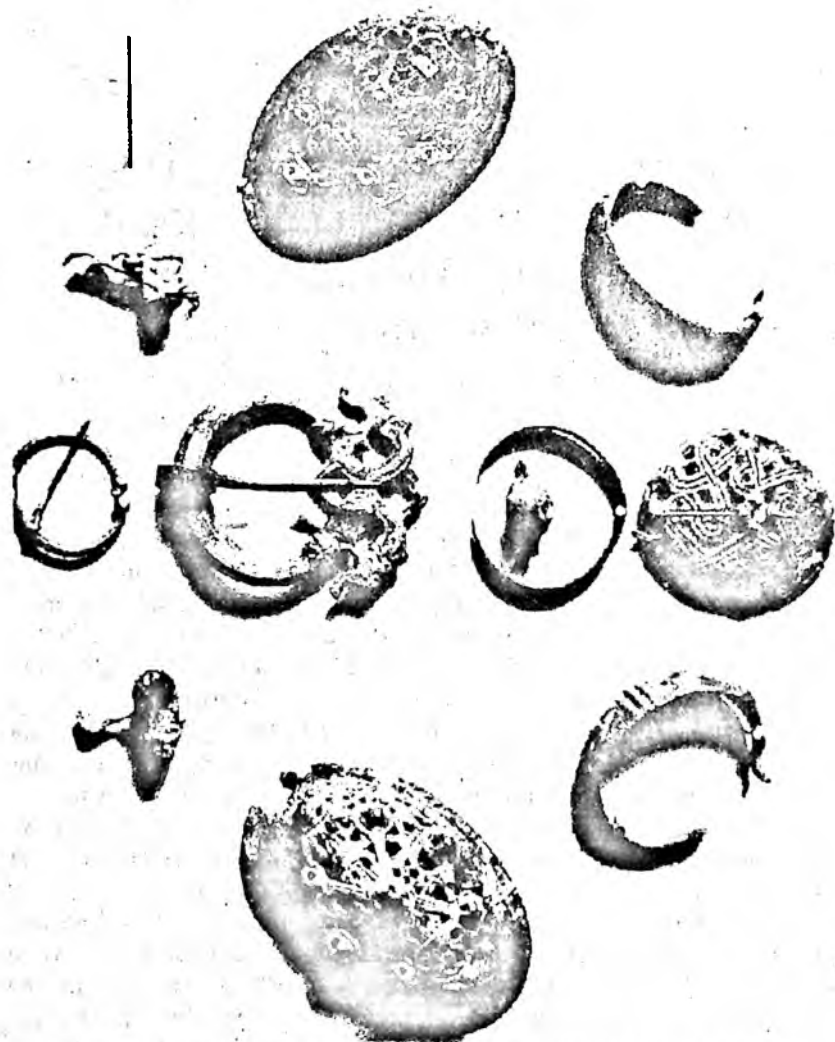

Рис.1. Фотография предметов из неизвестного могильника, хранившихся в Новгородском музее в начале века (Стокгольм, Архив управления охраны памятников и государственного исторического музея).

Приведя эти сведения Э. Флодеруса и комментируя их, Н. Клеве в 1934 г. отмечал, что "на фотографии очевидно тех же самых находок, имеющейся в музее Дерпта есть следующая надпись, сделанная проф. Р. Хаусманом: "Новгород, музей. Без точного адреса, 1911. Случайные находки. место и время не определены, выявлены во время половодья. Сведения каталога не определены." В примечании к этой фотографии Н. Клеве добавил, что данная информация была сообщена ему М. Шмидехельм (Cleve 1934:406).

Итак, откуда же происходит комплекс вещей, включающий предметы скандинавского происхождения, не попавшие в своды этих древностей на Руси и неизвестные широкому кругу исследователей? (Дедюхина 1967). Если действительно находка была сделана во время весеннего паводка Волхова, где-то у Новгорода, то вопрос о скандинавских погребениях в самом центре Северной Руси, как и вообще о древнерусских захоронениях X-XI вв. под Новгородом, получил бы совершенно новое освещение. К сожалению, работа с археологическими коллекциями новгородского музея, относящимися к довоенному периоду, крайне сложна. Дело в том, что они были вывезены в Германию во время войны, во многом утрачены, а то, что было возвращено трудно идентифицировать по отдельным памятникам, несмотря на имеющиеся на вещах инвентарные номера, так как все коллекционные описи того времени погибли. Тем не менее, происхождение вещей, упоминаемых Н. Клеве, Э. Флодерусом, Р. Хаусманом и сохранившихся на фотографии в Стокгольме удалось установить, а по завершению этой работы, выявить среди депортированных коллекций, возвращенных после войны из Германии, несколько вещей данного собрания. Это две скорлупообразные фибулы, два ладьевидных браслета, подвеска-уточка, 23 стеклянных и каменных бусины. К сожалению, совершенно ясно, что в Новгородском музее отсутствуют такие яркие находки, как круглая фибула и подковообразная фибула со звериными головками.

Четкий адрес находки дает "Указатель хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете" 1889 г. В нем перечислены "бронзовые и железные вещи, найденные 6 Сент. 1887 г., в боку осыпавшейся сопки, близ (1,5 вер.) дер. "Кривой Наволок" (Тихвинск. уезда, Новинской вол.) на берегу реки "Паши", доставл. Тихвинск. исправником Гречевым." (Указатель 1889:4-6). Всего по каталогу приведено 65 порядковых номеров, под которыми значатся 117 предметов, происходящих из Кривого Наволока (№№ 42-107).

В состав входят две бронзовые гривны (№№ 42,43), 53 стеклянных, 10 каменных и 4 металлических бусины (№№ 44-68, 87-90),

14 бронзовых спиралек (№ 69), 2 небольшие подковообразные фибулы со спиральными концами (№№ 71,72), массивная подковообразная фибула увенчанная двумя зооморфными изображениями (№ 70), 2 овальные черепаховидные фибулы (№№ 73,74) и одна округлая (№ 75), одна половина и два целых ладьевидных браслета (№№ 76-78), 2 полые зооморфные подвески (№№ 79,80), 3 проволочных перстня (№№ 83-85) и один с расплющенной средней частью (№ 86), бубенчик (№ 91), 2 топора (№№ 101,102), наконечник копья (№ 103), 2 наконечника стрел (№№ 104,105), нож (№ 106), калачевидное кресало (№ 107) и предметы не совсем ясного назначения: обломки "поясного хомутика с крючком" (№ 81), чашеобразный предмет с ушком и отверстием в середине (№ 82), украшение "в виде заглавной буквы "Р" с обломанным ушком" (№ 92), а также сплавы и обломки бус и бронзовых предметов (№№ 93-100).

Принадлежность этих вещей одной коллекции подтверждается и тем, что для 26 входящих в нее вещей (№№ 42-44, 47, 57-67, 69, 73-77, 79, 80, 101,102, 105) указаны аналогии на таблицах к изданию А.С.Уварова "Меряне и их быт по курганным раскопкам" (Уваров 1871) и эти аналогии практически охватывают весь опубликованный список¹. Вещи каталога отнесены к трем группам: №№ 42-68 - гривны и бусы, то есть предметы являющиеся шейными украшениями: №№ 69-100 - "бронзовые вещи", №№ 101-107 - "железные вещи".

За исключением тонкого бронзового пластинчатого браслета, все предметы помещенные на планшет, фотография которого хранится в Стокгольме, и описанные Э.Флодерусом без труда отыскиваются среди коллекций из Кривого Наволока. Среди них "пряжка бронзовая поясная, круглая со шпиньком, концы украшены драконовыми головами" (№ 70), "пряжка того же металла, со шпиньком, круглая, лицевая сторона полукруглая, концы завиты трубочками" (№ 72), "фибулы овальные, со сквозными выпуклыми украшениями" (№№ 73,74), "фибула круглая с прорезным выпуклым рисунком" (№ 75), "запястья (браслеты) бронзовые, рисунок вдавленный ломанными линиями" (№№ 76-78), "подвески в виде птиц с лапками на шарнирах" (№№ 79,80), "чашечка с ушками, в середине круглое отверстие"

1 К сожалению, приводимыми аналогиями можно пользоваться очень осторожно, лишь для выяснения общего облика вещей, поскольку составители каталога не будучи специалистами, да и не обладая в то время типологическими разработками, указывали вещи далеко не соответствующие характеру оригиналов, о чем мы можем судить по бесспорным случаям, когда есть возможность сравнить фотографию и рисунки в атласе А.С.Уварова.

(№ 82). Примечательно, что на данный планшет были помещены вещи с близкими инвентарными номерами. Очевидно, что остальные предметы были на других планшетах согласно их номеров.

В дальнейшем коллекция из Новгородского музея не раз попадала в поле зрения исследователей. В 1891 г. графиня П.С.Уварова, давая обзор фондов областных музеев России, основываясь на изданном каталоге Новгородского музея 1889 г., кратко охарактеризовала упомянутые там находки, к сожалению, внося первую путаницу в понимание данной коллекции из Приладожья (Уварова 1891:270).

Она правильно указала, что в числе 110 номеров музейного каталога представлены находки из Новинской волости Тихвинского уезда, но посчитала, что отсюда поступила только часть предметов. Очевидно, П.С.Уварову смутили дефисы отделявшие в описи гривны и бусы, то есть шейные украшения от "бронзовых вещей" и "железных вещей". Однако, как мы отмечали, в описи под №№ 42-107 перечислены вещи одной коллекции и потому, что так свидетельствует общий заголовок "бронзовые и железные вещи, найденные 6 Сент.1887 г., в боку осыпавшейся сопки, близ (1,5 вер.) дер."Кривой Наволок", и потому, что именно для этих вещей даются аналогии, включающие номера от 42 до 105.

Рис.2. Рисунок вещей из могильника Кривой Наволок (к статье В. Ласковского и Н.Лашкова 1893г.).

Из вещей Новгородского музея П.С.Уварова опубликовала бронзовую подвеску-уточку и подковообразную фибулу с концами в виде голов животных, а также упомянула о бронзовых браслетах и черепаховидных фибулах (Уварова 1891:270, рис.70,79).

Изданное в 1893 г. В.Ласковским и Н.Лашковым "Краткое описание Новгородского музея" также содержит указание на хранящиеся там вещи, найденные в Тихвинском уезде "в могильнике размытом вешнею водою" (Ласковский, Лашков 1893 58). Перечисленные в списке 49 предметов сопоставимы с предметами описи 1889 г. Однако, в отличие от списка 1889 г., здесь вещи названы без порядковых номеров, без размеров, без конкретных характеристик (например, описание овальных и круглой фибул дано в одной общей фразе: "три бронзовые фибулы (застежки, брошки) сложного рисунка и хорошей работы").²

В основной перечень предметов 1893 г. вошли наиболее эффектные и интересные на взгляд составителей вещи (фибулы, браслеты, перстни, подвески, бусы, сережки). В данном списке отсутствуют железные предметы (исключение составляют ножи), а также значительная часть различных бронзовых вещей, включая шейные гривны и сплавы бронзы. Создается впечатление, что авторы и не ставили своей целью составить полный каталог хранящихся древностей, поскольку здесь же в приложенных к тексту двух таблицах с рисунками вещей, которые без труда соотносятся со списком 1889 г. (фибулы, браслеты, подвески-уточки и т.д.) изображены и железные предметы, отсутствующие в текстовой части (топор, наконечник копья, кресало, названное в списке 1889 г. "В-образным предметом"). Следует подчеркнуть, что именно опубликованные В.Ласковским и Н.Лашковым рисунки играют решающую роль в ряде случаев при уточнении типов описываемых предметов и еще раз подтверждают ошибку допущенную П.С.Уваровой в атрибуции многих вещей из Тихвинского уезда, как не имеющих точного топографического адреса (рис.2,3).

Обращает на себя внимание, что во втором списке имеются вещи отсутствующие в первой описи 1889 г. К таким предметам относится тонкий бронзовый браслет с орнаментом из линий и точек (именно

2 Однако, даже такое описание полезно для уточнения характера некоторых предметов. Так становится ясным, что "дутые репы" первого списка - это металлические бусы, а шпилька в виде "буквы Р" - это, скорее всего, сережка с двумя вставленными в нее камешками.

он попал на планшет, фотография которого хранится в Стокгольмском архиве), а также к упомянутому в описи 1889 г. одному ножу прибавлены еще три. Отсутствие в каталоге 1893 г. ряда вещей (в частности, таких как гривны) и появление 4 новых предметов, видимо, свидетельствует о начавшейся путанице в хранилище Новгородского музея.

В путеводителе по Новгороду 1910 г. В.П.Ласковского также имеется глухое упоминание, видимо, той же тихвинской коллекции, когда сообщается, что основу коллекции "остатков бронзового века музея" (застежки-фибулы, пряжки, кольца, бубенцы, ножички) составляют вещи из курганов "преимущественно тихвинского и белозерского уездов" (Ласковский 1910:98,99).

В 1911 г. во время проходившего в Новгороде ХУ Археологического съезда его делегаты имели возможность осмотреть вещи из коллекции местного музея и посетить специальную выставку. Очевидно, именно тогда некоторыми участниками съезда были получены фотографии находок, оказавшиеся позднее в Дерпте (на ней указана дата 1911 г.) и в Архиве Управления памятников и Государственного исторического музея в Стокгольме. Вещи на сфотографированном планшете, не были на него нашиты, что часто делалось при их хранении в собраниях русских музеев, а прикреплены маленькими гвоздиками и частично повешены на них. Это, возможно, свидетельствует, что планшет был подготовлен непосредственно для экспозиции на время съезда. К началу работы последнего в Новгороде был издан каталог выставки, включавший "древности первобытные, гражданского и военного быта" из частных собраний, которая была устроена в "доме дворянства на Сенной площади" (Каталог выставки 1911). К сожалению, каталог ничего не дает для уточнения состава находок из д.Кривой Наволок. Дело в том, что коллекции Новгородского музея древностей были "все оставлены нас своих местах" и не включены в каталог, а к съезду готовился краткий указатель только вещей из церковного отдела музея (Каталог выставки 1911: предисловие; Жерве 1992:249).

Т.Арне, принимавший участие в работе съезда (и тогда же избранный членом Новгородского общества любителей древности), в своей монографии 1914 г. о шведско-русских контактах в эпоху викингов, со ссылкой на осмотренную в Новгороде экспозицию, дал характеристику вещей из района Тихвина. Видимо, именно он, будучи руководителем Отдела железного века Стокгольмского музея, и привез в Швецию фотографию новгородских находок, в дальнейшем переданную в архив в Стокгольме. "Из Тихвинского уезда, - писал Т.Арне, - я знаю пару овальных фибул начала X в., найденных

вместе с плоской округлой фибулой, (все орнаментированы фигурами зверей), бронзовыми бусами и бубенчиками, бронзовой шейной гривной, кольцевидной застежкой, бронзовой цепочкой и бусами из сердолика и желтого стекла" (Арне 1914:33). Вполне очевидно, что это вещи происходящие с р. Паши из окрестностей д. Кривой Наволок.

Далее Т. Арне сообщал, что в новгородском музее есть еще пара овальных фибул, найденных в окрестностях города, а также "кольцевидная застежка" скандинавского происхождения. Эти сведения он привел со ссылкой на информацию П.С. Уваровой в Трудах I Археологического съезда (Арне 1914:33), которая, как мы показали, не разобралась с составом коллекции из д. Кривой Наволок, посчитав часть ее вещей не входящими в состав находок. Таким образом, Т. Арне, основываясь на своем осмотре экспозиции к съезду и на не точной информации П.С. Уваровой, реально дважды упомянул в книге овальные фибулы из района д. Кривой Наволок, как происходящие из разных мест, а также не включил в состав данного комплекса находок подковообразную фибулу с концами в виде звериных голов.

Следует также отметить, что среди бумаг Т. Арне сохранилась сделанная для него кем-то из русских копия опубликованного в 1893 г. В. Ласковским и Н. Лашковым рисунка скандинавской овальной фибулы (Ласковский, Лашков 1893: Рис.4). Фибула помечена (не рукой Т. Арне), как происходящая из Новгородского музея древностей, из "мерянского могильника" в Тихвинском уезде (ATA, T.J. Arnes arkiv, vol. 77, Ryssland, "Vikingafynd").

Предметы из района д. Кривой Наволок продолжали храниться в Новгородском музее и в последующем. С.М. Смирнов в 1927 г. в кратком обзоре коллекций упоминал ряд вещей, в частности, фибулы "из находок на берегу р. Паши в Тихвинском у." (Смирнов 1927:8).³

Все имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что в 1887 г. из окрестностей д. Кривой Наволок Новинской волости Тихвинского уезда в Новгородский музей поступило 117 предметов. Они были

3 В 1924 г. В.И. Равдоникас упоминал, что "из предметов Тихвинской финской курганный культуры, найденных случайно (приобретенных от местного населения)", некоторые хранятся, в частности, и в Новгородском музее. "Нам известно также, - писал В.И. Равдоникас, - что в Тихвинском уезде собирал курганные древности быв. новгородский губернатор Башилов, получивший между прочим от крестьян Новинской волости большое количество курганных вещей с р. Паши; где находятся эти вещи в настоящее время не известно." (Равдоникас 1924: 20, сноски).

собраны на берегу р. Паши, где во время весеннего паводка был размыт могильник. О том, что это был не один комплекс и не одиночная сопка или курган, говорит, как вся совокупность находок, так и упоминание В. Ласковским и Н. Лашковым именно "могильника". Среди погребений были очевидно, не только совершенные по обряду ингумации, поскольку многие предметы не носят следов явного пребывания в огне, но и совершенные по обряду кремации, так как в описи 1889 г. под №№ 93-99 включены "сплавы бронзы", а под №100 - "сплавы и обломки бус".

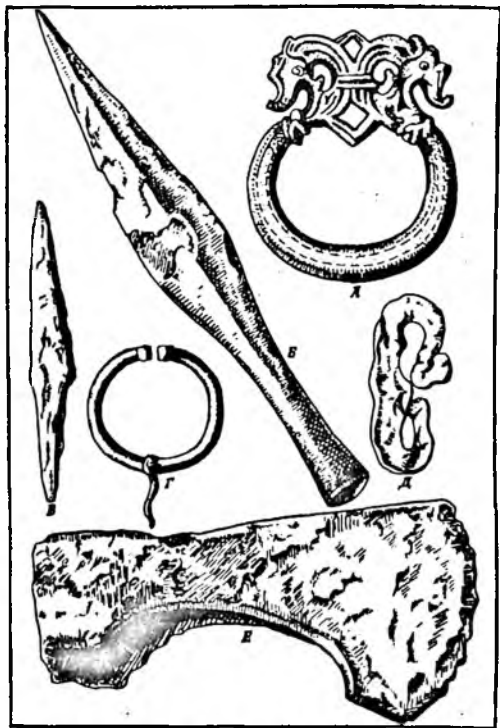

Рис.3. Рисунок вещей из могильника Кривой Наволок (к статье В. Ласковского и Н.Лашкова 1893г.).

Деревня Кривой Наволок расположена в верхнем течении р. Паши, в 10 км северо-восточнее г.Тихвина. Этот район хорошо изучен археологически. Обращение к известным памятникам ближайших окрестностей показывает, что здесь зафиксировано 9 могильников (см. Приложение). Все могильники расположены в стороне от реки и не могли размываться р.Пашей. Очевидно, что в 1887 г. был разрушен другой могильник, оставшийся неизвестным в науке и ныне полностью уничтоженный. Описание вещей, имеющееся в каталоге Новгородского музея 1889 г., при учете описания и рисунков каталога 1893 г. и фотографии из архива в Стокгольме, позволяют достаточно полно охарактеризовать поступившую в Новгород коллекцию и датировать могильник, а тем самым ввести в научный оборот забытый материал Приладожских курганов.

Перейдем к характеристике предметов, составляющих основу коллекции. В начале списка 1889 г. указаны две бронзовые гривны (окружность 13,25 вершка, то есть около 59 см)⁴. При их описании специально подчеркивалось, что концы их были "украшены спиральной насечкой." В указателе дается ссылка на витую гривну в Атласе А.С.Уварова (таблица XXXI-67). Однако, наиболее вероятно, что данные гривны были не витыми, а кручеными, так как концы витых гривн, сплетенных из отдельных проволок никогда не выглядят как "насечки." В тоже время именно затертая со временем поверхность сильно перекрученных бронзовых гривн и производит впечатление покрытой насечками, чему есть масса примеров.

Подобные гривны, которые также называются тордированными, встречаются на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси и вплоть до Прикамья, как правило, в погребениях совершенных по обряду трупосожжения. По мнению М.Ф.Фехнер преимущественно они были распространены в X в. (Фехнер 1967:59). Как показывают исследования последних лет подобные гривны известны и из курганов XI в. (например, курган № 195 в могильнике Залахтовые; неопубликованные раскопки Н.В.Хвощинской). Крученые гривны появились в Финляндии и Восточной Прибалтике уже в VIII-IX вв. и, возможно, эта территория явилась районом их возникновения (Kivikoski 1973: fig. 449, 728 with refs.). М.В.Фехнер даже полагает, что крученые гривны импортировались на территорию Руси из Финляндии и Прибалтики, а поэтому наибольшее число этих украшений сосредоточено в Приладожье и в районе Чудского озера (Фехнер 1967:59). В связи с этим надо иметь ввиду, что по данным Н.В.Рындиной техника кручения стала использоваться русскими мастерами, видимо, не ранее XII вв. (Рындина 1963:232).

Достаточно многочисленную группу находок составляют бусы. По характеру материала, из которого они были изготовлены, выделяются три группы: каменные, стеклянные и бронзовые. Последние в указателе 1889 г. отмечены как "репы дутые."

В каталоге 1889 г. все бусы разделены на 5 групп: "стеклянные граненые", три номера по каталогу (№№ 44-46); "каменные такой же величины", пять номеров (№№ 47-51); "каменные (мрамор) призматические", пять номеров (№№ 52-56); "бусы из обожженной

4 Размеры предметов, не сохранившихся в настоящее время в коллекции музея, даются согласно приведенным в описи 1889 г. с переводом вершков в сантиметры.

темной глины неправильной шаровидной формы...", 11 номеров (№№ 57-67); "39 круглых бус белого, желтого и синего стекла" (№ 68).

Уже сравнение описания каталога 1889 г. с рисунками опубликованными в 1893 г., позволило идентифицировать значительную часть бус с совершенно определенными типами. Позднее, среди коллекции вещей возвращенных из Германии, удалось выявить 23 бусины из Кривого Наволока, большинство из которых принадлежит к экземплярам помещенным на рисунок 1893 г.

Попытаемся дать более детальную характеристику бус на основе всех имеющихся данных. Начнем с анализа каменных бус. Это, прежде всего, призматические восьмигранные бусины, названные в каталоге 1889 г. "мраморными" (№№ 52-56). На рисунке 1893 г. изображено 6 таких бус, на некоторых из них показаны прожилки, что указывает на сердолик, как материал изготовления. Сейчас в коллекции Новгородского музея сохранилось 5 призматических сердоликовых бусин. Их длина 2 см, толщина между противоположными гранями 0,9-1,1 см. Бусы побывали в огне, о чем свидетельствует их белесый цвет и трещинки на поверхности. Это делает фактуру бус похожей на мрамор, что и объясняет ошибку авторов каталога 1889 г. в определении материала из которого они были сделаны. Время бытования подобных бус на территории Древней Руси определяется, главным образом, X-XI вв. (Фехнер 1959:52; Полубояринова 1991:25,26). В слоях Старой Ладogi основная группа призматических бус сосредоточена в горизонте Д - X в. (Давидан 1988:144).

Вторая группа каменных бус представлена пятью номерами в каталоге 1889 г. (№№ 47-51). Ни форма, ни материал изготовления для этих бус не указаны. Лишь для экземпляра под № 47 имеется ссылка на таблицу в Атласе А.С.Уварова (XXXV-35в), где изображена хрустальная граненая бусина. На рисунке 1893 г. имеются две бусины подобной формы, а в коллекции Новгородского музея сохранилась одна четырнадцатигранная сердоликовая бусина (размеры - 1.0 x 0.9 x 0.8 см) белесого цвета и с трещинками на поверхности, свидетельствующими о ее пребывании на погребальном костре. Трудно сказать только ли две или все пять бусин упомянутых в каталоге (№№ 47-51) были сердоликовыми и четырнадцатигранными по форме. В Старой Ладoge большинство четырнадцатигранных сердоликовых бусин (44 экземпляра) относятся к X в. и только две происходят из слоев второй половины IX в. (Давидан 1988:114, табл.). В курганах Северо-Восточной Руси подобные бусы датируются IX - началом XII в. (Фехнер 1959:176; Полубояринова 1991:29).

Следует добавить о наличии в музейной коллекции среди сохранившихся бус овальной сердоликовой бусины длиной 1,9 см и диаметром 0,5 x 0,8 см. Как и остальные ранее упомянутые сердоликовые бусы она побывала в огне - на поверхности имеются трещинки, две выщербины, а с одной стороны черная накипь. Эта бусина отсутствует на рисунке 1893 г. В Старой Ладогe было найдено пять бусин подобной формы, четыре из которых в слое X в., а одна в слое IX в. (Давидан 1988:114, табл.). Исследователи подчеркивают, что подобная форма бус была не характерна для территории Древней Руси, хотя они и были найдены в погребениях различных районов (Фехнер 1959:152,179; Полубояринова 1991:23).

В числе каменных бус новгородской музейной коллекции следует назвать две хрустальных бусины шаровидной формы, диаметром 1,2 см., с поверхностью покрытой трещинками (одна бусина обломана). Возможно, именно эти бусины изображены на рисунке 1893 г. вторыми с обоих концов ожерелья (рис.2). Такие бусы были широко распространены в курганных захоронениях Северной Руси X-XII вв., а в Новгороде они происходят из слоев XI-XII вв. (Фехнер 1959:185; Полубояринова 1991:33).

Обратимся теперь к рассмотрению стеклянных бусин. 11 из них (№№ 57-67) описаны как "бусы из обожженной глины неправильной шаровидной формы; украшены белыми переплетающимися разводами и глазками желтого, красного и синего цвета." Все они изображены на рисунке 1893 г. Хранящееся сейчас в Новгородском музее ожерелье из бус содержит 10 бусин этого типа: пять из них дошли до нас целиком, три оплавлены, но сохранили форму и цвет, а две оплавлены в очень сильной степени. Диаметр бусин 1,4 - 1,5 см. Восемь наиболее хорошо сохранившихся экземпляров представляли собой черные глазчатые бусы с белыми пересекающимися полосками вокруг немного выпуклых глазков. Окраска глазков была различна: голубое или черное ядрышко, окруженное чередующимися белыми и красными ресничками; голубое (бирюзовое) ядрышко, обрамленное красными и черными окружностями и чередующимися белыми, красными и желтыми ресничками. Бусы данного типа в X-XI вв. были широко распространены, как на территории Древней Руси, так и в странах Северной Европы (Щапова 1956:178; Фехнер 1959:167, рис.5-27, приложение IV).

Бусы под №№ 44-56 описаны в каталоге 1889 г., как "стеклянные граненые", но им в качестве аналогии из Атласа А.С.Уварова приведена не граненая, а цилиндрическая ребристая бусина (табл. XXXV-17). Две ребристые бусины имеются и на рисунке 1893 г. Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с терминологической пута-

ницей. В музейной коллекции из Кривого Наволока сейчас имеется две ребристые бусины диаметром около 1 см. Одна из них из заглушенного серовато-зеленоватого стекла, другая из безцветного прозрачного стекла. Ребристые бусы были распространены на всей территории Руси, а также широко встречались на памятниках Прибалтики в течение длительного периода времени - X-XII вв. (Шапова 1956:175,176; Шапова, Дайга 1961:190,191; Львова 1968:79).

В последнюю группу в указателе 1889 г. объединены (№ 68) "39 круглых бус белого, желтого и синего стекла". При сравнении описания с рисунком 1893 г. (рис.2)

среди этой группы выделяются две разновидности: гладкие круглые бусы с полихромными глазками (3 экз. на рисунке) и шарообразные бусы (2 экз. на рисунке; впрочем, в данном случае возможно изображены хрустальные бусины, о чем мы уже упоминали). В коллекции сохранившейся в музее до наших дней имеется шарообразная бусина из непрозрачного желтого стекла и глазчатая зонная желтая бусина. Глазки последней печоночно-красного цвета с белыми ресничками и ядрышком. Подобные глазчатые и монохромные бусы хорошо известны на памятниках Древней Руси и сопредельных территорий (Шапова 1956:165-166, 177-178).

В целом состав каменных и стеклянных бус рассматриваемой коллекции типичен для курганных древностей Северной Руси и, в

Рис.4. План расположения известных могильников в верхнем течении р.Паши в районе д.Кривой Наволок.

частности, для Приладожских курганов. Никаких определенных данных для характеристики 4 металлических бусин нет.

Две большие овальные фибулы (шифр НГМ 7169-7170) принадлежат к скандинавским фибулам варианта F типа 51 (Jansson 1985:67 ff., fig.54-55). Обе фибулы имеют длину по 11 см. Одна из фибул (№7169) несколько деформирована. Ширина фибулы сохранившейся лучше - 7,1 см, высота - 3,4 см. Фибулы были отлиты из двух частей: верхние раковины ажурной работы покрывали большую часть нижних раковин, на спинках которых закреплялись иглы. Фрагмент железной иглы имеется на фибуле лучшей сохранности и на обеих фибулах есть остатки железной проволоки с согнутыми концами, на которой между двумя отлитыми ушками крепилась игла.

Девять ажурных выпуклин на верхней раковине выполнены в стиле Kd, а соединяющие их полосы украшены двумя продольными линиями. Характер украшений на нижнем краю верхней раковины со следами неглубокого линейного узора относится к типу Vd a1, а край нижней раковины - широкий и ровный, принадлежит к типу Kt d (Jansson 1985:67 ff., 100 ff., figs. 56,89,92).

На фибуле сохранившейся лучше, "краевое отверстие" было просверлено через край на стороне крепления иглы. На другой фибуле край в этой ее части сломан, а на противоположном конце верхняя раковина оплавлена из-за воздействия огня. Качество орнаментации обычно для овальных фибул эпохи викингов, то есть оно не очень высокое, а детали изображения животных отличаются грубостью и упрощенностью.

Овальные фибулы использовались парами для скрепления на плечах длинного женского платья с бретелями. Отверстия на краях фибул делались для привешивания между парными застежками цепей, низок бус и подобных украшений. В большинстве районов Руси, также как в Скандинавии, такие отверстия обычно находились несколько сбоку от центра на том краю фибулы, где был держатель иглы. Однако, на фибулах Юго-Восточного Приладожья отверстия располагались несколько иначе, а именно вертикально вниз от держателя иглы, что несомненно было связано с распространенными в этом районе тяжелыми наборными цепями и подвесками (Jansson 1992:71,72, fig.6).

Тип 51 является наиболее распространенным среди овальных фибул и составляет более половины всех известных находок. Вариант F, однако, не столь многочисленен, но подобные экземпляры встречаются от Британских островов на западе до Руси, на востоке. Рассматриваемый тип фибул характерен для середины эпохи викин-

гов (вторая половина IX - конец X в.). Вариант F типа 51 наиболее широко бытовал в первой половине X в. (Jansson 1985:174).

Слегка выпуклая круглая фибула диаметром 6,7 см, с ажурным орнаментом в виде переплетенных рельефных лент, изображающих грубостилизованных животных. Вокруг центрального отверстия фибулы располагались четыре маленькие шпенька, а еще четыре таких же шпенька находились по краям застежки. Вся ажурная поверхность фибулы разделена на четыре сектора радиальными рельефными полосами, которыми шпеньки расположенные в центре щитка соединялись со шпеньками на краю.

Этот тип фибул является характерным для юго-западной Финляндии (собственно Финляндии, Сатакунты и Тавастланда). Фибула из Кривого Наволока представляет собой промежуточную форму между типами С и D данного типа застежек и относится к периоду "925-975? гг.", по хронологии П.-Л. Лехтосало-Хиландер (Lehtosalo-Hilander 1982:95,100). Фибулы этого типа использовались попарно для скрепления женского платья на плечах, подобно фибулам в скандинавском костюме. Кольцо или петля из металлической проволоки, закрепленные в отверстиях у края, видимо, служили для привешивания ожерелья, подвесок или иных украшений. За пределами Финляндии ряд аналогичных фибул найден в Восточной части Центральной Швеции и на Готланде (Floderus 1931), а отдельные экземпляры происходят с территории южного и восточного побережья Балтики и из Руси (Трофимов 1909: курган № 37 могильника Залахтовье; Cleve 1934; Äyugäärä 1946). Вне Финляндии такие фибулы встречаются по одиночке и, обычно, не сочетаются с другими элементами западнофинской культуры. Видимо, эти застежки здесь имели иное функциональное назначение, чем в Финляндии, и не использовались для скрепления женской одежды на плечах.

Подобная фибула вместе с двумя скандинавскими овальными фибулами была найдена в захоронении по обряду кремации из Мальберга к западу от Бирки - приход Кунг Карл, провинция Седерманланд (Floderus 1931:15f, fig.3; Paulsen 1933:70, pl.27:2; Lehtosalo-Hilander 1982:95; Jansson, 1985:79,208). Очевидно, она была использована женщиной Седерманланда для скрепления верхней одежды на груди вместо употреблявшихся с этой целью равноплечных, трилистных или больших круглых фибул скандинавских типов. Овальные фибулы в данном погребении принадлежали к редкому "мальмерскому" варианту фибул типа 51. Они отличались от других вариантов данного типа фибул орнаментацией в стиле борющихся животных, типичной для раннего периода викингов. Однако, для датировки всего погребального комплекса этим време-

нем данных недостаточно, а поэтому мальмерское захоронение относится к среднему периоду эпохи викингов, что кстати подтверждается находками двух подвесок с орнаментом в зверином стиле типов 154 и 159 по Я.Петерсену: 154 - в стиле Еллинг, 159 - в стиле Борре (Petersen 1928: 137f., 140; Callmer 1989: 23f., 28f.; типы в пределах групп А3 и В).

Литая подковообразная фибула диаметром 6,7 см, оканчивающаяся звериными головками является редким предметом. Кольцо имело трапециевидное сечение, с лицевой стороны вдоль трех его граней нанесен чеканный орнамент из рядов мелких треугольников. При переходе кольца к головке расположены валики в виде грубой плетенки. Концы фибулы уплощены и представляют собой профили двух головок фантастических животных, смотрящих в разные стороны. Глаза изображены, как точка в кружке. Рельефными бороздками оформлены уши, пряди волос, спускающиеся на лоб, края шей, выделяются языки, которые, как бы переходя через кольцевую часть фибулы во внутрь, соединяются между собой углом. Кроме того, животные соприкасаются изогнутыми шеями. С внешней стороны фибулы две независимые ленты образуют угол симметричный углу внутри кольца. Таким образом, существуют три перемычки между головками, которые делают фибулу "псевдоподковообразной". Кованая игла расплющена на одном конце и обмотана вокруг кольца.

Подковообразные фибулы, оканчивающиеся головками животных, образуют скандинавский вариант подковообразных фибул, которые характерны для Восточной Европы и районов к востоку и к западу от Балтийского моря, но редко встречаются в западной Скандинавии. Фибула из Кривого Наволока имеет ближайшую аналогию из мужской камерной могилы в Бирке, центральная Швеция (могила № 886; Arbman 1940, 1943: pl.49:2; Thålin 1984:19). Фибула из Бирки отличается лишь незначительными деталями от рассматриваемой фибулы, прежде всего, характером переплетения в стиле Борре. Точную аналогию головкам животных дает также бляшка на уздечке из корабельного погребения в Борре, Норвегия, от которого весь стиль и получил свое название (Brogger 1916: fig.16). Этот стиль датирует фибулы из Кривого Наволока и Бирки серединой эпохи викингов. Погребение в Бирке дополнительно подтверждает эту дату. В нем был найден меч типа Н/І по Я.Петерсену, щит, игральная доска с фигурами и две серебряные исламские монеты, одна из которых чеканена после 805 г., а другая в 900 г. (Arbman 1940, 1943: 344f.), что позволяет отнести захоронение к X в.

Даже если подковообразные фибулы, оканчивающиеся повернутыми в профиль головками животных редки в Скандинавии, они, по-видимому, являются прототипами двух довольно многочисленных серий фибул, на которых звериные головки более стилизованные. Одна из серий происходит с острова Готланда и по всей вероятности датируется серединой или поздним периодом эпохи викингов (Nylen 1956: fig. 2-5a; Carlsson 1988:30 fig.; 70-74; type Dju:Nj), вторая серия известна, как на Готланде, так и в восточной Прибалтике и на обеих территориях они датируются поздней эпохой викингов XI в. и, возможно, даже XII вв. (Nylen 1956:46, fig.5b; Carlsson 1988: 30 fig.; 70f-; type Dju:Ru; Thunmark-Nylén 1992:160, figs.5-6).

Две подковообразные фибулы со спиральными головками средних размеров (диаметр 3,3 см и 4,4 см), судя по описанию и особенно по фотографии, имели обычное подтреугольное сечение. Такие фибулы были широко распространены у населения Северной Руси в X-XII вв. (Мальм 1967:152-153) и являлись одним из доминирующих типов в курганах Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина 1973:30-31). Одинаковая толщина кольца и узкое основание иглы и спиральные головки, видимые по имеющимся изображениям, являются характерными чертами для ранних фибул данного типа. Аналогичные типы застежек известны также в Швеции, Финляндии и странах Восточной Прибалтики (Thålin 1984:16; Ginters 1984:23 with refs; Carlsson 1988:43,73).

Две полые зооморфные подвески (одна фрагментарна), судя по фотографии, принадлежали к одному типу⁵. Одна из подвесок сохранилась в фондах Новгородского музея. Она имеет форму плывущей уточки, туловище которой украшено рельефными валиками с насечками, видимо, изображающими крылья. На спине, ближе к голове имеется маленькое круглое отверстие. Длина подвески 3,4 см, высота - 1,9 см, ширина - 1,2 см. К туловищу прикреплены две петли с привесками в форме утиных лапок, длиной 2,3 см и шириной 1 см.

Рассматриваемые нами экземпляры украшений учтены в своде зооморфных подвесок, составленном Е.А.Рябининым (№ 502 по

5 Указание составителей первого списка на типологическое соответствие данных подвесок типу украшения изображенного в Атласе А.С.Уварова на табл. XXУ-21, не соответствует действительности. Их объединяет лишь общее понятие "полая зооморфная подвеска." В Атласе изображенна подвеска совершенно иного облика и относящаяся к более позднему типу этих украшений.

каталогу) и отнесены к типу ХУІІІ, вариант 1. Е.А.Рябинин, ссылаясь на сведения П.С.Уваровой 1891 г., отмечает находку, как предположительно хранящуюся в Новгородском музее и, возможно, происходящую из Юго-Восточного Приладожья. Согласно Е.А. Рябинину, на территории Северной Руси всего известно 20 подвесок данного варианта, а большинство (18) происходят из Юго-Восточного Приладожья. Еще по одной подвеске найдено в Новгороде и в Прионежье. За пределами Северной Руси аналогичный экземпляр встречен в Верхнем Прикамье. Е.А.Рябинин полагает, что наиболее вероятной датой этих украшений является вторая половина X-середины XI в. (Рябинин 1981: 35-36).

Под номером 69 указаны "14 скрученных пластинок (шириной 0,3 см, длиной от 2,2 см до 31 см), одна сторона плоская, другая с небольшим гребнем." Типологическую близость описываемым предметам авторы указателя 1889 г. видят в стеклянных пронизках в Атласе А.С.Уварова (табл.ХХХУ-28,30). Судя по описанию и размеру, нет сомнения, что речь идет о мелких бронзовых спиральках, изготовленных, видимо, из тонких пластинок подтреугольного сечения. Подобные спиральки были широко распространены в памятниках культуры длинных курганов, занимавших лесную зону Восточной Европы во второй половине первого тысячелетия н.э. (Седов 1974:31, табл.23:6,7,8,10,13-17), а также в прибалтийских древностях, особенно в памятниках земгалов и латгалов. У балтских народов бронзовые спиральки были неотъемлемой частью женского головного убора (вайнаги), а также входили в состав других украшений (Zarina 1970:112 f., 151 f.). Бронзовые спиральные пронизки встречаются в погребениях и других прибалтийских племен, в частности, финского происхождения (Tónišson 1974: pl.4:3-5; Selirand 1974: pl.18,23)..

Особый интерес представляют массивные браслеты, относящиеся к типу ладьевидных и зафиксированные в указателе 1889 г. под №№ 76-78. Два браслета были целых, а один сохранился на половину. Оба целых браслета имеются на фотографии и один из них - на рисунке и оба браслета представлены сейчас в фондах музея в коллекции вещей возвращенных из Германии (НГМ №№7171-7172). Один из них (НГМ №7171) несколько массивнее другого, имеет диаметр 6,9 см и ширину 2,5 см. Размеры другого браслета 7 см в диаметре и 2,3 см ширины. Оба браслета литые, суживающиеся к концам. Их внешняя поверхность украшена углубленным зигзагообразным орнаментом, разделенным вертикальными валиками. Один из концов более массивного браслета оплавлен в огне, а один из концов другого сломан.

В целом подобные браслеты характерны для Скандинавии (Petersen 1928:151 ff., figs., 183 f., 186-189). Спорадически они также встречаются в Финляндии (Kivikoski 1973: figs.736,740 with refs.), в странах Восточной Балтики (Tónnisson 1974:128 f.) и на Руси. Наибольшее количество с территории последней происходит из Приладожских курганов конца X - начала XI вв. (Левашова 1967:243; Кочкуркина 1973:41). Как полагает большинство русских исследователей ладьевидные браслеты были предметами импорта из Скандинавии, однако, в некоторых случаях можно говорить о местных подражаниях. Литейная формочка для изготовления браслетов рассматриваемого типа с косыми линиями, как единственной орнаментацией, найдена в горизонте Д Старой Ладogi (Давидан 1980:59 и сл., табл.2:18). Браслеты украшенные зигзагом с острыми углами (в сравнении с волнистым орнаментом) согласно современным нашим знаниям неизвестны в Скандинавии, но найдены на различных памятниках Юго-Восточного Приладожья (Бранденбург 1895 табл.4:3) и поэтому экземпляры из Кривого Наволока, возможно, являются продукцией восточного производства.

Достаточно определенно можно идентифицировать типы перстней. Три из них (№№ 83-85) охарактеризованные как "перстни из круглой проволоки", очевидно представляют собой обычные провололочные спиральные перстни. В древнерусских курганах они, как правило, встречаются в погребениях X-XII вв., в Новгороде подобные перстни обнаружены в слоях XI - первой половины XIII вв. (Седова 1981:122,125). В свою очередь перстень под № 86 можно отнести к разряду усатых. Основанием для этого служит замечание о том, передняя часть перстня была "расплющена". Мы не можем восстановить точный облик данного украшения, что имеет значение для датировки, но, судя по материалам древнерусских курганов, подобные перстни относятся, в целом, к концу X - началу XII вв. (Недошивина 1967:257,258,267).

В каталоге 1889 г. под №№ 101 и 102 значатся два железных топора. один из которых помещен на рисунке 1893 г. Он относится к типу У по классификации А.Н.Кирпичникова. Особенностью подобных топоров является их прямая грань и щекавицы, расположенные только к низу. Такие топоры были типичны для курганов Юго-Восточного Приладожья и должны быть отнесены, исходя из типологических особенностей выделенных А.Н.Кирпичниковым, к X - XI вв. (Кирпичников 1966:30, 37-37). Однако, данный экземпляр топора из могильника Кривой Наволок в каталоге А.Н.Кирпичникова пропущен. Данный тип топоров хорошо известен в Финляндии и

Эстонии но, кажется, не имеет параллелей в Скандинавии (Taavitsainen 1990:193 with refs.).

Наконечник копья (№ 103) также изображен на рисунке 1893 г. А.Н.Кирпичников включил его в свой каталог в группу ланцетовидных наконечников копий I типа (Кирпичников 1966:9,12,78, № 245). В целом это достаточно ранние копья, преобладавшие в Приладожских курганах в X в., хотя рассматриваемый экземпляр А.Н.Кирпичников отнес к XI в., поставив при этом знак вопроса и никак это не аргументируя.

Среди железных предметов под № 107 отмечено украшение в виде буквы "В". Сравнивая описание с рисунком не трудно догадаться, что речь идет о калачевидном кресале - вещи достаточно широко распространенной, как на поселениях, так и в погребениях X-XIII вв. (Колчин 1982:161,163, рис.4).

Об остальных упомянутых в списке 1889г. предметах трудно сказать что-либо определенное.

Суммируя наблюдения о сохранившейся коллекции вещей из разрушенных погребальных комплексов у д.Кривой Наволок, можно констатировать, что в целом они характерны для культуры приладожских курганов, где, наряду с прочими, присутствуют предметы скандинавских и западнофинских типов. В состав коллекции входят, как предметы из погребений, совершенных по обряду кремации, так и, возможно, вещи из погребений по обряду ингумации. К погребальному инвентарю трупосожжений могут быть отнесены оплавленные фрагменты стеклянных и сердоликовых бус, оплавленные кусочки бронзы, а также, возможно, некоторые железные предметы. К примеру, судя по рисунку, наконечник копья явно отличался достаточно хорошей сохранностью, что обычно для железных предметов, побывавших на погребальном костре. Значительная группа вещей, видимо, происходит из погребений по обряду ингумации. В коллекцию входят вещи характерные, как для мужских, так и для женских захоронений. Исходя из хронологии отдельных предметов, наиболее вероятная общая дата рассмотренной коллекции - X - первая половина XI в. Именно этим временем в культуре Юго-Восточного Приладожья датируются курганы, содержащие биритуальные погребения (Кочкуркина 1973:13). Вполне вероятно, что поступившая в Новгородский музей коллекция вещей происходит из такого разрушенного кургана (курганов), под насыпью которого (которых) находилось несколько различных по погребальному обряду захоронений. И, наконец, всякие предположения о существовании под Новгородом могильника размытого паводком Волхова в XIX в. и содержавшего

погребения скандинавов конкретными материалами не подтверждаются.

Давидан, О.И. 1988. Скарабей из Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 29: 112-116. Ленинград.

Дедюхина, В.С. 1967. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного исторического музея 43: 191-206, Москва.

Жерве, Н.Н. 1992. Пятнадцатый археологический съезд // Советская археология 1: 245-254.

Каталог выставки. 1911. XV Всероссийский Археологический съезд. Каталог выставки. Отдел I (Древности первобытные, гражданского и военного быта, в доме Дворянства на Сенной площади). Новгород.

Кирпичников, А.Н. 1966. Древнерусское оружие II (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв.) // Свод археологических источников Е1-36. Москва-Ленинград.

Колчин, Б.А. 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Москва.

Кочуркина, С.И. 1973. Юго-Восточное Приладожье в X-XIII вв. Ленинград.

Ласковский, В.П. 1910. Путеводитель по Новгороду. Новгород.

Ласковский, В., Н.Лашков. 1893. Краткое описание Новгородского музея. Новгород.

Левашева, В.П. 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного исторического музея 43: 207-252. Москва.

Львова, З.А. 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 10: 64-94. Ленинград.

Мальм, В.А. 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного исторического музея 43: 149-190. Москва.

Недошивина, Н.Г. 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного исторического музея 43: 253-274. Москва.

Полубояринова, М.Д. 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. Москва: Институт археологии АН СССР.

Равдоникас, В.И. 1924. Тихвинский край. Тихвин.

- Ряндина, Н.В.* 1963. Технология производства новгородских ювелиров // *Материалы и исследования по археологии СССР*, 117: 200-268. Москва.
- Рябинин, Е.А.* 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // *Свод археологических источников Е1-60*. Ленинград.
- Седов, В.В.* 1974. Длинные курганы кривичей // *Свод археологических источников Е1-8*. Москва.
- Седова, М.В.* 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). Москва.
- Смирнов, С.М.* 1927 (обл.1928). Новгородский гос.исторический музей. 1917-1927. Краткий исторический очерк и обзор коллекций музея. Новгород: Новгор. музей и памятники I.
- Трофимов, К.Д.* 1909. Раскопки курганов при д.Залахтовье-Кувшиново СПб. губ. Гдовского у. Москва.
- Уваров, А.С.* 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // *Труды I. Археологического съезда*. Т.2. Москва.
- Уварова, П.С.* 1891. Областные музеи // *Труды VII Археологического съезда в Ярославле (1887)*. Т.2: 259-281. Москва.
- Указатель.* 1889. Указатель хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете. Новгород.
- Фехнер, М.В.* 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // *Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.* Труды Государственного исторического музея 33: 149-224. Москва.
1967. Шейные гривны // *Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.* Труды Государственного исторического музея 43: 55-89. Москва.
- Щапова, Ю.Л.* 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // *Материалы и исследования по археологии СССР* 55: 164-179.
- Щапова, Ю.Л., И.Д.Дайга.* 1961. Стекланные бусы и браслеты Асотского городища // *Э.Д.Шноре. Асотское городище: 185-195*. Рига.
- Arbman, H.* 1940-1943. Birka 1. Die Gräber. Text und Tafeln. Stockholm.
- Arne, T.J.* 1914. La Suède et l'Orient. Études archaéology sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'age des vikings // *Archives d'études orientales* 8. Uppsala.
- Äyräpää, A.* Eine finnischen Fibel aus einem slawischen Burgwall auf Rugen // *Finnisch-ugrische Forschungen* 29.
- Brogger, A.W.* 1916. Borrefundet og Vestfoldkongernes graver // *Videnskaps-selskapets skrifter* 2. Kristiania., 1946.
- Callmer, J.* 1989. Gegossene Schmucanhänger mit nordischer Ornamentik // *Birka II:3*. Stockholm.

- Carlsson, A.* 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog // Studies in Archaeology 8. Stockholm.
- Cleve, N.* 1934. Finnändische runder Fibeln der Wikingerzeit aus Osteuropa // Eurasia septentrionalis antiqua 9.. Helsinki.
- Floderus, E.* 1931. Finländska runda "ormspännen", funna i Sverige // Finskt Museum 37, 1930. Helsingfors.
- Ginters, V.* 1984. Der Ursprung der Ringspangen von östlichem Typ // Birka II: I. Systematische Analysen der Gräberfunder (ed. G.Arwidsson). Stockholm.
- Jansson, I.* 1985. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björko-fyndet. Uppsala.
1992. Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbalticum und Skandinavien im frühen Mittelalter / Studia baltica stockholmensis 9: 61-78. Stockholm.
- Kivikoski, E.* 1973 . Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Nylén, E.* 1956. Ett gotländskt spänne i Dalarna // Gotländskt Arkiv. Visby.
- Lehtosalo-Hilander, P.-L.* 1982. Luistary II. The Artefacts. Helsinki.
- Paulsen, P.* 1933. Studien zur Wikinger-Kultur // Forschung zur Vor- und Frühgeschichte aus dem Museum vorgeschichtlicher Altertümer in Kiel I. Neumunster.
- Petersen, J.* 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
1955. Vikingetidens smykker i Norge. Stavanger.
- Selirand, Ju.* 1974. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodi (11-13 sajand). Tallinn.
- Taavitsainen, J.-P.* 1990. Ancient hillforts of Finland. Problems of analysis, chronology and interpretation with special reference to the hillfort of Kuhmoinen. Helsinki.
- Thålin, H.* 1984. Ringspangen // Birka II: I. Systematische Analysen der Gräberfunde (ed.G.Arwidsson). Stockholm.
- Thunmark-Nylen, L.* 1992. Gotland - neighbour between the West and the East // Die Kontakte zwischen Ostbalticum und Skandinavien in frühen Mittelalter / Studia baltica stockholmensis 9: 155-162. Stockholm.
- Tónisson, E.* 1974. Die Gauja-Liven und ihre materielle kultur (11 Jh.-Anfang 13 Jhs). Tallinn.
- Zarina, A.* 1970. Seno latgalu apgerbs 7-13 gs. Riga.
- Abbreviations: ATA - Antikvarisk-topografiska Arkivet, Riksantikvarieämbetet och Statens historiska museer, Stockholm.

СПРАВКА О СИТУАЦИИ НАХОДКИ КОМПЛЕКСА ВЕЩЕЙ В РАЙОНЕ Д.КРИВОЙ НАВОЛОК НА Р.ПАШЕ

Деревня Кривой Наволок расположена в верхнем течении р.Паши в 10 км северо-восточнее г.Тихвина. Здесь в радиусе 1,5 км от деревни, а именно такая топографическая привязка находки указана в каталоге Новгородского музея 1889 г., известно 9 могильников (рис.4).

1. Могильник Вяльгино I состоящий из 13 насыпей расположен на окраине д.Вяльгино в 2 км к юго-западу от д.Кривой Наволок на берегу старицы р.Паши. Археологические раскопки могильника не производились (Кочкуркина 1965: 12; 1984: 13; 1989: 202; Назаренко 1973: 10,11).

2. Могильник Вяльгино II состоящий из 5 насыпей в 4 км к северо-западу от д.Кривой Наволок и в 2 км к северу от д.Вяльгино, в 350 м от берега р.Паши на высоте 50 м от воды. Археологические раскопки в могильнике не производились (Кочкуркина 1965: 12; 1984: 13; 1989: 203; Назаренко 1973: 11,12).

3. Могильник Крючково I (одна насыпь) был расположен на окраине д.Крючково на значительном расстоянии от берега р.Паши на высоте около 25 м над уровнем воды. Расстояние от могильника до д.Кривой Наволок около 1,5 км. Этот курган в 1928 г. был раскопан В.И.Равдоникасом. В нем было обнаружено 37 женских, мужских и детских костяков, располагавшихся на трех уровнях в гробах и колодах головами на запад. Материалы раскопок переданы в Карельский государственный музей, где были утрачены в годы Великой Отечественной войны (Равдоникас 1929: 22; Назаренко 1973: 10; Кочкуркина 1984: 14; 1989: 207).

4. Могильник Крючково II состоящий из 4 насыпей расположен на северо-западной окраине д.Крючково на расстоянии около 100 м от реки. В этом могильнике производил исследования А.И.Колмогоров. Им был раскопан богатый комплекс, видимо, относящийся к X в.: меч, несколько топоров, бусы, овальные фибулы, очажный набор. Судьба этих находок неизвестна. По данным В.А.Назаренко еще два кургана имеют следы профессиональных раскопок, но их автор неизвестен (Колмогоров 1914: 428; Равдоникас 1929: 22; Назаренко 1973: 10; Кочкуркина 1984: 14; 1989: 207).

5. Могильник Крючково III состоявший из 36 насыпей расположен в 1,5 км к юго-западу от д.Кривой Наволок и в 250 м к востоку от д.Крючково, в 300 м от берега р.Паши. Через территорию могильника протекает ручей. В 1924 г. три погребальные насыпи раскопал В.И.Равдоникас. Материалы раскопок переданы им в Карельский государственный музей и утрачены во время Великой Отечественной войны. Материалы относятся к концу X-началу XI в. (Равдоникас 1928: 16; 1929: 21,22; Raudonikas 1930: 52-54; Кочкуркина 1965: 11; 1984: 14; 1989: 206; Назаренко 1973: 8,9).

6. Могильник Огурцово состоявший из 3 насыпей расположен на излучине р.Паши в 70 м от реки на высоте около 8 м над уровнем воды. Могильник находится на расстоянии около 500 м к северо-западу от д.Кривой Наволок. Один курган был раскопан в 1928 г. В.И.Равдоникасом. В нем найдены остатки двух труположений, видимо, XI в. Материалы раскопок хранились в Карельском государственном музее (Равдоникас 1928: 15; 1929: 22,23; Кочкуркина 1984: 15; 1989: 207).

7. Могильник Нагавичино. Одиночная насыпь в 0,6 км к северо-востоку от д.Засыпье и в 0,7 км к юго-востоку от д.Кривой Наволок. Насыпь находится на расстоянии около 100 м от берега реки на высоте около 8 м над уровнем воды. Сведений о профессиональных раскопках насыпи не имеется (Равдоникас 1928: 15; Кочкуркина 1984: 15; 1989: 208).

8. Могильник Мельница. Одиночная насыпь находится в самой д.Мельница в 600 м юго-восточнее д.Кривой Наволок. Сведений о ее исследовании нет (Назаренко 1973: 7; Кочкуркина 1984: 15; 1989: 209)

9. Могильник Монино, состоящий из 4 насыпей расположен в 100 м от берега реки на высоте около 12 м на уровне воды, в 250 м к северо-востоку от д.Мельница и в 700 м от д.Кривой Наволок. Данных о раскопках могильника нет (Равдоникас 1928: 15; Назаренко 1973: 8; Кочкуркина 1984: 16; 1989: 209).

По всей вероятности вещи, хранившиеся в Новгородском музее не происходят ни из одного из перечисленных могильников, поскольку все они расположены на значительном расстоянии от реки и их разрушение во время половодья невозможно. Скорее всего, эти вещи были найдены в могильнике ни разу не посещавшемся археологами к настоящему времени разрушенном р.Пашей.

Колмогоров, А.И. 1914. Тихвинские курганы // Труды XУ Археологического съезда I. Москва.

- Кочуркина, С.И.* 1965. Отчет о работе археологического отряда Петрозаводского Института ЯЛИ в Ленинградской области на р.Паше за 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Фонд Р-1. Дело № 3039.
1984. Отчет о разведке по рр.Капше и Паше за 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Фонд Р-1. Дела №№ 10599 и 10599а.
1989. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- Назаренко, В.А.* 1973. Отчет о работах Приладожского курганного отряда в 1973 г. // Архив Института археологии РАН. Фонд Р-1. Дело №606.
- Равдоникас, В.И.* 1928. Отчет о разведке по Ояти, Паше и Сяси в 1928 г. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 2. Оп.1. Дело № 113.
1929. Отчеты о раскопках на Свири, в верховьях Ояти и в Белозерье в 1928 и 1929 гг. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 2. Оп.1. 1929 г. Дело №134.
- Ravdonikas, V.I.* 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.

ПЛЕМЕННОЙ ЦЕНТР ЛЕТОПИСНОЙ "ПЕЧЕРЫ" НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА (Ортинское городище VI — X вв.)

В 1960 г. в газете Ненецкого автономного округа (Архангельская область) была опубликована заметка местного краеведа В.А.Скробова о находке им стоянки с кремневой индустрией и небольшого городища, расположенных в 90 км к северу от г.Нарьян-Мар, на правом берегу р.Печоры в урочище Ортино (к заметке прилагался и схематический план крепости). Это было единственное, очень краткое (к тому же быстро забытое) упоминание о неизвестном пока в науке памятнике — укрепленном поселении в дельте р.Печоры.

Однако данная заметка заслуживала особо пристального внимания в контексте некоторых свидетельств европейских картографов: дело в том, что на европейских средневековых картах значительнее севернее Пустозерска, в самой дельте р.Печоры довольно часто обозначался, кроме Пустозерска, еще один "город" — некая "Печора". Сравнение карт XVI—XVII вв. показало, что их составители не очень четко представляли, на каком берегу реки располагался этот "город". На карте Антония Дженкинсона 1562 г. (Кордт 1899: тб. XVII), Г. Меркатора 1594 г. (Кордт 1899: тб. XXIV), а также на карте 1597 г., хранящейся в библиотеке амстердамского университета (Gorter-Grønvik 1986: 8), значок с обозначением "ПЕЧОРА" нарисован на левом берегу р. Печоры. Начиная с XVII в., например, на картах Гесселя Герритса 1613 г. (Кордт 1899: тб. XXXI), Г. Гондиуса 1635 г. (Кордт 1906: тб. XVIII) значок "города" Печоры располагается на правом берегу реки.

Б.А.Рыбаков выдвинул предположение, что "город" "ПЕЧОРА" в дельте р. Печоры — не более как ошибка или домысел Дженкинсона и эта ошибка "переходит" — тиражируется на более поздние карты:

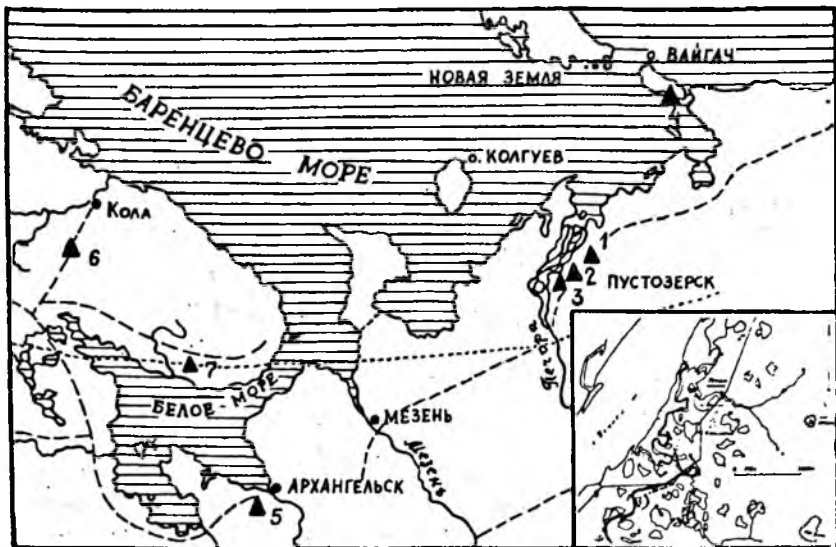

Табл. I Средневековые памятники VI-XIV вв.
в зоне восточно-европейской Арктики.

1 - Ортинское городище VI-X в.; 2 - Городище на р. Гнилке VI-X вв.; 3 - Городецкое жертвенное место VI-XIII вв.; 4 - Святылища о. Вайгач VI-XIII вв.; 5 - Архангельский клад серебряных вещей и монет XII в.; 6 - Жертвенное место на Лов-озере XI-XIV вв.; 7 - Могильники XI-XII вв. в устье р. Варзуги.

"Трудно объяснить ошибку Дженкинсона в отношении Пустозерска, на Печоре Дженкинсон поместил два "города": "Печору" в устье реки, где должен быть Пустозерск, и "Пустозерск" в 240 км ниже устья, где на самом деле стоит город Усть-Цыльма" (Рыбаков 1974:78). Б. А. Рыбаков так объясняет появление некоего нового "города" в самом устье реки непосредственно у моря: "Не подлежит сомнению, что подпись на морской карте У. Бэрроу "Печора", обозначающее устье реки Печоры (самой реки на карте Бэрроу нет), была принята Дженкинсоном за обозначение города. Ошибка с Пустозерском могла произойти лишь в том случае, если в руках у Дженкинсона был какой-то русский чертеж без океанской береговой линии, но с Пустозерском у верхней кромки чертежа... Очевидно, Пустозерск был крайней северной точкой этого предполагаемого чертежа, близкого по своему облику к картам, использованным Герберштейном и Видом" (Рыбаков 1974:54-55).

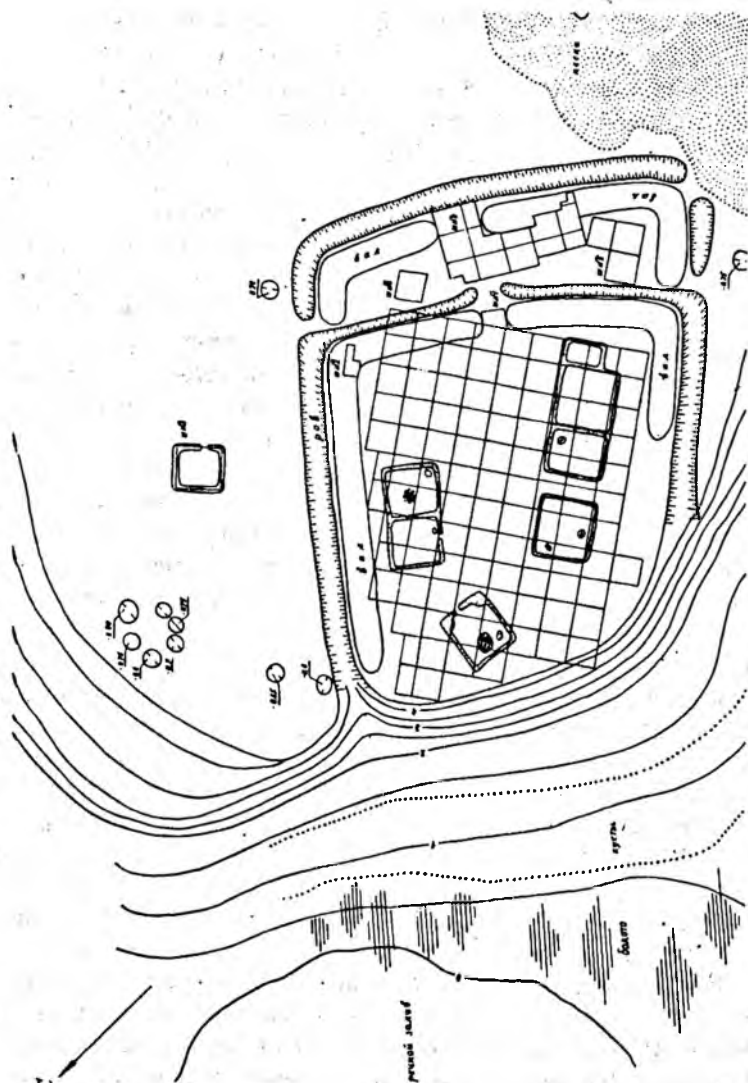

Табл. II Ортинское городище. План.

Однако, Б.А.Рыбаков не совсем точен в двух своих высказываниях: Пустозерск стоит не "у моря непосредственно", а все-таки в 50 верстах от моря, и его "место" на картах XVI–XVII вв. у озера полностью соответствует действительности. Это первое, а второе — речь об Усть-Цыльме вряд ли может идти в данном контексте, тем

более, что на картах XVI–XVII вв. этот населенный пункт отсутствует, а от Пустозерска Усть-Цыльма отстоит вверх по Печоре "в 250 верстах" (Овсянников 1990:172). Эти цифры взяты из документа 1764 г.: соответственно Пустозерск отстоит от моря на 163 км (верста XVIII в. равна 1080 м), а Усть-Цыльма от моря в 400 верстах, т. е. в 432 им.

Тем не менее, основная мысль Б.А. Рыбакова об ошибке Дженкинсона не может быть опровергнута, и, наоборот, не может быть доказана, ибо описанная им ситуация, как частный случай, логична и могла вполне иметь место. Но, на наш взгляд, возможно и иное объяснение появления загадочного города "Печора" на европейских картах: речь идет о памятнике, который не является синхронным времени составления этой карты, а существовал на несколько веков ранее. Если старинные карты XVI–XVII вв. составлялись с использованием нескольких, порой разновременных источников (картографических и письменных, устных преданий), то они являлись своеобразной "многослойной энциклопедией" знаний о том или ином микрорегионе. В этом случае город "Печора" (или поселение) можно рассматривать как памятник, исчезнувший задолго до времени составления карт. Представляется, что такое объяснение также имеет право на существование, хотя также гипотетично.

Возможно, также что западно-европейские путешественники могли идентифицировать "Печору" (река, область) и "Пустозерск" (город). Например, так произошло с Де-Ламартиньером, побывавшим в этих краях в середине XVII в.: "Печора – маленький городок, расположенный на берегу небольшого моря (залива), который носит его имя. Мы отправились в замок (острожек) представиться губернатору (воеводе), который, собственно говоря, ничто иное, как приказчик великого князя" (Де-Ламартиньер 1911:55). В данном случае нет никаких сомнений, что речь идет о Пустозерске.

Важно, что проведенное нами исследование картографического материала привело к выводу о реальности существования в дельте и низовьях Печоры еще одного, кроме Пустозерска, средневекового укрепленного поселения. Целенаправленный опрос местного населения и обращение к газетным краеведческим публикациям наряду с этим – все это реализовалось в проведенных полевых работах.

Возвращаясь к интерпретации города "Печоры" на европейских картах, мы склонны идентифицировать этот пункт с раскопанным нами в 1988–1990 гг. Ортинским городищем (Овсянников 1990: 168–169; Овсянников 1992:254–259; Ovsiannikov 1993:27–29).

Описание городища.

Городище (тб. I) расположено на так называемом Ортинском полуострове – возвышенной части берега между низкой поймой р. Печоры и полосой тундры с отдельно стоящими сопками. По существу, городище расположено на мысу, который тянется между р. Ортинкой, впадающей в р. Печору, и системой озер, также соединяющихся с Печорой. Таким образом, городище относится к памятникам мысового типа, занимает наиболее высокую оконечность мыса (около 4,5–5 км над зеркалом озер), и с трех сторон было защищено естественными преградами (водой), а с четвертой имело усиленную линию фортификационных сооружений (тб. II).

Ортинское укрепленное поселение имеет прямоугольные фасы, в плане – это неправильный прямоугольник (можно предполагать, что северо-западная часть памятника подверглась разрушению), слегка вытянутый с северо-запада на юго-восток (68 x 54 м). Три фаса крепости сохранились полностью (юго-восточный напольный фас) или частично (юго-западный и северо-восточный); оборонительные сооружения представлены в виде рвов и валов. По отношению к уровню террасы глубина рвов невелика: на напольной юго-восточной стороне не более 1,5 м, а на северо-восточной около 2 м. Высота валов также неодинакова на различных участках трассы крепостной стены: от 0,5 до 1,5 м. Укрепленное поселение имеет двухчастную планировку – основная площадка городища (площадь 2200 кв. м) окружена рвами и валами не только вдоль юго-западной и северо-восточной сторон, но и с юго-востока, образуя небольшой по площади "коридор", прикрывающий центральную городищную площадку своими рвами и валами с юго-востока (ширина узкой площадки в среднем 12 м). Приблизительно к средней части юго-восточной двойной системы валов отчетливо прослеживалось понижение, или почти полное отсутствие земляной насыпи, так что можно было предполагать наличие в этих частях памятника воротных проемов или проездов.

Центральная площадка городища ровная, но имеет отчетливый уклон к северо-востоку. Вероятно, некоторый естественный склон в эту сторону был усилен преобладающим юго-западным направлением ветров: например, на юго-западном фесе крепости вал сильно уплощен, а местами его песчаную насыпь просто сдуло. С этого же направления на городище "наступают" пески – идет активная ветровая эрозия поверхности. Возможно, таяние снега и дождевые потоки впоследствии "закрепили" этот элемент рельефа.

Во время визуального обследования городищной площадки (особенно хорошо это было видно при боковом освещении памятника

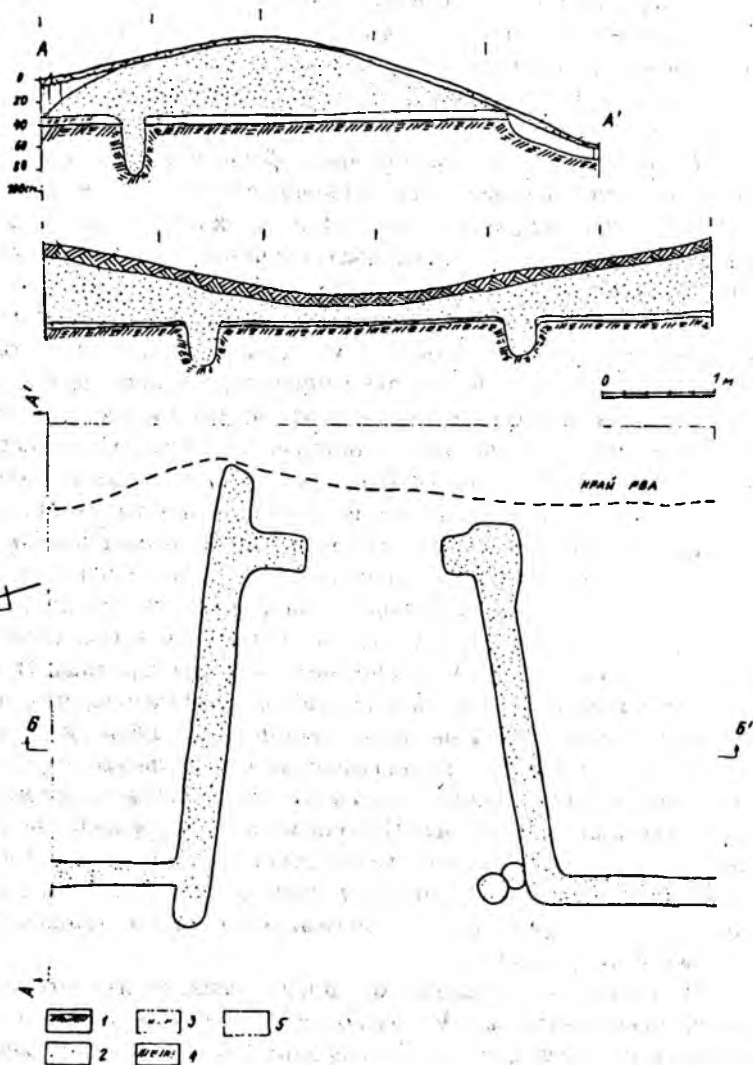

Табл. III Воротное устройство с напольной стороны.
План и разрез.

ка) вдоль трех сторон крепости выявлены следы небольших земляных возвышений и виде невысоких "валиков". Высказанное предположение, что это следы древних наземных построек полностью подтвердилось во время раскопок. Однако, на некоторых участках площадки эти следы были так эфемерны, что после снятия дерна практически исчезали и проследить все детали планировки сооружений оказалось затруднительным. Поэтому в описательной части мы приводим сведения о них, полученные нами до раскопок.

Общая идея внутренней планировки крепости, как нам представляется, следующая: вдоль длинных фасов крепости, но не примыкая к валам, располагались ряды наземных сооружений, причем входы у них были ориентированы, соответственно, на северо-восток у "южного" ряда построек, и на юго-запад у "северного" ряда построек. Были основания предполагать, что "ряды" состоят не из одиночных помещений, а из многокамерных. На западной стороне крепости, на краю обрыва зафиксированы следы единственного на городище однокамерного сооружения как бы замыкавшего оба ряда многокамерных наземных сооружений. Так что входивший внутрь крепости видел, что с трех сторон он "окружен" постройками, а за спиной у него были крепостные ворота.

Оборонительные сооружения

В процессе исследования памятника были предприняты попытки выявить остатки деревянных оборонительных конструкций внутри сохранившихся земляных сооружений. В первую очередь были раскопаны предполагаемые воротные проемы.

Раскоп (5 x 6 м) на месте первого входа в крепость (с напольной стороны) включил участок заметного понижения вала (тб. III), которое могло соответствовать месту древнего воротного проема. Оказалось, что оползший с соседних участков вала песок "законсервировал" следы деревянных конструкций крепостных ворот. На уровне тонкого горелого слоя (древняя дневная поверхность памятника) удалось зафиксировать контуры располагавшихся здесь в древности деревянных конструкций: по трассе вала прослежены следы канавок, вырытых для установки вертикально стоящих бревен (ширина канавки до 20 см, глубина до 40-50 см). Стратиграфически в этом раскопе (и в других раскопах, где также изучались оборонительные конструкции) канавки прослеживались на нескольких уровнях: на уровне древней поверхности (сероватый внутри канавок грунт, образовавшийся от остатков дерева), далее - на уровне подзола, и ниже - на уровне песчаного материка. Это исключало возможность ошибки как в определении направления трассы рови-

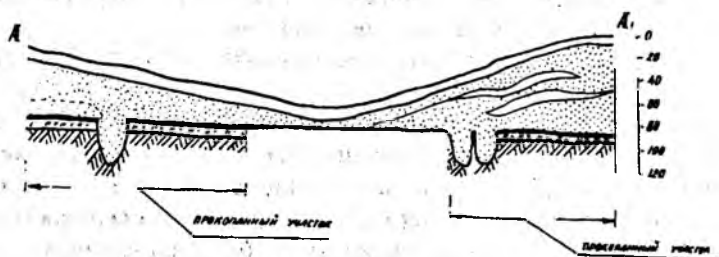
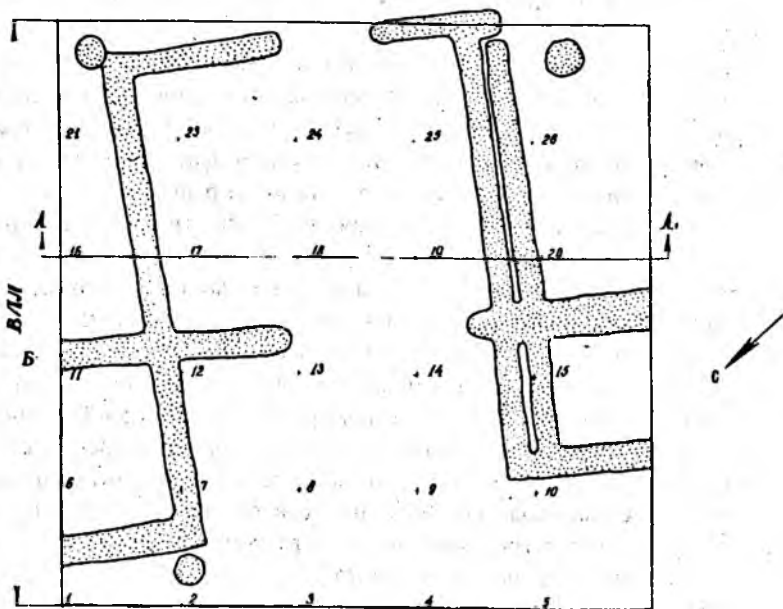

Табл. IV Центральное воротное устройство. План и разрез.

ков, так и в их характере. С обеих сторон к воротному проему подходили "из вала" следы канавок, в которые когда-то были врыты бревна. Эти канавки как бы оформляли с боков воротный проем,

оставляя место для прохода. Непосредственно сам воротный проем имел форму трапеции: ширина внутренней части прохода 3 м, ширина внешней части, подходившей ко рву — 2 м. У юго-западного окончания стенного прясла отмечены следы двух столбов, а у северо-восточного угла — небольшой "отлив" вероятно также для прочности. Вековые стенки воротного проема также оформлены из вертикально врытых в ровик бревен. Ширина прохода маленькая — 1,25 м, то есть, по-существу, это калитка, которая навешивалась на два отлива с обеих сторон проема. На наш взгляд, зафиксированная ширина проема исключает версию о том, что находящаяся за первыми воротами часть городища использовалась в качестве загона для животных.

Аналогичный раскоп (5 x 5 м) был заложен для изучения крепостного воротного устройства, открывавшего доступ в центральную основную часть городища (тб. IV). Стратиграфические данные, в которых были обнаружены следы канавок от вертикально врытых бревен в этом раскопе — такие же, как и в предыдущем: канавки зафиксированы на уровне древней дневной поверхности и прослежены в ниже лежащих слоях (подзол и материк). Однако, эти вторые ворота были главными и поэтому построены более "солидно". Во-первых, к ним примыкали не одинарные, как у внешних ворот, а двойные крепостные деревянные стены (два ряда вертикально стоявших бревен с расстоянием между рядами 1,5–2 м). Во-вторых, главные ворота имели, по-существу, две камеры и соответственно три прохода. Первый внешний проход имеет ширину 70 см, он оформлен двумя отрезками стен большой камеры (2 x 2,6 м). Выход из этой камеры — воротно-башни — уже несколько шире — 140 см, он оформлен как бы продолжением одного из рядов (внешнего) крепостной стены. И, наконец, выход из второй небольшой воротной камеры еще шире — 240 см. Возможно, в этом третьем проходе уже не было воротного полотнища. В главных воротах для усиления тоже использованы отдельно стоящие врытые столбы. С известными оговорками весь обнаруженный воротный комплекс можно назвать воротной башней. Любопытно, что одна из ее сторон, а именно — южная, усилена — сделана двойной (не учет ли это основного направления дующих здесь ветров?).

На стыке северо-восточного и северного фасов в небольшом шурфе (тб. V) исследовались внутривальные деревянные конструкции. На глубине 90 см от дневной поверхности вала (10 см — дерн, 80 см — песчаная насыпь) в темной прослойке древней дневной поверхности была выявлена система канавок-ровиков от деревянной

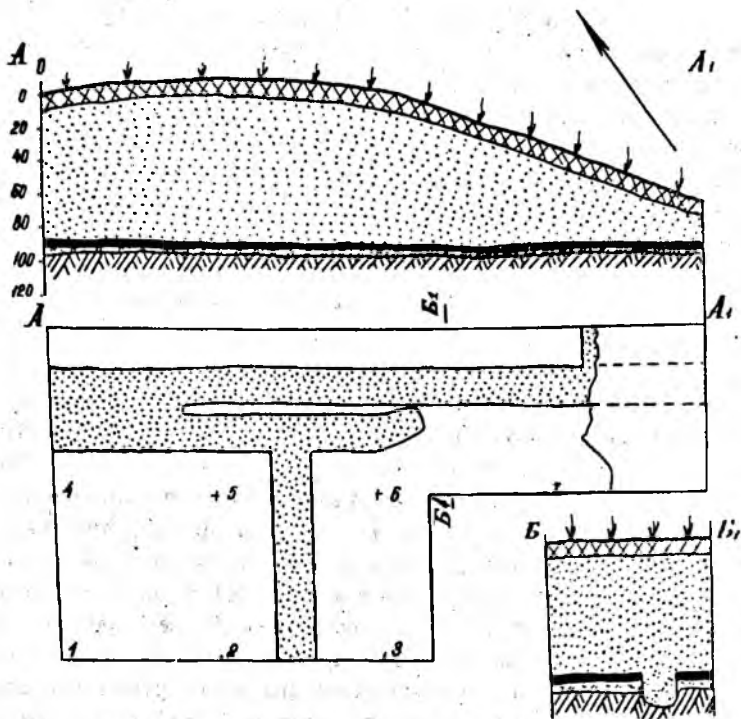

Табл. V Фрагмент оборонительных сооружений
на стыке северо-восточного и северного фасов крепости.
1 - профиль стенки шурфа; 2 - план шурфа; 3 - разрез по ББ.

конструкции крепостной стены. В раскопе выявлен фрагментарно сохранившийся угол, где стыковались деревянные внутривальные конструкции двух фасов основной части городища. Глубина вырытых для вертикальных столбов ровиков была 20–25 см. Характер соединения деревянных конструкций двух фасов позволяет предполагать, что деревянная стена здесь могла быть двойной (то есть такой же, как и у воротного прохода в главную часть крепости).

Небольшой фрагмент крепостной стены центральной городищной площадки был вскрыт в 1989 г. на северном фасе городища (кв. 82), ширина и глубина канавки-ровика аналогична уже описанному. В небольшой прорезке вала 1992 г. на западном Люсе близ юго-западного угла центральной площадки удалось зафиксировать следы канавки от вертикальной конструкции крепостной стены (тб. VI). Возможно, здесь стояла только однорядовая деревянная конструк-

ция. В этом же году был прорезан вал первой линии обороны городища – почти посередине прясла, соединявшего ворота с южным углом крепости. Удалось зафиксировать однорядовую канавку для установки вертикальных столбов (таких же параметров как и в остальных исследованных пунктах крепостного вала).

Таким образом, Ортинское городище после проведенных работ предстает как памятник мысового типа, в котором максимально использованы защитные свойства рельефа, и который в тоже время является крепостью так называемой регулярной планировки, с прямолинейными мясами, с хорошо продуманными конструкциями и планировкой первых и вторых (основных) ворот. Все это говорит о достаточно высоком уровне фортификационных знаний его строите-

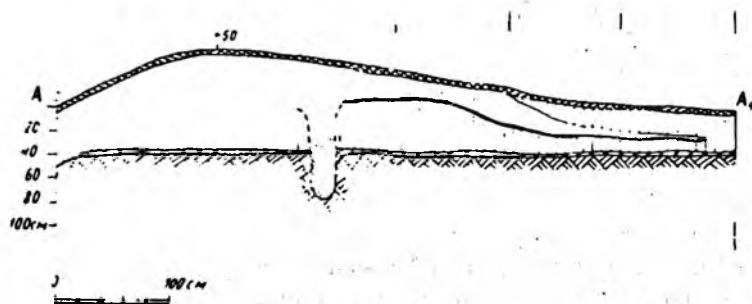

Табл. VI Поперечный разрез вала на юго-западном фасае крепости.

лей, тем более, что в древнерусской фортификации строительство крепостных сооружений такого типа начинается лишь около середины XIV в. (Раппопорт 1961:217; Овсянников 1964:116-119; Кирпичников 1984:268).

Жилищно-хозяйственные комплексы и археологические материалы.

Раскопки 1988–90 и 1992 гг. показали, что Ортинское городище памятник двухслойный, но оно не испорчено ни более поздними следами пребывания человека, ни современными постройками (все позднейшие следы пребывания сосредоточены в глубине полуострова, на перешейке между Ортинскими озерами и рекой Ортинкой, где сохраняются строения современного поселка). Во время раскопок были обнаружены участки более древнего слоя, относящиеся к эпохе

раннего металла. Стратиграфия выявила соотношение этих двух одновременных слоев, оно таково: дерн (10 см), 20–40 см серовато-темный гумус культурного слоя, далее едва заметная (до 40 см) прослойка песка, и 10–12 см серый гумус древнейшего культурного слоя с находками отщепов и скребков. Однако, описанная стратигра-

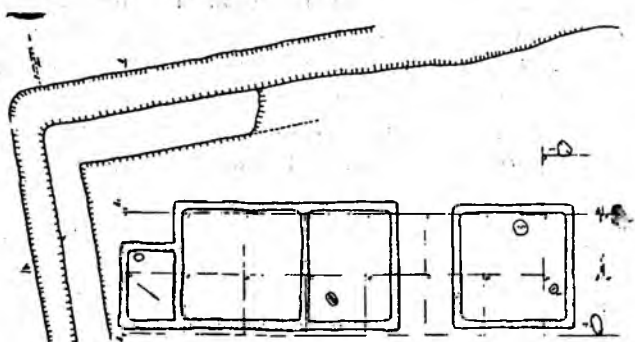

Табл. VII Линия наземных жилищ
вдоль юго-западного фаса крепости.

фия представляет, так сказать, идеальный случай: ибо на большей части городища стратиграфия "смазана" в результате наклона городищной площадки и размывания культурного слоя во время дождей и таяния снега. Поэтому вполне возможно, что некоторые из обнаруженных в материке ям, иногда с углистым заполнением, могут относиться к памятнику эпохи раннего металла. Относительная бедность культурного слоя городища находками можно объяснить несколькими причинами: во-первых, тем, что памятник, оставленный жителями, был "открыт" и какая-то часть вещей могла быть растащена в последующее время, или, во-вторых, это отразило определенную специфику самого памятника. Почти все наземные жилища, обнаруженные перед началом раскопок во время визуального обследования памятника, отчетливо фиксировались и во время исследования, как правило, подтверждая основные элементы предполагаемой планировки. За годы раскопок обнаружено: 1 – трехкамерное жилище, 1 – двухкамерное жилище, 2 – однокамерных жилищ.

Трехкамерное жилище: входит в юго-западный ряд городищенских построек, располагаясь в юго-западном углу основной площадки памятника (тб. VII). Размеры основного помещения этой

постройки 9 x 3 м. Меньшее помещение (размерами 6 x 8 м) примыкало к первому с северо-западной стороны. В юго-западной части этого комплекса находилось совсем маленькое помещение, типа пристройки, размерами 4 x 5 м. Внутри комплекса не обнаружено следов очага или печи. Правда, в кв.17 на уровне материка была

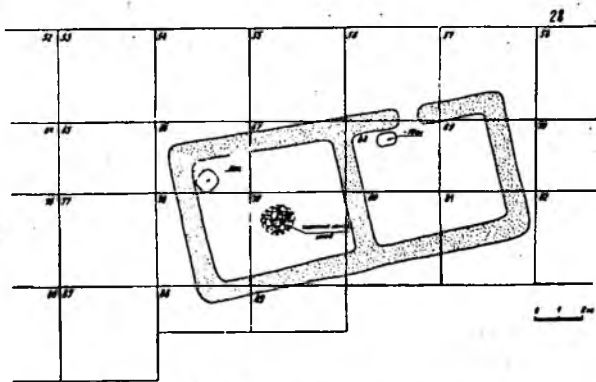

Табл. VIII Линия наземных жилищ
вдоль северо-восточного фаса крепости.

зачищена овальная яма 0,5 x 0,75 м, глубиной 0,5 м, при разборке которой на дне выявлены следы угля. Стратиграфические данные, однако, не дают оснований определенно датировать эту яму временем городища или более ранним периодом.

Однокамерное жилище: оно как бы продолжало "западный" ряд построек, примыкая к трехкамерному с северо-запада (кв.6-9, 19-21), размеры его 8 x 8 м. В границах этого жилища в кв.7 - в небольшом углублении - скопление фрагментов костей животных. В кв.21 выбрана яма, имевшая на уровне материка размеры 0,5 x 0,5 м и глубину 25 см. Уже за границами постройки, но вблизи ее зафиксировано несколько ям: в кв.10 яма овальной формы диаметром около 1 м, глубиной 0,5 м; в кв.21 яма продолговатой формы, длиной около 1,5 м, глубиной 0,15 м; большая овальная яма обнаружена в кв. 23 размеры 2 x 2,5 м, глубина до 0,80 м. Поблизости, в кв.22 и в культурном слое найден небольшой фрагмент обгорелого дерева (фрагмент рухнувшей постройки?).

Двухкамерное жилище: это большая постройка (протяженностью вдоль трассы вала 14,6 м, шириной от 6 до 7 м), расположенная вдоль северо-восточного фаса крепости (тб. VIII) и состоящая из двух частей - западной, размерами 6 x 7 м и восточной, размерами

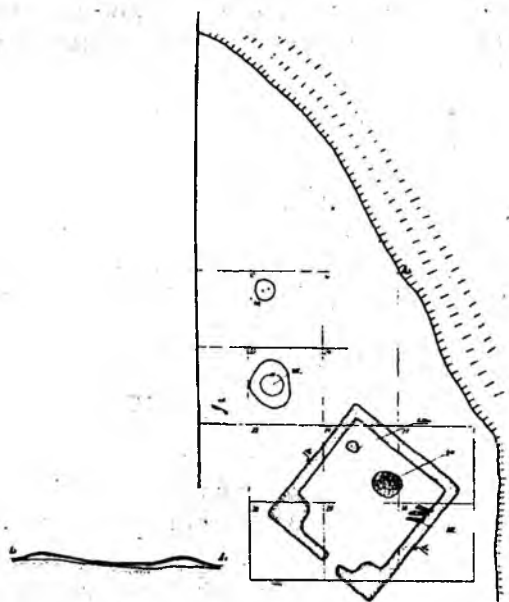

Табл. IX Наземное жилище на западном
фасе крепости. План.

каменей и угля, лежавших на прокаленном слое. Возможно, это очаг. Центральное расположение его по отношению к большей секции жилища дает возможность предполагать, что очаг относится ко времени существования раскрытого жилищного комплекса, а не к эпохе раннего металла. Любопытно, что в обеих камерах жилища обнаружены небольшие, диаметром 1 м, овальные в плане ямы, вырытые в материке на глубину 10 см. Отношение этих ям к жилищу небесспорно, так как стратиграфически эта связь не прослеживалась. Это же можно сказать и о всех других ямах, обнаруженных на вскрытой площади городища (например, в кв. кв. 505, 506, 521–522 овальная яма диаметром около 1,5 м и глубиной 1,5 м; в кв. кв. 493, 509, 510, 524, 526 овальная яма протяженностью 1,8 м и глубиной 1,5 м; в кв. кв. 468–470, 484–486 яма каплевидной формы длиной 2

7 x 7,5 м. Ширина валиков – утолщенный по всему периметру комплекса приблизительно одинакова – около 1 м, высота их от уровня современной дневной поверхности 10–12 см, а от уровня условного "пола" жилищ – 25–27 см. Уровень "пола", к сожалению, фиксировался лишь условно: по небольшим пятнам гари или фрагментам прокаленной поверхности материка в различных частях жилища, что, как правило, соответствовало нижней отметке уровня культурного слоя. В кв. кв. 79 зафиксировано небольшое скопление обожженных

м, глубиной 0,87 см и др.). Заполнение ям составлял серый мешаный грунт (культурный слой городища), индивидуальных находок в заполнениях не встречено. О функциональном назначении, а также о датировке большинства ям (за исключением тех случаев, когда небольшие ямы были полностью заполнены кремневым инвентарем) судить трудно.

Однокамерное жилище вдоль западного (разрушенного) фаса.

На западном фаса городища сохранилось лишь одно жилище, которое отчетливо наблюдалось до начала раскопок (тб. IX). Трудно определенно сказать — это было вообще единственное жилище на западном фаса или оно единственное из сохранившихся в западном ряду построек. Однокамерное жилище и кв. кв. 24–30, пожалуй, один из самых интересных комплексов Ортинского городища хотя бы потому, что это действительно комплекс. Его размеры 7 x 7 м, хорошо прослеживался вход в него, в углах у входа — небольшие утолщения стен около входа. У западной стенки жилища, в средней его части, были зафиксированы остатки глинобитной печи, имевшей, как можно судить по фрагментам обмазки стенок, конусовидную форму. К сожалению, от печи осталось лишь пятно прокаленного песка, углистая прослойка и небольшое количество кусков глиняной обмазки. Около северо-западного угла постройки сохранилось несколько фрагментов обгорелых бревнышек. Именно в этой постройке были найдены большие кузнечные щипцы (тб. XVIII–13), фрагмент глиняного тигля со следами металла.

Трудно судить о конструктивных деталях всех четырех исследованных жилищных комплексов: для этого нет достаточных данных, кроме того, что "валики"-стенки, которые оконтуривали эти постройки и фиксировались визуально — представляли собой утолщения культурного слоя. Вряд ли эти валики насыпные, так как в "валиках" не прослеживалась песчаная материковая подсыпка. Единственное, на наш взгляд, объяснение происхождения валиков следующее: они образовались за счет разрушения деревянных конструкций, сооруженных по периметру построек (например, сгнили окладные венцы). Учитывая, что в оборонительных сооружениях крепости строители использовали значительный объем дерева, наличие на городище наземных построек с элементами деревянных конструкций вполне возможно.

Сам факт обнаружения на Нижней Печоре фортификационного сооружения типа Ортинского городища — крепости, имевшей многорядовую систему укреплений, воротных проемов с напольной стороны, дерево-земляные конструкции стен, несомненные элементы регу-

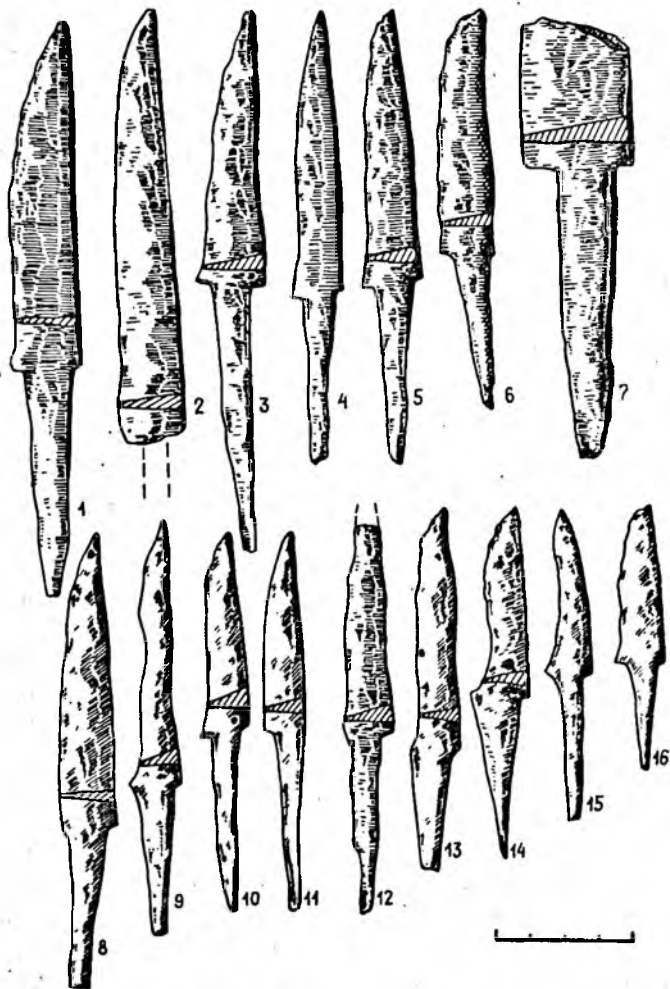

Табл. X Железные ножи.

лярности и в общей планировке и в планировке наземных прямоугольных жилищ ("улиц") свидетельствует об определенной устойчивой культурной традиции. Причем сам факт обнаружения данного городища в зоне тундры несколько неожиданен. Наиболее близкие и прямые аналогии Ортинскому городищу как памятнику архитектуры — это некоторые из городков обских угров VII-XIII вв., обнаружен-

ные в последние годы в междуречье рек Конды и Оби, например, Ендырское IV (Борзунов, Кокшаров 1994:25-27). Вряд ли такое совпадение случайно, оно требует дальнейшего осмысления и разработки.

Вещевой материал Ортинского городища, разнообразный и необычайно интересный, насчитывает более 1500 находок различных категорий, которые заслуживают специального вещеведческого исследования. В данной работе автор ставил перед собой задачу лишь наметить репертуар находок и общие хронологические рамки его существования, что необходимо для предварительной историко-культурной характеристики памятника, оставляя за собой право вернуться к данной теме еще раз.

Из обнаруженного инвентаря наиболее многочисленная группа изделий из железа (целые фрагменты). В количественном отношении преобладают ножи преимущественно с хорошо выраженным черенком, имеющим два уступа при переходе к лезвию, с треугольным в сечении клинком (тб. X). Размеры ножей разнообразны: от средних, с длиной лезвия около 12 см до довольно массивных (например, от такого сохранился черенок и часть лезвия – тб. X-7). Почти все ножи очень сильно сточены, что отражает дефицит железа у обитателей поселения. Вряд ли целесообразно детализировать типологию ножей, тем более, что по своему функциональному назначению они почти все являлись универсальными, а переточка их лезвий в процессе использования значительно изменила их первоначальный облик. В тоже время мы можем отметить присутствие в коллекции ножей нескольких типов, например, нож-тесак (тб. X-7), или широколезвийные ножи с плавно очерченной формой клинка (тб. X-1, 2, 6), или с "опущенным" клинком (тб. X-4, 5, 10, 15). Три железных резца типа плоского черешкового тесла для обработки дерева имеют различные размеры (тб. XI-8, 9, 10) и могут быть отнесены к одному типу. На памятнике обнаружен лишь один, к тому же очень небольшой, фрагмент железного топора – часть лезвия (тб. XI-7).

Наконечники стрел составляют значительную группу находок, но большинство из них представлено фрагментами. Преобладают так называемые вильчатые срезни со слабовыраженной черешковой частью (тб. XII-1, 2, 6-9). Вильчатые срезни с четким черешком представлены двумя экземплярами (тб. XII-4, 5). Другие типы наконечников стрел единичны: наконечник треугольной формы (XII-10), наконечник листовидной (тб. XII-12), ланцетовидной форм (тб. XII-13) и наконечник треугольной формы с шипами (XII-11) – все экземпляры имеют черешок без упора. Весь ассортимент стрел

Ортинского городища имеет довольно широкие хронологические рамки: например, в Новгороде аналогичные срезни датируются со второй половины X в. и до XIII в. включительно (Медведев 1969:166). Архаичнее смотрятся треугольные и листовидные наконечники, но для лесной зоны Западной Сибири, по сводке А. И. Соловьева, плоские наконечники с ромбическим пером начинают распространяться с XI–XII вв. в отличие от вильчатых срезней, известных здесь с VI–XIII вв. до "этнографической современности" (Соловьев 1988:38,42). Следует отметить также, что все рассматриваемые ортинские наконечники стрел – плоские, что придает коллекции стрел еще более "гражданский" характер. С другой стороны, отсутствие бронебойных, охотничий характер наконечников стрел может свидетельствовать о том, что потенциальный противник "ортинцев" вряд ли имел защитное вооружение.

Среди находок, связанных с обработкой металла, выделяются большие кузнечные клещи: общая длина 56 см, длина рукоятки 38 см. это довольно массивные клещи, предназначенные для удержания крупных изделий во времяковки (тб. XIII-13). Шарнир имеет отчетливо выраженный коленчатый уступ, внутренняя сторона губ уплощена. Ортинские клещи напоминают находку середины VIII в. из Старой Ладogi – длина клещей 418 мм (Рябинин 1985:56, рис. 22-5), новгородские клещи из слоя XV – длина 55 см (Колчин 1959:рис. 4-1), по форме близки небольшим по размеру клещам из Кичкольского могильника – погр. 127, где датируются X–XI вв. (Савельева 1987: рис. 15-6). Несомненно, что наличие подобных инструментов всегда свидетельствует об определенном уровне профессионального средневекового ремесла.

Из бытовых железных предметов обычными для поселений являются фрагменты и целые экземпляры железных дужек от котлов (тб. XI-11, 12). От медных ведерок или котелков происходят небольшие съемные бронзовые дужки (тб. XI-1). Встречены клепаные ручки от котлов (тб. XI-2, B), а также фрагменты стенок котлов. Находки гвоздей (разной длины) подтверждают присутствие значительного объема деревянного строительного материала (тб. XI-6). Сохранившаяся оковочка кожаного ремня – одна из немногих, обнаруженных на поселении (тб. XIII-11). На городище обнаружено всего три железных кресала калачевидного типа: два – с овальным язычком посередине (тб. XI-5) и без язычка (тб. XI-4). По новгородской хронологической шкале они датируются X–XI вв. и XII в. соответственно (Колчин 1959:99), аналогично датирует такие кресала в Вымских могильниках и Э. А. Савельева (Савельева 1987:159).

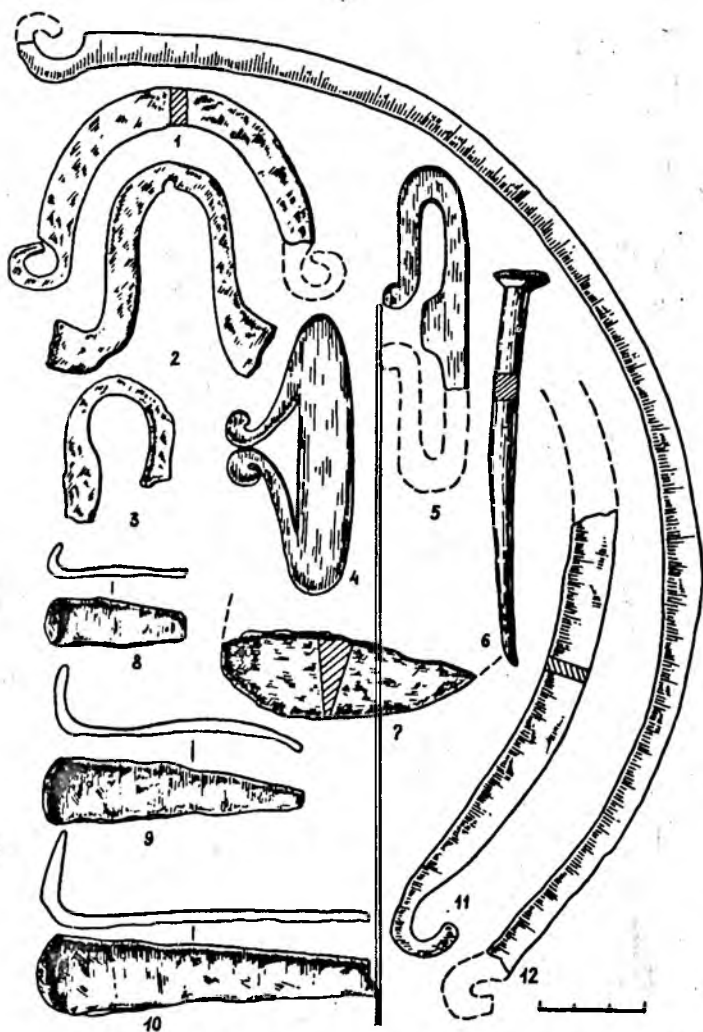

Табл. XI Железные и бронзовые изделия.

1,2 - дужки от котлов; 3 - бронзовая петля от котла; 4,5 - железные кресала; 6 - железный гвоздь; 7 - фрагмент лезвия топора; 8-10 - железные резцы; 11,12 - дужки от котлов.

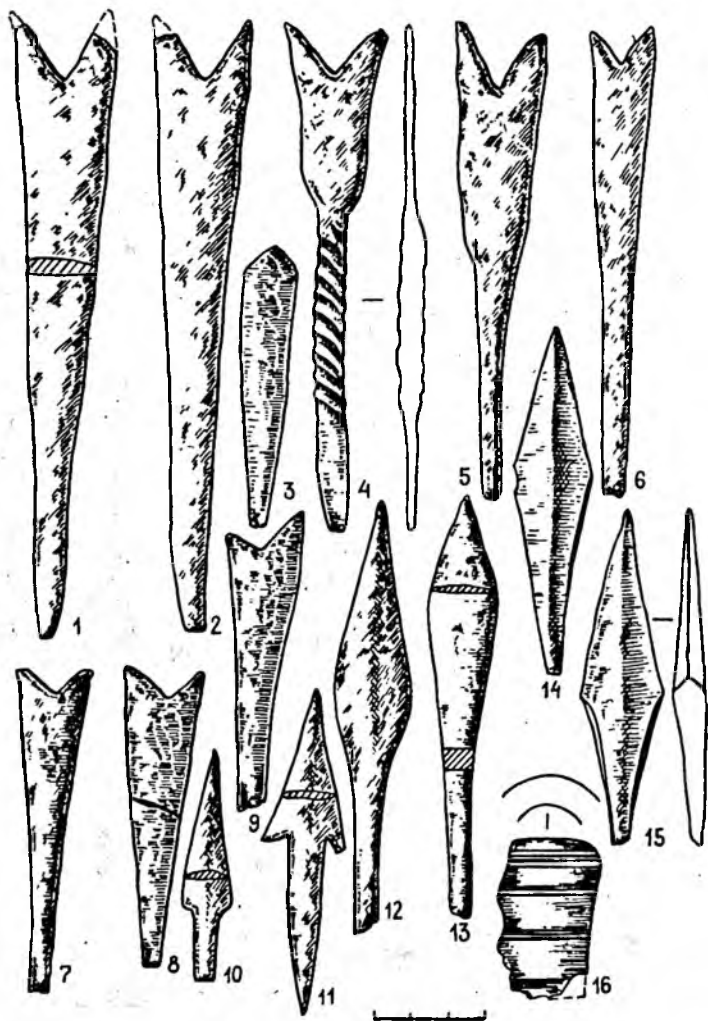

Табл. XII Железные наконечники стрел (1-3),
 костяные наконечники стрел (4-15), костяная часть составного
 наконечника стрелы (16).

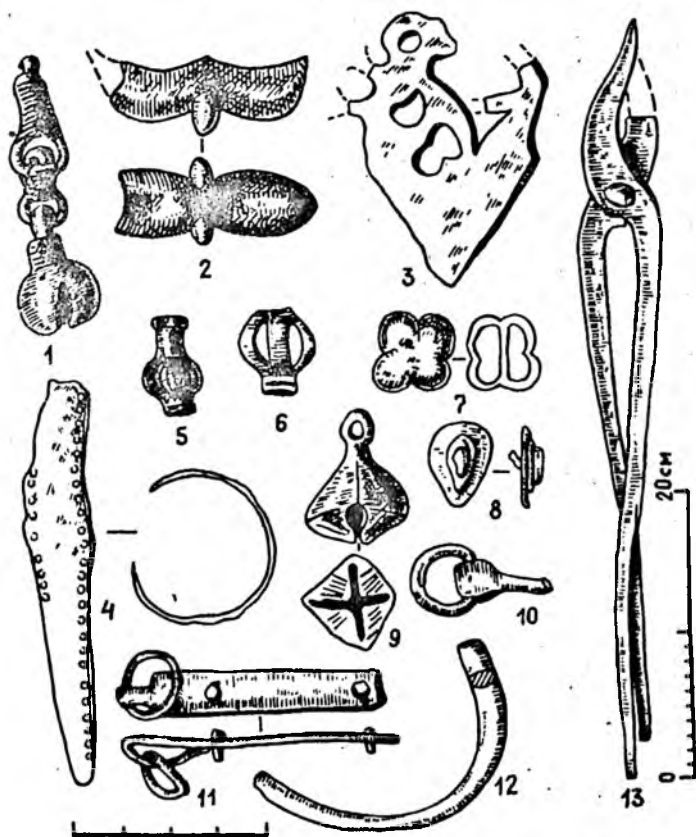

Табл. XIII Изделия из бронзы и железа.

1 - фрагмент бронзовой шумящей подвески; 2 - фрагмент серебряного украшения; 3 - фрагмент бронзового украшения (ажурная пластинка); 4-8 - бронзовые украшения; 9 - бронзовый бубенчик; 10 - железный пробой с кольцом; 11 - железная оковка; 12 - фрагмент бронзового прута; 13 - железные кузнечные клещи.

По этой же шкале датирует кресала, найденные в лесной полосе Обь-Иртышья, В. А. Могильников (Могильников 1991:79).

Значительную группу индивидуальных находок составляют украшения. Широко – концом X–XIII вв. (Савельева 1987:152) датируются на территории северо-восточной Европы такие украшения, как флаконовидные бронзовые подвески (тб. XIII-5), четырехлепестковые (Викторова 1972:162; Савельева 1987:141), с овальными или удлиненными лепестками (тб. XIII-7), каплевидные с выпуклым центром (тб. XIII-8), трубчатые пронизки цилиндрической формы с рифленным орнаментом (Савельева 1937:93). Шаровидный бубенчик и колоколовидные привески в составе шумящих подвесок (тб. XIII-1, 9), найденные в количестве всего двух экземпляров, датируются XI–XII вв.

Любопытна находка фрагментарно сохранившегося тупоконечного (7) бронзового пластинчатого браслета, украшенного по краям "глазковым" орнаментом (тб. XIII-4), датировка которого также довольно широка – с конца X или с XI по XIII вв. Любопытны, но пока не совсем ясны по происхождению и назначению фрагменты украшений – фрагмент серебряной оковки или накладки (тб. XIII-2), пластинчатая бронзовая прорезная пластинка (тб. XIII-3). Серебряная подвеска с отверстием для шнура или ремня (тб. XIV-5), на лицевой стороне – ложная зернь в качестве декора, две параллельные линии и, возможно, изображение животного (точно определить сюжет сложно из-за плохого качества отливки).

Не совсем ясно назначение "рогатого" бронзового предмета (тб. XIV-6), имеющего на всех отростках втулки – вероятно, это небольшое навершие.

На Ортинском городище была найдена группа ярких индивидуальных находок, которую следует рассмотреть подробнее.

Это прежде всего пара так называемых "якорьковых" подвесок (тб. XV-2, 4). Точнее эта пара представляет лишь части двух более сложных по конструкции подвесок, в которых "якорьковая" часть – это лишь деталь, к которой привешивалась прямоугольная бронзовая пластина, а к последней навешивались через переходные колечки шумящие подвески. Именно так выглядит прикамский по своему происхождению тип подвески, обнаруженный в Вымских могильниках и датируемый В. А. Савельевой XI в. (Савельева 1987:109, рис. 30–22). Почти идентичная ортинской "якорьковой" подвеске была обнаружена подвеска Л. П. Хлобыстиным на святилище Болванский нос 1 на о. Вайгач (Хлобыстин 1990:131, рис. 1–9).

6

Табл. XIV Бронзовые украшения.

- 1 - фрагмент железного ножа или кинжала с литой бронзовой рукоятью; 2 - бронзовая бляха с трехъярусным изображением животных; 3 - бронзовая фигурка пантеры (полое литье?); 4 - бронзовая голова медведя; 5 - бронзовое украшение-амулет (?); 6 - "рогатый" предмет; 7 - фрагмент бронзового пластинчатого браслета.

Одним экземпляром в Ортинской коллекции представлена так называемая арочная пластинчатая подвеска, щиток которой украшен ложновитым жгутом, а в центре напаяны 6 волют (тб. XV-1). Более близкие аналогии ортинской находке – арочные подвески такого типа из Вымских могильников (Петковского – пог. № 5, Кокпомьягского – пог. №3, Жигановского – пог. № 254), которые Э.А.Савельева вслед за В.А.Обориным считает характерными украшениями родановской культуры и датирует XI в. (Савельева 1987:110). Правда, близкие по типу находки в Кинтусовском могильнике на р. Салым, притоке р. Обь, В.Н.Чернецов относил ко времени ранее X в. (Чернецов 1957:20).

Интересен фрагмент толстого пластинчатого браслета (толщина пластины – 2 мм), от которого сохранилась часть пластины и один закругленный конец, украшенный розеткой (тб. XIV-7). Возможно, браслет относится к типу пластинчатых браслетов, известных по находкам на святилище о. Вайгач (Хлобыстин 1990: 133, рис. 3–13) и в Нижнем Приобье (Чернецов 1957:205, тб. XXXI), правда, идентичных изображений нам не известно.

Миниатюрное бронзовое изображение головы медведя (тб. XIV-3) не имеет ни петли ни дужки и, вероятно, служило вставкой или вшивалось в кожаный или тканый амулет. Нет надобности повторять, что тема "медведя" необычайно широко распространена в средневековье – вспомним уже упомянутые нами пластинчатые браслеты – их концы заканчиваются изображениями медвежьих голов и лап, голова медведя довольно часто встречается в находках исследованных археологами средневековых святилищ.

Бронзовая бляха с ярусным изображением животных-хищников, терзающих друг друга (тб. XIV-2), относится к группе известных ярусных изображений "пермского звериного стиля" (Оборин, Чагин 1988:69, 77, 87). Ортинская отливка довольно примитивна, тем не менее животные имеют элементы моделировки тела.

Более качественна отливка пантеры, на которой голова, шея, обе пары лап животного имеют отчетливую и тщательную разработку мышц (тб. XIV-3). Композиция и характер литья (полное литье) напоминают пантер из Ленкпонского могильника и известную находку на р. Иртыш (у Карагайских юрт), которую В. Н. Чернецов датирует VI–IX вв. (Чернецов 1957:212, тб. XXXIII-4). Правда, сибирская находка имеет совершенно иную трактовку "внешности" животного.

Эффектна бронзовая рукоять ножа или кинжала (тб. XIV-1) с орнаментированной двумя зонами орнамента рукояткой и фигурой

хищной птицы на конце рукоятки. Фигура птицы выполнена в технике полого литья. Ближайшие сюжетные и композиционные аналогии ортинской рукоятки: рукоять такого же типа, но не полого литья из раскопок городища, близкого по типу и по времени Ортинскому в районе древнего Пустозерска (Ovsianikov 1990:3-2) и находка из Зимовья Мамеева на р. Таз, причем сибирские находки по датировке В. Н. Чернецова (Чернецов 1957:156, тб. VII-4) — это II—III вв. н. э. (Ярасалинский этап).

Из костяных изделий наиболее интересные — это прежде всего два ромбической формы наконечника стрелы (тб. XII-14, 15), костяная часть составного наконечника стрелы (тб. XII-16). Из других костяных предметов упомянем костяные накладки с отверстиями для креплений на лук или колчан (тб. XVI-1-3), костяную деталь — петлю колчана (тб. XVI-5) и шахматную фигуру (7) или обрезок кости (тб. XVI-4). На городище найдено несколько десятков стеклянных и керамических бус, имеющих также довольно широкий хронологический диапазон IX—XI вв.

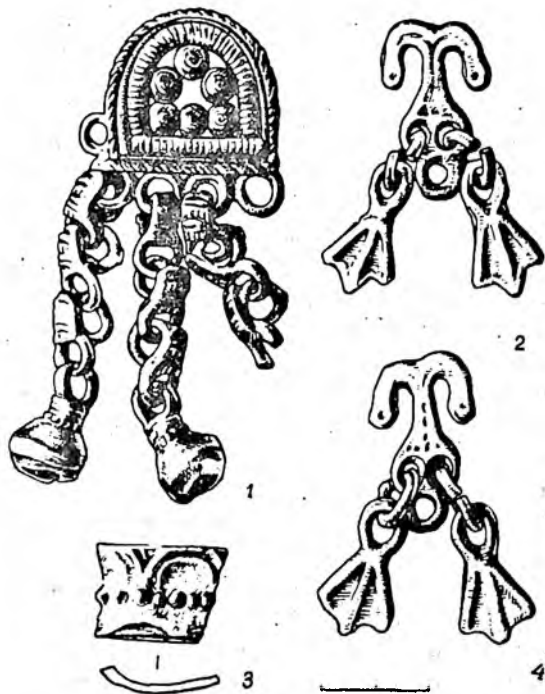

Табл. XV Бронзовые и серебряные украшения.

1 - арочная шумящая подвеска; 2,4 - фрагменты якорных подвесок; 3 - фрагмент серебряного украшения.

Во время раскопок однокамерной постройки на западном фасае городища, вблизи развала глиняной печи было обнаружено несколько фрагментов керамических тиглей: всего 4 фрагмента, вероятно, от 2-3 тиглей, бывших в употреблении. На одном из фрагментов тигля, на внутренней поверхности стенки видны следы беловато-желтоватого металла (бронзы?). Все обнаруженные фрагменты принадлежат тонкостенным стаканчиковобразной или рюмковидной формы тиглям с плоским дном и треугольным устьем, что является характерным признаком раннего времени. Это подтверждает и миниатюрность самих тиглей, а также наличие своеобразной "полочки" — небольшой выступающей площадки у дна тигля (Daiga 1964:7-22). О производственном характере однокамерной постройки свидетельствуют также находки ошлакованных кусков — это выплески шлаков. Глинобитные остатки печи внутри однокамерной постройки позволяют интерпретировать ее как производственный горн. Наличие фрагментов обожженного пода не противоречит этому предположению, а находки небольших кусков обожженной глины с сохранившимися отверстиями для тяги — фрагменты глиняной "решетки" для тяги (1,5-2 см) подтверждают наше предположение. Производственный характер печи-горна и всей постройки очевидны: напомним, что здесь были найдены большие кузнечные клещи; здесь производилась обработка черного и цветных металлов. Можно констатировать, что находка средневекового производственного комплекса по обработке металлов (постройка, остатки горна, инструментарий и приспособления для литья), пока уникальна для арктических тундр Восточной Европы.

Для определения занятий населения, оставившего Ортинское городище, наряду с находками охотничьих наконечников стрел, одного железного рыболовного крючка, скоплений костей, чешуи рыб интерес представляют и кости животных, найденные во время раскопок.

Вот состав животных по костным остаткам (определение костей животных за полевой сезон 1988 г. сделано Н. М. Ермоловой): лось (одна особь), северный олень (две взрослые особи), заяц (две взрослые особи), лиса (взрослая особь), песец (две взрослые особи), бобр (одна взрослая особь), а также кости водоплавающих птиц.

Для определения радиоуглеродной даты памятника из культурного слоя были взяты 4 образца: два из них дали современную дату, один образец датирован 265 ± 100 (XVII в.) и один образец 1070 ± 130 (IX в.). "Смазанность" трех образцов, возможно, определяется спецификой радиационного фона всего данного региона.

Совокупность археологического материала позволяет, на наш взгляд, предварительно датировать Ортинское городище периодом VI — началом XI вв. и рассматривать это укрепленное поселение как один из племенных центров населения, обитавшего в районе Нижней Печоры и имевшего тесные контакты с племенами Нижней Оби и Северного Приуралья. Ортинское городище, на наш взгляд, представляет срез культуры того местного населения, с которым несколько позднее, вероятно, на рубеже X—XI вв., или в самом начале XI столетия столкнулись военно-промысловые ватаги из Ладоги и Новгорода, когда достигали района Нижней Печоры. Русские летописи знакомы с этими племенами и называют его "печерой".

В Повести Временных лет под 1096 г. помещен рассказ Гюраты Роговича: "Послах отрок свой в Печеру, люди иже суть дань дающе Нову Городу. И пришедшу отроку моему к ним, а оттуда иде в Югру. Югра же есть язык нем, а соседят с самоядью на полуночных странах" (ПВЛ 1950: т. 1, 167). В знаменитом географическом введении к Повести Временных Лет, составленном около 1113 г., перечислены племена крайнего северо-востока, платившие Руси дань, в том числе "Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра" (ПВЛ 1950: т. 1, 197). В контексте этих сведений рассказ ладожского посадника Павла 1114 г. о том, как "мужи старии ходили за Югру и

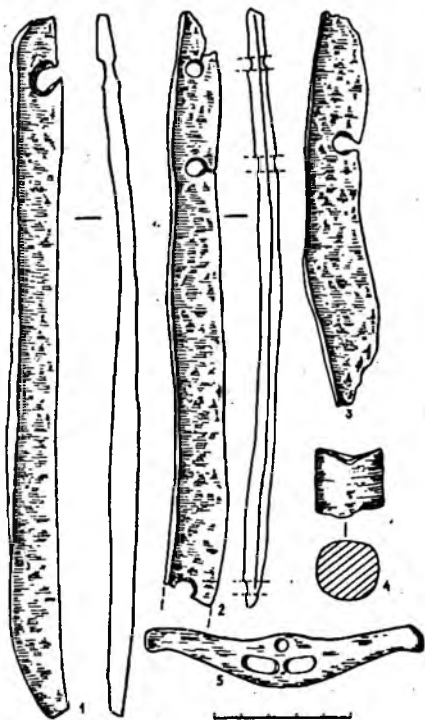

Табл. XVI Изделия из кости.

- 1-3 - костяная накладка (детали саад-ка?); 4 - шахматная фигурка (?); 5 - деталь (петля?) колчана.

за Самоядь" (ПВЛ 1950: т.1, 197) подтверждает, на наш взгляд, динамику поэтапного освоения русскими арктических тундр. В литературе высказано в основном две точки зрения о территориях, которые занимали племена печеры, югры и самоеды. Согласно первой, югра в XI–XII вв. жила на Мезени и в верховьях Печоры, а самоедь занимала все нижнее течение этой реки; в более позднее время среднее и верхнее течение Печоры занимали печорские племена, югра на Мезени и самоедь и дельте р. Печоры (Рыбаков 1963:246; Смирнов 1952:229–230). Нам кажется предпочтительнее вторая точка зрения, согласно которой племена и территории, на которых они жили, расположены не по широтному принципу, а как бы вдоль арктического побережья: печера – в Нижнем течении р. Печоры, югра – по обе стороны Югорского камня, самоедь – на р. Обь и далее к востоку (Канивец 1964:5). Существуют и "промежуточные" точки зрения, например, Л.П.Лашук помещает печерские племена на Нижней Печоре, а югрой "заселяет" верхнюю Печору и Зауралье (Лашук 1958:62–64).

В литературе давно уже предложено идентифицировать племена, которые в русских летописях известны под именем "ПЕЧЕРА" с народом "сихиртя": в ненецком фольклоре существуют предания или легенды о "сихиртя" – низкорослых людях, которые жили на тех местах, где ныне обитают ненцы (Хомич 1970:59-69). Пока что не совсем ясно, что скрывается под именем "сихиртя", или "сииртя" – самоназвание древнего народа, дошедшее в преданиях ненцев, или ненецкая интерпретация этого самоназвания.

Неизвестна и судьба народа, заселявшего до прихода самодийских ненецких племен печорские тундры. Л. В. Хомич считает, что было две волны прихода ненцев: первая в XI в. и вторая, закрепившая тундры за новым населением – в XII–XIV вв. (Хомич 1976), что предполагает постепенное вытеснение прежнего населения с мест их обитания. Л. П. Лашук уверен, что прежнее население не исчезло бесследно, и видит его "следы" в Платежнице Пустозерска 1574–1575 года среди части околгородного населения; "а промысел их: на лесу и по тундре зверя бьют да у пустозеров оленьи пасут..." (Лашук 1958:64). Можно возразить, что часть ненецкого населения, обитавшая около города Пустозерска, вполне могла "обслуживать" некоторые стороны жизни военно-административного центра края, приспособившись к нуждам именно этого города. Однако, вот что пишет Де-Ламартиньер, побывавший в Пустозерском уезде в 1653 г. на о. Борандай (Варандей): "поднявшись на вершину большой горы, мы увидели слева море, а под горой много домов, построенных один

близко к другому, как бы вроде маленького городка . . . А дома эти сделаны из древесных ветвей и покрыты дерном, очень низкие..." (Де-Ламартиньер 1911:50-51). Если эти описания жилищ соответствуют действительности, то возможно, здесь речь может идти о домостроительной традиции, отличной от ненецкой и скорее всего напоминающей планировку и конструкцию жилищ Ортинского городища.

Несомненно, Ортинское городище занимает особое место в средневековой истории Нижней Печоры, о чем свидетельствует планировка и характер оборонительных сооружений, наличие жилищ и производственно-ремесленного комплекса, а также весь набор обнаруженных во время раскопок вещей. Особая значимость этого племенного центра подчеркивается наличием на прилегающей к нему территории отдельно стоящих наземных построек (одна из них полностью исследована), на трех сохранившихся углах крепости зафиксированы круглые ямы, вероятнее всего, ритуального характера.

Таким образом, Ортинское городище второй половины I - начала II тыс. н.э. демонстрирует нам важнейшие стороны культуры местных печорских племен (военно-оборонительное и жилищное строительство, ремесленное производство, орудия труда и украшения), элементы их племенной структуры (наличие военного центра) накануне значительных перемен в жизни региона - включения печорского населения в систему феодальных отношений Древней Руси.

Борзунов, В.А., С.Ф.Кокшаров. 1994. Легендарный Эмдер — вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Тезисы докладов. 22-25 марта 1994 г. Екатеринбург.

Викторова, В.Д. 1972. Ликийский могильник // Вопросы археологии Урала 12, Свердловск.

Де-Ламартиньер. 1911. Путешествие в северные страны (1653 г.). Москва.

Жеребцов, Л.Н. 1982. Историко-культурные взаимоотношения Коми с соседними народами. X - начало XX вв. Москва.

Канивец, В.И. 1964. Канинская пещера. Москва.

Киртичников, А.Н. 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Ленинград.

- Колчин, Б.А.* 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65. Москва.
- Кордт, В.В.* 1899. Материалы по истории русской картографии. 1 серия, вып. I. Киев.
1906. Материалы по истории русской картографии. 2 серия, вып. II, ч. 1. Киев.
- Лашук, Л.П.* 1958. Очерк этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар.
- Медведев, А.Ф.* 1959. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 121-191. Москва.
- Могильников, В.А.* 1991. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I - начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии: 57-105. Москва.
- Мурыгин, А.М.* 1984. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место // Серия препринтов "Научные доклады", вып. 114 к VI Международному конгрессу финно-угроведов. Сыктывкар.
1994. К объяснению некоторых особенностей археологических культур Северного Урала в раннем средневековье // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Тезисы докладов. 22-25 марта 1994 г. Екатеринбург.
- Оборин, В.А., Г.Н. Чагин.* 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Овсянников, О.В.* 1964. Орлецкое городище // Краткие сообщения Института археологии 96: 116-119.
1990. Пустозерск — первый заполярный русский город (комплекс памятников III-XVIII вв.) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: 150-186. Москва.
- ПВЛ.* 1950. Повесть Временных Лет, Т. I. Москва-Ленинград.
- Раппопорт, П.А.* 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР 105. Москва-Ленинград.
- Рыбаков, Б.А.* 1947. Древнейшая русская географическая карта // II Всесоюзный географический съезд. Тезисы по секции истории географии. Ленинград.
1974. Русские карты XV - начала XVI века. Москва.
- Рябинин, Е.А.* 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище в 1973-1975 гг.) // Старая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 27-75. Ленинград.
1988. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Ленинград.

- Савельева, Э.А. 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Ленинград.
- Смирнов, А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР 28. Москва.
- Соловьев, А.И. 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск.
- Хлобыстин, Л.П. 1990. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: 23-38. Москва.
- Хомич, А.В. 1970. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография: 59-69. Ленинград.
1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Ленинград.
- Чернецов, В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. (культура древних племен Приуралья и Западной Сибири) // Материалы и исследования по археологии СССР 58: 136-243. Москва.
- Чернов, Г.А. 1985. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. Москва.
- Gorter-Grønvik, W. 1986. Glint fra ver eldre handelso g hvalfangst historie i nordomredene // Erbok for Vardsh.
- Daiga, J. un Yrasvalds J. 1964. Senakie tigel Latvij // -Archeologija un etnografija VI: 7-22. Riga.
- Ovsianikov, O.V. 1993. The Arctic of Russia in the Middle Ages: recent archaeological discoveries and the ancient trade route along the Arctic coast. Tromsh.
- The Gorodetz sanctuary of the 12th-13th centuries on the Niznia Pechora River* // ISKOS, 9: 99-105. Helsinki.

РАННИЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОКРУГИ И НИЖНИЕ ЯРУСЫ НОВГОРОДА ПО ДАННЫМ РАДИОУГЛЕРОДНОГО АНАЛИЗА

Доминирующими в любых археолого-исторических построениях являются в первую очередь вопросы хронологии. Планомерные исследования древнерусских городов Северо-Запада России, и главным образом Новгорода, ведущиеся уже в течение десятилетий, дали возможность создать детально разработанную шкалу древностей для второй половины X – XV(XVI) вв. Проведенная Ю.М. Лесманом синхронизация древнерусских погребальных памятников Северо-Западного региона с абсолютной шкалой Новгорода (Лесман, 1984, 1990), позволяет уточнить временные рамки образования многих погребальных комплексов начала – середины II тыс. н.э. К сожалению, археологические источники не позволяют представить такую же хронологически дифференцированную картину заселения этого региона на более ранних этапах. Вместе с тем, целый круг вопросов, связанных с происхождением славян, их начальной историей и государственностью, уходит своими корнями в раннее средневековье.

Пристальное внимание исследователей, начиная с конца XIX в., привлекают связываемые наиболее достоверно со славянами на Северо-Западе дохристианские древности второй пол. 1 тыс. н.э. В последнее десятилетие накапливающиеся уже почти в течение века материалы по погребальным памятникам культуры длинных курганов и сопок дополнены новыми открытиями и раскопками соответствующих им поселений. К сожалению, хронологическая информативность материалов, получаемых при исследовании тех и других, остается недостаточной. Это связано с крайней их бедностью датирующими находками, разнородностью керамических комплексов, не всегда исчерпывающей полнотой отчетной документации, а также фрагментарностью письменных источников для раннего времени.

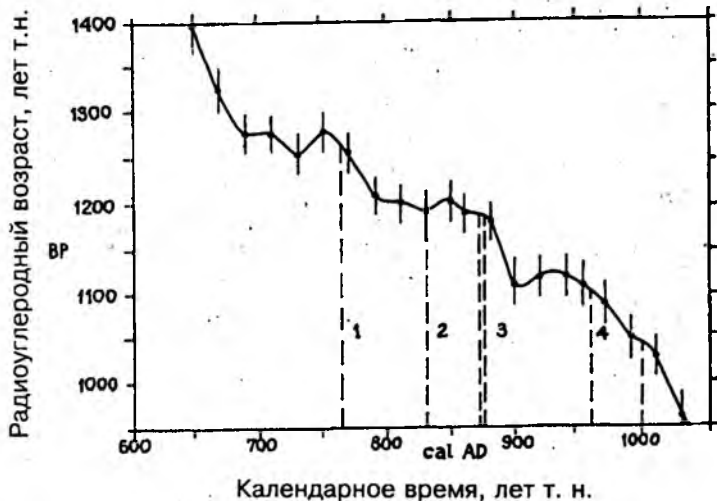

Рис. 1. Отрезок калибровочной кривой Стювера и Пирсона (1986 г.), соответствующий календарному интервалу датированных дендрообразцов.

Повысить информативность бедных археологическими материалами памятников помогает радиоуглеродный метод. Обладая высокой универсальностью, он позволяет при строгом подходе к датированию включить в единую хронологическую систему все археологические памятники второй пол. 1 тыс. н.э., на которых имеются органические материалы. При этом открываются также весьма перспективные возможности для сопоставления конкретных сельских погребальных и поселенческих памятников Северо-Запада с ранними ярусами Новгорода, горизонтами Земляного городища Старой Ладogi и надматериковыми напластованиями Псковского городища.

Высокая достоверность датировок должна обеспечиваться всем комплексом операций по сбору, подготовке и датированию образцов. Кроме того, любые хронологические построения для второй пол. 1 тыс. н.э. проводятся в календарной области. Это означает, что все радиоуглеродные датировки должны переводиться в календарные путем использования специальных калибровочных кривых. Серийность калиброванных ^{14}C -датировок, их сравнение с абсолютными и относительными датами, которые могут быть получены по узкодатирующим находкам, монетам, летописным свидетельствам и другими методами, как правило, сужают календарный диапазон датироваемых событий, определяемый калибровкой.

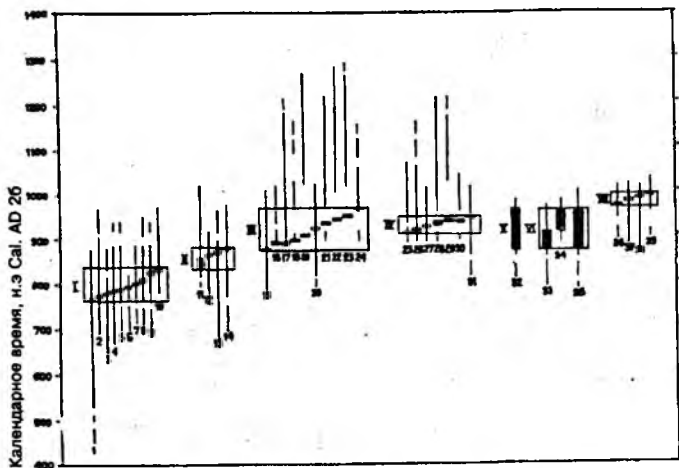

Рис. 2. Результаты датирования образцов годовичных колец дендроспиллов из раскопок поселений Арайшиу, Ушури и Новгорода. Обозначения: Модели I-VII – №№ образцов дендроспиллов, – результаты датирования отдельных образцов после калибровки, – календарный интервал датируемого образца (по данным дендрохронологии). (1-39 – №№ образцов соответственно табл.1)

Мы уже обращались к датированию ранних слоев Новгорода и синхронных им поселений новгородской округи (Попов, Свеженцев, Зайцева, 1991а, 1991б). Проведенные нами дополнительные исследования, а также появление усовершенствованных калибровочных кривых и компьютерных калибровочных программ (J. van der Plicht, 1993), позволяют провести систематизацию результатов на новом уровне.

Ранее была получена серия радиоуглеродных датировок для двух спилов (ТС-VIII-25-78 и ТС-VIII-25-63, имевших соответственно порубочные даты 968 г. и 959(960 г.)) 25 яруса раскопа 1987 г. Троицкий-VIII в Новгороде (модели III, IV табл. 1 и на рис. 2). В последние 2 года они были дополнены измерениями образцов, приготовленных из спилов 22, 26 и 27 ярусов того же раскопа: ТС-VIII-22-50, (завалина сруба N 117, порубочная дата 1002 г.), ТС-VIII-26-88 (плаха настила, порубочная дата 960 г.), ТС-VIII-27-130 (стена сруба N 129, порубочная дата 958 г.) (модели V – VII). В работе учитываются также результаты датирования образцов, приготовленных из спилов с двух поселений Латвии (модели I, II): у озера Ушури (обр.

N 10, лага настила N 5, порубочная дата по предварительным данным – 846 г.) и у оз. Арайшиу (образец из настила фундамента, порубочная дата в диапазоне 920–930 гг.). Все дендрохронологически датированные материалы (спилы сосны) предоставлены Н.Б. Черных и А.Ф. Урьевой.

Таким образом, перекрытый радиоуглеродными измерениями дендрохронологически датированных образцов календарный интервал составляет 767–999 гг. В каждый образец, приготовленный для датирования, входило от 1 до 21 годичных колец. Полученные результаты приведены в табл. 1 и на рис. 1, где BP – возраст относительно 1950 г., cal AD (BC) – калиброванная датировка в гг. н.э. (до н.э.).

Отличие радиоуглеродного возраста от календарного в первую очередь обуславливается тем, что концентрация ^{14}C в атмосфере (а также, соответственно, в ассимилирующих ее годичных кольцах) менялась год от года в зависимости от циклической деятельности Солнца и плавных изменений магнитного поля Земли. Вообще, между концентрацией ^{14}C в атмосфере, климатическими изменениями и активностью Солнца наблюдается устойчивая корреляция (Smidt u.a., 1988). Таким образом, отдельное кольцо является универсальным индикатором концентрации ^{14}C в атмосфере за период ассимиляции атмосферного углекислого газа с учетом изотопного фракционирования. Доказано, что между разными кольцами не происходит обмена ассимилированным ^{14}C (Арсланов, 1987:79–81).

Определенный радиоуглеродным методом возраст образца может отличаться от истинного также в случае изменения первоначальной концентрации ^{14}C в животном или растительном организме с момента их гибели не только вследствие радиоактивного распада, а также в случае загрязнения его пассивным или активным углеродом при залегании и сборе образца. Нельзя забывать также, что любой измерительный процесс, связанный с определением среднего (в данном случае – активности (возраста) образца) подчиняется известным статистическим законам. Это означает, что любая датировка может быть определена лишь со статистической точностью и записывается как $T_{\text{cp}} \pm 16(26)$, где 16 – среднеквадратичное отклонение результата. Доверительный интервал $-16 - +16$ дает 68,3% вероятность того, что измеренное среднее значение возраста лежит в этом интервале, а интервал $-26 - +26$ – 95,4% вероятность.

В археологии, как правило, принято оперировать с календарными датировками или периодами. Поэтому актуальным является переход от радиоуглеродного возраста к календарным интервалам.

Подобную операцию позволяют осуществить groningenские калибровочные компьютерные программы 1986 и 1993 гг., разработанные на основе данных М. Стювера и Г.В. Пирсона (Stuiver & Pearson, 1986). В большинстве случаев, после калибровки ^{14}C -даты получается несколько календарных интервалов, к каждому из которых (но с разной вероятностью) может относиться датированный объект, и соответственно возрастает неопределенность его временной привязки. Но, чаще всего, один из интервалов обладает большей вероятностью "попадания" в него даты. Второстепенные интервалы могут не учитываться в целом ряде случаев, когда есть возможность сопоставить радиоуглеродную датировку с другими данными о временной принадлежности датированного объекта и когда проводится серийное датирование.

Декадные и бидекадные калибровочные кривые базируются на измерениях активностей образцов, содержащих одинаковое количество годовых колец (10 или 20). Естественно, для каждого датированного 10(20)-летнего интервала колебания концентраций усредняются и получается радиоуглеродная датировка, отражающая среднюю активность за 10(20)-летний период. При построении кривых по результатам отдельных измерений, как правило, проводится общее сглаживание "осцилляций", так как иначе кривая становится малоудобной для практических целей калибровки: увеличивается количество малозначащих календарных интервалов, соответствующих радиоуглеродной датировке. Кроме того, надо учитывать, что радиоуглеродный возраст реального археологического объекта уже усреднен, поскольку на датирование поступают образцы угля или дерева, состоящие далеко не из одного годового кольца.

Общий ход бидекадной калибровочной кривой для интересующего нас интервала представлен на рис. 1, где для временного отрезка 860 – 950 гг. достаточно хорошо видна зона неоднозначной связи между радиоуглеродным и календарным возрастом, что соответствует достаточно быстрым и значительным изменениям концентрации ^{14}C в этот период (на участке 3). Как раз на этот интервал и приходится часть дендрохронологических образцов, подвергнутых радиоуглеродному датированию (модели III, IV).

По данным табл. 1 на рис.2 приводятся соответствующие каждому радиоуглеродному определению календарные интервалы с учетом 26 отдельно по каждому из спилов (модели I–VII). В целом, как видно из рисунка, календарные интервалы достаточно уверенно перекрывают интервалы датированных годовых колец. Это прежде всего относится к тем участкам калибровочной кривой, на которых концентрация ^{14}C менялась сравнительно плавно (1, 2, 4). Спилы I,

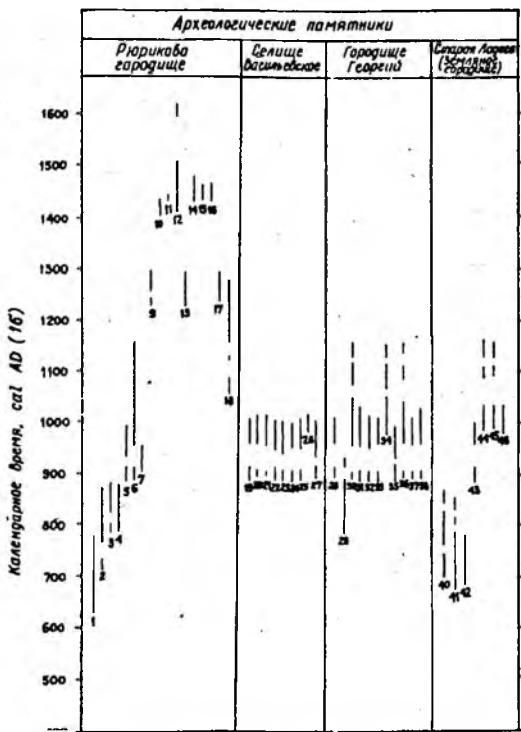

Рис. 3. Хронология археологических памятников

Новгородской округи и Старой Ладogi по данным радиоуглеродного анализа.

иллюстрируют результаты радиоуглеродных определений для спилов TC-VIII-26-88, TC-VIII-27-130 (модели V, VI). Первый спил был датирован целиком (кольца 873–960 гг.), второй спил разделен на три образца: первый включал 35 внутренних колец, второй – 45 внешних, третий представлял собой сектор всего спила (879–958 гг.). Результаты датирования практически идеально соответствуют калибровочным данным М. Стювера и Г.В. Пирсона. Объяснением отличия радиоуглеродных датировок по отдельным кольцам для этого же интервала (860–950 гг.) помимо годичных вариаций ^{14}C в атмосфере, может служить описанная выше неоднозначность связи между радиоуглеродным и календарным возрастом для него. К тому же, к сожалению, до конца не исключается возможная неточность в дендрохронологической привязке соответствующих спилов.

II, VII как раз соответствуют этим участкам, и значения дендрохронологических интервалов исследуемых образцов, приготовленных из этих спилов, четко попадают в календарные интервалы ^{14}C -датировок. В то же время, калиброванные результаты измерений возраста отдельных (одного-двух) колец несколько отличаются от соответствующих им дендродат. Это явление ни в коем случае не опровергает правильность измерений. Подобные результаты лишь фиксируют "тонкую" структуру кривой изменения годичных концентраций ^{14}C в атмосфере, которые сглаживаются при датировании по многим кольцам. Это наглядно иллюстрируют

Кроме вышеизложенных обстоятельств, при рассмотрении результатов датирования образцов, состоящих из отдельных колец, необходимо учитывать последние исследования М. Стювера. Им была проведена работа по построению отрезка калибровочной кривой (1510–1954 гг. н.э.) на базе радиоуглеродных определений для одногодичных образцов древесных колец. Это дает возможность сравнить результаты калибровки одних и тех же образцов по кривым разной степени детализации и усреднения (Stuiver, 1993). При этом отмечается значительное увеличение неопределенности (количества калибровочных интервалов) при калибровке образцов по одногодичной кривой. Соответственно М. Стювером делается вывод о некорректности калибровки результатов датирования образцов одногодичного образования (например, листья, веток и др.) по декадным или бидекадным калибровочным кривым, так как при этом теряется часть возможных вариантов калибровки. Важными для нас оказываются требующие еще подтверждения различия в амплитудах колебаний концентраций ^{14}C в 11-летних циклах между образцами древесных колец из US Pacific Northwest и Северо-запада России (для интервала 1600 – 1950 гг. н.э.), что может выражаться в разнице в радиоуглеродном возрасте датируемых одногодичных синхронных событий в этих регионах примерно в 20 лет (Stuiver, 1993).

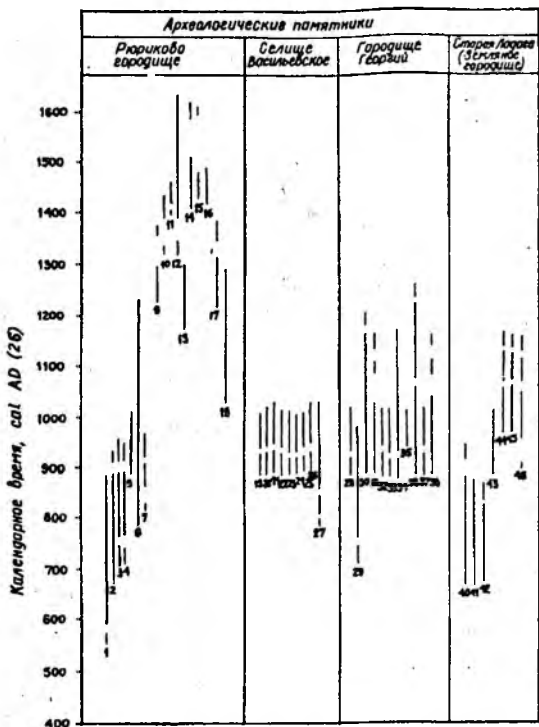

Рис. 4. Хронология археологических памятников Новгородской округи и Старой Ладоги по данным радиоуглеродного анализа.

Соответственно М. Стювером делается вывод о некорректности калибровки результатов датирования образцов одногодичного образования (например, листья, веток и др.) по декадным или бидекадным калибровочным кривым, так как при этом теряется часть возможных вариантов калибровки. Важными для нас оказываются требующие еще подтверждения различия в амплитудах колебаний концентраций ^{14}C в 11-летних циклах между образцами древесных колец из US Pacific Northwest и Северо-запада России (для интервала 1600 – 1950 гг. н.э.), что может выражаться в разнице в радиоуглеродном возрасте датируемых одногодичных синхронных событий в этих регионах примерно в 20 лет (Stuiver, 1993).

Таким образом, проведенные радиоуглеродные определения возраста колец с годичной привязкой позволяют детализировать соотношение радиоуглеродной и календарной временных шкал для середины VIII–X вв. и дают возможность сравнить с 22 – 27 ярусами раскопа Троицкий-VIII конкретные комплексы, открытые на памятниках конца I тыс. н.э.

Имеющее колоссальное историческое значение Рюриково городище возникло как торгово-ремесленный и военно-административный центр, предшествовавший Новгороду. Оно является наиболее ранним укрепленным пунктом в истоках Волхова (нижние слои на Городище относятся по крайней мере к сер. IX в.) (Носов, 1990:192).

Фактическим подтверждением укрепленного характера поселения, в отличие от мнения некоторых исследователей (Лебедев, 1985:105–106), послужил открытый в 1987–1989 гг. на Городище ров глубиной до 4,5 м от древней поверхности. Археологически он датируется IX–X вв. (Носов, 1990:152). Ров представлял собой весьма сложное и мощное сооружение с уступами, позволившими выкопать его на такую глубину и свидетельствующими также, очевидно, о его неоднократном подновлении.

Ряд ^{14}C -датировок, полученных по углю из прослоек, отражающих постепенное заплывание рва, определяет время его функционирования как конец VIII–X вв. (результаты датирования археологических памятников сведены в табл. 2 и с учетом калибровки приводятся на рис. 3, 4 (кроме датировок ЛЕ-3332 и ЛЕ-3936) для отклонений 16 и 26). Две датировки (ЛЕ-3467 и ЛЕ-3469) говорят о том, что ров мог быть сооружен еще в начале VIII в. В то же время в его заполнение при значительных земляных работах могли попасть материалы, относящиеся к более раннему поселению на месте городища. О том, что это поселение существовало по крайней мере в эпоху раннего металла свидетельствует одна датировка (ЛЕ-3332) по углю из предматериковой части культурного слоя (в кв. 201), равно как и найденная рядом керамика, характерная для этого времени.

Датированный нами ров был засыпан при общей перепланировке городища в XI в., так как в его заполнении нет находок и керамики древнерусского времени (Носов, 1990:154).

Примером удачного сопоставления стратиграфических, летописных данных с археологическими и радиоуглеродными датировками представляются следующие соображения. Вскрытая раскопками 1987–1988 гг. на Городище печь для обжига извести, по характеру плинфы, из которой она была сложена, достоверно связывается со строительством церкви Благовещенья 1103 г. (Носов, 1990:154). Печь была сооружена на месте засыпанного к тому времени рва.

Датировка заполнения печи (ЛЕ-3333) дает один из календарных интервалов, весьма близкий к этому времени.

Основания богатых построек с галереями ("северный" и "южный" комплексы), входивших по всей видимости в состав княжеского двора (Носов, 1990:5), также частично были впущены в засыпь рва. По совокупности находок и керамическому материалу из их заполнения они датируются XII–XIV вв. Три датировки по остаткам двух бревен и углю на дне комплекса определяют начальный этап функционирования построек как вторая половина XIII в. Сопоставление еще 6 датировок (5 – по углю, 1 – по дереву) фиксируют время гибели построек во время пожара в интервале около середины – третьей четверти XV в. То, что ни одна из датировок по органическим материалам из заполнения оснований построек не лежит в интервале между второй пол. XIII и XV вв. на первый взгляд вызывает удивление. Но дело в том, что богатые, очевидно, княжеские жилые постройки, безусловно капитально перестраивались. При этом нижние венцы срубов оставались в земле, а верхние части могли быть полностью заменены. Таким образом, два блока радиоуглеродных датировок маркируют время сооружения и гибели в огне описанных построек.

Все шире привлекающиеся к рассмотрению материалы из раскопок поселений новгородской округи дополняют картину становления и развития Новгорода. Всего в Ильменском Поозерье и в верхнем течении Волхова известно 34 поселения с культурными слоями конца 1 тыс. н.э. (Носов, 1990:173). Материалы двух из них – поселения Васильевское-1 и городища Георгий на р. Веряже – позволили получить две достаточно представительные серии ¹⁴C-датировок.

Основная часть слоя селища Васильевское-1 по археологическим данным датируется концом IX–X вв. (Носов, 1990:176). Сопоставление 6 калиброванных датировок по ряду углубленных в материк оснований построек и хозяйственных ям, обноски печи, позволяет определить их наиболее вероятный период функционирования как 956 – 1000(1020) гг. В то же время, с некоторой долей вероятности, они могли относиться и к концу IX – нач. X в. Радиоуглеродные определения подтверждаются находками на поселении бус и бисера VIII–X вв., лепной керамикой "ладожского" типа, преобладающей в заполнении комплексов и в слое, гончарной керамики X в.

Расположенное в 0,3 км выше по течению Веряжи городище Георгий изучается раскопками с 1958 г. С.Н. Орлов и М.М. Аксенов основную часть его культурного слоя отнесли к VIII–IX вв. (Орлов, Аксенов, 1961:165–167). Культурный слой поселения по их наблюдениям уходил под насыпь вала, который по их мнению мог быть

сооружен и в более позднее время – в X (XI–XII) вв. Раскопки Е.Н. Носова последних лет подтвердили датировку поселения IX в., но о времени его возникновения в VIII в. с полной уверенностью утверждать еще нельзя.

По данным радиоуглеродного анализа основная часть комплексов в пределах раскопа 1988 г. на городище Георгий образовалась с наибольшей вероятностью во второй четверти – конце X в., но не исключена и более широкая их датировка. Датировка по углю из заполнения комплекса в кв. 2,3 позволяет отнести его к концу VIII – IX вв. Две датировки по углю из прослоек оборонительных сооружений (ЛЕ-3934, ЛЕ-3935) указывают на наиболее вероятную принадлежность их к последней трети X – середине XI в. С некоторой долей вероятности вал и исследованные комплексы могли относиться и к концу IX – X в.

Таким образом, на определенном этапе существования поселения Васильевское-1 и Георгий были синхронны. Это не опровергают и материалы из раскопок городища Георгий – находки IX – X вв., приблизительно тот же керамический комплекс, что и на Васильевском (Носов, 1990:175–176).

Одна датировка (ЛЕ-3936), равно как и разрозненные археологические материалы, говорят о том, что поселение Георгий существовало и в эпоху раннего металла.

Общностью исторических судеб во многом связан с Новгородом такой памятник Северо-Западной Руси как Старая Ладога. При раскопках, ведущихся на Земляном городище в Старой Ладоге с перерывами с 1909 г., накоплен богатейший археологический материал. Усилиями Н.Б. Черных дендрощкала Старой Ладоги была объединена в единую со шкалой древнего Новгорода (Черных, 1987). Но, к сожалению, в настоящий момент наиболее ранние дендроматериалы ладожской коллекции (из горизонта Е) уже недоступны радиоуглеродному датированию.

Все же два спила из горизонта Е3 (60-е гг. VIII – 30-е гг. IX в.) (Черных, 1985) были датированы нами. Один спил, не имеющей четкой дендрохронологической привязки, предоставленный Е.А. Рябининым, был разделен на два образца (ядро и заболонь). Калиброванные датировки в одном из интервалов уверенно ложатся в дендрохронологический период горизонта Е3. Спил дуба (образец N 105), предоставленный Н.Б. Черных, относился к столбу постройки, раскрытой в 1982 г. в слое бурого гумуса горизонта Е3. Порубочные даты постройки, по сообщению Н.Б. Черных, лежат в интервале 776–811 гг. Калиброванная датировка лежит в интервале 680–786 гг.,

что близко соответствует данным дендрохронологии. Здесь необходимо учитывать также, что образец имел в своем составе 27 колец.

Радиоуглеродные датировки остатков настила и обноски сруба из раскопа 1987 г. А.Н. Кирпичникова не противоречат археологической датировке вышележащих напластований второй половиной X в.

Обсуждая в целом результаты радиоуглеродного датирования памятников Новгорода и новгородской округи, следует отметить, что метод вполне уверенно "работает" во временном диапазоне, где к точности датирования предъявляются повышенные требования. Вместе с тем, следует отдавать себе отчет, что наиболее узкие и однозначные календарные интервалы он может дать лишь при серийном датировании и сравнении результатов с данными других методов абсолютной и относительной хронологии.

Закljučая данную работу, нельзя не обратить внимание на то, что представленные результаты датирования позволяют сравнить не только отдельные объекты и комплексы поселений Ильменского Поозерья, Рюрикова Городища с ранними слоями Старой Ладogi и Новгорода, но и дают возможность сопоставления в дальнейшем отдельных керамических комплексов и находок с материалами, соответствующими дендрохронологически датированным горизонтам и ярусам этих городов.

Арсланов Х.А. 1987. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Ленинград.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград.

Лесман Ю.М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: 118-153. Ленинград.

1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988: 29-98. Москва.

Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.

Орлов С.Н., Аксенов М.М. 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. вып. 10: 161-168. Новгород.

Попов С.Г., Свеженцев Ю.С., Зайцева Г.И. 1991а. Радиоуглерод и дендрохронология как системы абсолютного датирования Новгорода и археологических памятников Новгородской земли. // Материалы по археологии Новгородской земли 1990: 169-182. Москва.

- Попов С.Г., Свеженцев Ю.С., Зайцева Г.И.* 1991б. Радиоуглерод и абсолютная хронология археологических памятников раннего средневековья Северо-Запада России. // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии: 131–143. Вильнюс.
- Черных Н.Б.* 1987. Дендрохронологические шкалы второй половины I – II тыс.н.э. // Временные и пространственные изменения климата и годовичные кольца деревьев. ч. 3:94. Каунас.
1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Старой Ладogi (по материалам раскопа Земляного городища). // Средневековая Ладoga (Новые археологические открытия и исследования): 76–80. Ленинград.
- J. van der Plicht.* 1993. The Groningen Radiocarbon Calibration Program. // Radiocarbon. Tucson. Vol. 35. No. 1: 231–237.
- Smidt B., Gruhle W.* 1988. Klima, Radiokohlenstoffgehalt und Dendrochronologie // Naturwissenschaftliche Rundschau. Stuttgart. 41 Jahrgang. H. 5:177–182.
- Stuiver M. & Pearson G.M.* 1986. High-Precision Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1950–500 BC // Radiocarbon. New Haven. Vol. 28. No. 2B:805–838.
- Stuiver M.* 1993. A Note on Single-Year Calibration of the Radiocarbon Time Scale, AD 1510 — 1954 // Radiocarbon. Tucson. Vol. 35. No 1: 67 — 72.

Результаты радиоуглеродного датирования дендрообразцов.

№	№ образца	Исп-ые годич. кольца, AD	14C-возраст, BP	Калиброванная дата по программе (Groningen, 1993), cal AD	
				1 σ	2 σ
Латвия, поселение Ушури. Спил из раскопа 1964 г (модель 1).					
1	ЛЕ-4244	767	1386±90	564...570, 596...726, 732...772	454...480, 504...512, 530...880
2	ЛЕ-4243	772	1205±60	724...734, 772...892, 922...941	690...902, 904...968
3	ЛЕ-4242	777	1297±50	674...772	658...824, 836...870
4	ЛЕ-4241	781	1253±60	694...752, 758...820, 838...866	662...892, 922...942
5	ЛЕ-4240	786-787	1217±40	782...876	694...752, 758...892, 920...947
6	ЛЕ-3632	796-798	1235±35	774...874	694...752, 758...884
7	ЛЕ-4238	798-801	1226±30	780...824, 836...872	714...742, 766...886
8	ЛЕ-3633	804-808	1211±40	786...878	706...748, 762...894, 916...957
9	ЛЕ-3635	818-828	1216±35	786...828, 832...874	706...748, 762...892, 922...940
10	ЛЕ-3636	829-835	1175±40	792...802, 814...846, 853...892, 918...952	780...968
Латвия, поселение Арайшиу. Спил из раскопа 1965-67гг. (модель 11)					
11	ЛЕ-4225	835-855	1109±55	890...988	792...802, 814...848, 852...1022
12	ЛЕ-4224	861-865	1182±40	788...892,	776...968

13	ЛЕ-4223	866-872	1210±60	924...934 718...738, 770...892, 926...934	684...900, 906...966
14	ЛЕ-4222	872-876	1190±60	780...892, 920...951	696...750, 758...980

Новгород, раскоп Троицкий-VIII, 1987 г.

Спил ТС-VIII-25-78 (модель III)

15	ЛЕ-4571	878	1143±55	824...836, 872...984	784...1006
16	ЛЕ-4572	882-884	1084±30	896...910, 963...1008	892...924, 936...1016
17	ЛЕ-4573	888	1011±70	972...1058, 1078...1124, 1134...1160	890...1177, 1192...1206
18	ЛЕ-4574	892-895	1022±35	988...1030	900...906, 966...1050, 1088...1118, 1138...1158
19	ЛЕ-4576	901-902	899±70	1040...1098, 1112...1146	1020...1269
20	ЛЕ-4580	923-924	1104±60	890...996	790...806 812...1026
21	ЛЕ-4581	930-935	1014±50	978...1044 1092...1116 1142...1156	894...912 957...1164
22	ЛЕ-4582	936-937	919 ±80	1032...1177 1190...1208	1002...1275
23	ЛЕ-4583	943-950	907 ±70	1040...1100 1110...1146 1152...1212	1016...1260 1262...1268
24	ЛЕ-4586	958-962	1028±40	978...1032	894...916 956...1054 1082...1122 1136...1158

Спил ТС-VIII-25-63 (модель IV)

25	Ле-4589	913-916	1018±60	970...1052 1086...1118 1138...1158	892...922 936...1166
----	---------	---------	---------	--	-------------------------

26	ЛЕ-4591	921-922	1046±55	894...918 956...1034	886 ...1056 1082...1122 1136...1160
27	ЛЕ-4592	925-927	1089±40	894...918, 954...1008	890...1016
28	ЛЕ-4593	930-932	993 ±60	996...1058 1080...1122 1134...1160	898...910, 963...1210
29	ЛЕ-4594	935-937	922 ±30	1042...1096 1114...1144 1154...1164	1030...1177 1192...1208
30	ЛЕ-4595	938-940	1045±30	986 ...1018	900 ...908 966 ...1030
31	ЛЕ-4596	942-945	1126±40	892...968	818...840, 858...1012,
Спил ТС-VIII-26-88 (модель V)					
32	ЛЕ-4791	873-960	1143±30	886...896 912...963	820...840 860...986
Спил ТС-VIII-27-130 (модель VI)					
33	ЛЕ-4793	879-913	1157±30	878-898 910-963	792...804 814...848 851...974
34	ЛЕ-4792	914-958	1116±30	892-922 941...976	886...991
35	ЛЕ-4794	879-958	1136±40	886...902 904...966	794...802 814...846 853...1002
Спил ТС-VIII-28-50 (модель VII)					
36	ЛЕ-3627	971-976	1070±30	970 ...1014	892 ...920 946 ...1022
37	Ле-3628	981-983	1092±45	892...920 950...1008	884...1020
38	ЛЕ-3629	988-990	1113±40	892...924 936...980	876...1016
39	ЛЕ-3630	995-999	1045±30	986...1018	900...908 966...1030

Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Новгородской округи и Старой Ладogi

N	Номер образца	Памятник, археол. датировка, объект датирования	Материал	¹⁴ C-возраст BP	Калиброванная дата по программе Groningen(1993)	
					16, cal AD/BC	26, cal AD/BC
РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ						
1987-89 гг. Ров (2 пол. 1 тыс н.э.)						
1	ЛЕ-3467	кв.237, гл.-3,75м	уголь	1340±80	634...782	558...576, 594...884
2	ЛЕ-3469	кв.238, гл.-5,35м	"	1240±50	718...740, 768...876	672...892, 924...934
3	ЛЕ-3468	кв.237, гл.-4,2- 4,6м	"	1210±40	786...878	708...748, 762...894, 914...957
4	ЛЕ-3477	кв.195,яма, гл. 3,7-3,8м	"	1210±40	786...878	708...748, 762...894, 914...957
5	ЛЕ-3476	кв.241, гл.-3,56м	"	1100±40	892...920, 946...998	886...1014
6	ЛЕ-3475	кв.233,яма, гл. -2,18м	"	1020±100	890...920, 952...1160	790...1230
7	ЛЕ-4404	кв.184, прослойки по стенам рва	"	1160±20	882...893, 919...951	821...839, 865...902, 904...967
8	ЛЕ-3332	Культурн. слой: кв.201, предматери-ковый слой	"	2870±40	1114...1094 BC, 1072...986 BC, 960...938 BC	1158...1148 BC, BC, 1126...916 BC
"Северный" комплекс (XI-XV вв.)						

9	ЛЕ-4405	кв.165, нижняя часть запол- нения, бревно на приступке	дерево	740±40	1257...1296,	1225...1304, 1362...1378
10	ЛЕ-4406	кв.165, плашки	уголь	530±30	1406...1430	1322...1334,
11	ЛЕ-4407	кв.164-171, плашки на дне компл.	дерево	465±20	1433...1446	1422...1459
12	ЛЕ-4408	столбовая яма в (а) С-3 части компл.	уголь	460±75	1406...1508, 1600...1618	1318...1342, 1394...1638

"Южный" комплекс (XII-XV вв.)

13	ЛЕ-4411	кв.179, бревно на дне комплекса	дерево	770±50	1236...1287	1170...1300
14	ЛЕ-4412	кв.185, углистая про- слойка у дна	уголь	440±40	1434...1476	1414...1516, 1588...1624
15	ЛЕ-4413	кв.175, чер- ный слой по дну комп.	уголь	430±25	1442...1466	1434...1486, 1606...1610
16	ЛЕ-4414	кв.175, 182, на дне комплекса	"	450±30	1434...1463	1420...1482
17	ЛЕ-3935	кв.169-176, среднегуму- сированный серый слой Печь для об- жига извести (нач. XIIв)	уголь	740±50	1242...1298	1216...1312, 1350...1390
18	ЛЕ-3333	заполнение печи, у пола, гл.2, 14м	"	850±80	1056...1080, 1122...1134, 1160...1277	1032...1287

СЕЛИЩЕ ВАСИЛЬЕВСКОЕ-1, 1986-88гг. (к. 1 тыс.н.э.)

19	ЛЕ-4157	Обноска печи (раск.1986 г.)	"	1090±30	896...914, 959...1004	892...926, 932...1012
----	---------	--------------------------------	---	---------	--------------------------	--------------------------

20	ЛЕ-4388	комплекс в кв.31,46	"	1060±40	900...906, 966...1020	892...926, 932...1028
21	ЛЕ-4389	комплекс в кв.41, 42, 51, 52	"	1060±40	900...906, 966...1020	892...926, 932...1028
22	ЛЕ-4390	комплекс в кв. 51, 54, верхняя часть заполнения	уголь	1090±40	892...918, 954...1008	888...1014
23	ЛЕ-4391	"-", нижняя часть заполнения	"	1090±35	894...916, 956...1006	890...928, 930...1012
24	ЛЕ-4392	комплекс в кв.55	уголь	1090±25	896...912, 963...1000	892...922, 936...1012
25	ЛЕ-3327	" - "	"	1080±40	894...914, 959...1012	890...926, 930...1018
26	ЛЕ-3328	комплекс в кв.63	"	1050±30	984...1018	898...910, 963...1028
27	ЛЕ-3329	комплекс в кв.56-61	"	1090±55	892...922, 944...1010	794...800, 816...844, 854...1032
ГОРОДИЩЕ ГЕОРГИЙ, 1988 г. (VIII-X вв.)						
28	ЛЕ-3460	комплекс в кв.6,7	уголь	1070±40	898...910, 963...1016	892...926, 932...1024
29	ЛЕ-3461	комплекс в кв.2,3	"	1190±50	780...892, 922...938	712...744, 764...976
30	ЛЕ-3934	траншея, сектор Ж, прослойка, гл.2,5-3,0м	"	1020±70	898...908, 965...1054, 1082...1122, 1136...1158	886...1174, 1194...1206
31	ЛЕ-3935	"-", секторы А-Б, темносерый углистый слой	"	1050±50	896...912, 961...1028	886...1046, 1092...1116, 1142...1156
32	ЛЕ-3937	сооружение в кв. 34,37, углистая прослойка по дну	"	1075±40	896...912, 961...1014	890...926, 930...1020

33	ЛЕ-3938	глинисто-углистая прослойка в кв. 31,34	"	1080±30	898...908, 965...1010	892...922, 938...1018
34	ЛЕ-3939	яма в кв. 13, 14, 18,19, верхняя часть заполнения	"	1010±60	976...1052, 1084...1120, 1138...1158	892...922, 940...1170 886...1014
35	ЛЕ-3940	"-", нижняя часть заполнения (черный слой)	"	1100±40	892...920, 946...998	
36	ЛЕ-3941	яма в кв. 39, 40	"	1030±50	900...906, 966...1040, 1098...1110, 1146...1152	892...924, 936...1060, 1076...1124, 1130...1160
37	ЛЕ-3942	постройка в кв. 24,25, угл. слой	"	1080±40	894...914, 959...1012	890...926, 930...1018
38	ЛЕ-3943	культурный слой, кв. 16	"	1050±50	896...912, 961...1028	886...1046, 1092...1116, 1142...1156
39	ЛЕ-3936	граншея, сектор Д, гл. 0,1-0,3м	"	2350±70	752...730 BC, 714...716 BC, 530...360 BC, 286...254 BC	762...672 BC, 666...628 BC, 596...576 BC, 558...342 BC, 324...200 BC

СТАРАЯ ЛАДОГА, ЗЕМЛЯНОЕ ГОРОДИЩЕ
горизонт ЕЗ (нач. 60х гг. VIII - 30е гг. IX в.)

40	ЛЕ-4158	спил, заболонь	дерево	1250±60	704...748, 760...826, 834...872	664...892, 920...945
41	ЛЕ-4159	"-", ядро	"	1275±55	672...792, 804...814, 848...850	666...880
42	ЛЕ-4795	столб внутри	дерево (дуб)	1270±40	680...786	672...826,

		постройки №3 (1982г) (дендрообразец N105), бурый гумус (поруб. даты постройки: 776-811гг) Раскоп 1987г. (лежащие над объектами датирования слои: 2 пол. Хв.)				834...872
43	ЛЕ-4416	остатки 3 яруса настила, кв. Д30	дерево	1085±40	894...916, 956...1010	890...1016
44	ЛЕ-4417	2 ярус настила, кв. Д28-Е28	"	1010±40	988...1040, 1098...11121 144...1152	970...1064, 1074...11261 132...1162
45	ЛЕ-4418	верхний ярус настила, кв. Д28-Е28	"	1010±40	988...1040, 1098...1112, 1144...1152	970...1064, 1074...1126, 1132...1162
46	ЛЕ-4419	остатки обнос-ки сруба, кв. З30	"	1020±35	988...1032	902...904, 966...1052, 1086...11201 138...1158

ПЕЧАТИ И ПЛОМБЫ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ (СВОД)¹

В основу свода положен неопубликованный каталог В.П. Петренко "Печати, найденные в Старой Ладоге", включающий сведения о 28 печатях (12 ранее не издававшихся) и 3 пломбах. Каталог В.П. Петренко дополнен сведениями о печатях и пломбах, осмотренных С.В. Белецким в 1993-1994 гг. В настоящее время удалось учесть данные о 59 печатях и 26 пломбах, а также о трех заготовках для печатей, найденных в Ладоге. Еще три ладожские печати происходят из Новгорода. Всего, таким образом, коллекция памятников сфрагистики Старой Ладоги насчитывает 91 ед. хранения.

Принятые в своде правила систематизации памятников сфрагистики были в 1990 г. изложены в виде тезисов, а позднее стали предметом специальной статьи (Белецкий С. 1990а; 1994в). В каталожных описаниях приняты следующие сокращения: **Л.с.** и **О.с.** - лицевая и оборотная стороны (для печатей и пломб с принципиально неопределимым аверсом); **Д.** - диаметр (линейные размеры); **В.** - вес; **М.н.** - место находки (для памятников, найденных вне Ладоги); **Пр.** - происхождение (для памятников, найденных при археологических раскопках); **Хр.** - место современного хранения (приведено на момент осмотра; часть памятников, нахо-

¹ Работа над Сводом проводилась в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН в 1993-1994 гг. Результаты дважды обсуждены на заседаниях Отдела. Пользуемся случаем поблагодарить А.Н. Кирпичникова и В.А. Назаренко, предоставивших материалы своих раскопок для включения в Свод; Е.А. Рябинина и М.П. Сотникову, познакомивших нас с учтенными ими памятниками; К.А. Федюшева и А.А. Купраниса, оказавших содействие в ознакомлении с материалами из частных коллекций; З.Д. Бессарабову, познакомившую нас с памятниками сфрагистики, хранящимися в фондах Староладожского музея-заповедника и подготавливаемых ею к изданию; Н.И. Милютенко, предоставившую возможность включить в Свод печать из раскопок 1994 г.; О.И. Давидан, консультировавшую нас по находкам из раскопок в Ладоге в 1930-е - 1950-е годы; Е.В. Лепехину, взвесившую печати, хранящиеся в Эрмитаже.

дившихся в частных собраниях, позднее была куплена Новгородским музеем-заповедником); *Изд.* – издание. Номер, присвоенный печати/пломбе состоит из трех частей, разделенных косой чертой: вид памятника ("П" – печать; "Пл" – пломба); индекс памятника, включающий обозначение класса, разряда и формулы легенды ("IV.3.аге" – класс "IV", разряд "3", формула "аге"); собственно номер памятника ("К-717" – номер 717 по Корпусу В.Л. Янина; "10" – номер 10 по настоящему Своду; номера "по Своду" присвоены впервые публикуемым памятникам, при этом пломбы и печати получили отдельную нумерацию).

Ограниченные полиграфические возможности издания не позволяют воспроизвести печати и пломбы на фото-таблицах: в тексте Свода помещены прорисовки, выполненные С.В.Белецким или заимствованные из Корпуса В.Л.Янина (Янин 1970, т.1–2); все случаи использования прорисовок Корпуса оговариваются. Комментарии к печатям и пломбам составлены С.В.Белецким. Памятники, впервые вводившиеся в научный оборот каталогом В.П.Петренко, обозначены звездочкой.

Когда статья уже находилась в наборе произошло трагическое событие – скончалась Аня Мачинская, один из самых талантливых молодых исследователей Ладоги и один из первых читателей рукописи настоящего Свода. Светлая ей память.

ЧАСТЬ I

ПЕЧАТИ

КЛАСС I

С изображением Христа

Разряд I.2

С изображением святого

П/1.2/1 (рис.1). *Аверс*: погрудное изображение Христа. *Реверс*: изображение святого воина в рост. 1) Д.: 21 мм (вдоль канала). В.: 3,76 г (фрагм., не менее 7–8 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.* На реверсе прослежен повторный оттиск той же матрицы.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 346 Корпуса В.Л.Янина. Булла осталась не комментирована, но, судя по тому, что В.Л.Янин включил ее в домонгольскую часть Корпуса (Янин 1970, т.1:226), можно думать, что исследователь склонялся к относительно ранней дате – не позднее XII–XIII вв. Булла из Новгорода, опубликованная в Корпусе, значительно лучшей сохранности, на реверсе читаются буквы, позволившие определить

изображение воина, как изображение Св.Георгия; на аверсе хорошо сохранились буквы **ic** - **xc** по сторонам изображения.

Сфрагистические признаки буллы – редчайшее в домонгольской сфрагистике сочетание изображения Христа на аверсе с изображением святого на реверсе – позволяют расценивать печать как атрибут юрисдикции суверенного светского лица, обладавшего властью "от Бога" (ср.: Василевски 1991:226). Вряд ли мы ошибемся, если попытаемся соотнести печать с деятельностью одного из великих князей XII–XIII вв., находившихся под патронатом Св. Георгия. С учетом того, что ближайшие аналогии изображению Св.Георгия представлены изображениями на печатях середины XIIв. (Янин 1970, т.1: № 193,214,291), можно думать, что речь в данном случае идет об одном из князей–Георгиев (Юриев) XII в. Наиболее вероятной кандидатурой на отождествление с владельцем печати является, на наш взгляд, князь Юрий Владимирович (Долгорукий), занимавший великий киевский стол с 1151 г. (†1157).

КЛАСС II

С изображением креста

Разряд II.1

С изображением Богоматери

П/II.1/2 (рис.2). *Аверс*: изображение креста на подножии, концы креста имеют дополнительные перекрестия, оформлены копьевидными завершениями. Средокрестие оформлено ромбовидной фигурой. *Реверс*: изображение Богоматери в типе Воплощение поколенно. 1) *Д.*: 29 мм (вдоль канала). *В.*: 7,62 г (фрагм., не менее 15 г). *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

П/II.1/3 (рис.3). *Аверс*: подобен П/II.1/2; слева от креста буква **χ**. *Реверс*: изображение Богоматери в типе Воплощение в рост. 1) *Д.*: 29 мм (вдоль канала). *В.*: 5,58 г (фрагм., не менее 11–12 г). *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

П/II.1/4 (рис.4). *Аверс*: подобен П/II.1/2. *Реверс*: изображение Богоматери (в типе Воплощение?) поколенно (?). 1)* *Д.*: 29 мм (вдоль канала). *В.*: не взвеш. *Хр.*: не установлено. *Не изд.*

Все три печати принадлежат к хорошо известному сфрагистическому разряду – так называемые "анонимные владычные печати" Новгорода. Печать П/II.1/3 оттиснута той же парой матриц, что и печать № 510 Корпуса. Две другие буллы принадлежат неизвестным парам матриц. Датировка всех трех печатей в пределах второй половины XIV – начала XV вв. сомнений не вызывает.²

² В фондах старолadoжского музея-заповедника хранится еще одна булла рассматриваемого разряда (инв.№ СЛМ/КП-77582/А-12266), датирующаяся более поздним временем: точные соответствия этой печати кажется не известны, но

Н.П.Лихачев (ЛСА: табл.ХII,2), а вслед за ним П.А.Шорин (Шорин 1964:256-267) и В.Л.Янин (Янин 1970, т.2:51-60) уверенно атрибуировали печати рассматриваемого разряда владычным заместителям Новгорода. Вероятно, вывод об употреблении таких печатей в делопроизводстве чиновников владычного аппарата Новгорода справедлив. При этом, можно думать, что новгородский архиепископ усвоил своим представителям тип сфрагистической регалии, уже сложившейся к этому времени и имевший в правовом отношении признанный статус. Если так, то редкость находок домонгольских печатей с изображением креста и Богоматери (Янин 1970, т.1:151, 331,342) и обнаружение большинства известных экземпляров в Новгороде дают основание предполагать сложение сфрагистического разряда именно в Новгороде, а не за его пределами.

Высокий ранг печати с изображениями креста и Богоматери подчеркивают особый круг полномочий, попадающих под юрисдикцию этой сфрагистической регалии по сравнению с другими регалиями иерархов русской церкви и их уполномоченных лиц. В этой связи заметим: "прочтение" сфрагистической регалии рассматриваемого разряда может быть двояким. Печати, безусловно, являлись атрибутами юрисдикции суверенной (изображение креста) церковной (изображение Богоматери) власти, то есть – либо суверенной власти в области церковного права, либо – суверенной власти представителя церкви. Для первой версии нет достаточных оснований: новгородский владыка, иерархически подчиненный митрополиту Всея Руси, не являлся сувереном в области церковного права – его юрисдикция распространялась только на подвластную епархию. Зато вторая версия заслуживает самого пристального внимания.

Новгородский владыка после 1158 г. (НПЛ:30,217), как известно, подлежал вечевому избранию точно так же, как подлежали избранию на вече высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. – архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, а вовсе не ограничивался отправлением пастырских обязанностей. Санкция владыки, как будто бы, была обязательной для придания законности вечевым решениям, поэтому представляется весьма вероятной мысль о том, что владыка в правовом отношении являлся первым должностным лицом в новгородских структурах государ-

стилистически она очень близка печатям № 512-520 Корпуса, датированным В.Л. Яниным в пределах 1429-1480 гг. (Янин 1970, т.2:54-56).

ственного управления. "Ключевые посты в области управления давало ему и председательское кресло в совете господ" (Мартышин 1992:219).

После сказанного рискнем предположить, что рассматриваемый сфрагистический разряд сложился в Новгороде не позднее XII в., и употреблялись печати этого разряда первоначально в делопроизводстве, связанном со светскими полномочиями новгородского владыки, являвшегося первым чиновником государства. В XII–XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, что возможно, свидетельствует об ограниченном (не обязательно низком) характере юрисдикции печати рассматриваемого разряда. На рубеже XIII–XIV вв. в структуре управления Новгорода произошли изменения, материализовавшиеся, в частности, появлением штата чиновников, получивших право пользоваться печатью рассматриваемого разряда. Не исключено, что отмеченная реорганизация стала следствием тех самых коренных преобразований республиканского управления, которые, по мнению В.Л.Янина, произошли в Новгороде в конце XIII в. (Янин 1962: 165–175). А если признать, что с последней трети XIII в. атрибутом юрисдикции органа представительной власти в Новгороде являлась "Печать Всего Новгорода" (Янин 1970, т.2:60), то печати рассматриваемого разряда с конца XIII в. представляли в правовом отношении атрибуты юрисдикции исполнительной власти, главой которой являлся новгородский владыка. Думается, что именно такое положение новгородского архиепископа было отмечено Жильбером де-Ланнуа, посетившим Новгород в 1413 г.: "Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника" (Памятники... 1935:18).

Но даже если согласиться с В.Л.Яниным в том, что начало массового распространения печатей рассматриваемого разряда в Новгороде приходится только на годы первого святительства Моисея (1325–1330), общая оценка сфрагистического разряда остается прежней тем более, что с приходом Моисея на Софийскую кафедру "владыка решительно расширяет границы своей юрисдикции", включая в нее большой круг вопросов, "вытекающих из имущественных отношений" (Янин 1970, т.2:60).

Разумеется, мы не настаиваем на признании теократического характера новгородской государственности. Эта проблема должна стать предметом специального исследования. Однако не учитывать изложенные соображения, по-видимому, также нельзя. Во всяком случае, А.С. Хорошев, решительно отвергающий саму мысль о том, что новгородский владыка мог находиться "у руля государственного управления" (Хорошев 1980:197), был вынужден признать: "Уси-

ление роли новгородского владыки постоянно вызывало серьезные опасения боярской олигархии. Именно этим можно объяснить те защитные действия, которые были предприняты боярством перед лицом усиливающейся власти церковного князя. Защита была организована как на экономической, так и на правовой основе" (Хорошев 1980:196). Думается, что речь должна идти не о борьбе светской власти против вмешательства в ее полномочия власти духовной, а о противостоянии двух ветвей светской власти – исполнительной, во главе которой стоял владыка, и представительной, сосредоточенной в руках управленческой структуры, выступавшей от лица "Всего Новгорода".

После сказанного вернемся к ладожским находкам. Особенностью их является стилистическая и хронологическая компактность при множественности матриц, употреблявшихся в делопроизводстве. Разумеется, документы, скрепленные правительственными чиновниками Новгорода, могли поступать в Ладогу извне: на такую возможность указывает факт обнаружения печати № 510 Корпуса в Новгороде. Однако печати П/П.1/2 и П/П.1/4 оттиснуты матрицами, не известными среди новгородских находок. Не является ли это свидетельством деятельности в Ладоге во второй половине XIV – начале XV вв. чиновников, направленных сюда из Новгорода? Напомним, что единственный экземпляр печати № 504, стилистически и хронологически близкой ладожским буллам, происходит из Пскова (Янин 1970, т.2:182). В другой работе печать № 504 была соотнесена с периодом святительства Иоанна Хутынского (1389–1415) и расценивалась в качестве свидетельства деятельности в Пскове новгородского правительственного чиновника в начале 1390-х годов (Белецкий С. 1994а).

Разряд П.3

С легендой

П/П.3.ав/5 (рис.5) *Аверс*: изображение четырехконечного креста на подножии, справа буквы *хс*. *Реверс*: надпись в четыре строки *г[ри]/го[рьє]/ва[пє]/[чатъ]*. 1) * Д.: 23 мм (вдоль канала). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Не изд.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 538 сохранился при документе (ГВНП: № 240; Янин 1970, т.2: № 538, 2). В.Л.Янин связывает печать № 538 с группой регалий власти чиновников Двинской земли и датирует документ, скрепленный этой печатью, 20-ми – 30-ми годами XV в. (Янин 1991:310).

П/П.3.ад/6 (рис.6). *Аверс*: изображение восьмиконечного креста на подножии. *Реверс*: надпись в пять строк *[л]адо/[с]коган/амѣстн/[и]капеч/[а]т[ь]*. 1) Д.: 23–25 мм. В.: 7,55 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Изд.: (Белецкий С.

1994б:64, № 4,1). 2) Д.: 26 мм (вдоль канала). В.: 4,45 г (фрагм., не менее 7–8 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Изд.: (Белецкий С. 1994б:64, № 4,2). 3) Д.: 25–26 мм. В.: 7,31 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

П/П.З.ад-ез/7 (рис.7). *Аверс*: изображение восьмиконечного креста на подножии, вокруг креста размещена круговая надпись, сохранившаяся фрагментарно; угадываются буквы ар...амо...сеа, вырезанные на матрице без учета на оттиск. *Реверс*: надпись в пять строк [печ]а/[тъ]нам/[ѣ]стн[ик]/ала[до]/ско[го]. 1)* Д.: 28 мм (вдоль канала). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Изд.: (Белецкий С. 1994б:64, № 3). 2) Д.: фрагм. В.: 1,46 г (не менее 6–7 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

П/П.З.ад-ез/8 (рис.8). *Аверс*: изображение восьмиконечного креста на подножии, вокруг креста размещена круговая надпись архиппа... вырезанная на матрице без учета на оттиск. *Реверс*: надпись в пять строк [печ]а/[тъ]нам/[ѣ]стн[ик]/аладос/[к]ого. Буквы н и а во второй строке, н в третьей строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. 1) Д.: 28 мм (вдоль канала). В.: 4,84 г (фрагм., не менее 9–10 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Изд.: (Белецкий С. 1994б:64, № 2,1). 2)* Д.: фрагм. (не менее 28–29 мм). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Изд.: (Белецкий С. 1994б:64, № 2,2).

П/П.З.ад-ез/9 (рис.9). *Аверс*: изображение шестиконечного креста на подножии, вокруг креста размещена круговая надпись ...алекѣа. *Реверс*: надпись в пять строк [печ]а/[тъ]нам[ѣ]/[стн]икала/[до]ско/го. 1) Д.: 30 мм (вдоль канала). В.: 4,56 г (фрагм., не менее 9 г). Пр.: раскопки 1992 г. на Земляном городище. Хр.: ИИМК РАН, инв.№ 71/225/В-35. Изд.: (Кирпичников, Белецкий С. 1994: № II).

П/П.З.ад-ез/23³ (рис.10). *Аверс*: изображение восьмиконечного креста на простом подножии, концы большой перекладины имеют дополнительные перекрестия, все концы оформлены копьевидными завершениями. Вокруг креста размещена круговая надпись с[е]меона[арх]ппѣ новгород; продолжение надписи а к/[ог] а размещено по сторонам креста. *Реверс*: надпись в четыре строки [п]ечать/[н]амѣст/[н]икала/дос[ко]го. 1) Д.: 26–31 мм. В.:

³ Номера печатей, впервые публикуемых в настоящем Своде, соответствуют номерам тех же печатей в двух частях каталога, публикуемых в сборниках материалов старолadoжского семинара. Печати, получившие порядковые номера с 23 по 34, стали известны в 1994 г. и составили вторую часть каталога. В Своде обе части каталога объединены, но нумерация памятников сохранена.

9,32 г (фрагм., не менее 10–11 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Принадлежность всех перечисленных печатей чиновникам ладожской администрации в должности наместника вытекает из формулы легенды на реверсе. Палеографически буллы могут быть отнесены в своем большинстве к XIV в., при этом печать П/П.З.ад/6 с большим вероятием должна быть датирована второй половиной этого столетия⁴. Печать П/П.З.ад-ез/23, вероятнее всего, должна быть отнесена к концу XIV или началу XV в., причем нельзя не подчеркнуть сходство изображенного на аверсе этой печати креста с крестами на рассмотренных выше печатях разряда П.1.

Особое внимание привлекают остатки круговой надписи на аверсе печатей П/П.З.ад-ез/7–9. Все буллы фрагментированы, поэтому ни в одном случае формула легенды целиком не прочтена. Однако, полагая, что формула эта на разных печатях сходна, тексты надписей можно восстановить по прослеженным фрагментам. Прежде всего отметим, что на печатях П/П.З.ад-ез/7–8 надпись вырезана без учета на оттиск, так что в обоих случаях ее следует читать справа налево (против часовой стрелки). И, следовательно, формула на аверсе печати П/П.З.ад-ез/8 начинается с титула – **архнкппа**. Оставшаяся часть круговой надписи на этой печати, с учетом размашистости написания отдельных букв, могла содержать не более 4–5 знаков.

Сохранившаяся часть легенды на печати П/П.З.ад-ез/9 фиксирует, что надпись на матрице была вырезана с учетом оттиска и, следовательно, прочитанное в легенде имя **алексѣя** должно было завершать формулу легенды. Таким образом, круговая легенда на аверсе этой печати может быть восстановлена как **[архнкппа] алексѣя**.

⁴ Пользуемся случаем поблагодарить Т.В.Рожественскую (СПбГУ) за неоднократные консультации по палеографии легенд на средневековых русских печатях.

Здесь же отметим, что в тезисах доклада, посвященного печатям ладожских наместников (Белецкий С. 1994б) приведено прочтение легенды на печати П/П.З.ад/6, сделанное по двум дефектным экземплярам (П/П.З.ад/6: 1,2). Во время обсуждения доклада 7 апреля 1994 г. в Отделе нумизматики Эрмитажа, М.П. Сотникова (Эрмитаж) любезно познакомила нас с фотографией печати П/П.З.ад/6:3, находившейся в частной коллекции. Благодаря новому, более сохранному экземпляру удалось уточнить прочтение легенды на реверсе печати. Позднее, благодаря содействию К.А.Федюшева и А.А.Купраниса, печать удалось осмотреть и сделать прорисовку с оригинала, а не с фотографии.

после сказанного, круговая легенда на аверсе печати П/II.3.ад-ез/7, реконструированная по двум фрагментам разных булл от одних и тех же матриц, может быть в предположительной форме прочтена как ар[хикпп]а мо[и]сеа. Легенда на аверсе печати П/II.ад-ез/8, также восстанавливаемая по двум фрагментам разных булл от одних и тех же матриц, может предположительно реконструироваться как архикппа [двад].

Уже после того, как предложенная реконструкция формулы легенды на аверсе наместничьих печатей Ладоги была доложена на Всероссийской нумизматической конференции, нами была осмотрена печать П/II.3.ад-ез/23. Формула круговой легенды на аверсе этой печати несколько шире (за счет включения в легенду расширенного варианта титула – "архиепископа новгородского" вместо "архиепископа"), но в целом представляется адекватной формуле легенды на аверсе печатей П/II.3.ад-ез/7-9, и это, на наш взгляд, подтверждает правильность предлагаемой реконструкции.

Таким образом, девять булл от пяти пар матриц принадлежали ладожским наместникам. В Корпусе В.Л.Янина учтены три печати от двух пар матриц, принадлежность которых ладожским наместникам также следует из формулы легенды на реверсе. Печать № 521 Корпуса известна в двух экземплярах (оба найдены в Новгороде): на аверсе помещено изображение Св.Климента, на реверсе – надпись в пять строк "Наместника ладожского печать". В.Л. Янин датировал печать № 521 временем святительства новгородского архиепископа Климента (1276–1299), то есть – относил деятельность держателя буллотирия к последней четверти XIII в. (Янин 1970, т.2:66). Еще одна булла, оформленная аналогично печати № 521 и к тому же имеющая общую с ней матрицу реверса, описана ниже (П/VI.2.ае/16).

Печать № 522 заметно отличается от печати № 521: аверс – изображение шестиконечного креста на подножии, обозначенного двойным контуром; реверс – надпись в пять (?) строк "Печать наместника ладожского Захара". В.Л.Янин не очень уверенно датирует буллу началом XIV в. (Янин 1970, т.2:67), предпочитая в каталоге к Корпусу обозначать ее как хронологически неприуроченную (Янин 1970, т.2:186). Ближайшая аналогия изображению креста на аверсе печати № 522 известна по печати двинских чиновников XV в. (Янин 1970, т.2: № 567), поэтому можно думать, что печать № 522 должна быть отнесена к XV в. С учетом же ко-

псевидных завершений концов креста речь может идти о первой половине – первой трети XV в.⁵

Таким образом, известные в настоящее время печати ладожских наместников хронологически распределяются следующим образом (табл.1):

Таблица 1

Тип	Хронология
П/VI.2.ад/К-521 и П/VI.2.ад/16	время архиепископа Климента (1276–1299);
П/II.3.ад-ез/8 П/II.3.ад-ез/7	время архиепископа Давида (1309–1325); время архиепископа Моисея (1326–1330; 1352–1359);
П/II.3.ад-ез/9 П/II.3.ад/6	время архиепископа Алексия (1360–1388); вторая половина XIV в.
П/II.3.ад-ез/23 П/II.3.ад/К-522	время архиепископа Симеона (1415–1421); первая половина (первая треть?) XV в.

КЛАСС III

С изображением Богоматери

Разряд III.2

С легендой

П/III.2.вд/К-58 (рис.11). *Аверс*: изображение Богоматери в типе Оранта погрудно, по сторонам надписи $\text{мр } \Delta \text{ } \text{Ѡ}[\text{У}]$ под титлами. Ободок точечный. *Реверс*: надпись в пять строк или $[\Delta]/\text{-арьхи}/\text{кппънов}/\text{городь}/\text{скын}$. Буква Δ во второй строке вырезана на матрице без учета на оттиск. Ободок точечный. 1) Д.: 26 мм. В.: 15,12 г. Хр.: ОН, № 27. Изд.: (ЛСА: табл. XXXVIII, 13; Янин 1966: №3, Янин 1970, т.1: №58).

П/III.2.вд/24 (рис.12). *Аверс*: изображение Богоматери в типе Воплощение (?) в рост, справа буквы $\text{Ѡ}[\text{У}]$, под ними нечитаемые остатки букв. *Реверс*: надпись в пять строк $\text{фек}[\text{ти}]/\text{стъя}[\text{рх}]/\text{кпп}[\text{ъно}]/\text{вго}[\text{род}]/\text{ск}[\text{ын}]$. 1) Д.: 29 мм (вдоль канала). В.: 7,78 г (фрагм., не менее 15 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Принадлежность обеих печатей новгородским архиепископам следует из текста легенды на реверсе. Печать П/III.2.вд/К-58 представленная дефектным оттиском, специально анализировалась

⁵ Сведения о печатях № 521 и 522 Корпуса, обнаруженных вне Ладоги, помещены в конце I-й части Свода. Эти печати получили в соответствии с принятой нами индексацией, следующие номера: П/VI.2.ад/К-521 и П/II.3.ад/К-522.

В.Л. Яниным. Исследователь подчеркивал, что "имя владельца на существующем экземпляре полностью не читается, но угадывается по нижним концам букв, хорошо различимым" (Янин 1970, т.1:55), и атрибуировал буллу архиепископу Илье-Иоанну (1165–1186). С этой атрибуцией можно согласиться: в первой строке легенды действительно уверенно восстанавливаются три из четырех букв имени Или(А). Отметим только, что на аверсе буллы изображена Богоматерь Оранта, а не Знамение, как принято считать.

Печать П/Ш.2.вд/24 принадлежит к хорошо известной паре матриц – № 459 Корпуса. Булла атрибуирована новгородскому архиепископу Феоктисту, рукоположенному в сан 29 июня 1300 г. и смещенному с кафедры зимой 1307/1308 г. (Янин 1970, т.2:47).

П/Ш.2.Г/К-92 (рис.13). *Аверс*: изображение Богоматери в типе Оранта погрудно, по сторонам надписи $мр \Delta \omega \psi$ под титлами. Ободок точечный. *Реверс*: надпись в три строки $дѣ / нѣсло / во$. Ободок точечный. 1) Д.: 26–27 мм. Д. матриц: *аверс* -18 мм; *реверс* – 18 мм. В.: 18,54 г. Пр.: раскопки 1947 г. на Земляном городище. Из отвала. Слой горизонта Г (?). Хр.: ОИПК, инв.№ 2698/21. Изд.: (Янин 1962б: № 20; Янин 1970, т.1: № 92).

Булла принадлежит к неоднократно обсуждавшемуся в литературе сфрагистическому разряду, объединенному формулой легенды на реверсе. География распространения печатей "дѣнѣслово" охватывает всю территорию Руси – от Киева до Ладоги и от Дрогичина до Ярополча (Янин 1970, т.1:183–186). Это дает основание рассматривать сфрагистический разряд как общерусское явление (Янин 1970, т.1:85).

Главной загадкой разряда является формула легенды. Подводя итоги дискуссии о значении формулы, В.Л.Янин обозначил три основные версии, существующие в литературе (Янин 1970, т.1:76–78):

1. Версия Н.П. Лихачева: формула легенды обозначает, что в скрепленном печатью документе содержится чье-то "слово"; формула может быть соотнесена по смысловому значению с известной легендой на анонимных византийских печатях – "Чьей печатью я являюсь узнаешь, взглянув на написанное"; перевод формулы "дѣнѣслово" – "Слово внутри", то есть – в тексте грамоты (Лихачев 1930:29).

2. Версия Б.А.Рыбакова: печати с формулой "дѣнѣслово" являлись атрибутами тайной переписки; перевод формулы – "Скрытое (сокровенное) слово" (Рыбаков 1963:319).

3. Версия В.Л.Янина: "Смысл надписи сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ"; перевод

формулы – "Слово внутри, разверни и читай" (Янин 1970, т.1:85,86).

Все три версии близки между собой в главном: исследователи единодушно считают, что формула легенды не содержит персонафицирующей информации, а является "говорящим ярлыком". Фактически, и версия В.Л. Янина, и даже версия Б.А.Рыбакова являются лишь модернизацией гипотезы Н.П.Лихачева, впервые предположившего разделение текста легенды на два отдельных слова: "дѣньбѣ" и "слово", то есть – "(въ) дѣньбѣ слово" (Лихачев 1930:29). Расхождения в оценках связаны с общеисторическими соображениями о персональной принадлежности отдельных сфрагистических типов и о возможности существования единого сфрагистического разряда, объединяющего атрибуты юрисдикции представителей разных институтов власти. В определении хронологии печатей "дѣньбѣслово" исследователи более или менее единодушны: эти печати употреблялись в "сравнительно незначительный период времени и, несмотря на разницу в стиле и работе, идут скорее параллельно, чем наслаениями" (Лихачев 1930:29). Наиболее вероятным временем бытования печатей "дѣньбѣслово" принято считать конец XI – начало XII вв. (Лихачев 1930:29; Рыбаков 1963:319; Янин 1970, т.1:85).

В сравнительно недавнее время новую гипотезу о расшифровке надписи на реверсе рассматриваемых печатей предложил В.В.Нимчук. Исследователь считает возможным рассматривать первую часть словосочетания "дѣньбѣслово" в качестве отглагольного существительного дѣньбѣ – речь, сообщение. Вторую часть словосочетания В.В.Нимчук предлагает считать сфрагистическим вариантом "притяжательного прилагательного среднего рода, именительного падежа, единственного числа – сѣслово, производного от существительного сѣлъ – посол, посланец, доверенное лицо, вестник". В целом надпись переведена В.В.Нимчуком как "речь посла" (Нимчук 1990:175–178).

Версия В.В.Нимчука представляется перспективной. Написание формулы "дѣньбѣслово" на реверсах разных печатей различное: наряду с самым распространенным "дѣньбѣслово" (Янин 1970, т.1: № 74–78,81,82,86–88,90–94) зафиксировано также "дѣньслово" (Янин 1970, т.1: 79,80), "дѣньслово" (Янин 1970, т.1: № 83), "дѣньстлово" (Янин 1970, т.1: № 84), "дѣньбѣслово" (Янин 1970, т.1: № 89), "дѣньслово" (Янин 1970, т.1: № 95) и др. Поэтому ничего невероятного в том, что первая часть словосочетания рассматриваемого В.В.Нимчуком в качестве слова дѣньбѣ, а не дѣньбѣ, на наш взгляд, нет: в памятниках средневековой русской сфрагистики встречены

самые неожиданные сокращения в написаниях ключевых слов легенды.⁶ Однако конечный вывод исследователя о том, что печати "дѣньслово" "скрепляли тексты посольских речей, подкрепляя тайные конфиденциальные сообщения", дабы "не возникали сомнения и прения вокруг того, точно ли посол передал речь адресанта" (Нимчук 1990:177), представляется модернизацией версии Б.А. Рыбакова, и может быть уточнен.

На наш взгляд, первая часть словосочетания может быть прочтена как сфрагистический вариант сокращенного написания существительного "дѣ(Ѧ)н(н)ѣ" (деятельность, от глагола дѣѦти – делать, творить, совершать, поступать, возможно – говорить). Принимая вторую часть словосочетания за притяжательное прилагательное с суффиксом -ов- – с(ъ)лово, от сълъ, посол – надпись в целом может быть переведена как "деяние послово". И, в таком случае, документ, скрепленный печатью рассматриваемого разряда, очевидно, должен был содержать сведения о полномочиях посла, то есть – являлся посольской верительной грамотой. Изображение на аверсе, в таком случае передавало сведения о суверене, направившем посла (посольство) и наделившем его перечисленными в тексте грамоты полномочиями.

Соглашаясь с тем, что наиболее вероятное время употребления в делопроизводстве печатей "дѣньслово" – это конец XI – первая треть XII в., мы не рискуем уверенно персонифицировать большинство лиц, скрытых за изображениями святых на аверсах печатей. В основном это были, очевидно, светские лица, князья.⁷ Однако существование института верительных грамот в делопроизводстве иерархов церкви надежно зафиксировано именно находкой печати из Ладogi. Ближайшие аналогии для изображения Богоматери на этой печати – изображения Богоматери на печатях № 314–316 Корпуса. Из шести моливдовулов, оттиснутых матрицами № 314–316, три буллы происходят из Южной Руси (Киев, Киевщина,

⁶ На реверсе печати № 348 Корпуса (судя по лучше сохранившемуся экземпляру, найденному в Пскове) размещена трехстрочная надпись "Ѧв(Ѧ)д(Ѧ)ва п(Ѧ)ч(Ѧ)ть" (Белецкий С. 1986б:21-24). Сокращение почти всех гласных в словах легенды ни размерами буллы, ни размещением букв по строкам не мотивировано.

⁷ Печати с изображением шестикрылого ангела (№ 88-91 Корпуса) не обязательно указывают на принадлежность скрытого за этим изображением лица к иерархам церкви: изображение могло передавать сведения об имени собственном (Серафим), подобно тому как имена Михаил и Гавриил передавались изображениями других представителей небесного воинства – архангелов Михаила и Гавриила.

Плисненск)⁸, так что южнорусское происхождение ладожской буллы весьма вероятно.

В.Л.Янин в осторожной форме высказал предположение о том, то появление печатей "дѣнѣслово" связано с киевской инициативой по унификации сфрагистических регалий на Руси (Янин 1970, т.1:85). Соглашаясь с киевским происхождением печатей подчеркнем: речь может идти не об унификации, связанной со слиянием "княжеских и церковных печатей" (Янин 1970, т.1:85), а о разработке в столице Руси процедуры дипломатических связей, в частности – оформлении единого типа верительной грамоты. С посольством митрополита Всея Руси из Киева в Ладогу мы и связываем появление в Ладоге документа, скрепленного печатью П/II.2.Г/К-92.

КЛАСС IV.

С изображением геральдической фигуры

Разряд IV.2

С изображением святого

П/IV.2/К-283 (рис.14). *Аверс*: изображение двузубца прямоугольных очертаний с отрогом внутрь на правом зубце. Ободок точечный. *Реверс*: изображение Св.Георгия в рост, по сторонам колончатые надписи $\sigma\theta\epsilon\omicron/\rho\gamma\iota\omicron\varsigma$. Ободок точечный. 1) Д.: 24–26 мм. В.: 15,56 г. Хр.: ОН, № 285. Изд.: (ЛСА: табл.XLV,4; Лихачев 1930:199,200, рис.172; Янин 1970, т.1:134,142, № 283).

Печать принадлежит к сфрагистическому разряду, активно обсуждавшемуся в литературе. После работ В.Л.Янина (Янин 1970, т.1:141–146) принадлежность печатей княжеским чиновникам стала очевидной. А.А.Молчанов убедительно связал печати с деятельностью новгородских посадников. Печать № 283 Корпуса, в частности, исследователь атрибуировал посаднику Судиле Ивановичу, датировав буллу временем княжения в Новгороде Ростислава Мсиславича (1154) (Молчанов 1984:43; Молчанов 1985:81). Эта атрибуция представляется достаточно обоснованной (ср.: Белецкий С., Крымов 1990:240, рис.4, III).

Разряд IV.3

С легендой

П/IV.3.авд/10 (рис.15). *Аверс*: всадник (мечник?) влево. *Реверс*: надпись в четыре (?) строки [печа]/[тъкнѣ]/[жа]глѣ/-[во]ва. 1)* Д.: фрагм. (не менее 28–30 мм). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Ил. изд.

⁸ Три другие буллы происходят из Новгорода: одна принадлежит к городищенскому комплексу находок, две другие в черте города не локализованы.

Хотя от печати сохранился только обломок, едва достигающий четверти буллы, изображение на аверсе и формула легенды на реверсе восстанавливаются без особого труда по аналогии с давно известной печатью Глеба-Наримунта Гедиминовича, сохранившейся при грамоте 1338 г. (Лихачев 1928:35, рис.12): аверс – светский мечник влево; реверс – надпись в четыре строки печат/тъкнА-/жагле/бова. Печать Глеба-Наримунта анализировалась Н.П.Лихачевым, позднее ее рассматривал А.Л.Хорошкевич (Хорошкевич 1972:132,133). Булла, фрагмент которой найден в Ладогe, по своему оформлению адекватна булле при полоцкой грамоте, но оттиснута, как будто бы, иной парой матриц. Атрибуция печати князю Глебу-Наримунту представляется весьма вероятной.

П/IV.3.A/K-717 (рис.16). *Аверс*: зверь влево. *Реверс*: надпись в четыре строки [п]еча[т]/ьновго[р]/очьката. Буквы ь во второй строке и ч в третьей строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. 1) Д.: 27-30 мм. В.: 11,19 г. Хр.: ОН, № 606. Изд.: (ЛСА: табл.XXXI, 5; Янин 1962:352, № 10; Янин 1970, т.2: № 717).

П/IV.3.A/25 (рис.17). *Аверс*: зверь влево. *Реверс*: надпись в три строки пе[чатъ]/нов[гороч]/к[аА]. 1) Д.: 29 мм (вдоль канала). В.: 3,39 г (фрагм., не менее 7 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

П/IV.3.A/11 (рис.18). *Аверс*: зверь влево. *Реверс*: надпись в четыре строки [п]еча[тъ]/велик[ог]/онов[аго]/род[а]. 1)* Д.: фрагм. (не менее 29 мм). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. *Не изд.* 2) Д.: 24-26 мм. В.: 5,89 г (фрагм., не менее 6-6,5 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

П/IV.3.A/12 (рис.19). *Аверс*: зверь (?) влево (?). *Реверс*: надпись в пять строк пе[ча]/тъв[ел]/нког[оно]/ваг[оро]/да. Ободок точечный. 1) Д.: 33 мм (вдоль канала). В.: 9,69 г (фрагм., не менее 19-20 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.* Стала известна благодаря Е.А.Рябинину.

Печать П/IV.3.A/K-717 давно известна в литературе. Остальные четыре буллы принадлежат трем неизвестным парам матриц.⁹

В Корпусе В.Л.Янина зафиксировано не менее 80 моливдулов данного разряда, оттиснутых 47 (51) парами матриц; 38 моливдулов от 26 (30) пар матриц несут на аверсе изображение зверя. В.Л.Янин рассматривает печати с формулами "Печать новго-

⁹ Еще одна булла рассматриваемого разряда, несущая на реверсе формулу "Печат(ть) новгорочкая", хранится в фондах старолadoжского музея-заповедника (инв.№ СЛМ/КП-95181); она также оттиснута неизвестной парой матриц.

родская" и "Печать Великого Новгорода" в качестве атрибутов юрисдикции новгородского Совета Господ XV в. (Янин 1962:349-362; Янин 1970, т.2:128-130; Древняя Русь ... 1985:379). Комментируя множественность матриц этих печатей исследователь подчеркивал: "Обилие вариантов... говорит о том, что матрицы всякий раз вырезывались для вновь избранного посадника или тысяцкого... Невозможно указать ни одного случая, когда тождественные экземпляры привешивались к документам разными лицами" (Янин 1962:364). Позднее В.Л.Янин конкретизировал эту мысль: "Буллы применялись посадниками и тысяцкими... Эти печати не наследовались, а, вопреки своей анонимности и подчеркнута антиперсональному характеру, оставались все же буллами персональными" (Янин 1970, т.2:126,127).

Таким образом, печати рассматриваемого разряда, найденные в Ладоге, скрепляли документы, утвержденные высшими боярскими магистратами Новгорода XV в. Учитывая, что все буллы принадлежат матрицам, оттиски которых вне Ладоги пока не известны, можно было бы поставить вопрос о пути попадания в Ладогу документов, скрепленных этими печатями. Напрашивается предположение о том, что документы, утвержденные перечисленными печатями, могли быть скреплены высокопоставленными новгородскими чиновниками непосредственно в Ладоге. Однако, что такое предположение носит сугубо теоретический характер. Сведения о происхождении известных печатей рассматриваемого разряда (табл.2) показывает, что печати употреблялись как для утверждения документов внутриновгородского значения, так и для скрепления, грамот, уходявших из Новгорода вовне, причем последние достаточно многочисленны. Поэтому поступление в Ладогу документов, скрепленных рассматриваемыми печатями, из Новгорода представляется весьма вероятным. Заметим при этом, что подавляющее большинство печатей рассматриваемого разряда представлено одним-двумя (редко больше) оттисками; это относится, в частности, к печатям, скреплявшим "грамоты за рубеж" (Янин 1970, т.2: № 707,743,744,751).

Таблица 2. Географическая приуроченность печатей с формулой легенды "Печать новгородская" и "Печать Великого Новгорода" *

Новгород			Вне Новгорода					
Рюриково городище	?	вне Гороदिща	Кольвань	Рига	Тверь	Порхов	Псков	Троице-Сергиева лавра
6	23	24	6**)	2**)	2**)	1	1	1**)

*) таблица составлена по материалам Корпуса; ладожские находки в таблицу не включены;

***) сохранились при документах.

КЛАСС V

С изображением композиции на темы Писания

Разряд V.1

С изображением святого

П/V.1/К-137:7 (рис.20). *Аверс*: изображение композиции Благовещение, над головами архангела и Марии надпись $\rho\alpha\delta\omicron\upsilon\varsigma\text{A}$. Ободок точечный. *Реверс*: изображение Св.Федора в рост, по сторонам колончатые надписи $\sigma\alpha\gamma\iota\sigma/\omega\epsilon[\omega\delta\omicron\rho]\varsigma$. В левой колонке лигатура $\rho\iota$ в третьей строке и буква α во второй строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. Ободок точечный. 1) Д.: 23 мм. В.: 8,36 г (фрагм., не менее 9 г). Хр.: ОН, № 89. Изд.: (ЛСА: LIV,10; Янин 1970, т.1: № 137,7).

П/V.1/26 (рис.21). *Аверс*: изображение композиции Благовещение. Следы линейного (?) ободка. *Реверс*: изображение Св. Федора в рост, слева фрагмент колончатой надписи $\omega\epsilon\delta$. Следы линейного ободка. 1) Д.: 20-21 мм. В.: 7,44 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд. Булла оттиснута на заготовке, вырубленной из прямоугольной (?) свинцовой пластины: по периметру заметны следы обруbanия, а левый (со стороны аверса) верхний угол пластины остался не обрубан. Отметим, что булла прошла коллекционную "реставрацию": утраты со стороны аверса заполнены тонированным гипсом.

Печать П/V.1/К-137:7 давно известна в литературе. Печать П/V.1/26 публикуется впервые, однако она оттиснута уже известной парой матриц – № 133 Корпуса В.Л.Янина. Обе печати атрибуированы В.Л.Яниным князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу (†1138) (Янин 1970, т.1:108-110). Вместе с другими печатями, несущими на аверсе изображение Благовещения, печати рассмотренных типов причислены В.Л.Яниным к обширному сфраги-

стическому разряду, объединенному изображениями святых на обеих сторонах; эти изображения несут в себе символическую передачу крестильных имен владельца печати и его отца. Однако еще Н.П.Лихачев подчеркивал, что изображение композиции Благовещение не может быть истолковано как синонимичное изображению архангела Гавриила (Лихачев 1930:33-36), и это представляется справедливым. Довод В.Л.Янина, напомнившего о возведении ц. Благовещение с Городища Мстиславом Великим в связи с рождением сына Всеволода, крещеного Гавриилом (Янин 1970, т.1:108, 109), вряд ли подкрепляет гипотезу об атрибуции печатей: случаи возведения в домонгольской Руси храмов с посвящением именно архангелу Гавриилу, кажется, не известны (в отличие от храмов и монастырей, посвященных либо архангелу Михаилу, либо – архангелам Михаилу и Гавриилу), так что строительство ц. Благовещение в связи с рождением лица, крещеного Гавриилом, еще не означает, что для символического обозначения имени Гавриил на печати следовало поместить изображение композиции Благовещение: теоретически эта композиция могла бы с равным основанием расцениваться в качестве символического обозначения имени Марии. Полагаем, что печати с изображением композиции Благовещение и святого не имеют отношения к разряду печатей с изображениями святых на обеих сторонах, а должны быть причислены к особому сфрагистическому классу. Речь идет о печатях, несущих на аверсе изображение композиций на темы Писания.

В Корпусе учтено не менее 57 булл от 12 пар матриц, относящихся к рассматриваемому сфрагистическому классу (Янин 1970, т.2: № 765, 772, 773). Подавляющее большинство географически приуроченных экземпляров происходит из Новгорода и связано с комплексом находок на Рюриковом городище. Говорить о достаточной представительности сфрагистического класса, однако, не приходится. Напротив, печати, несущие на аверсе изображение композиции, чрезвычайно редки, представлены единичными экземплярами оттисков от своих пар матриц.¹⁰ Исключение составляют две сфрагистические группы, объединяющие печати №№ 133-137 и

¹⁰ Многочисленные печати псковских владычных наместников, несущие на аверсе изображение композиции Ветхозаветной Троицы, в данном случае не учитываются: значительное количество находок и серийная представительность оттисков от одних и тех же пар матриц связаны с происхождением большинства находок, обнаруженных в составе так называемого "архива" из раскопок в Довмонтовом городе Пскова. Без учета этого комплекса находки печатей владычных наместников Пскова с изображением Св.Троицы сравнительно немногочисленны и также представлены единичными экземплярами оттисков от своих матриц (Белецкий С. 1994а).

138-139. Общим для этих групп является размещение на аверсе изображения композиции Благовещение; на реверсе изображены, соответственно, Св.Федор и Св. Иоанн.

Н.П.Лихачев не высказался определенно об атрибуции печатей с изображением композиции Благовещение, хотя не исключал, что за этим изображением может стоять церковь или монастырь соответствующего посвящения (ЛСА: табл.IV). Между тем, по крайней мере в двух случаях можно уверенно связывать изображение композиции на печати именно с монастырем. Первый из этих случаев очевиден: печать № 765 Корпуса, несущую на аверсе изображение композиции Благовещение, а на реверсе формулу "Печать Благовещенская", В.Л.Янин уверенно связал с Благовещенским монастырем Новгорода, датировав буллу ориентировочно XV в. (Янин 1970, т.2:138). Однако для оценки интересующего нас разряда печать № 765 Корпуса важна лишь в общем плане оценки символического значения изображения композиции, поскольку на смысл изображения указывает формула легенды. Прямой аналогией для рассматриваемых печатей печать № 765 Корпуса, безусловно, служить не может: на реверсе у нее помещена легенда, а не изображение святого.

Значительно существеннее истолкование печати № 121а Корпуса (аверс: изображение композиции "Преображение Господне"; реверс: изображение Св.Евфросиньи в окружении надписи "Господи, помоги рабе своей, Евфросинье нарицаемой"). В.Л.Янин атрибуировал печать № 121а Корпуса Евфросинье Полоцкой, объяснив изображение композиции на аверсе патронатом Спасского (Преображенского) монастыря, основанного Евфросиньей (Янин 1970, т.1:231). Добавив к этому, что изображение композиции Ветхозаветной Троицы на печатях владычных наместников Пскова XIV-XV вв. (Белецкий В., Белецкий С. 1983; Белецкий С. 1994г) символически передает сведения о патронате собора Св.Троицы (главной святыни Пскова), мы можем с большой степенью вероятности истолковывать изображение композиции на печатях в качестве символической передачи сведений о патрональном храме или монастыре.¹¹

¹¹ В разряд печатей с изображениями святых на обеих сторонах, кстати говоря, В.Л.Янин включает также печати, на одной из сторон которых изображены "парные святые" – Борис и Глеб, Петр и Павел, Козьма и Дамиан и пр. (Янин 1970, т.1: №№ 167,207,217,218). Передать одно имя изображениями двух святых, по меньшей мере, сложно, но зато на память приходят храмы и монастыри соответствующего посвящения: Борисоглебские, Петропавловские, Козьмодемьянские.

Принимая для печатей № 133-139 Корпуса в качестве наиболее вероятной датировки XII в. было бы заманчиво связать эти печати (по аналогии с печатью № 121а Корпуса) с устроителями Благовещенского монастыря Новгорода, основанного в 1170 г. Ильей-Иоанном и Григорием-Гавриилом. Напомним, что архиепископ Илья в миру был крещен Иоанном (Янин 1970, т.1:55, примеч.63), что соответствует изображению Св.Иоанна на печатях № 138 и 139. Не мог ли его брат, архиепископ Григорий-Гавриил в миру носить имя Федор? Владыка был поставлен на Софийскую кафедру под именем Григорий, данным при постриге – "во иноцех наречен бысть Григории" (НЛ:132,196). Имя Гавриил, следовательно, должно быть признано мирским именем владыка. Но если предположить, что избранию сопутствовал не малый, а великий постриг, то имя Гавриил могло быть получено при малом постриге. И в этом случае вопрос о мирском имени владыки остается открытым.

Противоречит сказанному несовпадение инициалов в именах Гавриил и Федор, обычно соблюдаемое при постриге. Однако, соблюдение этого правила не было обязательным. Напомним о случае малого пострига, совершенного Сергием Радонежским: мальчик Иоанн был при постриге наречен Федором (Кавелин 1885: 77,78). Сам Сергей, кстати, в миру был Варфоломеем, а архиепископ новгородский Василий Калика носил в миру имя Григорий.

П/V.1/К-772:2 (рис.22). *Аверс*: изображение композиции "Собор Иоанна Предтечи". Ободок точечный. *Реверс*: изображение святого воина, извлекающего меч из ножен. Ободок не прослежен. 1) Д.: 27-29 мм. В.: не взвеш. Хр.: ОИПК (?). Изд.: (Янин 1970, т.2: № 772,2). В Корпусе В.Л.Янина печать числится происходящей из Ладоги и хранящейся в ОИПК Эрмитажа. В фондах ОИПК эту буллу нам обнаружить не удалось. О.И.Давидан булла не известна.

Второй экземпляр, оттиснутый этой же парой матриц, найден в Новгороде и топографически в пределах города не локализован. В.Л.Янин датировал печать XIII в. и в предположительной форме связал ее с новгородским посадником Иванкой Дмитриевичем (†1238) (Янин 1970, т.2:145,146), полагая, что эта печать "становится в один ряд с буллой предшественника Иванки – Твердислава и буллой одного из его ближайших преемников – Степана Твердиславича" (Янин 1970, т.2:146).

Предложенная исследователем атрибуция представляется маловероятной. Прежде всего, печать, атрибутированная Твердиславу (Янин 1970, т.2: № 689), как и печать, соотношенная со Степаном

Твердиславичем (Янин 1970, т.2: № 670), принадлежат к принципиально иным сфрагистическим разрядам, нежели печати с изображениями святых на обеих сторонах, к числу которых В.Л.Янин отнес печать № 772. Поэтому ставить эти печати в один ряд представляется недостаточно корректным. Но дело даже не в этом.

Рассматриваемая булла, на наш взгляд, не связана со сфрагистическим разрядом, объединяющим печати с изображениями святых на обеих сторонах, так что атрибуция печати лицу, носившему в крещении имя Иван Дмитриевич (или Дмитрий Иванович) ничем не мотивировано. Помещенное на аверсе печати изображение композиции "Собор Иоанна Предтечи" соотносит сфрагистическую регалию с разрядом печатей, фиксирующих в символической форме патронат святыни над владельцем печати (храм Иоанна Предтечи либо Иоанно-Предтеченский монастырь). Напрашивается параллель с печатью № 121а Корпуса, речь о которой шла выше: нельзя ли предположить, что владельцем рассматриваемой печати являлся ктитор Иоанно-Предтеченского монастыря?

В этой связи напомним, что в XIII в. единственный на северо-западе Руси монастырь, центральный храм которого был посвящен Иоанну Предтече, находился в Пскове: монастырь играл заметную роль в хозяйственной и политической жизни города, а сам Ивановский собор служил местом последнего упокоения псковских княгинь (Болховитинов 1831:114,115). Возведение собора относится к 1124-1125 г. (Белецкий С. В печати-2). Однако время создания при этом соборе монастыря остается не установлено. Очевидно только, что в середине XIII в. монастырь уже существовал (НПЛ:79,247). Правда, монастырь был девичьим, так что вопрос о ктиторе, имя которого могло бы быть передано изображением святого воина, остается открытым.

Оставляя вопрос о персональной атрибуции печати П/V.1/К-772:2 открытым, подчеркнем, что датировка печати в пределах XIII в. достаточно вероятна, а атрибутировать изображенного на реверсе святого воина именно в качестве Св.Дмитрия Солунского (Янин 1970, т.2:145) совершенно не обязательно: извлекающими меч из ножен изображались и другие святые воины (Янин 1970, т.1: № 230).

КЛАСС VI

С изображением святого

Разряд VI.1

С изображением святого

Печати с изображением святых на обеих сторонах традиционно связываются в деятельность русских князей XII-XIII вв. Принципиальная атрибуция разряда установлена Н.П.Лихачевым;

он же показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачев 1928:12-66), то есть – крестильные имя и отчество держателя буллотирия (Янин 1970, т.1:88).

В.Л.Янин первым систематизировал огромное число известных печатей данного разряда. Выяснилось, что на 1969 г. включительно наука располагала сведениями о 402 буллах, отгиснутых 138 парами матриц (Янин 1970, т.1: № 140-155,157-166,168-206,209-216,218-230,232-235,237-242,244-266,268-282,243а; Янин 1970, т.2: № 372,373,375,377,380-383,399,401,402,404,702).¹² Опираясь на географическую приуроченность подавляющего большинства находок к Новгороду, исследователь допускал, что места находок печатей в подавляющем большинстве случаев должны соответствовать местонахождению резиденции держателя буллотирия. Поэтому, за основу персональных атрибуций в Корпусе был взят список новгородских князей XII - первой трети XIII вв., и во всех рассуждениях В.Л.Янин исходил из сроков пребывания князей на новгородском столе.

Подобный подход вызывает возражения. Значительная часть находок из Новгорода происходит с Рюрикова городища, что связывает буллы с документами, находившимися в крупном архивохранилище на Городище. Об источниках поступления документов "на вечное хранение" в этот архив можно только догадываться. Конечно, какая-то часть документов из городищенского архива могла быть скреплена печатями в самом Новгороде. Однако, весьма вероятно, что многочисленные документы поступали в этот архив извне. И, следовательно, до проведения всестороннего анализа комплекса городищенского архива вряд ли можно опираться на печати, найденные на Городище, как на собственно новгородские по происхождению.

Если же сравнивать количество печатей с изображениями святых на обеих сторонах, происходящих из Новгорода и из других центров Руси (*табл.3*), без учета комплекса городищенских находок и находок, в черте Новгорода не приуроченных (городищенское происхождение последних, по мнению В.Л.Янина, весьма вероятно, см.: Янин 1970, т.1:7), то ни о каком преобладании новгородских материалов говорить не приходится.

¹² В.Л.Янин приводит другую итоговую таблицу: 432 буллы от 151 пары матриц без учета аналогичных печатей второй половины XIII - начала XIV вв. (Янин 1970, т.2:239). Расхождение объясняется тем, что в Корпусе в этот разряд включены печати с изображениями композиции, а также – парных святых.

Таблица 3. Географическая приуроченность печатей с изображениями святых на обеих сторонах*)

Новгород			Вне Новгорода		
Городище	?	вне Городища	Киев	Ладога	Псков
81	185	11	7	10	10

*) сравниваются материалы только крупных центров Руси

Следовательно, вряд ли правомерно использовать в качестве опорных сведений для персонификации печатей список новгородских князей. В расчет, вероятно, следует принимать все известные сведения о представителях княжеских родов на Руси. При этом необходимо учитывать князей не только XII - первой трети XIII вв., но и лиц более позднего времени: традиция использования русскими князьями печатей с изображениями святых на обеих сторонах прослеживается на протяжении всего XIII в. и даже в начале XIV в., что надежно зафиксировано буллами, сохранившимися при подлинных актах (Янин 1970, т.2: № 380, 1,2; 401; 1-3). Поэтому не исключено, что среди печатей, отнесенных в Корпусе к XII - началу XIII вв., какая-то часть булл может в действительности датироваться несколько более поздним временем.

Признавая печати рассматриваемого разряда в качестве эквивалента личной подписи владельца, мы неизбежно приходим к выводу об отсутствии у этих печатей юридической символики: обе стороны буллы заняты информацией о персональной принадлежности печатей. Иными словами, печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса, и, принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименного самому владельцу печати, мы лишь определяем "начало подписи", "окончание" которой, фиксирующее "отчество" владельца, перенесено на оборотную сторону. Такое оформление буллы, на наш взгляд, является свидетельством неофициального характера печатей рассматриваемого разряда (Белецкий С. 19906). И, следовательно, печати не принадлежали к числу юридических регалий власти русских князей, а являлись их личными печатями, предназначенными, в первую очередь, для частной (неофициальной) переписки.

Сказанное противоречит существующему мнению, согласно которому печатью с изображениями святых на обеих сторонах скреплялись частные акты. Утверждение последних, по мнению В.Л.Янина, входило в полномочия новгородского князя после событий 1136 г. (Янин 1962:81; Янин 1970, т.1:156-159; Древняя

Русь... 1985:378,379; см. также: Подвигина 1976:116,117). Однако напомним, что в основе вывода о перераспределении полномочий между князем и республиканскими властями Новгорода после 1136 г. лежит гипотеза о расцвете в Новгороде с 1130-х годов института княжеской печати при одновременном затухании этой традиции в других центрах и областях Руси (Янин 1962:81; Янин 1970, т.1: 156-159). Гипотеза же эта обосновывается признанием новгородскими по происхождению печатей, составивших комплекс сфрагистических находок на Рюриковом городище. Отказавшись признать печати из городищенского комплекса исключительно новгородскими, мы должны, таким образом, отказаться и от гипотез, вторичных по отношению к этому заключению. Иными словами, нет никаких оснований для признания печатей с изображениями святых на обеих сторонах в качестве регалий княжого суда в Новгороде.

К настоящему времени известно не менее 10 печатей рассматриваемого разряда, ладожское происхождение которых можно считать установленными.¹³

П/VI.1/К-178:2 (рис.23). Л.с.: изображение Св.Агафоники в рост, по сторонам колончатые надписи *агаѳоні[к]*. Ободок точечный. О.с.: изображение Св.Иоанна Богослова в рост, по сторонам колончатые надписи *іоаннѣослов*. Буквы *іо* в правой колонке – под титлом. Ободок точечный. 1) Д.: 21 мм. В.: 6,42 г. Хр.: ОН, № 191. Изд.: (ЛСА: табл.XLI,3; Янин 1970, т.1: № 178,2).

Три других оттиска от этой же пары матриц происходит из Новгорода (один с Городища, два топографически в черте Новгорода не локализованы). В.Л.Янин полагает, что печать могла принадлежать князю Святославу Мстиславичу, княжившему в Новгороде несколько месяцев в 1175 г. (Янин 1970, т.1:119,120). На ладожском экземпляре печати надписи почти не читаются, ободки не прослежены.

П/VI.1/К-232 (рис.24). Л.с.: изображение Св.Давида на коне, влево, слева надпись в три строки *а/дѣ/црѣ*, буквы в третьей строке под титлом. Ободок точечный. О.с.: изображение Св. Иоанна Предтечи в рост по сторонам колончатые надписи *іоаннѣпрт*. Ободок точечный. 1) Д.: 25-27 мм. В.:12,95 г. Хр.: ОИПК, инв. № 1005/1. Из собрания Н.Ф.Романченко. Изд.:

¹³ По непроверенным сведениям, в Ладоге в последние годы найдено еще несколько булл с изображениями святых на обеих сторонах. Они находятся в частных коллекциях, и осмотреть их пока не удалось.

(ЛСА: табл.ЛII,6; Лихачев 1928:82, рис.39; Янин 1970, т.1: № 232).

П/VI.1/К-237 (рис.25). Л.с.: Изображение Св.Иоанна Предтечи в рост по сторонам надписи *lw/прт*. Буквы слева – под титлом, буквы справа составляют лигатуру. О.с.: изображение Св.Симеона Столпника, по сторонам буквы *смн/[ε]еть*, составляющие при построчном чтении имя *семень*. 1) Д.: 20-23 мм. В.: 9,66 г. Хр.: ОН, № 268. Изд.: (ЛСА: табл.ХLII,16; Янин 1970, т.1: № 237).

В.Л.Янин оставил эти печати среди группы булл, не получивших удовлетворительной персонификации. Исследователь полагает, что дальнейшие попытки персонифицировать эти печати должны быть связаны с князьями, не занимавшими новгородский стол. "Не исключена возможность, что в некоторых случаях... буллы связаны с пригородскими князьями Новгорода", – отмечал В.Л. Янин, ссылаясь на находки в Ладогe печатей № 232 и 237 Корпуса (Янин 1970, т.1:130).

П/VI.1/К-249 (рис.26). Л.с.: изображение архангела в рост, справа угадываются буквы *м* и *х*. О.с.: изображение святого воина в рост, по сторонам слабо читающиеся остатки надписей: угадываются буквы *м* и *т* в левой колонке, *р* и *н* в правой колонке, что позволяет реконструировать надпись – *[д]м[н]т/рн[н]*. 1) Д.: 26-27 мм. В.: 11,31 г. Хр.: ОН, № 275. Изд.: (ЛСА: табл. ХL1,4; Янин 1970, т.1: № 249).

Печать справедливо отнесена В.Л.Яниным к числу булл "отвратительной сохранности". Исследователь полагает, что владельцем печати мог быть один из князей второй половины XII - начала XIII вв. (Янин 1970, т.1:130,131). Если мы верно прочитали следы букв на лицевой и оборотной сторонах печати, то сочетание изображений архангела Михаила и Св.Дмитрия позволяет отнести печать к группе булл, объединенных этими изображениями (Янин 1970, т.1: № 189-192). В.Л.Янин атрибуирует печати данной группы князю Ярославу Владимировичу, трижды (в 1181/82-1184, 1187-1196 и 1197-1199 гг.) занимавшему новгородский стол (Янин 1970, т.1:112-115).

П/VI.1/13 (рис.27). Л.с.: изображение архангела Гавриила в рост, справа плохо читаемая колончатая надпись *[г]авр*. О.с.: изображение святого в рост, слева фрагмент надписи *оагі*, буквы *гі* составляют лигатуру. 1)* Д.: 17 мм (вдоль канала). В.: не взвеш. Хр.не установлено. Не изд.

Печать оттиснута, как будто бы, неизвестной парой матриц. Ближайшей аналогией для этой буллы является печать № 195

Корпуса (л.с.: изображение архангела Гавриила; о.с.: изображение Св.Прокопия), но на публикуемой печати нимбы у архангела и святого линейные, в то время как на печати № 195 - точечные.

Печать № 195 атрибуирована В.Л.Яниным князю Ярополку Ярославичу (скончался после 1214 г.), княжившему в Новгороде в 1197 г. на протяжении шести месяцев (Янин 1970, т.1:122,123). Из пяти зафиксированных в Корпусе экземпляров этой печати три происходят с городища, одна буллы в черте Новгорода не локализована, а происхождение еще одной не установлено (Янин 1970, т.1:205). Печать, сходная с печатью № 195 найдена в Пскове (Белецкий В. 1978:25) и также оттиснута иной по сравнению с печатью № 195 парой матриц.

П/VI.1/14 (рис.28). Л.с.: изображение Св.Федора на коне, влево, по сторонам остатки надписей. Ободок не прослежен. О.с.: изображение Св.Федора в рост, по сторонам остатки колончатых надписей *oag[io]/oε[odorъ]*. Ободок точечный. 1) Д.: 18 мм. В.: 5,26 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 204 Корпуса. В.Л.Янин включил буллу № 204 в обширную сфрагистическую группу (15 экз. от четырех пар матриц), атрибуированную князю Мстиславу Мстиславичу Удатному (†1228) (Янин 1970, т.1:113,114).

П/VI.1/15 (рис.29). Л.с.: изображение Св.Бориса в рост, по сторонам колончатые надписи *oagio/woric*. О.с.: изображение архангела в рост, слева фрагмент колончатой надписи *[r]ав.* 1) Д.: 24-25 мм. В.: 12,06 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и печать № 182 Корпуса. Последняя найдена в Новгороде и топографически в пределах города не локализована.

В.Л.Янин, располагавший экземпляром печати плохой сохранности, читал колончатую надпись слева от архангела как *oagI* (Янин 1970, т.1:203, № 182). Исследователь полагал, что на печати изображен архангел Михаил, и атрибуировал буллу великому князю Роману Ростиславичу (†1180), носившему в крещении имя Борис Михайлович (Янин 1970, т.1:93). Если верно прочтение колончатых надписей по публикуемому экземпляру, то на булле помещено изображение архангела Гавриила, и это снимает предлагающуюся в Корпусе персонификацию. Датировать печать можно в пределах второй половины XII - начала XIII вв.

П/VI.1/27 (рис.30). Л.с.: изображение Св.Дмитрия в рост, по сторонам надписи *ди/митри*. Следы точечного ободка. О.с.:

изображение Св.Игнатия в рост, по сторонам надписи игна/ти. Следы точечного ободка. 1) Д.:24-25 мм. В.8,1 г (фрагм., не менее 8,5 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Буллы с изображением Св.Игнатия, как будто бы, пока вообще не фиксировались. Грубое исполнение матриц, начертание букв надписей, тип заготовки позволяют относить печать к достаточно позднему времени - не ранее второй половины XIII - начала XIV в.

П/VI.1/28 (рис.31). Л.с.: изображение святого воина в рост, в точечном нимбе слева колончатая надпись *oagio* (буквы *gi* составляют лигатуру). Справа слабо читается буква *m* (возможно - остатки колончатой надписи [*д*]м[итр]?). Ободок точечный. О.с.: изображение Св.Симеона Исповедника в рост, по сторонам колончатые надписи [*o*]агiос/сѣмевнѣи. Ободок и нимб точечный. Буква *д* под титлом. 1) Д.: 17-20 мм. В.: 6,02 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Матрицы изготовлены высококвалифицированным торецтом, и булла может быть достаточно уверенно отнесена к XII в. (возможно - ко второй половине столетия).

П/VI.1/29 (рис.32). Л.с.: изображение Св.Иоанна Предтечи в рост, над правой рукой буква *o*. Ободок точечный. О.с.: изображение Св.Федора в рост, справа надпись *dwros* ([*дѣѣо*]/*dwros*). Ободок точечный. 1) Д.: 21 мм (вдоль канала). В.: 2,88 г (фрагм., не менее 5 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.* Булла оттиснута на очень тонкой заготовке.

Печать принадлежит той же паре матриц, что и № 145 Корпуса (зафиксирована в Корпусе не менее чем в восьми экземплярах). В.Л.Янин атрибуировал печать № 145 князю Святополку Мстиславичу (†1154), занимавшему новгородский стол в 1142-1148 гг.

Разряд VI.2

С легендой

П/VI.2.6в-1/К-37 (рис.33). *Аверс*: изображение архангела Михаила погрудно (поясное?), над крыльями буквы *m* и *x*. Ободок точечный. *Реверс*: греческая надпись в пять строк *KER/ΩNΘIY/-ΩNΔΩY/ΛΩNCO/MHX*. Ободок точечный. 1) Д.: 23-27 мм. Д. матриц: *аверс* - 21 мм; *реверс* - 21 мм. В.: 11,33 г. Пр: из раскопок 1950 г. на Земляном городище, кв. Д₁₃, гл.-22, из слоя над деревянным настилом горизонта Д (горизонт Г?). Хр.: ОИПК, № ЛС-2108. Изд.: (Янин 1970, т.1: № 37).

В.Л.Янин атрибуирует печать князю Святополку Изяславичу, занимавшему в 1078-1088 гг. новгородский стол, а с 1093 г. и до

смерти (†1113) бывшему великому киевским князем (Янин 1970, т.1:30). Исследователь полагает, что печать относится к новгородскому периоду деятельности Святополка, опираясь на место находки печати и на атрибуцию Святополку Изяславичу печатей №74-77 с формулой "дѣньслово"; последние В.Л.Янин считает печатями Святополка Изяславича в бытность его великим князем.

Связывая печать "дѣньслово" с дипломатической деятельностью, мы вынуждены отказаться от персональной атрибуции печатей № 74-77 Святополку Изяславичу, хотя и не исключаем того, что верительные грамоты, скреплявшиеся этими печатями, связывались с посольскими миссиями, направлявшимися именно Святополком. Поэтому, принимая персональную атрибуцию печати № 37, предложенную В.Л.Яниным, считаем возможным до обнаружения новых сфрагистических памятников датировать печать в пределах всего периода политической деятельности Святополка Изяславича, а не только временем его новгородского княжения.¹⁴

П/VI.2.6в-1/К-38 (рис.34). *Аверс*: изображение Св.Василия погрудно, по сторонам надписи ова/ciac. Ободок точечный. *Реверс*: греческая надпись в четыре строки KERO/NOTΩCΩ/ΔΥΛΩΒΑ/CIΛEIO. Ободок точечный. 1) Д.: 28-29 мм. Д. матриц: *аверс* - 23 мм; *реверс* - 23 мм. В.:16,98 г. Пр.: из раскопок 1957 г. на Земляном городище, кв.ОХVI, гл. -12, слой горизонта Г. Хр.: ОИПК, № ЛГ-342. Изд.: (Янин 1970, т.1: № 38).

В.Л.Янин уверенно атрибуирует эту буллу князю Владимиру Василию Всеволодичу Мономаху (†1125) (Янин 1970, т.1:30), ограничивая время употребления печати в делопроизводстве 1094 г., то есть – времени пребывания Мономаха на переяславском, черниговском или смоленском столах (Янин 1970, т.1:173) – до повторного княжения в Переяславле. Это весьма вероятно, а, учитывая статистику находок печатей, атрибуируемых Владимиру Всеволодичу (1 печать с греческой легендой противопоставлена не менее чем 23 буллам от 17 пар матриц с русской легендой) есть основание предполагать еще более короткий период употребления печати № 38, связывая ее с самым началом политической деятельности Владимира Всеволодича – в бытность князя на ростовском или смоленском столах, то есть – датировать печать концом 1060-х – 1070-ми годами.

П/VI.2.6в-1/К-129:1 (рис.35). *Аверс*: изображение Св.Петра в рост, по сторонам надписи п[ε]τρ/α. Ободок точечный. *Реверс*:

¹⁴ Не исключено, что Святополку Изяславичу могла также принадлежать печать № 123 Корпуса (*аверс*: изображение архангела Михаила; *реверс*: русская благопожелательная надпись).

надпись в пять строк *гипо/мозіра/воусвок/моупе/троу.* 1) Д.: 18-20 мм. В.: 11,82 г. Хр.: ОН, № 66. Изд.: (ЛСА: табл. XLVIII, 3; Янин 1962: 77, 79, № 4; Янин 1970, т. 1: № 129, 1).

Второй экземпляр печати от этой же пары матриц происходит с Городища под Новгородом.

Печать принадлежит к разряду сфрагистических памятников, несущих на реверсе русскую благожелательную надпись. Эти печати детально анализировали Н. П. Лихачевым (Лихачев 1928: 103-134) и В. Л. Яниным (Янин 1970, т. 1: 65-75). Оба исследователя не сомневались в княжеской принадлежности разряда, "наследующего" аналогичным образом оформленным печатям с греческой легендой. Однако, В. Л. Янин убежден в том, что некоторые печати данного разряда могли принадлежать не князьям, а новгородским посадникам конца XI - первой трети XII в. Печать № 129, в частности, исследователь атрибуировал посаднику Петриле Микульичу и датировал буллу 30-ми годами XII в. (Янин 1970, т. 1: 72). Основанием для отнесения печатей № 123-132 к сфрагистическим регалиям боярских магистратов Новгорода является обнаружение печатей в Новгороде и совпадение нескольких изображений святых на печатях с именами новгородских посадников первой трети XII в. (Янин 1970, т. 1: 71-74).

Заметим, что совпадающие имена принадлежат к обычным крестильным именам на Руси (Дмитрий, Константин, Борис, Даниил, Петр, Иоанн), а большинство находок из Новгорода происходит с Городища. Поэтому, на наш взгляд, разделение однородного сфрагистического разряда между двумя противостоящими институтами власти только на том основании, что для 31 буллы удалось подобрать удовлетворительные персонификации среди князей, а оставшиеся 14 булл принадлежат к числу "не уместившихся в рамки княжеской сфрагистики" (Янин 1970, т. 1: 72), достаточно искусственное. В действительности все печати с русской благожелательной надписью на реверсе принадлежали князьям, и те из булл, которые пока остаются не персонифицированы, принадлежали князьям рубежа XI-XII - первой трети XII вв., известным по письменным источникам только под своими мирскими именами. Это относится, в частности, и к рассматриваемой печати из Ладоги.

П/VI.2.6в-2/К-72:13 (рис. 36). *Аверс*: изображение Св. Федора в рост с копьем и щитом, по сторонам надписи *оагно-е/одврос*. Ободок точечный. *Реверс*: греческая надпись в пять строк *ΠΡΟΤΩ/ΠΡΟΕΔΡΟΝ/ΕΥ:ΣΤΑΘ/ΙΟΝΜΕΣΚΕΛΠΕ*. Ободок точечный. 1) Д.: 19-21 мм. В.: 9,75 г. *Пр*: из раскопок 1939 г. на Земляном горо-

дище. кв.32, гл. - 24, горизонт Г. Хр. ОИПК, №2752/127. Изд.: (Янин 1970, т.1: № 72, 13).

Булла принадлежит к одному из самых известных сфрагистических типов древней Руси. Н.П.Лихачев первоначально склонялся к мысли о том, что печать с изображением Св.Федора и греческой легендой "Воззри на меня, протопроедра Евстафия" принадлежала князю Евстафию Мстиславичу (+1033) - сыну Мстислава Тмутараканского (Лихачев 1928:159,175). Определенности атрибуции, по мнению исследователя, препятствовало происхождение моливдовулов: все известные Н.П.Лихачеву экземпляры происходят из Новгорода (Лихачев 1930:278), сведений же о том, что Евстафий занимал новгородский стол в источниках нет - в летописи отмечен только год смерти княжича.

Вернувшись позднее к вопросу о принадлежности печати протопроедра Евстафия, Н.П.Лихачев пытался объяснить происхождение моливдовулов следующим образом: Евстафий Мстиславич мог княжить в Новгороде в период между 1020 и 1033 гг. Исследователь, впрочем, не настаивал на этом выводе, предложив одновременно и альтернативное решение: протопроедр Евстафий - это князь Вышеслав Владимирович, княживший в Новгороде с конца 980-х годов и до 1010 г. (ЛСА: табл. XXIV, 3).

Несовпадение имени владельца печати и изображения святого не привлекло внимания Н.П.Лихачева и, во всяком случае, не комментировалось: исследователь отметил только, что погрешности в греческом тексте легенды и место обнаружения печатей дают основание "пытаться определить ее принадлежность одному из русских светских деятелей" (Лихачев 1928:175).

Первым правильно определил социальный статус протопроедра Евстафия В.Л.Янин. Исследователь предположил, что буллы принадлежали лицу, носившему крестильное имя Евстафий, но выступавшему в своей деятельности в качестве полномочного представителя своего сюзерена, носившего в крещении имя Федор (Янин 1970, т.1:67). Путем логических построений В.Л.Янин пришел к заключению, что сюзереном протопроедра Евстафия мог быть князь Мстислав-Федор Владимирович - сын Владимира Мономаха, дважды (в 1088-1094 и в 1096-1117 гг.) занимавший новгородский стол. Предполагая, что Евстафий являлся советником (протопроедром) при Мстиславе Владимировиче, В.Л.Янин отождествил протопроедра Евстафия с новгородским посадником Завидом, осуществлявшим, по мнению исследователя, управление в Новгороде от имени малолетнего князя (в момент первого вокняжения в Новгороде Мстиславу было 12 лет), а реально - присвоив-

шим себе "право удостоверения официальных документов" (Янин 1970, т.1:67).

К истолкованию печатей протопроедра Евстафия специально обращался А.В.Куза. Он опубликовал (по слепкам) две печати от одной пары матриц, обнаруженные в некрополе древнерусского города Желни в Переяславском княжестве: *avers* – изображение архангела Михаила; *revers* – пятистрочная греческая надпись "Господи, помози рабу своему Евстафию" (Куза 1977:121, рис.2). Последовательно рассмотрев круг лиц, обладавших в XI - начале XII вв. правом печати, А.В.Куза отказался от поисков Евстафия среди высшего духовенства и среди представителей княжеских родов. Исследователь согласился с В.Л.Яниным в принципиальной оценке печатей с изображением святого, не тезоименного владельцу буллы, и подчеркивал: "Единственным объяснением... будет факт подчиненности, определенной зависимости Евстафия от Михаила" (Куза 1977:122). А.В.Куза полагал, что печати из Желни принадлежали регенту-советнику при малолетнем князе Ростиславе-Михаиле Всеволодиче, княжившем в Переяславле с 1078 по 1093 г. и получившем стол в восьмилетнем возрасте (Куза 1977:125).

Евстафия – владельца печати из Желни – А.В.Куза сопоставил с протопроедром Евстафием, предположив, что Евстафий князя Ростислава и Евстафий князя Мстислава – это "один и тот же человек, ближний боярин Всеволода Ярославича, сначала дядька (кормилец) его младшего сына, а затем и его старшего внука" (Куза 1977:125).

Таким образом, в принципиальном истолковании печатей протопроедра Евстафия и В.Л.Янин, и А.В.Куза единодушны: протопроедр Евстафий – это советник при Мстиславе Великом в первый период его новгородского княжения. Если учесть наблюдения В.Л.Янина, согласно которым печати "греко-русского типа" в русской светской сфрагистике появляются не ранее середины XI в., то персональные атрибуции, предлагавшиеся Н.П.Лихачевым, снимаются. Близость булл к персонифицированным сфрагистическим типам конца XI - начала XII вв. (Янин 1970, т.1: № 26-29,43) позволяет в этих же пределах датировать и печать протопроедра Евстафия.

Уточнению атрибуции в немалой степени способствуют сведения о географии распространения печатей протопроедра Евстафия (табл.4).¹⁵

¹⁵ Таблица составлена по данным Корпуса (с дополнением сведений о булле, обнаруженной в Пскове, см.: Плоткин 1986:20,21). На самом деле число известных экземпляров печатей протопроедра Евстафия несколько большее. Б.Д.

Таблица 4. Географическая приуроченность печатей протопроедра Евстафия

Новгород			Вне Новгорода			
Городище	?	вне Городища	Киев	Белгородка	Ладога	Псков
2	9	2	1	1	1	1

Из приведенных данных следует, что ни о каком преобладании новгородских по происхождению находок речи быть не может: две буллы, найденные в черте Новгорода вне городищенского комплекса, вполне сопоставимы с находками из других крупных городов Руси. Таким образом, относить протопроедра Евстафия к высшим боярским магистратам Новгорода конца XI в. основываясь на новгородском происхождении печатей, не приходится. Более осторожным, вероятно, будет оценивать печати протопроедра Евстафия в качестве сфрагистической регалии полномочного представителя одного из князей конца XI - первой четверти XII вв. (судя по титулу - советника князя).

Принадлежность печатей не самому князю, а его уполномоченному лицу предполагает, что полномочия, которыми владелец печати был наделен, носили заданный характер, а по сравнению с юрисдикцией сюзерена, несомненно, должны были иметь ограничения (территориальные, функциональные и т.д.). В этой связи нельзя не учитывать, что география распространения документов, скрепленных печатью протопроедра Евстафия, очень широка, а, кроме того, значительное число документов, скрепленных этой печатью, осело "на вечное хранение" в городищенском архиве: Это свидетельствует о широчайших полномочиях протопроедра в пределах всего государства и указывает на его активную роль в политической жизни Руси. Наверное мы не сильно ошибемся, если предположим, что подобными полномочиями мог быть наделен глава боярского совета ("первопредседательствующий") при князе, носившем в крещении имя Федор. В.Л.Янин (и поддержавшие его

Ерщевский сообщает, что к началу 1980-х годов ему были известны 24 буллы (в Корпусе содержатся сведения о 14 буллах от двух пар матриц). При этом исследователь уточняет: 22 буллы - новгородского происхождения (Ерщевский 1984:80,81). Поскольку киевский и псковский экземпляры печати были, таким образом, Б.Д. Ерщевскому не известны, остается предположить, что он располагал сведениями еще о десяти экземплярах печати протопроедра Евстафия из Новгорода. К сожалению, Б.Д.Ерщевский не сообщает о месте находок печатей в черте города. В информативных сборниках "Археологические открытия" отмечены находки двух булл (Троицкий IV и VI раскопы); можно думать, что остальные 8 экземпляров, известные Б.Д.Ерщевскому, происходят с Городища.

А.В.Куза и А.А.Молчанов¹⁶) достаточно обоснованно связывают протопроедра Евстафия с окружением князя Мстислава Великого, и с этим можно согласиться.

Напрашивается предположение о том, что высокий титул протопроедра мог бы соответствовать главе великокняжеской администрации, располагавшему особыми полномочиями, угадывающимися за географией распространения печатей по территории Руси. Однако, случаи титулования главы великокняжеской администрации Киева протопроедром, кажется, не известны. Кроме того, для 1125-1132 гг. печать представляется слишком архаичной.

Вероятно, решение вопроса о времени существования при Мстиславе Владимировиче боярского совета, первоприсутствующий которого обладал чрезвычайными полномочиями, действительно должно быть связано с особенностями княжения Мстислава Владимировича в Новгороде: в 1088 г. княжич получил новгородский стол в возрасте 12 лет, причем его положение не было достаточно прочным — через пять с небольшим лет, в начале 1094 г., Мстислав по распоряжению Киева был заменен на новгородском столе князем Давидом Святославичем и возвратил новгородское княжение только в начале 1096 г. Отец Мстислава, Владимир Всеволодич (Мономах) стал великим киевским князем только в 1113 г., так что контроль за новгородским столом Мономах осуществлял через сына во времена своего Черниговского и Переяславского княжений. В такой ситуации существование при новгородском князе боярского совета, проводившего политику, оппозиционную Киеву, представляется весьма вероятным. И в этом

¹⁶ Версию В.Л.Янина о принадлежности протопроедра Евстафия к окружению Мстислава Великого поддержали, кроме А.В.Кузы, А.А.Молчанов и Б.Д.Ершевский. Однако, оба исследователя согласны с В.Л.Яниным в том, что протопроедр Евстафий — это посадник Завид. А.А.Молчанов обосновывал атрибуцию тем, что "именно такому должностному лицу (второму по значению в Новгороде после князя — *Авт.*) более всего приличествовали по его официальному рангу и использование важнейшей государственной регалии, и титул протопроедра" (Молчанов 1987:31, примеч.8). Несомненно, в основе этого заключения лежит постулированная гипотеза об обязательном вхождении протопроедра Евстафия в состав выборной новгородской администрации и убежденность в том, что новгородские посадники впервые добились права печати уже в конце XI в.

Б.Д.Ершевский обосновывает принадлежность печати протопроедра Евстафия посадничьей сфрагистике Новгорода, опираясь на гипотезу В.Л.Янина о возникновении в конце 80-х годов XI в. в Новгороде посадничества нового типа (Ершевский 1984:83-86). Однако, в системе доказательств гипотезы В.Л.Янина персональная атрибуция печати протопроедра Евстафия занимает центральное место (Янин 1962:60-62), на слабость же остальных аргументов справедливо указывал А.В.Куза (Куза 1977:127,128). Таким образом, в аргументации Б.Д.Ершевского образовался порочный круг.

отношении гипотеза А.В.Кузы явно перспективнее, нежели гипотеза В.Л.Янина и его последователей.¹⁷

Возможно, существование двух пар печати протопроедра Евстафия, установленное В.Л.Яниным, должно быть соотнесено с двумя периодами существования совета, возглавлявшегося Евстафием – периодами, соответствующими двум периодам княжения в Новгороде Мстислава Владимировича. Однако до обнаружения новых находок печатей от второй пары матриц (№ 73 Корпуса) этот вопрос остается открытым.

П/VI.2.ав-1/К-683 (рис.37). *Аверс*: изображение Св. Константина в рост в крестом в левой руке. Ободок линейный. *Реверс*: надпись в четыре строки **ко~~ст~~А/нтино/вапеча/ть**. Ободок линейный. 1) Д.: 27 мм. В.: 10,84 г. Хр.: ОН, № 595. Изд.: (ЛСА: табл. XLIII, 11; Янин 1970, т.2: № 683).

Н.П.Лихачев полагал, что булла принадлежала высокопоставленному должностному лицу XIV в. (ЛСА: табл. XLIII, 11). В.Л.Янин согласился с этим, но датировал буллу концом XIII - первой половиной XIV вв. (Янин 1970, т.2: 117, 118).

К этому же сфрагистическому разряду относится еще несколько печатей, учтенных в Корпусе (Янин 1970, т.2: № 681,

¹⁷ Относительно гипотезы А.В.Кузы о принадлежности печатей из Желни и печатей протопроедра Евстафия одному лицу следует отметить: эта гипотеза, основанная на остроумных построениях исследователя, опирается, прежде всего, на совпадение редкого крестильного имени владельцев печатей и их сходный социальный статус. Вывод А.В.Кузы представляется крайне заманчивым и дающим широкий простор для попыток отождествления Евстафия с лицами, упомянутыми в письменных источниках. В специальной работе, в частности, предпринималась попытка отождествления протопроедра Евстафия со Ставром Гордятиничем (Белецкий С. 1987:177,178), биография которого блестяще реконструирована Б.А.Рыбаковым (Рыбаков 1963:125-130). Сравнение судеб Ставра Гордятинича и Евстафия сведено в таблицу 5:

Таблица 5

Евстафий	Ставр Гордятинич
Принадлежит к числу ближних бояр Всеволода Ярославича	Происходит из знатного киевского рода; двор отца находится в аристократической части Киева
В 1078 г. – дядька-воспитатель при восьмилетнем Ростиславе Всеволодиче, младшем брате Мономаха	В 1069 г. выполняет функции наставника при юном Владимире Мономахе
С 1088 по 1117 гг. – протопроедр при Мстиславе Владимировиче, фактический правитель Новгорода	В 1118 г. – новгородский сотский, арестован в Киеве по приказу Мономаха.

682,684-687,696,697).¹⁸ Вместе с последними псковскими находками¹⁹ разряд насчитывает 13 булл от девяти пар матриц, то есть – этот разряд достаточно представительен, хотя и не принадлежит к числу массовых.

По крайней мере две печати рассматриваемого разряда определенно соотнесены В.Л.Яниным с деятельностью новгородских посадников: печать № 681 атрибутирована посаднику Андрею Климовичу (Янин 1970, т.2:117), а печать № 685 – посаднику Селивестру Лентееву (Янин 1970, т.2:114); обе буллы сохранились при документах (ГВНП: № 17,36). Эти печати отстоят друг от друга почти на три четверти столетия, сохраняя адекватность состава признаков, образующих сфрагистический тип. Поэтому есть основания полагать, что и остальные сфрагистические типы, составляющие разряд, могут быть атрибутированы новгородским посадникам XIV в.

Любопытно соотношение рассматриваемого сфрагистического разряда с другими посадничьими печатями Новгорода. Позднейшая посадничья булла, несущая на аверсе геральдическую фигуру и на реверсе – святого, сохранилась при документе 1302 г. ((Янин 1970, т.2: № 394; ГВНП: № 35). Прочие печати, сходные с печатью посадника Андрея при грамоте 1302 г. не имеют твердо установленных датировок, но вряд ли относятся ко времени позднее рубежа XIII-XIV вв., а, вероятно, не выходят из XIII в.²⁰ В то же время, наиболее ранние посадничьи печати Новгорода, относящиеся к эпиграфическому типу буллы, сохранились при документах 1370-х годов (ГВНП: № 17,18,44,45). По-видимому, печати рассматриваемого разряда (к которому принадлежит и ладожская находка) можно датировать в пределах от начала XIV в. и до 1370-х годов включительно, и предполагать, что эти печати составляют особый период в развитии новгородской посадничьей сфрагистики.

Изменение сфрагистического типа посадничьей буллы Новгорода в 1370-е годы происходило, судя по всему, постепенно: об этом свидетельствует сосуществование разнотипных посадничьих булл (ГВНП: № 17). Данные о параллельном употреблении новго-

¹⁸ Печати № 688,690-695 Корпуса к рассматриваемому разряду не относятся: булла № 688 несет иную формулу легенды; буллы 690,691,691а,692-695 несут на аверсах изображения святых, не тезоименных владельцам; булла 689, аналогичная рассматриваемым печатям по сути, отличается от них по форме.

¹⁹ В Пскове найден второй экземпляр печати № 684 (Колосова 1992:13-15) и три экземпляра печати № 681. Два экземпляра печати № 681 из Пскова находятся в частной коллекции в Санкт-Петербурге (Белецкий С 1994а), третий недавно поступил в фонды Псковского музея-заповедника (Колосова 1993:28).

²⁰ Печати № 374,377,378 Корпуса. В.Л.Янин предлагает для них иную атрибуцию, но также датирует буллы XIII в. (Янин 1970, т.2:158-161).

родскими посадниками печатей с тезоименным святым на аверсе и печатей с геральдической фигурой на аверсе и святым на реверсе у нас нет. И это, по-видимому, не случайно. Замена сфрагистического типа посадничьей печати в начале XIV в. знаменует собой важный этап в развитии института посадничьего управления в Новгороде: на смену булле, оформленной в соответствии с юридическими требованиями, предъявляемыми к регалии власти княжеского чиновника,²¹ приходит булла, лишенная каких бы то ни было признаков юридической зависимости владельца. Фактически, тип новгородской посадничьей печати рассматриваемого разряда повторяет тип великокняжеской печати этого времени (Янин 1970, т.2:164-166), отличаясь от нее отсутствием в формуле легенды княжеского титула владельца. С учетом датировок печатей, сохранившиеся при документах, можно утверждать, что замена сфрагистического типа посадничьей печати Новгорода произошла в интервале времени между 1302 (когда посадник Андрей Климович скрепил печатью № 394 посольскую грамоту в Колывань) и 1306/07 г. (когда тот же посадник скрепил грамоту Новгорода Риге печатью № 681). Иными словами, юридическое освобождение новгородских посадников от зависимости по отношению к великокняжеской администрации произошло либо в последние годы княжения Андрея Городецкого, либо – в самом начале великого княжения Михаила Тверского. Рискнем предположить, что усвоение новгородскими посадниками нового типа сфрагистической регалии произошло в годы междукняжия – в интервале между 27 июля 1304 г. и 16 июля 1307 г., когда прошла интронизация в Новгороде Михаила Тверского.²²

²¹ Печати с геральдической фигурой на аверсе и изображением святого на реверсе XIII - начала XIV вв., фактически, продолжают традицию новгородской посадничьей буллы XII-XIII вв.: характерная для аверса ранних посадничьих печатей княжеская тамга уступает место геральдической фигуре индивидуального типа (ездец, сокольник).

²² Сказанному, казалось бы, противоречит скрепа договорной грамоты Новгорода с Ригой, Любеком и Готским берегом: посадник Семен Климович скрепил любекский и рижский экземпляры грамоты печатью эпиграфического типа, не несущей следов подконтрольности держателя буллотирия кому бы то ни было. Датировка грамоты 1300/01 г. выводит рассматриваемую скрепу за пределы намеченного хронологического интервала.

Однако противоречие это мнимое. Печать № 672 Корпуса, которой Семен Климович скрепил грамоты 1300/01 г., относится к разряду булл, усвоенных новгородскими чиновниками XIV-XV вв. и, более того – как будто бы, находится у истоков формирования новгородской чиновничьей буллы. Уверенно связывать эти печати именно с деятельностью посадников не приходится, поскольку печати лишены сведений о титуловании держателей буллотирия. Такие печати продолжали употребляться в делопроизводстве новгородских чи-

Слабостью предложенной гипотезы является отсутствие в летописи данных для персонификации владельцев печатей № 682-684, 686, 687. Правда, на первые полтора десятилетия XIV в. приходится заметная фрагментарность летописных сведений о чередовании лиц, отправлявших должностные обязанности новгородского посадника. Однако лиц, которым могли бы принадлежать перечисленные печати, нет и в списках посадников, содержащих избыточные сведения по сравнению с погодными статьями летописей.

Этому обстоятельству возможны два объяснения. С одной стороны, нельзя полностью исключать неполноту списков посадников: напомним о посаднике Даниле, не отмеченном в погодных статьях летописи и не включенном в посадничьи списки (ГВНП: № 14, Янин 1962:41). Однако массовые пропуски лиц в списках посадников, вероятно, все-таки исключены.

С другой стороны, подавляющее большинство печатей рассматриваемого разряда представлено единственными оттисками своих матриц (кроме печатей № 681 и 684 Корпуса), что вполне соответствует аналогичной редкости посадничьих печатей эпиграфического типа (Янин 1970, т.2: № 579-584, 587-589), атрибуция которых достаточно определена (Янин 1970, т.2:88-96). Нельзя ли предположить, что печати рассматриваемого разряда использовались не только посадниками, отправлявшими должностные обязанности в самом Новгороде, но и посадниками, направленными из Новгорода "на места" — в города республиканского подчинения. Такую гипотезу в отношении печатей Григория Климовича, найденных в Пскове, высказала И.О.Колосова (Колосова 1992: 14,15), предположившая, что владелец печатей был родным братом новгородских посадников Андрея и Семена Климовичей и отправлял должностные обязанности посадника в Пскове в первые годы XIV в. — между 1300 и 1308 гг. Оставляя вопрос о должностных обязанностях Григория Климовича открытым отметим, что гипотеза И.А.Колосовой в целом заслуживает доверия. Не исключено, что рассматриваемая ладожская печать могла принадлежать новгородскому посаднику Костянтину, направленному посадничать в Ладогу. Отсутствие имени посадника в списках новгородских посадников и на страницах летописи в таком случае объясняется тем, что в своей карьере владелец печати не поднялся до посадничьего в

новников и в третьей четверти XIV в., параллельно в печатях, фиксирующими в формуле легенды титул владельца. Можно думать, поэтому, что новгородская чиновничья печать эпиграфического типа появляется еще в годы великого княжения Андрея Городецкого, то есть — в то время, когда высшие боярские магистраты Новгорода формально являлись должностными лицами княжеского аппарата.

Новгороде. Для сравнения напомним, что посадник Василий Никитич, находившийся в степени в 1422/23 г., скрепил документ буллой, из легенды которой мы узнаем об отправлении им обязанностей посадника в Руссе (Янин 1991:108, Янин 1970, т.2: № 590); о деятельности Василия Никитича в Руссе летопись не сообщает.

П/VI.2.ад/16 (рис.38). *Аверс*: изображение Св.Климента в рост, по сторонам надписи агн/кментъ. *Реверс*: надпись в пять строк намъ/стника/ладозк/огопеч/ать. Буква а во второй и пятой строках вырезана на матрице без учета на оттиск. 1)* Д.: 29 мм. В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Изд.: (Белецкий С. 1994б:64, № 1).

Печать близка булле № 521 Корпуса, имеет с ней общую матрицу реверса. Матрица аверса ранее не фиксировалась.²³ О принадлежности печати ладожским наместникам новгородского архиепископа Климента (1276-1299) речь шла выше.

П/VI.2.ад/17 (рис.39). *Аверс*: изображение Св.Алексия в рост, слева колончатая надпись оле (оле/[кѣва]?). *Реверс*: надпись в пять строк [печ]ать/[нов]от/[ор]ьсог/[онам]ѣст/[ни]ка. 1) Д.: 25 мм (вдоль канала). В.: 5,09 г (фрагм., не менее 10 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Печать близка буллам № 523 и 533 Корпуса, но оттиснута иной парой матриц. Сходная булла найдена в г.Ржев (Гайдуков, Малыгин 1989:253,254, рис.5,3): изображение на аверсе этой буллы ближе к изображению на ладожской печати, чем к изображениям на печатях из Корпуса. Однако ржевская находка также оттиснута иной парой матриц. Все перечисленные печати принадлежали новоторжским наместникам новгородского архиепископа Алексия (1360-1388 гг.)

П/VI.2.авд-1/34 (рис.40). *Аверс*: изображение св. воина в рост. *Реверс*: надпись в пять строк [п]еца/[т]ьвел/кокок/[н]-АзАн/[в]ан[а]. 1) Д.: 25-26 мм. В.: 9,31 г. Пр.: расчистка 1994 г. у северного фасада ц.Георгия, перемешанный слой. Хр.: СЛМ. Не изд.

П/VI.2.агд-1/18 (рис.41). *Аверс*: изображение Св.Василия погрудно, по сторонам слабо читающиеся остатки надписей [с]тын/[в]а[с]наен]. *Реверс*: надпись в пять строк [ве]л[ик]/[кн]-АзА[ва]/[си]льАдм/[н]трекви/[ча]печат[ь]. 1)* Д.: 26-28 мм. В.: не взвеш. Хр.: не установлено. Не изд.

²³ Булла от этой же пары матриц, найденная в черте дер.Бабино на правом берегу Волхова близ Ладоги, хранится в фондах Староладожского музея (инв. № СЛМ/КП-95301).

Печати оттиснуты известными парами матриц: П/VI.2.авд-1/34 – матрицами № 415 Корпуса, а П/VI.2.агд-1/18 – матрицами № 425 Корпуса. Вместе с другими сходно оформленными буллами, происходящими из Новгорода, печати от этих пар матриц отнесены В.Л.Яниным к разряду именных великокняжеских печатей (Янин 1970, т.2:27-34). Комментируя печати, исследователь связывал их с деятельностью в Новгороде великокняжеских чиновников в ранге наместника: "Выступая от имени князя, а никак не от собственного имени, наместники скрепляли подлежащие их юрисдикции акты княжеской печатью... Новгородская наместничья булла по существу неотличима и неотделима от новгородской княжеской буллы" (Янин 1970, т.2:41). Теоретически такая ситуация не исключена. Владычные наместники Пскова пользовались печатью с легендой, содержащей имя и титул новгородского архиепископа, по крайней мере со времен святительства Евфимия II (Белецкий В., Белецкий С. 1983:13,14). Однако принадлежность этих печатей наместничьей юрисдикции Пскова зафиксирована изображением на аверсе печатей композиции Ветхозаветной Троицы, символизировавшей Троицкий собор Пскова – главную святыню города. Сходная с реконструируемой В.Л.Яниным картиной ситуация фиксируется владычной же сфрагстикой Новгорода на рубеже XIII-XIV вв., когда чиновники новгородского архиепископа пользовались так называемыми "именными владычными печатями" (Белецкий, Овсянников 1994:173-179). Однако такая ситуация не стала характерной для новгородского делопроизводства: уже со второй четверти XIV в. широкое распространение получили чиновничьи печати с изображениями креста и Богоматери, а "именные владычные печати" вновь стали личной буллой новгородского архиепископа. Сами же великокняжеские печати, найденные в Новгороде, всем своим оформлением не отличаются от одновременных металлических великокняжеских печатей, употребление которых в делопроизводстве московской канцелярии великих князей сомнений не вызывает (Янин 1970, т.2:25-27, табл. 108; Соболева 1991:147-149, №2;3;6,3;8,2;9,3;11,2;12,3;13,4; 17,3).

С другой стороны, оттиски великокняжеских печатей из Новгорода найдены не только в городищенском комплексе, но и в черте города (табл.6), что предполагает распространение в городских кварталах документов, скрепленных такими печатями. Это, казалось бы, подкрепляет атрибуцию разряда, предложенную В.Л.Яниным.

В этой связи любопытным представляется сравнение топографической приуроченности великокняжеских печатей из Новгорода

с печатями великокняжеских тиунов, деятельность которых в самом Новгороде у В.Л.Янина сомнений не вызывает (табл.7).

Таблица 6. Топография находок великокняжеских печатей в Новгороде

Городище	?	вне Городища
11	38	6

Таблица 7. Топография находок печатей великокняжеских тиунов в Новгороде

Городище	?	вне Городища
8	11	1

Нетрудно заметить, что подавляющее большинство находок печатей великокняжеских тиунов происходит с Городища либо топографически в пределах города не локализовано, но связь их с городищенским комплексом весьма вероятна. Вне Городища в Корпусе зафиксирована всего одна булла, найденная в Новгородском Кремле (что, само по себе, характерно). Иными словами, деятельность великокняжеских тиунов в Новгороде носила достаточно ограниченный характер: документы, скрепленные тиунской печатью, оседали, главным образом, в городищенском архиве, и, во всяком случае, не получили широкого распространения в домашних архивах новгородцев.

Если сказанное справедливо, то широкое распространение в городских кварталах документов, скрепленных печатью великокняжеских наместников, представляется проблематичным. Деятельность тиунов великого князя в Новгороде В.Л.Янин соотносит с судопроизводством по торговым делам, справедливо рассматривая эту группу чиновников как представителей "более низкой административной ступени, нежели княжеские наместники" (Янин 1970, т.2:42). Полагая, что документы, выданные от имени великокняжеского наместника, являлись документами более высокого правового статуса, мы вправе предположить, что эти документы должны были получить среди горожан меньшее распространение, нежели документы, утверждавшиеся чиновниками более низкого ранга. Для сравнения напомним, что (по подсчетам В.Л.Янина) 22 печатям новгородских посадников и 25 печатям новгородских тысяцких противопоставляются 106 печатей новгородских тиунов.

Таким образом, распространение в черте Новгорода великокняжеских печатей не является аргументом в пользу наместничьей

принадлежности булл. Полагаем, что рассматриваемые печати следует расценивать в качестве именных великокняжеских печатей, скреплявших документы от лица самого князя и, вероятнее всего — в его резиденции. Иными словами, употребление рассматриваемых печатей в делопроизводстве требовало, на наш взгляд, личного участия великого князя в совершавшемся юридическом действии. Причины распространения в городских кварталах Новгорода документов, скрепленных великокняжеской печатью еще предстоит выяснять. Что же касается ладожских булл, то печать П/VI.2.авд-1/34 может быть атрибуирована великому московскому князю Ивану Ивановичу (Янин 1970, т.2:28,29), а печать П/VI.2.агд-1/18 — великому московскому князю Василию Дмитриевичу (Янин 1970, т.2:32,33).

П/VI.2.В/19 (рис.42). *Аверс*: изображение святого воина (Св.Георгий), слева надпись в три строки *агi/w/s*. Ободок точечный. *Реверс*: надпись в четыре строки [печ]ча/[тьс]тг/[оего]-ры/[ш]. Буква *i* в третьей строке размещена выше соседней буквы *ь*. Ободок точечный. 1)* *Д.*: 36 мм (вдоль канала). *В.*: не взвеш. *Хр.*: не установлено. *Не изд.*

Печать оттиснута теми же матрицами, что и печать № 768 Корпуса. Новгородский экземпляр лучшей сохранности, однако благодаря фрагменту печати из Ладоги удалось прочитать надпись *ча* аверсе слева от изображения святого и уточнить размещение и начертание букв в правой части реверса. В.Л.Янин датирует печать № 768 в пределах XV в. и атрибуирует ее новгородскому Юрьеву монастырю (Янин 1970, т.2:139).

КЛАСС VIII

Печати "эпиграфического типа"

П/VIII.1.аг/20 (рис.43). *Л.с.*: надпись в четыре строки *ми/-хаило/[ва]печа/ть*. *О.с.*: надпись в три строки *фи/лпови/ча*. 1) *Д.*: 28-29 мм. *В.*: 7,47 г (фрагм., не менее 10 г). *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.* 2) *Д.*: 28 мм. *В.*: 5,25 г (фрагм., не менее 10 г). *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

П/VIII.1.аг/21 (рис.44). *Л.с.*: не оттиснута (стерта?). *О.с.*: надпись в три (?) строки *ѿ[ііі]/м[оно]/в[іча]*. 1)* *Д.*: 24 мм (вдоль канала). *В.*: не взвеш. *Хр.*: не установлено. *Не изд.*

Печати принадлежат неизвестным ранее парам матриц. Для печати П/VIII.1.г/20 в качестве ближайшей аналогии можно указать печать № 680 Корпуса, скреплявшую документ конца XIV — первых полутора десятилетий XV в. (ГВНП: № 192; Янин 1991:299,300). В.Л.Янин отмечает, что владелец печати № 680 Есиф, участвовавший в походе под Выборг в 1411 г., в 1401 г.

отправлял обязанности двинского посадника (Янин 1991:300). Печать № 680 исследователь связывает со временем двинского посадничества Есифа (Янин 1970, т.2:116). Печать П/ VIII.1.г/21 сохранилась отвратно: лицевая сторона либо не оттиснута вовсе, либо полностью стерта; на оборотной сохранились только три буквы, по размещению которых угадывается отчество владельца буллы – "Филимонович".

Обе буллы относятся к сфрагистическому разряду, хорошо известному в литературе. Наиболее ранняя из известных булл этого разряда – уже упоминавшаяся печать посадника Семена Климовича (№ 672), скреплявшая договор Новгорода с Ригой, Любеком и Готским берегом 1300/01 г. Наиболее поздняя печать (№ 679) сохранилась при грамоте начала XV в. и принадлежала посаднику Иову Тимофеевичу (ГВНП: № 92; Янин 1991:302). Отсутствие упоминания Иова Тимофеевича в списках новгородских посадников позволило В.Л.Янину считать владельца печати № 679 двинским посадником (Янин 1970, т.2:116). Опираясь на эти атрибуты В.А.Буров полагал, что весь сфрагистический разряд, оформленный двусторонними легендами, включающими имя и отчества держателя буллотирия, может быть соотнесен с двинскими посадниками (Буров 1977:110,111). Думается, однако, что атрибуция разряда конкретным территориальным представителям новгородской администрации в пределах Новгородской земли не так важна, как важен факт сосуществования во времени разнотипных чиновничьих печатей Новгорода: наряду с печатями, включающими в формулу легенды имя и отчество владельца (Янин 1970, т.2: № 660а,672-674,676-680), среди новгородских печатей эпиграфического типа представлены буллы, содержащие в тексте легенды имя и титул владельца (Янин 1970, т.2: № 595, 598,615-667,617а,669а) либо имя, отчество и титул (Янин 1970, т.2:№ 584-589,596,597,600-607). Сосуществование их во времени зафиксировано, в частности, скрепой Наказа 1374-1375 гг. (ГВНП: № 17). Признав, что пестрота чиновничьих сфрагистических регалий отражает дробную иерархию должностных лиц республиканского аппарата Новгорода, мы тем самым признаем принципиальную возможность поисков именно в этом направлении, снимая одновременно кажущуюся хаотичность оформления сфрагистических регалий в Новгороде XIV-XV вв.

В.Л.Янин полагает, что печати, не несущие обозначения должности владельца, употреблялись в новгородском аппарате представителями боярских семей на начальных этапах их политической деятельности (Янин 1970, т.2:123). С этим трудно не согласиться. Фактически, ранжировка сфрагистических регалий по особенностям формулы принадлежности (имя; имя+отчество; имя+отчес-

тво+титул) сама по себе указывает на наличие иерархической структуры чиновничества в республике. Дополнив намечающуюся схему иерархией титулатуры (посадник, тысяцкий, соцкий, тиун и др.), соответствующей иерархии должностных функций, мы, в конечном счете, сможем получить достаточно объективную картину институтов власти в средневековом Новгороде.

Возвращаясь к печатям из Ладogi подчеркнем: буллы принадлежали должностным лицам новгородского аппарата управления рубежа XIV-XV вв. или первых десятилетий XV в. Не исключено, что деятельность чиновников, пользовавшихся рассматриваемыми печатями, проходила непосредственно в Ладoge.

П/VIII.1.гд-3/К-447 (рис.45). Л.с.: надпись в пять (?) строк [т]ноу / [н]акн / [Аз]Аве / [л]ико / [го]. Следы точечного ободка. О.с.: надпись в четыре строки нва / нам[а] / [к]арь / ича. Ободок не прослежен. 1) Д.: 30-31 мм. В.: 10,64 г. Хр.: ОН, № 457. Изд.: (ЛСА: табл.LV,13; Янин 1970, т.2: № 447).

П/VIII.1.авд-ез/30 (рис.46). Л.с.: надпись в четыре строки [пе]ча[ть] / [ве]лик[ог] / [о]кн[а]з[а] / [ва]си[ль]. О.с.: надпись в три строки т[ноу] / н[а...] / о[...]. Слева от букв надписи поле матрицы было попорчено двумя глубокими вертикальными царапинами, оттиснувшимися по заготовке; частично стертые, они создают впечатление фрагментарно сохранившихся букв. 1) Д.: 28 мм (вдоль канала). В.: 4,26 г (фрагм., не менее 9-10 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Печать П/VIII.1.гд-з/К-447 отнесена В.Л.Яниным к "поздней группе печатей великокняжеских тиунов". Группа в целом датирована в Корпусе концом XIV-XV вв. (Янин 1970, т.2:44,45). Возможно, В.Л.Янин прав в датировке рассматриваемого сфрагистического разряда, хотя принципиальная атрибуция "ранней группы печатей великокняжеских тиунов" (датировка которой является основанием для установления нижней даты для "поздней группы") вызывает возражения (Белецкий С. 1985:231-233). Отказываясь от атрибуции большинства "ранних тиунских печатей" должностным лицам в ранге великокняжеского тиуна, мы неизбежно должны признать неотчетливость, размытость нижней хронологической границы "поздней группы печатей великокняжеских тиунов". Об ограниченном характере полномочий великокняжеских тиунов в Новгороде шла речь выше. Добавим к сказанному, что печать П/VIII.1.гд-з/К-447 – единственная из учтенных в Корпусе печатей данного разряда и данной принадлежности, найденная вне Новгорода.

Отметим, что печать П/VIII.1.гд-з/К-447 почти наверняка оттиснута случайно сложившимся комплектом матриц: на это ука-

зывает различная каллиграфия букв в надписях на лицевой и оборотной сторонах буллы, различный рельеф надписей, наличие на лицевой стороне следов точечного ободка и отсутствие ободка на оборотной стороне.

Печать П/VIII.1.авд-ез/30 также оттиснута случайно сложившимся комплектом матриц: об этом свидетельствует высокий рельеф букв в надписи на лицевой стороне и очень низкий рельеф букв в надписи на оборотной стороне; различные размеры букв на лицевой и оборотной сторонах. К сожалению, плохая сохранность печати не позволила уверенно восстанавливать текст легенды на оборотной стороне,²³ но формула легенды определяется однозначно: она включает титул и имя держателя буллотирия. Несмотря на плохую сохранность печати, эта находка, однако, принципиально важна. Дело в том, что из двух одновременных матриц, которыми оттискивалась печать П/VIII.1.авд-ез/30, более поздней является матрица аверса: оттиск этой матрицы очень четкий, буквы не повреждены, а сама надпись, имеющая очень высокий рельеф, свидетельствует о том, что матрица к моменту скрепления документа рассматриваемой печатью, была практически не изношена. В то же время матрица реверса несет следы попорченности, а рельеф букв, как будто бы, свидетельствует о "забитости" матрицы. Поэтому можно думать, что матрица аверса была специально изготовлена для данной пары матриц, а матрица реверса наследовалась от предыдущей пары матриц. И так как матрица реверса несет имя владельца печати, а матрица аверса — имя сюзерена, можно думать, что изготовление новой матрицы аверса было вызвано возведением на великокняжеский стол нового великого князя, имя которого не соответствовало имени предшественника. При этом новый великий князь носил имя Василий.

Датировка буллы временем позднее начала XV в. представляется маловероятной. Поэтому можно думать, что начало употребления в делопроизводстве пары матриц, которыми была оттиснута печать П/VIII.1.авд-ез/30, относится к 1389 г., когда на московский великокняжеский стол был возведен Василий I

²³ В фондах старолadoжского музея хранится фрагмент печати (инв. № СЛМ/КП-94117) отвратительной сохранности. От надписи на лицевой стороне сохранились почти нечитаемые следы нескольких букв (П в первой строке, Е во второй строке, ВА в четвертой строке). Несколько лучше, хотя также крайне плохо, читаются фрагменты надписи на оборотной стороне, позволяющие восстановить эту часть легенды в следующем виде: [Т]ИО[У]/[Н]АМ/[О]Г[Е]А. Возможно этот фрагмент принадлежит той же паре матриц, что и печать П/VIII.1.авд-ез/30. Тогда легенда в целом может быть прочтена следующим образом: "Печать великого князя Василья/тиоуна Моисея".

Дмитриевич, сменивший отца, Дмитрия Ивановича (Донского). Как долго данная пара матриц находилась в употреблении, сказать трудно, но, во всяком случае, вероятность того, что владелец печати П/VIII.1.авд-ез/30 выступал в своей деятельности не только от имени Василия I, но и от имени его сына Василия II Васильевича невелика.

Печать П/VIII.1.авд-ез/30 позволяет поставить и еще один существенный вопрос – каков был механизм ротации чиновников великокняжеской администрации. Поскольку великокняжеский тиун сохранял свои полномочия и после интронизации нового великого князя на московском столе, есть основания думать, что ротация должностных лиц в аппарате великокняжеской администрации не обязательно была связана с изменениями на московском "политическом Олимпе": сохранение персонального состава чиновников обеспечивало преемственный характер власти московской администрации.

Обнаружение в Ладого двух (а с учетом фрагмента печати из фондов старолadoжского музея – трех) печатей великокняжеских тиунов позволяет поставить вопрос о том, каков механизм попадания в Ладого документов, скрепленных такими печатями. Выше отмечалось, что подавляющее большинство топографически приуроченных в черте Новгорода печатей великокняжеских тиунов происходит с городища. Иными словами, в домашние архивы новгородцев документы, скрепленные этими печатями, не попадали. Можно думать, поэтому, что в Новгород документы, утвержденные великокняжескими тиунами, поступали извне (откуда именно – из Москвы или же из центров, находящихся под великокняжеской юрисдикцией – вопрос особый). Серийность находок печатей этой группы чиновников в Ладого наводит на мысль о том, что великокняжеские тиуны отправляли свои должностные обязанности в самой Ладого. Такое объяснение хорошо соотносится с составным комплектом матриц печати П/VIII.1.авд-ез/30. Анализируя печати владычных наместников Пскова, мы отмечали, что непосредственно после возведения на Софийскую кафедру нового архиепископа в псковской владычной канцелярии начинали пользоваться "временной печатью", отгискивавшейся составным комплектом матриц: матрица аверса наследовалась от печати предшествующего времени, а матрица реверса, несущая имя нового владыки, изготавливалась специально для данного комплекта матриц. Через некоторое время в Псков из Новгорода привозили матрицы "постоянной печати", и эта печать сменяла в делопроизводстве канцелярии "печать временную" (Белецкий С. 1994а). Если предположить, что механизм функционирования московского представительства в

Ладоге был в чем-то сходен с функционированием канцелярии псковских владычных наместников, то следует думать о "временном характере" печати П/VIII.1.авд-ез/30. В этом случае время употребления печати в делопроизводстве максимально приближается к 1389 г.

П/VIII.1.авд/22 (рис.47). Л.с.: надпись в четыре (?) строки [ва]сі/[ль]єва/[печа]/[ть]. О.с.: надпись в четыре (?) строки т[ноу]/нан[овъ]/г[орочь]/[кого]: 1)* Д.: фрагм. (не менее 24-26 мм). В.: не взвеш. Хр.: не установлено. *Не изд.*

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Она принадлежит к группе многочисленных тиунских печатей Новгорода (Янин 1970, т.2: № 615-667,617а,669а) XIV-XV вв. Возможно, печати данного разряда появляются уже в конце XIII в. (Янин 1970, т.2:110), однако вряд ли есть основания ограничивать верхний хронологический рубеж именно началом XV в. (Янин 1970, т.2:111) – вся первая четверть XV в. не исключена, так как тип новгородской чиновничьей буллы "эпиграфического типа" в делопроизводстве посадников и тысяцких фиксируется вплоть до 1420-х годов (Янин 1970, т.2: № 589,602-607).

П/VIII.1.агд/31 (рис.48). Л.с.: надпись в пять строк [пе]ча-/[т]боле/[к]сандр/афомі/ніча. О.с.: надпись в пять строк по-са/дник[а]/новгор/[о]чког/о. 1) Д.: 26-28 мм. В.: 8,29 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Возможно, что печать оттиснута той же парой матриц, что и печать при грамоте Новгорода Риге об обиде Бориса Кижанинова (Янин 1960:337,339, № 1; Янин 1991:105,106). Грамота датирована В.Л.Яниным в пределах 1398-1420 гг. Печать Александра Фоминича, скреплявшая грамоту, оттиснута в воске; публикуемая булла оттиснута на обычной свинцовой заготовке. Если печати оттиснуты одними матрицами, то этим подтверждается заключение В.Л.Янина об употреблении одних и тех же буллотирьев для скрепления документов как свинцовыми, так и вощаными печатями. Александр Фоминич впервые упомянут с титулом посадника в 1389 г., он скончался в 1421 г. (Янин 1991:105).

Дефектные печати

П/32 (рис.49).²⁴ *Аверс и реверс:* нечитаемые изображения. Д.: 25 мм (вдоль канала). В.: 6,61 г (фрагм., не менее 14-15 г).. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

²⁴ Дефектные печати, не включенные в общую систематизацию, получили очередные порядковые номера каталога.

П/33 (рис.50). Л.с. и о.с.: нечитаемые многострочные надписи. Д.: фрагм. (не менее 27-28 мм). В.: 3,29 г (не менее 12-13 г). Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

При некоторой доле воображения, на печати П/32 можно попытаться "увидеть": на аверсе изображение Богоматери (Оранта? Знамение? Воплощение?) поколенно, а на реверсе – изображение архангела в рост. Однако фрагмент печати настолько сильно корродирован, что предпочитаем оставить его в числе неопределенных. От надписей на печати П/33 сохранилось всего несколько букв, однако характерные особенности их написания дают основание надеяться, что будущие находки позволят прочесть формулу легенды и на этой булле.

Ладожские печати, найденные вне Ладоги.

П/II.3.авд /К-522 (рис.51). *Аверс*: шестиконечный крест на подножии, обозначенный двойным контурном, концы креста имеют копьевидные завершения. *Реверс*: надпись в пять строк [печа]-/тънам[ѣ]/стъник[ал]/[а]дожьск[о]/[го]захар[а]. Буквы ѣ в первой и третьей строках, н во второй строке вырезаны на матрице без учета на оттиск. 1) Д.: 26-27 мм. В.: 8,47 г. М.н.: Новгород, до 1917 г. Хр.: ОН, № 516. *Изд.*: (ЛСА: табл.LV,14; Янин 1953:рис. 41,2; Янин 1970, т.2: № 522).

П/VI.2.ад /К-521 (рис.52). *Аверс*: изображение Св. Климента в рост, по сторонам надписи кли/менто. *Реверс*: то же, что П/VI,2.ад/16. 1) Д.: 26-28 мм. В.: 11,31 г. М.н.: Новгород, до 1906 г. (возможно – Ладога). Хр.: ОН, № 514. *Изд.*: (ЛСА, табл.XVI,4; Янин 1953: рис.41,1; Янин 1970, т.2: № 521,1). 2) Д.: 27 мм. В.: 8,93 г. М.н.: Новгород до 1906 г. Хр.: ОН, № 515. *Изд.*: (ЛСА: табл.XVI,5; Янин 1953:112; Янин 1970, т.2: № 521,2).

Комментарии к этим печатям были даны выше, в связи с прочими печатями ладожских наместников.

ПЛОМБЫ

КЛАСС II

С изображением креста

Разряд II.2

С изображением святого

Пл/II.2/1 (рис.53). *Аверс*: изображение шестиконечного процветшего креста. *Реверс*: изображение головы святого (?); нижняя часть лица не вошла в площадь заготовки. 1) Д.: 7-9 мм. В.: 0,96 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/2 (рис.54). *Аверс*: изображение четырехконечного креста с расширяющимися концами, в средокрестии точки. *Реверс*:

погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе Св.Федора). 1) Д.: 10-14 мм. В.: 1,64 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/3 (рис.55). *Аверс*: изображение шестиконечного креста, концы оформлены трехточечными завершениями. Следы точечного ободка. *Реверс*: погрудное изображение кудрявого святого с короткой бородой (в типе Св.Федора). В левой части поля буллы прослежены остатки линейного нимба, в правой – слабые следы точечного нимба. 1) Д.6 14-15 мм. В.: 3,28 г. Хр.: ИИМК РАН, инв. № 55-303/В-306. *Изд.*: (Кирпичников, Белецкий С. 1995: № 1).

Пл/II.2/14 (рис.56). *Аверс*: изображение шестиконечного (?) процветшего креста, в средокрестии (при пересечении мачты верхней перекладиной) точки, справа буквы *сх* под титлом ([I]) - *сх* (?). Ободок точечный. *Реверс*: изображение кудрявого святого, нимб точечный. 1) Д.: 12-13 мм. В.: 1,63 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/15 (рис.57). *Аверс*: изображение процветшего четырехконечного креста, по сторонам от него над перекладиной остатки надписи [i] - *х*. *Реверс*: изображение длинноволосого святого, с длинной острой бородой, над правым плечом крест (в типе Св.Иоанна Предтечи). Нимб линейный. Ободок из крупных точек. 1) Д.: 14-15 мм. В.: 3,18 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/16 (рис.58). *Аверс*: изображение шестиконечного процветшего креста. *Реверс*: изображение головы кудрявого святого. Нимб линейный. 1) Д.: 10-13 мм. В.: 1,46 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/17 (рис.59). *Аверс*: изображение четырехконечного процветшего креста. *Реверс*: погрудное изображение святого в княжеской шапке, у щек подвески (?). 1) Д.: 11-12 мм. В.: 2,31 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.* Пломба отснута на толстой заготовке, изображения сильно стерты.

Пл/II.2/18 (рис.60). *Аверс*: изображение четырехконечного креста, под ним фигура "полумесяца" (вариант процветшего креста; мачта не соединяется с основанием). *Реверс*: погрудное изображение кудрявого безбородого святого в точечном нимбе, над правым плечом плохо читаемое копьё или жезл. 1) Д.: 9-14 мм. В.: 1,66 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/19 (рис.61). *Аверс*: изображение шестиконечного креста, в средокрестиях точки. *Реверс*: схематичное изображение головы святого. 1) Д.: 12-13 мм. В.: 1,38 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/II.2/20 (рис.62). *Аверс*: изображение четырехконечного креста, концы имеют точечные завершения. Следы точечного ободка. *Реверс*: погрудное изображение Св.Георгия. Нимб линейный. Справа фрагмент колончатой надписи геор[гi]. 1) Д.: 10-11 мм. В.: 1,26 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пломба Пл/II.2/1 близка одной из пломб домонгольского времени (ЛСА: табл.ХХI,25), однако оттиснута иной парой матриц. Пломба Пл/II.2/2 соответствует по матрицам пломбе из Новгорода (ЛСА: табл.ХХI,11). Пломбы, соответствующие матрицам Пл/II.2/3, происходят из Новгорода (ЛСА: табл.ХХI,17; Янин 1956а: № 55, рис.V,40),²⁵ а также Пскова и Ратминского поселения на Верхней Волге (древнерусская Дубна). Судя по находке пломбы от этой пары матриц в слое 19 яруса Неревского раскопа в Новгороде, сфрагистический тип может быть отнесен ко времени не позднее 30-х годов XII в. Прочие пломбы разряда II.2 из Ладоги принадлежат, кажется, к неизвестным парам матриц. Однако полной уверенности в этом нет: сходство с ладожскими находками имеют многие пломбы, включенные в таблицы "Сфрагистического альбома" Н.П.Лихачева.

Б.Д.Ершевский убежден в том, что пломбы рассматриваемого разряда являются по своему происхождению новгородскими вне зависимости от того, где они обнаружены (Ершевский 1982:173-177). Некоторые основания для такого заключения имеются: в черте Новгорода на начало 1980-х годов было обнаружено более 100 пломб данного разряда. Однако, представляется что вывод о новгородском происхождении рассматриваемых памятников все-таки преждевременный. По чисто сфрагистическим признакам рассматриваемые пломбы соответствуют печатям с изображением креста и святого. Как и печати, пломбы должны быть атрибуированы светским правителям, обладавшим суверенным правом, не требующим уточнения титула и полномочий держателя буллотрия. Речь может идти только о князьях. Именно с деятельностью русских князей связывает печати с изображениями креста и святого и Н.П.Лихачев (Лихачев 1928:51,52).

Адресуя пломбам с изображениями креста и святого ту же принципиальную атрибуцию, что и адекватно оформленным печатям

²⁵ Как будто бы, та же матрица аверса фиксируется еще у одной новгородской пломбы (ЛСА: табл.LIV,14). Реверс этой пломбы чрезвычайно близок реверсу пломбы Пл/II.2/3, однако нимб святого здесь полностью точечный. Возможно, речь может идти о подправке матрицы реверса пломбы; тогда пломба Пл/II.2/3 и адекватные ей по матрицам экземпляры относятся к несколько более позднему времени, чем пломба, опубликованная Н.П.Лихачевым (ЛСА: табл.LIV,14).

тям, мы вправе полагать, что пломбы, как и печати, являются сфрагистическими регалиями общерусскими, а отнюдь не локально новгородскими. Именно на это указывает факт распространения оттисков от одной и той же пары матриц в городах, находящихся на значительном удалении друг от друга. И, следовательно, памятники, обнаруженные в этих городах, совершенно не обязательно связаны своим происхождением именно с теми местами, где они были найдены: механизм попадания пломб данного разряда в удаленные друг от друга центры еще следует выяснить.

Отметим одну важную особенность рассматриваемого разряда пломб принципиально отличающую их от аналогичным образом оформленных печатей. Если печатей с изображением креста и святого известно сравнительно немного (в Корпусе учтена 21 булла от 17 пар матриц, см.: Янин 1970, т.1: № 324-341), то пломбы рассматриваемого разряда зафиксированы в настоящее время не менее чем 130 экземплярами. Количество пар матриц установить не представляется возможным. Но если печати в лучшем случае представлены двумя оттисками от одной пары матриц (Янин 1970, т.1: № 324,333,335), то пломбы в ряде случаев уверенно фиксируются серийными оттисками. Это обстоятельство может, на наш взгляд, оказаться существенным при определении функций рассматриваемых памятников.²⁶

²⁶ Повторяемость пломб, принадлежащих одним и тем же матрицам, в удаленных друг от друга центрах наводит на мысль о том, что пломбы данного разряда скрепляли нечто, имевшее в пределах Руси достаточно широкое хождение. Предполагая, что пломбы рассматриваемого разряда не были функционально равны печатям того же разряда, но, как и печати, фиксировали неограниченный характер власти держателя буллотирия, обратим внимание на известное свидетельство ал-Гарнати об опечатывании связок "меховых денег" кусочками черного свища, припечатанными печатью, "на которой имеется изображение царя" (Путешествие...:35,36). А.Л.Монгайт в свое время уже высказывал мысль о том, что пломбы в домонгольской Руси использовались при эмиссионной деятельности центрального правительства (Путешествие...:114-116). Эту возможность не исключал В.Л.Янин (Янин 1970, т.1:11), а Б.Д.Ершевский даже пытался конкретизировать идею А.Л.Монгайта, связав с эмиссионной деятельностью пломбы, несущие изображения святых на обеих сторонах (Ершевский 1989:71,72).

Последнее маловероятно, так как пломбы с изображениями святых на обеих сторонах — это локальное псковско-новгородское явление в древнерусской сфрагистике. Зато пломбы разряда II.2 по своим сфрагистическим признакам соответствуют тем требованиям, которые могли бы быть предъявлены к "печатям", придававшим ничего не стоящим кусочкам кожи функции кредитных билетов (ассигнаций; денежных единиц определенного достоинства, выпускаемых правительством в обращение и имеющих гарантированный правительством номинал и покупательную способность): массовость находок, повторяемость оттисков и их обнаружение на значительном удалении друг от

Разряд II.5

С изображением креста

Пл/II.5/21 (рис.63). Л.с.: изображение четырех конечного процветшего креста с расширяющимися концами. В средокрестии "сияние". Ободок линейный. О.с.: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный. 1) Д.: 10-13 мм. В.: 1,27 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. Не изд.

Пломбы этого разряда не принадлежат к числу многочисленных и широко распространенных памятников. По данным Б.Д. Ершевского, в сфрагистическом собрании Новгорода таких памятников зафиксировано (на 1987 г.) всего 35, причем все они происходят из комплекса сфрагистических находок на Городище (Ершевский 1987:52). За пределами Новгорода подобные пломбы, кажется, не фиксировались: во всяком случае, их нет в Пскове, на Ратминском поселении, в Дрогичине, на Белоозере, то есть — на тех памятниках, откуда происходят более или менее значительные собрания пломб.

Размещение на лицевой и оборотной сторонах двух в смысловом отношении равнозначных символов, безусловно, имело особое значение, но смысл такого "усиления символики всевластия" остается неясным. Отметим только, что матрицы публикуемой пломбы почти наверняка резались разными мастерами — различаются не только типы крестов (с "сиянием" и без), но и типы ободков. Повидимому речь должна идти о составном характере пары матриц, которой была оттиснута пломба Пл/II.5/21, что само по себе по-

друга в пределах государственной территории, суверенный характер власти правителя, от имени которого проводилась эмиссионная деятельность.

Необходимо подчеркнуть, однако, что из текста ал-Гарнати вовсе не следует, что зафиксированная им операция печатывания связок меховых денег является эмиссионной деятельностью: речь идет об обмене изношенных "ассигнаций" на новые и о "подиргемном" печатывании связок изношенных "ассигнаций" перед их официальным выведением из обращения, то есть — об операции, соответствующей банковскому обмену кредитных билетов. Именно за проведение обмена изношенных "ассигнаций" на новые чиновники на "известном рынке" взимали плату — 1 шкурка из каждых 18 (около 5,6%), что соответствует обычному банковскому проценту.

Сказанное (Белецкий С., Посвятенко 1994) отнюдь не означает, что мы предлагаем отказаться от атрибуции пломб в качестве печатей при кредитных деньгах, имевших в XII в. хождение по территории Руси. Напротив, эта гипотеза представляется весьма вероятной, и именно рассматриваемые пломбы более других соответствуют требованиям, предъявляемым к юридическим свидетельствам достоверности "ассигнаций". Однако рассказ ал-Гарнати, можно думать, прямым свидетельством публичной эмиссионной деятельности служить не может.

казательно. Не исключено, что для пломб разряда II.5 использовались матрицы аверсов пломб от других разрядов — II.2, II.6 и проч. И в таком случае феномен сфрагистического разряда II.5, возможно, следует объяснять деятельностью некоего смешного органа власти, использовавшего в делопроизводстве составной буллотирий, объединяющий аверсы от сфрагистических регалий двух различных институтов государственного управления. Решить этот вопрос можно только после проведения поматричного анализа новгородского собрания пломб.

Разряд II.6

С изображением геральдической фигуры

Пл./II.6/4 (рис.64). *Аверс*: восьмиконечный крест. *Реверс*: двузубец колоколовидных очертаний. Правый зубец отогнут наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. 1)* Д.: 8-13 мм. В.: не взвеш. Хр.: не установлено. *Не изд.*

Пл./II.6/5 (рис.65). *Аверс*: четырехконечный крест, в средокрестии четыре точки. *Реверс*: двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. 1)* Д.: 9-11 мм. В. не взвеш. Хр.: не установлено. *Не изд.*

Пломбы, оттиснутые этими же парами матриц, кажется, не известны. В Новгороде подобные пломбы представлены не менее чем 23 сфрагистическими типами (Ершевский 1985: табл. III, тип V, гр. 1-3). В материалах Дрогичина, собранных Н.П. Лихачевым, такие памятники зафиксированы заметно менее представительной серией: 8 булл четырех различных типов (Ершевский 1985: табл. I, типы XV, XX, XXVIII, XXIX). Однако ни в одном, ни в другом собрании знаки, аналогичные знакам на ладожских пломбах, в сочетании с изображением креста не встречены.²⁷

Пломбы рассматриваемого разряда вместе с другими разрядами пломб, несущих изображение тамгообразной фигуры, атрибуируются чиновникам княжеского аппарата домонгольской Руси (Белецкий С. 1992). Сочетание княжеской тамги с изображением креста можно расценивать как свидетельство высокого ранга, усвоенного держателю буллотирия, располагавшему всей широтой полномочий, которыми обладал владелец знака. Иными словами, чиновник выступал от имени владельца знака и представлял его интересы, оставаясь в то же время анонимным. Подобного рода

²⁷ Уверенно утверждать это, к сожалению, не приходится, так как опубликованные прорисовки (Ершевский 1985: табл. I, III) выполнены крайне небрежно. Как будто бы, знак, аналогичный знаку на пломбе Пл./II.6/5 размещен на реверсе пломбы из Старой Руссы (Матюшкина 1976: 66, 67, табл. 1, 6); на аверсе этой пломбы помещено изображение четырехконечного процветшего креста.

функции могли принадлежать главе княжеской администрации, исполнявшему при князе-суверене функции канцлера.

Знаки на реверсах пломб Пл/II.6/4-5 близки друг другу и, вероятно, принадлежали лицам, находившимся между собой в родстве. При этом, знак на пломбе Пл/II.6/5 идентичен знакам на новгородских посадничьих печатях № 297 и 298 (по Корпусу), а также на Золотых воротах Владимира (Воронин 1949:210, рис.6) и на Боголюбовском кивории (Воронин 1946:65, рис.19).²⁸ Этот знак Б.А.Рыбаков атрибуировал князю Андрею Боголюбскому (Рыбаков 1940:233).²⁹

Знак на пломбе Пл/II.6/4 отличается от знака на пломбе Пл/II.6/5 одним, но существенным элементом – формой ножки двузубца. Если бы речь шла о генеалогии знаков, атрибуированных князьям старшей ветви Мономашичей – Мстиславичам-Мономашичам, то можно было бы предполагать отношения владельцев знаков, как отца и старшего сына (Белецкий С. В печати-1). Однако, уверенность в том, что младшие Мономашичи – Юрьевичи

²⁸ Знаки на Боголюбовском кивории и на Золотых воротах Владимира отождествляли Б.А.Рыбаков (Рыбаков 1940:233) и Н.Н.Воронин (Воронин 1949:215). В последнее время принято считать, что знаки не адекватны: предполагается, что тамга на Боголюбовском кивории имеет на вертикальном левом зубце Г-образное покрытие (Янин 1970, т.1:145,146; Молчанов 1985: табл.1,15). Однако рядом с завершением левого зубца у знака на Боголюбовском кивории на самом деле имеется невятная выбоина (Воронин 1946:65, рис.19), которую вряд ли можно рассматривать в качестве осознанного покрытия зубца.

²⁹ В.Л.Янин полагал, что Андрею Боголюбскому принадлежала тамга изображенная на Боголюбовском кивории (в версии наличия Г-образного покрытия на левом зубце). Знак на Золотых воротах Владимира исследователь в предположительной форме связывал либо со старшим братом Андрея – Ростиславом, либо – с младшим братом Андрея, Мстиславом, либо, наконец, с сыном Андрея – Юрием (Янин 1970, т.1:146). Невозможность соотношения знака с деятельностью Андрея Боголюбского, по мнению В.Л.Янина, объясняется присутствием этого знака на новгородских печатях, поскольку Андрей Боголюбский не занимал новгородского стола. Но напомним, что Андрей Боголюбский с 1157 г. и до самой смерти являлся главой суздальских Рюриковичей, а в 1169-1170 гг. контролировал и новгородский стол (правда – "руками Рюрика Ростиславича). Поэтому нельзя исключать кратковременного (?) контроля над Новгородом и непосредственно со стороны самого Андрея Юрьевича.

А.А.Молчанов, опираясь на гипотезу о различии знаков на Золотых воротах и Боголюбовском кивории, полагал, вслед за В.Л.Яниным, что Андрею Боголюбскому был усвоен знак с Г-образным покрытием левого зубца, а знак на Золотых воротах, адекватный знакам на печатях № 297 и 298 Корпуса, связывал с князем Святославом Всеволодичем – одним из младших сыновей Всеволода Большое Гнездо (Молчанов 1974:25,32, табл.II). Однако исследователь справедливо оговаривал геральдическую сомнительность такой атрибуции (Молчанов 1974:27).

(потомки Юрия Владимировича Долгорукого) – наследовали тамгу по тем же правилам, по которым наследовалась тамга Мстиславичами, у нас нет. Поэтому вопрос о степени родства владельцев знаков оставляем открытым. Датировать ладожские пломбы можно ориентировочно в пределах второй половины – последней трети XII.

Разряд II.7

С буквой или буквообразным знаком.

Пл./II.7/22 (рис.66). *Аверс*: изображение четырехконечного процветшего креста с расширяющимися концами. Ободок точечный. *Реверс*: буква м. Фрагмент точечного ободка. 1) Д.: 9-10 мм. В.: 0,92 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пломбы с буквообразными знаками или буквами кириллического алфавита, широко представленные в материалах из Дрогичина, но известные также и на других памятниках домогнольского времени (Псков, Ратминское поселение), принадлежат к числу сфрагистических памятников, не получивших в литературе удовлетворительной атрибуции. По наблюдениям Б.Д.Ершевского, пломбы с буквой м в коллекции дрогичинских пломб немногочисленны, встречены в сочетаниях с другими буквами и буквообразными знаками (Ершевский 1985:табл.II,74,79-81). В сочетании с изображениями креста буква м, кажется, не фиксировалась. Впрочем, и другие буквы встречаются в сочетаниях с крестом крайне редко (Ершевский 1985:табл.II,5,39,70,85).

Гипотеза о таможенном характере пломб с буквенными знаками, несущими цифровое достоинство, связанное с единицами товара или тарифами таможенной пошлины (Ершевский 1985:57), теоретически представляется возможной, но сколь-нибудь удовлетворительной аргументации пока не получила. Принимая эту версию в качестве рабочей гипотезы, требующей дополнительных исследований, подчеркнем: пломбы с буквообразными знаками представляют собой общерусское явление в сфрагистике (Белецкий С. 1992:7), так что решение вопроса об их функциональном назначении требует серьезного поматричного анализа всего доступного для изучения материала.

КЛАСС IV

С изображением геральдической фигуры

Разряд IV.1

С изображением геральдической фигуры

Пл./IV.1/6 (рис.67). Л.с.: двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. О.с.: двузубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца не вошло в пло-

щадь заготовки, на правом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная (в форме "ласточкиного хвоста"). 1) Д.: 10-11 мм. В.: 1,39 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/IV.1/23 (рис.68). Л.с.: двузубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, левый раздвоен, ножка раздвоенная. Ободок точечный. О.с.: двузубец колоколовидных очертаний, на левом зубце отрог внутрь, ножка отогнута влево. Ободок точечный. 1) Д.: 7-12 мм. В. 1,01 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Сфрагистический разряд, составленный пломбами с изображениями княжеских знаков на обеих сторонах, не принадлежит к числу массовых. В Новгороде учтено немногим более 20 таких пломб, при этом только на 13 фиксируются сочетания двух знаков Рюриковичей (Ершевский 1985: табл. III, 1-4а, 31, 35, 61, 62; Лихачев 1930: рис. 191). В Дрогичине пломбы данного разряда представлены широко, однако сочетания двух знаков Рюриковичей зафиксировано только в четырех вариантах (Ершевский 1985: табл. I, типы III, IV – два сочетания, XVII), а количество сфрагистических типов и экземпляров не установлено. Пломбы, адекватные ладожским находкам, кажется, не фиксировались.

При оформлении пломбы изображениями геральдических фигур на обеих сторонах определение аверса и реверса принципиально невозможно точно так же, как невозможно определение аверса и реверса у печатей и пломб с изображениями святых на обеих сторонах: обе стороны буллы оказываются юридически равнозначными. Однако тамгообразная фигура – это безусловный символ власти конкретного лица, владельца тамги. И, следовательно, существование пломб, оформленных изображениями тамги на обеих сторонах, предполагает существование чиновников, обладавших полномочиями, представленными им двумя правителями одновременно. Наиболее реальными претендентами на пользование такими пломбами являются высшие должностные лица в канцеляриях, существовавших при князьях-соправителях (Белецкий С. 1992:7).

Знаки на ладожских пломбах относятся к числу двузубцев колоколовидных очертаний, то есть – принадлежат князьям из рода суздальских Рюриковичей. Знак на лицевой стороне пломбы Пл/IV.1/6 совершенно адекватен знаку на печати № 299 Корпуса.³⁰ Этот знак А.А.Молчанов не очень уверенно связывает с кня-

³⁰ Переводя знак на печати № 299 в схему, А.А.Молчанов помещал отрог на вершину левого зубца, полагая, что зубец имел раздвоенное завершение (Мол-

зем Ярославом Мстиславичем (Молчанов 1981:215,216), не исключая, впрочем, принадлежности знака князю Святославу Всеволодичу (Молчанов 1985:81). Близость знака к знаку на Боголюбовском кивории и Золотых воротах Владимира (отличие на один элемент в оформлении завершения левого зубца) предполагает близкое родство лиц, владевших знаками. По аналогии с генезисом тамги у Мстиславичей-Мономашичей, можно думать, что владельцы знаков могли быть братьями.

Знак на оборотной стороне пломбы Пл/IV.1/6 не полностью вошел в площадь заготовки. Но даже прослеженная часть знака позволяет утверждать, что среди знаков на новгородских пломбах прямые аналогии отсутствуют. Можно думать о родстве владельца знака с лицами, владевшими знаками № 1-9 по Б.Д. Ершевскому (Ершевский 1985: табл.III): общим является, кроме колоколовидной формы двузубца, наличие раздвоенной ножки; различие состоит в том, что на новгородских пломбах отрог размещался на левом, а не на правом зубце.

Знак на лицевой стороне пломбы Пл/IV.1/23 адекватен знакам на пломбах из Новгорода (Ершевский 1985: табл.III, 1-3, 5, возможно табл.III, 4, правый зубец у которого не вошел в площадь заготовки). Знак на оборотной стороне пломбы Пл/IV. 1/23, отпечатавшийся не полностью, также находит себе аналогии в новгородском собрании пломб (Ершевский 1985: табл.III, 2, 28, 29). Полностью адекватна по сочетанию знаков пломба, включенная в таблицу III в статье Б.Д.Ершевского под № 2 (если, разумеется, правый зубец на пломбе из Ладоги был симметричен левому зубцу и лишен отрога). От персональной атрибуции знаков на пломбе Пл/IV.1/22 воздержимся до проведения нового анализа тамгообразных знаков колоколовидной формы. Отметим только, что эти знаки близкородственны знакам на пломбе Пл/IV.1/6.

В целом можно констатировать, что обе пломбы разряда IV.1 из Ладоги скрепляли документы от имени князей-дуумвиров из рода суздальских Рюриковичей, причем документы исходили от канцлера-печатника при князьях-соправителях. Датировать пломбы можно ориентировочно в пределах второй половины - последней трети XII - начала XIII вв.

Разряд IV.2

С изображением святого

Пл/IV.2/7 (рис.69). *Аверс*: трезубец прямоугольных очертаний, левый зубец, а также завершения центрального и правого

чанов 1985: табл.I,27). Однако реально отрог помещен на середине левого зубца (Янин 1970, т.1: табл.69,299).

зубцов не вошли в площадь заготовки, ножка вертикальная. Ободок линейный. *Реверс*: погрудное изображение святого (святителя?) с длинной бородой (в типе Св. Григория?), голова и нимб в основном не вошли в площадь заготовок. Ободок линейный. 1) Д.: 11 мм. В.: 2,08 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/IV.2/8 (рис.70). *Аверс*: двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, левый не вошел в площадь заготовки. Ножка раздвоенная, но левая ее часть не вошла в площадь заготовки почти полностью. *Реверс*: изображение головы святого. 1) Д.: 8-10 мм. В.: 1,08 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/IV.2/9 (рис.71). *Аверс*: двузубец колоколовидных очертаний, на правом зубце раздвоенный отрог внутрь, ножка отогнута вправо. *Реверс*: погрудное изображение святого (святителя?) с длинной бородой (в типе Св. Григория?). 1) Д.: 9-10 мм. В.: 1,11 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/IV.2/24 (рис.72). *Аверс*: двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, завершение левого зубца не вошло в площадь заготовки, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Ободок точечный. *Реверс*: погрудное изображение святителя, ободок точечный. 1) Д.: 10-11 мм. В.: 1,12 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/IV.2/25 (рис.73). *Аверс*: двузубец прямоугольных очертаний, концы отогнуты наружу, ножка вертикальная. *Реверс*: изображение головы кудрявого (?) бородатого святого (святителя?) в линейном нимбе. 1) Д.: 10-12 мм. В.: 1,03 г. Хр.: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пломбы рассматриваемого разряда с большей степенью уверенности можно соотносить с деятельностью княжеских посадников (Белецкий С. 1992:6) – должностных лиц княжеского аппарата, обеспечивавших "княжеское управление городами и окружающими их волостями" (Свердлов 1983:219). Места находок этих пломб (в отличие от прочих пломб с княжескими знаками), по преимуществу, совпадают с местоположением резиденции держателя буллотиря.

В новгородском собрании домонгольских пломб буллы данного разряда представлены приблизительно 50 экземплярами (Ершевский 1985: табл. III, 18-30, 36-49, 67-87). Знак, сходный со знаком на ладожской пломбе Пл/IV.2/7, помещен на новгородской пломбе № 85 (по Б. Д. Ершевскому), однако, он оттиснулся не полностью – в площадь заготовки не вошел правый зубец трезубца. А. А. Молчанов (Молчанов 1985:78,79; Молчанов 1974: 27,28) соот-

носит трезубцы прямоугольных очертаний с князьями из рода черниговских Святославичей (четвертое-пятое колено потомков Олега Гориславича), деятельность которых приходится на первую треть XIII в. Усвоение Ольговичам знака в форме трезубца прямоугольных очертаний вполне вероятно, однако хронологические наблюдения А.А.Молчанова к интересующему нас знаку вряд ли применимы. Трезубец на печати № 296 Корпуса, анализировавшийся А.А.Молчановым, имеет отроги на левом и центральном зубцах, то есть — фиксирует развитие исходного трезубца, лишенного дополнительных отрогов. Знак на пломбе Пл/IV. 2/7 во всяком случае, должен во времени отстоять от знака на печати № 296 на два-три поколения князей, а пломба Пл/IV.2/7 может быть датирована ориентировочно серединой XII в. (с возможным уточнением датировки).

Прямые аналогии знаку на пломбе Пл/IV.2/9, как будто бы, не известны. Отметим, что в Новгороде двузубцы колоколовидной формы с отогнутой вправо ножкой редки. В таблице, составленной Б.Д. Ершевским, имеется всего два таких знака и оба они отличаются от знака на публикуемой пломбе; в одном случае двузубец с отогнутыми наружу зубцами не имел дополнительных отрогов (Ершевский 1985: табл. III, 20), в другом случае правый зубец имел раздвоенное завершение (Ершевский 1985: табл. III, 25). Пломбу Пл/IV.2/9 можно датировать рубежом XII-XIII вв., или, что вероятнее — первой третью XIII в. Владелец ее представлял в Ладоге князя из рода суздальских Рюриковичей.

Знаки на трех остальных пломбах данного разряда могут быть с известной гипотетичностью персонифицированы. Знак на пломбе Пл/IV.2/8, возможно, адекватен знаку на пломбе № 39 Б.Д. Ершевского (Ершевский 1985: табл. III, 79), если предположить, что у двузубца на ладожской пломбе левый зубец был симметричен правому. По сохранившейся в площади пломбы части знака можно достаточно уверенно утверждать, что никаких отрогов внутри на левом зубце не было. Если сопоставление с новгородской пломбой верно, то знак на пломбе Пл/IV.2/8 оказывается адекватен знаку на клеймах кирпичей из ц. Дмитрия Солунского в Пскове (Белецкий В. 1971:58), атрибутированному князю Всеволоду Мстиславичу (†1138) — старшему сыну Мстислава Великого.

Знак на пломбе Пл/IV.2/24 сохранился почти полностью: отсутствует только завершение левого зубца. Если левый зубец, как и правый, был отогнут наружу, то знак этот может быть с большой степенью уверенности атрибутирован князю Святополку Мстиславичу (†1154) — сыну Мстислава Великого, младшему бра-

ту Всеволода Мстиславича (Молчанов 1985:82, табл.II). Пломбы со знаком Святополка Мстиславича известны в Новгороде (Ершевский 1985: табл.III,56-58,67,86), широко представлены в Пскове. Весьма вероятно, что пломба Пл/IV.2/24 оттиснута теми же матрицами, что и одна из псковских пломб.

Знак на пломбе Пл/IV.2/25 адекватен знаку на можжевельной палочке (нижний) из Новгорода и атрибутирован А.А. Молчановым князю Мстиславу Владимировичу Великому (+1132) – старшему сыну Владимира Мономаха. Весьма вероятно, что подобные знаки имеются на новгородских пломбах (напр.: Ершевский 1985: табл.III,81,89), но не вполне ясные прорисовки, приведенные в статье Б.Д.Ершевского оставляют сопоставление до новых публикаций новгородских материалов.

Разряд IV.4

С буквой или буквообразным знаком

Пл/IV.4/26 (рис.74). *Аверс*: двузубец колоколовидных очертаний, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Ободок жгутиковый. *Реверс*: буква д. Ободок жгутиковый. 1) *Д.*: 11 мм (форма заготовки подтреугольная). *В.*: 1,51 г. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пломбы с изображениями княжеских знаков и буквами кириллического алфавита, достаточно широко представленные в дричинском собрании (Ершевский 1985: табл.I), известны также и в других пунктах Руси – в Пскове, на Ратминском поселении. Принадлежность этих пломб к числу регалий власти чиновников княжеского аппарата очевидна, как очевиден и общерусский характер сфрагистических памятников данного разряда. Нами высказывалась гипотеза о таможенном характере деятельности чиновников (Белецкий С. 1992:7), но, разумеется, эта гипотеза требует специальной разработки на широком материале. Вероятность того, что тамга на памятниках данного сфрагистического разряда указывает на "владельца товара", а буква – на "весовую единицу" (Ершевский 1985:57), представляется несколько меньшей и также требует серьезного обоснования.

Знак на пломбе Пл/IV.4/26 адекватен знаку на пломбе № 26 по Б.Д.Ершевскому (Ершевский 1985: табл.III,26). Речь должна идти о чиновнике, представлявшем интересы князя из рода суздальских Рюриковичей. Датировка пломбы концом XII – началом XIII вв. весьма вероятна.

Дефектные пломбы

Пл/10 (рис.75). *Л.с.*: буква ч. *О.с.*: стерта (сбита?). *Д.**: 10-13 мм. *В.*: не взвеш. *Хр.*: не установлено. *Не изд.*

Пл/11 (рис.76). *Л.с.*: погрудное изображение святого (?). *О.с.*: сбита. *Д.*: 11-12 мм. *В.*: 1,54 г. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/12 (рис.77). *Аверс*: шестиконечный процветший крест. *Реверс*: не оттиснут. *Д.*: 9-10 мм. *В.*: 1,54 г. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Пл/14 (рис.78). *Л.с.* и *о.с.*: изображения не читаются (стерты?). *Д.*: 9-10 мм. *В.*: 1,04 г. *Хр.*: частная коллекция в Санкт-Петербурге. *Не изд.*

Все четыре пломбы не могут быть уверенно отнесены к конкретному сфрагистическому разряду. Пломба Пл/12, возможно, оттиснута той же парой матриц, что и пломба из Новгорода, опубликованная Н.П.Лихачевым (ЛСА: табл.ХХI,19); в таком случае, она несла на реверсе погрудное изображение святого. Однако уверенности в отождествлении нет, так что предпочитаем оставить эту пломбы среди неприуроченных. Пломба Пл/10 принадлежит к числу пломб, несущих на одной или обеих сторонах букву кириллического алфавита. Такие пломбы широко представлены в Дрогичине (Ершевский 1985: табл.1,9,21; II,1,15,18,22,64,70-72,94,96), но известны и в других центрах Руси (Псков, Дубна). Пломбы Пл/11 и Пл/13 практически совершенно не читаются. Все четыре пломбы могут быть широко датированы в пределах домонгольского времени.

ЗАГОТОВКИ ДЛЯ ПЕЧАТЕЙ

1 (рис.79). *Д.*: 20 мм. *В.*: 4,31 г. *Пр.*: раскопки 1909-1913 гг. на Земляном городище. *Хр.*: ОИПК, инв.№ 1358/38(1). *Не изд.*

2 (рис.80). *Д.*: 14 мм. *В.*: 3,34 г (фрагм., не менее 3,5 г). *Пр.*: раскопки 1909-1913 гг. на Земляном городище. *Хр.*: ОИПК, инв.№ 1358/38(2). *Не изд.*

3 (рис.81). *Д.*: 14 мм. *В.*: 3,51 г. *Пр.*: раскопки 1909-1913 гг. на Земляном городище. *Хр.*: ОИПК, инв.№ 1358/38(3). *Не изд.*

Заготовки для печатей публикуются крайне редко, поэтому сравнительный материал достаточно ограничен. Очевидно, что все три заготовки, обнаруженные при раскопках Н.И.Репникова, принадлежат к одному и тому же типу - заготовки с валикообразным выступом в центральной части поля над каналом для шнура и валикообразным же выступом по периметру свинцового кружка. Толщина заготовки в пространстве между валиком канала и выступом по краю кружка меньше, чем по краю и над каналом. Появление такого типа заготовок обусловлено необходимостью облегчить сжатие заготовки клещами буллотирия в момент утверждения документа подвесной свинцовой печатью. Однако при использовании

заготовок подобного типа оттиски матриц буллотирия очень часто получались дефектными: матрицы хорошо пропечатывались в пространстве над каналом и по периметру свинцового кружка, но на участках между ними либо совершенно не оттискивались, либо оттиски получались очень слабыми. К числу оттисков такого рода относятся, например, печати П/IV.3.А/ 11: 1-2 и П/VI.2.агд-1/18, датированные XV в. Сходные дефекты имеет целый ряд печатей, включенных в Корпус В.Л. Янина (1970, т.2 :№425,1,2;424,1;429,1,3;434;450,2;516,6;518,2-6;519; 572 и др.); все они также относятся ко времени не ранее XV в. Аналогичные дефекты на псковских печатях XV в. даже породили в свое время дискуссию о том, связан ли подобный дефект с порчей матриц буллотирия, или же он вызван особенностями техники скрепления документов подвесной свинцовой печатью (Янин 1960:249; 1966:171; Белецкий В. 1962:23; 1978;27; Белецкий С. 1994а:23).

Датируя заготовки из Ладоги XV в. подчеркнем: в предшествующее время использовались заготовки иных типов - подобные тем, которые были в свое время опубликованы (по новгородским находкам) Н.П.Лихачевым (1928:4). Именно на таких заготовках - линзовидной формы с острым гуртом - оттиснуто подавляющее большинство печатей XIII-XIV вв. Линзовидная заготовка из Пскова обнаружена в слое XIV в. (Лабутина, Волочкова, Лабутин 1985:226,№7). Аналогичная заготовка, найденная на Ратминском поселении, датируется временем ранее 1216 г. (Белецкий С., Крымов 1990:243-245, рис.6).

Однотипность заготовок из Ладоги вместе с ярко выраженными различиями их размеров подтверждает высказывавшееся ранее (на материалах Пскова) наблюдение об одновременном использовании в делопроизводстве нескольких (до трех) стандартов заготовок, предназначавшихся, очевидно, для документов различного значения (Белецкий С. 1984:52,53; 1994а:23).

ЛАДОГА В XI-XV ВВ. ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

Исторические судьбы Ладоги XI-XV вв., к сожалению, изучены недостаточно, в отличие от более раннего (VIII-XI вв.) и более позднего (XVI-XVII вв.) времени. В скандинавских сагах Альдейгьюборг упоминается только до середины XI в. (до отъезда Харальда Хардрада в 1045 г., см.: Джаксон 1993:244). Летописные известия о Ладоге более позднего времени скудны и отрывочны. Принято считать, что после 1056 г. Ладога перешла под контроль новгородской администрации. Поход новгородского войска в Ладогу в 1105 г. связывают с необходимостью подчинения Новгороду

Приладожья; сама Ладога расценивается как опорный пункт для русского войска. Строительство ладожской каменной крепости в 1114 г. рассматривается как свидетельство вхождения Ладоги в юрисдикцию новгородского князя Мстислава Владимировича. В 1130-е годы ладожане – равноправные участники новгородского веча в решении важнейших вопросов политического и государственного устройства Новгородской земли. А в середине XII в. – Ладога является объектом архитектурно-градостроительных исканий Новгорода: по мнению исследователей, под эгидой новгородского владыки, в деятельности которого "угадывается не только духовная, но организующая роль церкви", происходит топографическое оформление кончанской структуры городского управления (Кирпичников 1985:21). Последующие три столетия слабо отражены в исследованиях современных историков.

Пожалуй, только А.Н.Кирпичников попытался наметить основные вехи в истории Ладоги XII-XV вв. Исследователь полагает, что в XII в. Ладога, наряду с Новгородом и Псковом, являлась равноправным городом-федератом в составе Новгородского государства, причем в середине столетия (не без участия новгородского посадника Нежаты Твердытича) "была осуществлена общегородская вечевая идея горожан". В это время контроль Новгорода за Ладогой ослаб – в Новгороде борьбу за власть вели смоленские и суздальские князья и им было не до Ладоги. В XIII в. положение меняется: на Ладогу и подчиненные ей земли распространяется административная власть и фискальная система Новгорода. Однако, по мнению А.Н.Кирпичникова, город сохранял вплоть до второй четверти XIV в. "достаточно высокое положение... в системе городов Новгородской земли", а утратил это положение только в 1333 г., когда Новгород начал передавать Ладогу "в кормление приглашенным наемным князьям". С этого времени Ладога "переходит на положение рядового пригорода Новгорода", управление в котором осуществляется чиновниками новгородской боярской республики. Права великого князя и его новгородских чиновников в Ладого, по мнению А.Н. Кирпичникова, были традиционно ограниченными, и это положение сохранялось вплоть до падения боярской республики (Кирпичников 1988:66,67,78, примеч.106 на с.67).

Действительно, источники по истории Ладоги в XII-XV вв. скудны: археологические материалы, позволившие детально восстановить судьбы города в VIII - начале XI в. для более позднего времени практически полностью отсутствуют; письменные источники о событиях XII-XV вв. сообщают разрозненные сведения, лишь косвенным образом касающиеся истории города. Фактически, ис-

тория средневековой Ладogi отразилась лишь в памятниках каменного зодчества (Раппопорт 1982; Кирпичников 1984) и в сфрагистических материалах.

Сфрагистическая коллекция из Ладogi неоднородна. Известные памятники разделяются на несколько хронологических серий, каждая из которых характеризует особый отрезок времени.

Серия 1 (конец XI-XII вв.)

Ранняя серия включает пять печатей и одну пломбу. Древнейшая из них – булла Владимира Мономаха (П/VI.2.вг-1/38) времен ростовского или смоленского княжений (конец 1060-х - 1070-е годы). Как ни интерпретировать появление в Ладoge документа, скрепленного этой печатью, можно констатировать целенаправленный интерес князя в Ладoge в период, непосредственно последовавший за уходом из города ярла Стейнкиля.

Возможно, именно в 70-80-е годы XI в. проявляет интерес к Ладoge князь Святополк Изяславич, занимавший в это время новгородский стол (П/VI.2.вг-1/37). Но не исключено, что документ, скрепленный печатью Святополка Изяславича, поступил в Ладogu позднее – после 1093 г., когда Святополк занял великий киевский стол. Во всяком случае, именно в годы великого княжения Святополка Изяславича Ладogu посетило посольство, направленное сюда митрополитом Киевским и Всея Руси (П/III.2.Г/К-92).

Приблизительно в те же годы (вероятно, в период второго новгородского княжения Мстислава Владимировича, то есть – между 1096 и 1117 гг.) в Ладogu попадает документ, скрепленный печатью главы боярского совета при Мстиславе Владимировиче – протопроедра Евстафия (П/VI.2.вг-2/К-72:13). Это, безусловно, свидетельствует о внимании новгородской администрации к Ладoge. Однако остается открытым вопрос о том, до или после событий 1105 г. был направлен в Ладogu этот документ. Можно попытаться лишь высказать некоторые предварительные соображения.

А.Н.Кирпичников справедливо видел в строительстве ладожской крепости в 1114 г. материализацию программы Владимира Мономаха и его сына, Мстислава Великого по укреплению границ Руси (Кирпичников 1984:66,67; Кирпичников 1977:432). Возможно, с этой же программой было связано и строительство каменного детинца в Пскове в начале XII в. (Белецкий В., Белецкий С. 1987:34,35). Заметим, что возведение ладожской (и псковской?) твердыни произошло только после того, как Мономах занял великий киевский стол, а не сразу после похода новгородцев "в Ладogu на войну" (НПЛ:19,203). Поход в Ладogu вряд ли мог произойти без санкции новгородского князя Мстислава Владимировича. И

так, как версия о подконтрольности Ладоги в последней трети XI в. новгородской администрации опирается только на историографическую традицию и собственно письменными источниками не подкрепляется, можно думать, что поход 1105 г. был именно "в Ладогу" (как об этом и сообщено в Новгородской Первой летописи), а не в Приладожье. Иными словами, до 1105 г. Ладога не просто не входила в юрисдикцию новгородской администрации, но, вероятно, находилась в оппозиции к Новгороду, тем более, что традиционной для Ладоги была ориентация во внешней политике на Киев. В противном случае, вряд ли потребовалось бы брать город под контроль вооруженным путем.

Предполагая, что действия Мстислава Владимировича по захвату Ладоги в 1105 г. не расходились с политической программой его отца, то есть – были согласованы с Владимиром Мономахом и им санкционированы, напомним о том, что Мономах в это время находился на переяславском, а не на великом киевском столе: Любечский съезд 1097 г. закрепил за Владимиром Всеволодичем его "отчину" – Переяславскую и Ростово-Суздальскую земли. Оппозиция Ладоги Новгороду, фактически, означала оппозицию Мономаху.

Таким образом, рассматриваемая сфрагистическая серия позволяет угадывать соперничество между Владимиром Мономахом и его кузеном, Святополком Изяславичем, развернувшееся за политическое влияние в Ладоге (и, вероятно, в контролировавшемся Ладогой ярлстве) в последней четверти XI в. Важность Ладоги – главных "ворот" Руси на Балтике – в борьбе за политическое влияние в масштабах всего Русского государства очевидна. В соперничестве за контроль над Ладогой верх, очевидно, остается за Святополком, занявшим в 1093 г. великокняжеский стол и подключившим к своей ладожской дипломатии митрополита Киевского (Николая или Никифора I). Санкционировав поход Мстислава новгородского на Ладогу в 1105 г. Владимир Мономах "разрубил гордиев узел" – покончил с традиционной для ладожского ярлства прокиевской политикой, а, фактически – покончил с самим ярлством, переподчинив Ладогу Новгороду, контролировавшемуся его старшим сыном. Строительство в 1114 г. ладожской крепости явилось уже фактом нового периода в истории города: из столицы буферного государства на северо-западе "империи Рюриковичей" Ладога превратилась в пограничную крепость, закрывшую свободный проход с Балтики во внутреннее пространство Руси. Полагая, что строительством псковской крепости перекрывался второй основной проход с Балтики на Русь, можно рассматривать эти строительные работы как материализацию антишведской политики

великокняжеской администрации Мономаха, а отнюдь не в качестве новгородской инициативы.

После сказанного можно думать, что документ, скрепленный печатью протопроедра Евстафия, был направлен в Ладогу уже после 1105 г. и материализовал собой деятельность новгородской княжеской администрации по контролю за управлением в городе. Не случайно, наверное, строительство ладожской крепости летопись связывает с деятельностью ладожского посадника Павла. В свете данных В.Н.Татищева о непосредственном участии Мстислава Владимировича в создании ладожских фортификаций (Татищев 1963:130) можно думать, что посадник Павел – это не новгородский боярин и тем более не выборный ладожский лидер, а чиновник княжеского аппарата в должности посадника. Рискнем предположить, что сфрагистической регалией посадника Павла должна стать пломба с изображением святителя (Св.Павла Исповедника) на реверсе и двузубцем Мстислава Великого на аверсе. Именно так оформлена пломба Пл/IV.2/25, и мы предположительно атрибулируем находку посаднику Павлу.

Последняя из печатей ранней серии ((II/VI.2.вг-1/К-129:1) скрепляла документ, направленный в Ладогу одним из русских князей начала XII в. Почти наверняка можно утверждать, что это произошло после 1105 г., однако до персонификации буллы вопрос о ее значении для понимания ладожской истории остается открытым.

Серия 2 (Середина XII в.)

Вторая треть XII в. материализовалась в истории Ладоги 13 пломбами и двумя печатями. Десять пломб разряда II.2 для понимания особенностей административного устройства Ладоги ничего не дают. Если верна высказанная гипотеза о связи этих пломб с эмиссионной деятельностью великокняжеского правительства Киева, то факт присутствия в Ладоге пломб разряда II.2 свидетельствует о включении города в единое общерусское экономическое пространство, объединенное кредитным денежным обращением. Четыре пломбы - Пл/II.2/2,3,14,16 – относятся ко времени великого княжения Мстислава Владимировича (1125-1132), прочие пломбы данного разряда датируются несколько более поздним временем (возможно – до конца XII в.).

Административное подчинение Ладоги новгородскому князю вполне определенно фиксируется находками пломб княжеских посадников. Пломба Пл/IV.2/8 принадлежала чиновнику, представившему в Ладоге интересы Всеволода Мстиславича – старшего сына Мстислава Великого, сменившего отца на новгородском столе в 1117 г. и княжившего в Новгороде до 1136 г., но – с пере-

рывами в 1124-1125 и 1132 гг. поэтому возникает вопрос — с начальным периодом деятельности Всеволода или же с более длительным интервалом времени связано присутствие в Ладогe чиновников княжеской администрации Новгорода.

Традиция управления в Ладогe представителей княжеского аппарата Новгорода, фиксирующая для времен княжения на новгородском столе Всеволода Мстиславича, прослеживается со времен княжения в Новгороде Мстислава Великого. Поэтому уверенно можно говорить о сохранении над Ладогой княжеской юрисдикции только для начального периода пребывания Всеволода на новгородском столе, то есть — для 1117-1124 гг. Однако есть серьезные основания полагать, что такое административное устройство сохранялось в Ладогe более длительный период. Речь идет о пломбе Пл/IV.2/24, принадлежавшей посаднику, представлявшему интересы Святополка Мстиславича, младшего брата Всеволода, занимавшего новгородский стол в 1142-1148 гг. До новгородского княжения Святополк короткое время после смерти Всеволода пребывал на псковском столе, в 1140 г. занимал стол в Берестье, а после 1148 г. находился в землях на Волыни. Единственный период, когда в Ладогe мог находиться представитель Святополка Мстиславича, таким образом, соотносится со временем новгородского княжения Святополка.

Подтверждением сказанному является находка в Ладогe пломбы Пл/IV.2/7, несущей на аверсе княжеский знак в форме трехзубца, лишённого отрогов на зубцах (по крайней мере — на центральном и правом). Предположив, что этот знак мог принадлежать одному из черниговских Ольговичей середины XII в., очень заманчиво было бы связать его с князем Святославом Ольговичем, сменившем на новгородском столе летом 1136 г. малолетнего Владимира Всеволодича — сына Всеволода Мстиславича, номинально считавшегося новгородским князем на протяжении нескольких дней. Святослав Ольгович княжил в Новгороде до конца весны 1138 г., а затем — с декабря 1139 г. до февраля 1141 г. Если наше предположение верно, и пломба Пл/IV.2/7 действительно принадлежала княжескому посаднику, направленному Святославом Ольговичем, то можно считать, что вплоть до 40-х годов XII в. управление в Ладогe продолжали осуществлять посадники, назначавшиеся сюда новгородским князем.

Заметим, впрочем, что процедура назначения в Ладогу княжеского посадника со времени посадника Павла должна была претерпеть существенные изменения, ставшие следствием известных событий 1132 г. Во время этих событий, связанных с изгнанием из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, одним из вечевых реше-

ний стало: "Мирославу даша посадничать в Плескове, а Рагуилове в Ладозе" (НПЛ:207). Мирослава, направленного в Псков, обычно отождествляют с новгородским посадником Мирославом Гюрятиничем, и это обстоятельство расценивается как свидетельство перехода администрации Пскова под контроль новгородского республиканского правительства. Рагуил, однако, не отождествляется ни с одним из новгородских политических деятелей своего времени, что особо подчеркивал В.Л.Янин (Янин 1962:69, примеч.100). В этой связи важно то, что процедура назначения в Псков и Ладогу посадников, как показал В.Л.Янин, явилась компромиссом между новгородским вечем и князем Всеволодом (Янин 1962:69). Полагаем, что суть компромисса заключалась в том, что князь сохранил право назначать чиновников на управление в Псков и Ладогу, но кандидатуры этих чиновников должны были теперь проходить обязательное утверждение на вече. Иными словами, события 1132 г. привели к существенному ограничению властных полномочий новгородского князя, сохранившего возможность контролировать управление городами, но ограниченного в выборе кандидатур на должность посадников.

Совершенно иная картина фиксируется к середине 60-х годов XII в. В 1164 г. в момент осады Ладоги шведами, в городе находился посадник Нежата, обратившийся в Новгород за помощью (НПЛ:31). Если отождествлять Нежату с новгородским посадником Нежатой Твердятичем, лишенным в 1161 г. степени (НПЛ:31), и если считать, что в 1164 г. Нежата Твердятич отправлял обязанности ладожского посадника (Янин 1962:102), то вывод об управлении Ладогой направленными сюда представителями новгородской вечевой администрации получает необходимое обоснование. С учетом же того, что в 1160 г. новгородцы сослали в Ладогу опального князя Святослава Ростиславича (НПЛ:30,31), речь может идти о включении Ладоги в юрисдикцию новгородского веча уже к концу 1150-х годов.

В этой связи пристальное внимание привлекает найденная в Ладоге печать выборного новгородского посадника Судилы Ивановича, употреблявшаяся в делопроизводстве короткий срок — с апреля 1154 г. и до конца года П/IV.2/К-283). Поступление документа, скрепленного печатью новгородского посадника, безусловно, указывает на целенаправленный интерес вечевых структур власти Новгорода в Ладоге, но еще не свидетельствует об административной деятельности в Ладоге высокопоставленного новгород-

ского чиновника.³¹ Но если считать, что булла была привешена к документу в самой Ладоге, то это серьезно подкрепило бы версию о подконтрольности Ладоги республиканским властным структурам Новгорода уже в первой половине 1150-х годов.

К 1154 г. – году, когда печать употреблялась в делопроизводстве – Судила Иванкович входил в группировку новгородских бояр, резко оппозиционно настроенных в отношении великого князя Юрия Владимировича Долгорукого (Янин 1962:100). Верх, однако, взяли сторонники Юрия Долгорукого: в конце января 1155 г. новгородский стол занял сын Юрия Владимировича Мстислав. Немногим более года спустя новгородцы согнали Судилу Иванковича с посадничества, и через пять дней после изгнания Судила скончался (НПЛ:29,216). Таким образом, 1154 г. – год и во внутривнутриполитической борьбе в Новгороде, и в жизни Судилы Иванковича весьма сложный: накал борьбы боярских группировок в Новгороде вряд ли позволил бы Судиле Иванковичу сосредоточиться на управлении Ладогой в ущерб политическим интересам своей партии.

В свете сказанного существенной представляется находка в Ладоге великокняжеской печати, предположительно соотнесенной выше с Юрием Долгоруким (П/1.2/1). Грамота, скрепленная этой печатью, попадает в Ладогу приблизительно в то время, когда Юрий Владимирович предпринимает активные попытки установить контроль над Новгородом путем закрепления новгородского стола за своим сыном. Вряд ли политическая активность великого князя в Ладоге случайна: с переподчинением главных северных ворот Руси новгородским вечевым структурам властные полномочия новгородского князя заметно сократились. Попытки вернуться в отношении Ладоги к эпохе Владимира Мономаха и Мстислава Велико-

³¹ Новгородские республиканские посадники, получившие после событий 1136 г. право пользоваться актовой печатью, скрепляли документы не только попадавшие в архив на городище или в домашние архивы горожан (печати, найденные в пределах городских кварталов Новгорода, см.: Янин 1970, т.1: № 292,7; 301; 305,3), но также уходившие из Новгорода и попадавшие не только в населенные пункты в пределах Новгородской земли (Янин 1970, т.1: № 295,3) или же в приграничные Новгородской земле населенные пункты (Белецкий С., Крымов 1990:237-244, № 2), но также далеко за пределы Новгородской земли (Янин 1970, т.1: № 287, 311; Литвинов 1989:98,99). Иными словами, посадничьи печати Новгорода только по оформлению соответствовали сфрагистическим регалиям княжеского посадника, а по своим функциям были вполне адекватны княжеской булле, также скреплявшей документы, имевшие общерусское хождение. Таким образом, место находки новгородской посадничьей печати XII в. совершенно не обязательно свидетельствует о том, что посадники отправляли административные функции именно в местах обнаружения печатей.

го представляется для политики Юрия Долгорукого совершенно естественными.

После сказанного рискнем предположить, что близкое по времени поступление в Ладугу двух документов, один из которых был скреплен великим киевским князем, а другой – оппозиционно настроенным по отношению к нему новгородским посадником, свидетельствует о борьбе за влияние в Ладогe, продолжавшейся и после включения города в юрисдикцию новгородского веча, а, возможно, происходившей именно в момент переподчинения Ладоги из юрисдикции княжеской администрации Новгорода под юрисдикцию вечевых властных структур. Решение вопроса, можно полагать, в значительной степени зависит от нового осмысления строительной деятельности в Ладогe, начатой в 1153 г. новгородским владыкой Нифонтом, и продолженной его преемником на Софийской кафедре, первым избранным новгородским владыкой Аркадием. Однако это уже является темой самостоятельного исследования.

Серия 3 (вторая половина XII - начало XIII вв.)

Вторая половина XII - начало XIII вв. – период, наиболее обеспеченный сфрагистическими памятниками за всю историю существования средневековой Ладоги. Кроме того, что к рассматриваемому времени, по-видимому, относится какая-то часть пломб разряда II.2, к этому же времени относятся не менее 13 печатей и не менее 6 определяемых пломб (не считая пломб разрядов II.5; II.7; IV.4 и дефектных пломб).

Состав сфрагистической серии весьма характерен. Основу этой серии составляет группа княжеских печатей с изображениями святых на обеих сторонах (кроме П/VI.1/27, датируемой более поздним временем). Печати разряда VI.1 соотнесены нами с междукняжеской перепиской (Белецкий С. 1990:10-14).³² Если принять в качестве рабочей гипотезы справедливость персонификаций, предлагавшихся для печатей с изображениями святых на обеих сторонах В.Л.Яниным, то можно констатировать поступление в Ладугу документов, скрепленных буллами Святополка Мстиславича, Ярослава Владимировича, Ярополка Ярославича и Мстислава Мстиславича. С учетом же того, что в Ладогe обнаружены печати, остающиеся неприуроченными конкретным князьям, можно констатировать: в Ладогe во второй половине (последней трети) XII - начале XIII вв. было кому получать послания от князей, принадлежащих разным ветвям потомства Рюрика, занимавших разные

³² Следы такой переписки выявлены Б.А.Рыбаковым в тексте Ипатьевской летописи (Рыбаков 1963:319-334).

столы и находившихся между собой в разнообразных, далеко не всегда дружественных отношениях.

Возможны два варианта истолкования этого наблюдения. Печати с изображениями святых на обеих сторонах могли скреплять грамоты, направлявшиеся в Ладогу из Новгорода, когда князья — владельцы печатей — занимали новгородский стол. Для большинства перечисленных лиц княжение в Новгороде было лишь эпизодом в политической биографии, так что переписка с Ладогой могла происходить в порядке должностных обязанностей, вытекающих из правового положения новгородского князя.

Думается, однако, что вероятность формирования рассматриваемого комплекта печатей из Новгорода является сугубо теоретической. Ладожские печати с изображениями святых на обеих сторонах в целом соответствуют печатям того же разряда из других крупных центров Руси. Это дает основание утверждать, что процессы, материализовавшиеся рассматриваемыми печатями, проходили в Ладоге по тем же законам, что и в Новгороде, Киеве или Пскове, то есть — являлись общерусскими. Подчеркнем, что из одиннадцати моливдовулов, обнаруженных в Ладоге, шесть представлены оттисками матриц, нигде кроме Ладоги не зафиксированными. Остальные пять булл находят себе соответствие в новгородских сфрагистических находках, но все эти находки либо происходят с городища, либо — в черте Новгорода не локализованы, но их городищенское происхождение не исключено. Иными словами, комплект ладожских печатей с изображениями святых на обеих сторонах не обязательно формировался из Новгорода.³³

С большим вероятием следовало бы предполагать существование в Ладоге в последней трети XII и начале XIII вв. княжеского стола. Именно ладожские князья могли бы являться адресатами корреспонденции, направлявшейся в Ладогу из разных уголков государства представителями правящей на Руси династии. В.Л.Янин, не исключавший существование в Ладоге княжеского стола, предполагал его иерархическую подчиненность Новгороду: именно так, по-видимому, следует расценивать предложенную для печатей № 232 и 237 Корпуса атрибуцию пригородским князьям Новгорода (Янин 1970, т.1:130). Думается, однако, что ладожское княжение находилось в иерархической зависимости не от новгород-

³³ Для сравнения напомним, что из 10 булл рассматриваемого разряда, найденных в Пскове, шесть принадлежали матрицам, нигде, кроме Пскова, не зафиксированным, а остальные четыре буллы атрибутиваны В.Л.Яниным князьям, никогда в Новгороде не княжившим. Это позволило считать, что процессы, материализованные рассматриваемыми печатями, проходили в Новгороде и Пскове независимо, хотя и по одним законам (Белецкий С. 1986а:41,42).

ского князя, а от великокняжеской администрации. Именно этим следует, на наш взгляд, объяснять появление в Ладоге пломб, принадлежавших канцлерам-печатникам суздальских Рюриковичей (П/II.6/4,5,6,23).

Таким образом, вскоре после 1164 г. в Ладоге был восстановлен (после почти шестидесятилетнего перерыва) самостоятельный княжеский стол. Произошло это, наверняка, при активном политическом участии (если не по инициативе) Андрея Юрьевича (Боголюбского). Наиболее вероятным временем политического возрождения самостоятельной ладожской государственности следует считать рубеж 60-х и 70-х годов XII в., когда Андрей Боголюбский взял под контроль новгородский княжеский стол (НПЛ:33,34,221,222).

Верхняя хронологическая граница существования ладожского княжества определяется временем несколько более ранним, чем 1228 г., поскольку в этом году управление в Ладоге уже осуществлял посадник: в контексте рассказа о конфликте между Ладогой и емью упоминается посадник Владислав, возглавлявший отряд ладожан (НПЛ:65,270). Происхождение Владислава не устанавливается.³⁴ Поэтому принципиально важной становится находка пломбы Пл/IV.2/9, атрибутируемой княжескому посаднику, представлявшему администрацию князя из рода суздальских Рюриковичей. Можно думать, что речь идет о чиновнике начала (первой трети) XIII в., а не более раннего времени: на это указывает раздвоенный отрог на правом зубце двузубца, свидетельствующий о том, что владелец тамги принадлежал ко второму-третьему поколению низовских князей после Андрея Боголюбского. Не исключено, что по времени пломба максимально сближается с деятельностью посадника Владислава, но ставить вопрос о тождестве последнего с владельцем пломбы, все-таки, преждевременно.

Не вполне ясно пока, связана ли деятельность владельца пломбы Пл/IV.2/9 с аппаратом управления новгородского князя из рода суздальских Рюриковичей, или же посадник представлял в Ладоге непосредственно великокняжескую администрацию. В первой трети XIII в. на новгородском столе побывали четыре низовских князя — Святослав Всеволодич (1200-1205, 1208-1210), Константин Всеволодич (1205-1208), Ярослав Всеволодич (1215-1216,

³⁴ Теоретически, Владислав мог бы быть отождествлен с новгородским боярином Владиславом Завидичем, упомянутым в контексте рассказа о подготовке к Лилецкой битве (НПЛ:55,255). Однако уверенности в этом отождествлении нет, поскольку действия Владислава и ладожан в военных операциях 1228 г. были совершенно независимы и автономны от действий новгородского отряда.

1223-1224, 1226-1228/29, 1230-1236) и Всеволод Юрьевич (1222-1222/23, 1224-1224/25). Однако все они являются потомками Всеволода Большое Гнездо и поэтому не обязательно пользовались тамгой в форме двузубца колоколовидных очертаний: весьма вероятно атрибуция этой ветви рода суздальских Рюриковичей тамгообразного знака в форме багра.³⁵ Таким образом, представляется более вероятным предположение о включении Ладоги непосредственно в область юрисдикции великокняжеской администрации, что, на наш взгляд, является закономерным поступательным развитием великокняжеского патроната над Ладогой, допускаясь нами для предшествующих десятилетий.

После сказанного особое внимание привлекают находки в Ладогe печатей, атрибуированных новгородскому архиепископу Илье-Иоанну (П/III.2.вд/К-58) и его брату Григорию-Гавриилу (П/V.1/К-137:1; П/V.1/26). Первая из этих булл употреблялась в делопроизводстве в годы святительства Ильи (1163-1186), вторая и третья использовались, по всей видимости, в период, предшествующий избранию Гавриила (до малого пострига – Федора) на Софийскую кафедру, то есть – до 1186 г.³⁶

О Гаврииле, занимавшем Софийскую кафедру с 1186 по 1193 гг., известно крайне мало. Зато его брат, владыка Илья-Иоанн, принадлежал к числу активных политических деятелей своего времени "причем его деятельность носит ярко выраженную боярскую окраску" (Хорошев 1980:37). Именно он, в частности, выступал полномочным представителем новгородской администрации во время переговоров во Владимире после поражения войск Андрея Боголюбского под Новгородом в 1172 г. (НПЛ:34,222). Предполагая, что политическая деятельность Гавриила проходила в русле политики, проводившейся Ильей-Иоанном, можно думать, что появление в Ладогe грамот, скрепленных печатями братьев

³⁵ Версия о принадлежности потомкам Всеволода Большое Гнездо княжеских знаков багровидной формы последовательно изложена в статье В.Л.Янина (Янин 19566). Он же показал, что знак в форме багра является фракцией двузубца. Позднее исследователь пересмотрел свою точку зрения на атрибуцию печатей с изображением тамги и святого и отказался от первоначальной версии (Янин 1970, т.1:140). Пересмотр исходных положений в атрибуции печатей с изображениями тамги и святого справедлив, однако сама идея выделения потомков Всеволода Большое Гнездо в особую ветвь рода Рюриковичей, пользовавшихся особым типом знака собственности, весьма плодотворна (Молчанов 1974; 1985; Куза 1966).

³⁶ Владелец печати выступал как титор монастыря. Возможно, это связано с ограничением круга лиц, имевших право на пользование печатью, в том числе – личной печатью, предназначавшейся для частной (неофициальной) переписки.

(официального документа, направленного владыкой Ильей и частных (?) посланий Гавриила – не случайно. И так, как грамоты Федора-Гавриила были направлены в Ладогу не ранее 1170 г. (после основания Благовещенского монастыря, ктиторм которого выступал Гавриил), заманчиво было бы связать оба документа с активизацией антисуздалской политики Новгорода в только что возрожденном ладожском княжестве. Но это, конечно, не более чем догадка.

Серия 4 (конец XIII – XIV вв.)

Своеобразной "лакуной" в истории Ладоги являются 30-е – 60-е годы XIII в. Правда, летописные данные позволяют утверждать, что управление в Ладоге в середине - третьей четверти XIII в. осуществляли новгородские республиканские чиновники (НПЛ:309,323,324), а в копорском конфликте между Новгородом и князем Дмитрием Александровичем именно ладожский отряд защищал Копорье от князя Довмонта Псковского, поддержавшего Дмитрия (НПЛ:323,324). И все же необходимо подчеркнуть: от второй - третьей четверти XIII в. до нас не дошло ни одного уверенно датированного сфрагистического памятника. Оставляя пока открытым вопрос о причинах образования этой "лакуны" подчеркнем, что следующий исторический период, охватывающий конец XIII и большую часть XIV вв., сфрагистически представлен так же хорошо, как и период, предшествующий "лакуне". По-видимому объяснять намечающуюся лакуну только тем, что памятники сфрагистики этого времени пока не найдены, будет явно недостаточно.

Рассматриваемая сфрагистическая серия (конец XIII-XIV вв.) включает не менее 17 печатей, причем 12 из них принадлежат одной управленческой структуре – ладожскому наместничеству. До недавнего времени были известны печати ладожских наместников времени святительства архиепископа Климента (1276-1299) и печать ладожского наместника Захара, оставшаяся хронологически неприуроченной (Янин 1970, т.2: № 521,522). После того, как стали известны печати П/П.З.ад-ез/7-8 и П/П.З.ад/6, выяснилось, что ладожское наместничество существовало не только в конце XIII в., но также на протяжении какой-то части XIV в., а, возможно и в XV в. (Белецкий С. 1994б). Однако в тезисах доклада, посвященного печатям ладожских наместников, мы были вынуждены констатировать, что между печатью П/П.З.ад-ез/7 и печатью № 522 Корпуса фиксируется обширная хронологическая лакуна, которая вряд ли заполняется только печатью П/П.З. ад/6. Вопрос об этапах становления и существования ладожского наместничества, поэтому оставался открытым.

После того, как тезисы доклада были сданы в печать, А.Н.Кирпичников и В.А.Назаренко любезно познакомили нас с печатью П/II.3.ад-ез/9, обнаруженной при раскопках в Ладогe в 1992 г. (Кирпичников, Белецкий С. 1994: № II). Эта булла отчасти заполнила лауну, что и было продемонстрировано в докладе на Всероссийской нумизматической конференции в Гос.Эрмитаже (7 апреля 1994 г.). Однако лауны сохранялись (Кирпичников, Белецкий С. 1994:134), и их удалось заполнить только после того, как стала известна печать П/II.3.ад-ез/23. В настоящее время этапы становления и развития ладожского наместничества, материализовавшиеся в сфрагистических регалиях чиновников, возглавлявших эту управленческую структуру, могут быть восстановлены достаточно детально.

На начальном этапе существования ладожского наместничества – в годы святительства архиепископа Климента – наместничество возглавлялось владычным чиновником, пределы юрисдикции которого ограничивались представительством от имени новгородского архиепископа: это засвидетельствовано размещением на аверсе печатей № 521 Корпуса и печати П/VI.2.ад/16 изображения святого, тезоименного владыке. Однако уже в годы святительства архиепископа Давида полномочия ладожского наместника существенно расширяются: чиновник продолжает выступать от имени владыки (титул и имя которого составляют формулу круговой легенды на аверсе печати), однако в центральной части аверса размещается изображение креста, свидетельствующее об автономном характере управленческой структуры. Новое положение ладожского наместника, впервые зафиксированное печатью П/II.3.ад-ез/8 сохраняется в дальнейшем вплоть до времени святительства архиепископа Алексия (печати П/II.3.ад-ез/7, П/II.3.ад-ез/9).

Стабильный характер сфрагистического типа наместничьей печати от времен святительства Давида и до времен святительства Алексия предполагает непрерывность функционирования властной структуры. Однако в этой непрерывности имеется разрыв, приходящийся на годы святительства архиепископа Василия Калики (1331-1352). С учетом того, что печать ладожского наместника времени святительства Алексия стала известна только в самое недавнее время, можно было бы думать, что печати ладожских наместников времен Василия Калики еще не найдены. Однако подчеркнем, что печать П/II.3.ад-ез/8 стилистически не имеет ничего общего с печатью П/II.3.ад-ез/9, но зато чрезвычайно близка печати П/II.3.ад-ез/7 (вплоть до каллиграфии букв и одинаковой ошибки в исполнении матрицы аверса, легенда которой вырезана

без учета на оттиск). Не исключая того, что матрицы печатей П/II.3.ад-ез/7-8 вырезаны рукой одного мастера, мы полагаем, что печать П/II.3.ад-ез/7 относится ко времени первого святительства Моисея, то есть – к 1326-1330 гг. Иными словами, остаются неизвестными сфрагистические регалии ладожских наместников для периода от 1331 и до 1360 гг.

В этой связи обращает на себя внимание фрагмент печати П/IV.3.авд/10 атрибуированной сыну великого литовского князя Гедимина – князю Глебу-Наримунту. Важность этой находки в свете летописного известия о событиях, связанных с рукоположением Василия Калики, трудно переоценить. Напомним, что посольство Новгорода на Волынь к митрополиту Феогносту для поставления Василия Калики в новгородские архиепископы было перехвачено по пути по приказу Гедимина,³⁷ и Новгород откупился, пообещав сыну Гедимина Ладогу, Орешек, Корелу, Корелскую землю и половину Копорья (Белецкий С. 1985:236). В 1333 г. в Новгород прибыл Глеб-Наримунт, целовал крест новгородцам и получил под управление перечисленные города и земли (НПЛ:345,346). В.Л.Янин считает, что Глеб был служилым новгородским князем и получил перечисленные владения в кормление, но подчеркивает, что после отъезда в 1334 г. в Литву князь не отказался от кормления, так как его наместники упоминаются в Орешке в 1338 и 1347 гг (Янин 1981:216,217). Некоторые основания для такого заключения у исследователя были: в 1383 г. новгородцы передали в кормление Патрикию, сыну Наримунта, города Орешек и Корелу, половину Копорья и село Луское, а в 1384 г. заменили Орешек и Корелу Ладогой и Руссой (НПЛ:379). Однако можно думать, что система управления городами и правовое положение князей в 1333 и 1383-1384 гг. были различными. Не случайно в летописном сообщении о передаче городов Глебу-Наримунту речь о кормлении не идет, но зато подчеркнуто, что города передаются литовскому князю "в отчину, и дедену, и его детям" (НПЛ:346).

После сказанного считаем возможным предположить, что в 1333 г. ладожское наместничество новгородского архиепископа было ликвидировано, а управление городом перешло под управление литовского князя Глеба-Наримунта и его администрации. Па-

³⁷ В 1331 г. псковский князь Александр Михайлович (Тверской), вассальный Гедимину, пытался добиться учреждения в Пскове епископской кафедры, но кандидатура Арсения, получившая поддержку Гедимина, была отвергнута Феогностом (Белецкий С. 1985:236).

мятником, материализовавшим этот период в истории Ладogi и является печать Глеба-Наримунта.

Восстановление прежней системы управления в Ладогe, то есть – возвращение города в юрисдикцию новгородского архиепископа и сосредоточение всей полноты власти в Ладогe в руках ладожского владычного наместника происходит, по-видимому, не ранее 1347 г., когда в последний раз упоминаются наместники Наримунта в Орешке, а, вероятно – несколько позднее. В любом случае, это происходит не позднее святительства владыки Алексия. Заметим, что после восстановления ладожского наместничества чиновник, возглавлявший эту властную структуру, располагал теми же полномочиями, что и его предшественники, управлявшие в Ладогe в годы святительства Давида и Моисея. Во всяком случае, сфрагистическая регалия ладожского наместника времен Алексия была оформлена в соответствии с оформлением сфрагистической регалии его предшественников в должности.

Изменение статуса ладожских наместников происходит в конце XIV в.: на смену печати, несущей указание на имя и титул новгородского архиепископа приходит печать, сохранившая все особенности наместничьей печати Ладogi, но – лишенная круговой легенды на аверсе П/II.3.ад/6). Иначе чем расширением полномочий ладожского наместника, фактически действующего в это время совершенно автономно (хотя и сохраняющего титул "наместника") такое "редактирование" сфрагистического типа объяснить не удастся. С учетом того, что печать П/II.3.ад/6 вряд ли переживает XIV в., можно полагать, что изменение отношений между ладожским наместничеством и Новгородом приходится либо на последние годы святительства Алексия, либо – на начало святительства Иоанна Хутынского.

Вопрос о длительности употребления в делопроизводстве печати П/II.3.ад/6 напрямую связан с проблемой соотношения этого сфрагистического типа с более поздними печатями ладожских наместников – печатью № 522 Корпуса, датированной выше XV в. и печатью П/II.3.ад-ез/23, принадлежавшей наместникам времен святительства архиепископа Симеона (1415-1421). Определенное сходство с печатью П/II.3.ад/6 имеет печать ладожского наместника Захара, деятельность которого также была автономной, что подчеркнуто размещением на аверсе креста при отсутствии в легенде указания на сюзерена. Правда, между этими печатями имеется принципиальное отличие – именно характер регалии Захара подразумевает персональную ответственность наместника за совершаемые юридические действия, в то время как владельцы печати П/II.3.ад/6 несли за свои действия должностную ответственность.

Можно было бы предполагать, что печать № 522 Корпуса непосредственно сменяла печать П/II.3.ад/6, и переход от должностной ответственности наместника к ответственности персональной явился следующим шагом в развитии управленческой структуры. Однако печать № 522 вряд ли может быть датирована временем святительства Иоанна Хутынского: печать № 567 Корпуса, несущая на аверсе сходное изображение креста, сохранилась при документе (ГВНП: № 207), датированном 50-ми – началом 60-х годов XV в. (Янин 1991:333). Даже если соотнести изображение креста на печати № 522 с изображением креста на печати № 538 Корпуса (Янин 1970, т.2:189), то последняя сохранилась при документе (ГВНП: № 240), датирующемся не ранее 20-30-х годов XV в. (Янин 1991:310).³⁸ Таким образом, печать № 522 должна быть датирована несколько более поздним временем, чем печать П/II.3.ад-ез/23, что исключает рассмотрение печати № 522 в качестве свидетельства поступательного развития полномочий ладожского наместника от должностной (П/II.3.ад/6) к персональной (№ 522) ответственности: между этими печатями "вклинивается" печать наместников времен владыки Симеона. В то же время вряд ли печать № 522 датируется временем позднее 20-30-х годов XV в. – для середины XV в. она, все-таки, слишком архаична.

Теоретически нельзя исключать, что печать П/II.3.ад-ез/23 непосредственно сменила печать П/II.3.ад/6, засвидетельствовав, таким образом сокращение полномочий ладожского наместника. Однако более вероятным представляется предположение, согласно которому между печатью П/II.3.ад/6 и печатью П/II.3.ад-ез/23 имеется не только хронологический разрыв в несколько десятилетий, но и перерыв в использовании наместничьей печати. Речь идет о печатях П/II.1/2-4, использовавшихся в делопроизводстве правительственных чиновников Новгорода в годы святительства Иоанна Хутынского. Если предположить, что на смену печати П/II.3.ад/6 в делопроизводстве управленческой структуры Ладogi пришли печати разряда II.1, то следствием этого предположения становится вывод о ликвидации наместничества в годы пребывания на Софийской кафедре владыки Иоанна. В любом случае прихо-

³⁸ Наиболее ранним в сфрагистике древнерусского происхождения изображением креста, обозначенного двойным контуром, кажется, является изображение на неопубликованной пломбе из Дубны, датированной не позднее, чем началом XIII в. Однако совершенно адекватное изображение креста помещено на печати № 566 Корпуса, сохранившейся при документе 60-70-х годов XV в. (Янин 1991:344), так что пломба из Дубны не может служить основанием для ранней даты печати № 522 Корпуса.

дится констатировать, что конец XIV и начало XV в. являются серьезным рубежом в истории ладожского наместничества, и оценить этот рубеж можно только в контексте истории других властных структур Новгородской земли XIV-XV вв.

В этой связи представляется любопытным сопоставление печатей ладожских наместников XIV в. с печатями наместников новоторжских. Последние, безусловно, оформлялись по образцу печати № 521 Корпуса, но относятся к более позднему времени: буллы новоторжских наместников употреблялись в делопроизводстве во времена святительства Давида, Моисея, Василия, Алексия, Иоанна и Евфимия I (Янин 1970, т.2:186-188, № 523-535), то есть – на протяжении всего XIV и, по крайней мере, первой трети XV в. Судя по неизменности сфрагистического типа, правовое положение новоторжских наместников не претерпело существенных изменений с момента своего учреждения и вплоть до времени употребления в делопроизводстве позднейших известных печатей новоторжских наместников.³⁹ В то же время, ладожское наместничество изменило свой статус именно в момент учреждения новоторжского наместничества.

В этой связи принципиально важными оказываются две печати начала XIV в. – П/VI.2.ав-1/К-683 и П/III.2.вд/24. Первая из них соотнесена выше с посадником Константином, направленным в Ладугу новгородским республиканским правительством. Печати такого облика начали употребляться в делопроизводстве высших боярских магистратов Новгорода с 1304-1307 гг., то есть – в период святительства архиепископа Феоктиста, занимавшего Софийскую кафедру в годы, следовавшие за кончиной Климента и сведенного с кафедры зимой 1307/08 г. От времени святительства Феоктиста до нас не дошли печати ладожских наместников, зато в Ладогe найдена печать П/III.2.вд/24, принадлежавшая самому владыке. Не исключено, что в годы святительства Феоктиста управление в Ладогe было выведено из под юрисдикции владычного аппарата и передано под контроль вечевых структур власти.⁴⁰ Восстановление же прежнего порядка управления в Ладогe

³⁹ Некоторые различия в оформлении новоторжских наместничьих печатей имеются, но эти различия носят совершенно иной характер (Белецкий С., Овсянников 1994).

⁴⁰ С учетом отмечавшегося для времен святительства владыки Давида использования т.н. "именных владычных печатей" чиновниками владычного аппарата (Белецкий С., Овсянников 1994), можно было бы предположить, что владычные чиновники начали использовать "именные владычные печати" уже во времена Феоктиста, и именно представителю архиепископа Феоктиста принадлежала булла П/III.2.вд/24, найденная в Ладогe. Однако вероятность этого предположения невелика: от времени владыки Феоктиста до нас дошли

приходится на годы святительства Давида, сменившего Феоктиста на Софийской кафедре, причем ладожское наместничество с момента своего восстановления обладает иным, нежели при владыке Клименте, положением среди региональных администраций Новгородской земли: наместник располагает заметно большей автономией, что выразилось в помещении на аверсе печати креста.

Печать П/IV.1/27 относится к сфрагистическому разряду, атрибуруемому русским князьям XII - начала XIV вв. Ближайшие стилистически буллы датированы В.Л.Яниным концом XIII - началом XIV вв. и атрибуированы Ярославу Ярославичу (+1272), Дмитрию Александровичу (+1294), Михаилу Ярославичу (+1318), Юрию Даниловичу (+1322), Дмитрию Михайловичу (+1325) (Янин 1970, т.2: № 380-383,401,402,404). Можно полагать, что и печать П/IV.1/27 должна датироваться в пределах последней трети XIII - первой четверти XIV в. До установления персональной принадлежности буллы вопрос о времени поступления в Ладугу документа, скрепленного этой печатью (и, соответственно, вопрос об участии владельца печати в судьбах Ладого) остается открытым.

Печать П/VI.2.ад/17 не связана своим происхождением с ладожскими управленческими структурами.⁴¹ Появление здесь документа, скрепленного новоторжским владычным наместником времени святительства архиепископа Алексия, вероятнее всего, следует относить за счет контактов между двумя чиновничьими структурами новгородского владычного аппарата, представлявшими в правовом отношении власть "в регионах". Документ был скреплен печатью в годы, близкие ко времени реорганизации или ликвидации ладожского наместничества, так что возможность интенсивного переговорного процесса между региональными элитами в это время не исключена.

оттиски единственной пары матриц, в то время как "именные печати" владык Давида и Моисея представлены, соответственно, четырьмя и пятью парами матриц. Правда, "именные печати" предшественника Феоктиста на Софийской кафедре, архиепископа Климента, также представлены четырьмя парами матриц, что делает предположение теоретически вероятным. Вопросы остаются открытым до новых находок "именных печатей" владыки Феоктиста, оттиснутых неизвестными пока парами матриц, но в любом случае, печать П/III.2.вд/24 отличается по типу и от печатей ладожских наместников времен Климента, и от наместничьих печатей времен Давида.

⁴¹ Если, разумеется, не предполагать, что на управление в Ладугу был переведен чиновник из Нового Торга, пользовавшийся при отправлении должностных обязанностей своей старой новоторжской печатью. Такое решение вопроса, на наш взгляд, маловероятно.

Печать П/VI.2.авд-1/34 скрепляла документ от имени великого московского князя Ивана Ивановича Красного (†1359). Как ни оценивать факт поступления в Ладогу такого документа, очевидно, что в середине XIV в. великокняжеская администрация сохраняла повышенный интерес к Ладоге. Напрашивается сопоставление этого положения с произошедшими несколько позднее (в годы великого княжения на Москве Дмитрия Ивановича, сына Ивана Красного) изменениями статуса ладожского наместничества, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Серия 5 (конец XIV-XV вв.)

Этот период истории Ладоги материализовался не менее чем 13 печатями. Состав серии пестрый, но преобладают печати новгородских чиновников, в то время как печать, уверенно атрибутированная ладожскому наместнику, представлена единственным экземпляром, происходящим, к тому же, из Новгорода, а не из самой Ладоги.

Конец XIV и самое начало XV в. характеризуется тремя буллами разряда II.1, атрибутированными представителям исполнительной власти Новгорода времени святительства Иоанна Хутынского. Выше мы предположили, что эти должностные лица заменили ладожских наместников после ликвидации наместничества. Наличие оттисков не менее чем от трех пар матриц предполагает, что деятельность новгородских правительственных чиновников в Ладоге не ограничивалась разовым отправлением обязанностей главы ладожской администрации лицом, назначенным сюда из Новгорода. Можно думать, что не позднее 80-х годов XIV в. автономное ладожское наместничество было преобразовано в подразделение новгородской управленческой структуры.

Это предположение подкрепляется находками в Ладоге печатей, принадлежавших чиновникам других органов административного управления Новгорода — республиканским тиунам П/VIII.1авд/22 и чиновникам с непоименованными должностями (П/VIII.1.г/20-21). Датируя печати рубежом XIV-XV вв., или самым началом XV в., мы относим их ко времени святительства Иоанна Хутынского. И, таким образом, появление в Ладоге документов, скрепленных перечисленными печатями, одновременно с документами, утверждавшимися печатью новгородских правительственных чиновников, свидетельствует о соответствии ладожского административного устройства в эти годы административному устройству самого Новгорода. Иными словами, речь должна идти о полном и безусловном включении Ладоги (и Ладожской округи?) в

состав единого правового пространства Новгородской земли без каких бы то ни было элементов автономии.

Верхняя хронологическая граница рассматриваемого периода определяется находкой печати П/II.3.ад-ез/23, принадлежавшей ладожским наместникам времени святительства архиепископа Симеона, то есть – в пределах 1415-1421 гг. Вероятно, что именно в эти годы в Ладогу поступает и документ, скрепленный печатью П/VIII.1.агд/31, принадлежащей новгородскому посаднику Александру Фоминичу (†1421). По-видимому, вскоре после кончины Иоанна Хутынского (или – после сведения с кафедры владыки Феодосия?) ладожское наместничество было восстановлено, причем наместник оказался наделен полномочиями, которые, судя по оформлению сфрагистической регалии, были аналогичны тем полномочиям, которыми располагали ладожские наместники времен святительства Алексия (П/II.3.ад-ез/9) и более раннего времени.

Однако такое положение дел сохранялось недолго. Как отмечалось выше, полномочия наместника Захара, владельца печати № 522 Корпуса, существенно отличались от полномочий его предшественников. Хронологическая близость печати № 522 к печати наместников времен владыки Симеона делает весьма вероятным предположение о том, что в годы святительства Евфимия I – Евфимия II ладожское наместничество уже изменило свой статус по сравнению с периодом святительства Симеона. Подтверждением сказанному является, на наш взгляд, печать П/II.3.ав/5, принадлежавшая двинскому чиновнику 20-х – 30-х годов XV в.⁴² : полагая, что в Ладогу грамота, скрепленная этой печатью, попадает не случайно,⁴³ рискнем адресовать печати П/II.3.ав/5 тот же вывод, который был ранее адресован печати П/VI.2.ад/17 – грамота, скрепленная печатью двинского чиновника, попадает в Ладогу в результате переговорного процесса, имевшего место между двумя региональными элитами Новгородской земли. Иными словами, в 20-е – 30-е годы XV в. в Ладоге сложилась ситуация, потребовавшая проведения переговоров, подобно проведению переговоров между ладожским и новоторжским наместниками в момент реорганизации ладожского наместничества в 60-е годы XIV в.

Отметим, что отличия полномочий ладожского наместника Захара от полномочий его предшественников заключались не толь-

⁴² Уверенности в том, что владелец печати П/II.3.ав/5 носил титул именно владичного наместник, у нас нет. Вопрос о структуре управления двинскими землями с учетом различий в формуле легенды на разных печатях (Янин 1970, т.2: № 540-545; ср.: Янин 1970, т.2: № 546-568, 538, 539) нуждается в специальном исследовании.

⁴³ Например, с домашним архивом переселенца.

ко в оформлении сфрагистической регалии. Печать № 522 Корпуса была обнаружена в Новгороде, в то время как наместничьи печати более раннего времени происходят из самой Ладоги.⁴⁴ Иными словами, ладожские наместники XIV и начала XV вв. утверждали документы, главным образом, внутрिलाдожского значения, в то время как документ, скрепленный печатью Захара, был направлен из Ладоги вовне (в Новгород).

Уточнению времени изменения статуса ладожского наместничества способствуют находки печатей П/VI.2.агд-1/18, П/IV.3.A/K-717 и П/IV.3.A/25. Первая из названных булл скрепляла документ от имени великого московского князя Василия Дмитриевича, причем утверждение документа печатью не могло состояться позднее 27 февраля 1425 г. Вероятнее всего, в пределах второго – начала третьего десятилетий XV в. можно датировать документы, скрепленные печатями П/IV.3.A/K-717 и П/IV.3.A/25 – эти печати принадлежали членам новгородского Совета Господ. Близкое по времени поступление в Ладогу документов, направленных органом власти Новгорода, выступавшим от лица веча, и великим московским князем указывает на то, что в последние годы великого княжения Василия I Ладога вновь оказывается объектом столкновения интересов Новгорода и великокняжеской администрации.

Вся предыдущая история Ладоги показывает, что столкновение интересов различных противоборствующих политических сил за влияние в Ладоге происходит в те периоды истории города, когда управление здесь осуществлялось властной структурой, действовавшей с большей или меньшей степенью автономии. Так было во времена существования ладожского ярлства в конце XI в. Это же мы фиксировали для первой половины 1150-х годов, когда происходило переподчинение Ладоги из юрисдикции новгородского князя под юрисдикцию республиканских структур Новгорода. Нечто подобное угадывалось для рубежа 60-х и 70-х годов XII в. – в момент возрождения ладожского княжества. Рискнем, поэтому, предположить, что изменение статуса ладожского наместничества происходит при преемниках Иоанна Хутынского – владыках Симеоне (1415-1421), Феодосии (1421-1423) или Евфимии I (1423-1428).

Не связаны ли восстановление и последующее изменение статуса ладожского наместничества с событиями начала 1420-х годов?

⁴⁴ В этом отношении печать № 522 обнаруживает определенное сходство с печатями ладожских наместников конца XIII в.: одна булла обнаружена в Ладоге, но две происходят из Новгорода (Янин 1970, т.2: № 521). Правда, для печати № 521, Н.П.Лихачев не исключал ладожское происхождение (ЛСА: л.188).

Напомним, что в 1420 г. в Новгород прибыл князь Константин Дмитриевич — младший брат Василия I. Новгородцы "милостью Божиею и архиепископа Семеона благословением" приняли опального⁴⁵ князя "в честь", передав ему пригороды "кои быле за Лугвенем" (НПЛ:412). Князь Симеон-Лугвень, сын великого литовского князя Ольгерда, дважды бывал на службе в Новгороде. Зафиксированная летописью под 1407 г. передача Лугвеню пригородов, "которые быле преже сего за ним" (НПЛ:400) свидетельствует, что кормление от пригородов Симеон-Лугвень получил не позднее 1389 г. (НПЛ:383). И так, как в 1392 г. князь находился в Орешке (НПЛ:385), не исключено, что в кормление Лугвень получил те же города, от которых ранее кормился князь Патрикий. Среди последних, напомним, была и Ладога.

Ладога в конце XIV - начале XV вв., как предполагалось выше, находилась под прямым административным управлением Новгорода. Если эта ситуация была характерна для всего круга пригородов Новгорода, передававшихся в кормление служилым князьям, то весьма вероятно сохранение прежнего порядка управления и в 1420 г., когда пригороды, бывшие "за Лугвенем", были переданы Константину Дмитриевичу, получившему статус кормленщика (Янин 1962:263,264). Константин Дмитриевич покинул Новгород в 1421 г. (НПЛ:413), а вскоре после этого скончался владыка Симеон. Иными словами, восстановление ладожского наместничества с прежним статусом наместника, зафиксированным печатью П/П.З.ад-ез/23, определяется узкими рамками первой половины 1421 г.

Ситуация меняется в 1424 г. В этом году был заключен договор между Василием I⁴⁶ и Новгородом; согласно договора, "князь великий Василей целовал (крест) Новугороду Великому на том, что ему отступитися их вотчины Бежитцкаго Верха, да Волока, да

⁴⁵ Василий I, закрепляя за малолетним сыном Василием (будущим великим князем Василием II Темным) московский стол, потребовал от своих братьев крестоцелования Василию Васильевичу. Константин Дмитриевич, отказавшийся целовать крест племяннику, был лишен удела.

⁴⁶ В.Л.Янин убежден в том, что договор 1424 г. был заключен от имени наследника московского стола, Василия Васильевича, титуловавшегося великим князем при жизни отца. Исследователь подчеркивает, что "никакой необходимости в таком договоре для Василия Дмитриевича не существует" (Янин 1962:264). Однако, можно думать, что необходимость в договоре между Василием I и Новгородом возникла именно в 1424 г., поскольку в том году Василий I признал вассалитет к своему тестю, великому князю литовскому Витовту, что изменило политическую ситуацию, прежде всего — юридический статус Москвы. В Новгороде же незадолго до этого произошел государственный переворот, в результате которого от управления был отстранен владыка Феодосий.

Волотцких мест, а наугородцы целовали (крест) великому князю, что им княжчин отступить, где ни есть" (ВЛ:92). Прямых указаний на то, что Ладога входила в число "княжчин"⁴⁷ в письменных источниках, кажется, нет. Однако, среди микротопонимов Ладоги хорошо известна "княщина", размещавшаяся на левом берегу р. Волхова к северу от Парамонова ручья. Правда, хронологическая приуроченность этого топонима отчетливо не устанавливается.

Подчеркнем, что печать № 522 Корпуса не несет на себе никаких признаков того, что наместник Захар выступал в своей деятельности от имени новгородского архиепископа. Поэтому считать его чиновником новгородского владычного аппарата, по-видимому, нет достаточных оснований: в равной мере можно признать Захара и великокняжеским наместником. И, в любом случае, автономный характер правовой деятельности Захара с персональной ответственностью за совершавшиеся юридические действия следует из сфрагистических признаков печати № 522.

Предположив, что изменение статуса ладожского наместничества явилось следствием договора 1424 г., мы должны признать, что с этого времени Ладога переходит под управление великокняжеской администрации, а наместник Захар является великокняжеским чиновником. Но это, в свою очередь, заставляет поставить вопрос о том, в какой момент Ладога утратила статус княжчины, восстановленный в 1424 г.? Так как в годы святительства Иоанна Хутынского Ладога, по нашему мнению, находилась под управлением новгородских правительственных чиновников, в поисках ответа на поставленный вопрос мы неизбежно возвращаемся к печати П/П.З.ад/6, датированной выше 60-ми – 70-ми годами XIV в. Эта печать по всем признакам соответствует печатям ладожских владычных наместников времен святительства Давида, Моисея и Алексия, но – лишена круговой легенды на аверсе с указанием имени и титула владыки. Иными словами, редактирование сфрагистического типа наместничьей печати потребовалось из-за того, что держатель буллотирия перестал выступать в своей деятельности от имени новгородского владыки.

Предполагая, что печать П/П.З.ад/6 принадлежала чиновнику, утвержденному в должности решением администрации великого князя, а не новгородского архиепископа, мы получаем объяснение череды изменений в судьбах наместничества, произошедших в годы святительства архиепископов Алексия и Иоанна. По-видимому,

⁴⁷ Срезневский полагал, что княжчина – это род подати (Срезневский 1893:1400, 1401). В последнее время княжчину расценивают как земельную собственность князя (Словарь...1980:206).

замена печати П/П.З.ад-ез/9 на печать П/П. З.ад/6 свидетельствует не о проявлении регионального сепаратизма и не о создании на месте функционировавшего наместничества принципиально нового административно-территориального образования, а о переподчинении уже существующего наместничества из под юрисдикции новгородского архиепископа под юрисдикцию великого московского князя. Теоретически это могло произойти даже без замены персонального состава администрации наместничества.⁴⁸ Ликвидация наместничества, в таком случае, представляется оправданным шагом главы новгородского правительства, направленным на восстановление контроля над Ладогой и ее округой.

Можно думать, что ликвидация наместничества произошла еще в годы святительства владыки Алексия. Первое упоминание о передаче Ладоги в кормление служилому князю зафиксировано в летописи, как отмечались выше, под 1383 г. Следовательно, к этому времени новгородский контроль над Ладогой был уже восстановлен. И так, как все остальные сведения (прямые или косвенные) о передаче Ладоги в кормление приходятся на конец XIV и начало XV вв., есть основание полагать, что право на эти действия новгородская администрация получила только в годы прямого контроля и управлением в Ладоге, то есть – в отсутствие властной структуры, возглавлявшейся наместником.

Таким образом, переподчинение ладожского наместника великокняжеской московской администрации в любом случае произошло ранее 1383 г. Наиболее вероятным временем для этого события является, на наш взгляд, 1367 г. Напомним, что в 1366 г. новгородцы организовали грабительский поход на Волгу, "и за то князь великий Дмитрий Иванович розгневался и розверже мир с новгородци" (НПЛ:369). В следующем году новгородское посольство посетило Москву, и мир был восстановлен. Новгородская Первая летопись фиксирует, что вслед за восстановлением мирных отношений Дмитрий Иванович направил в Новгород своего наместника (НПЛ:369). Ничего неожиданного в этом нет: великокняжеские наместники были в Новгороде и раньше, и позднее 1367 г., причем в ряде случаев в должности великокняжеского наместника оказывались ближайшие родственники великого князя (НПЛ:400). Однако, любопытной особенностью 1367 г. является то обстоятельство, что Дмитрий Иванович, по свидетельству московского лето-

⁴⁸ Вероятно, именно такая ситуация зафиксирована печатями двинского наместника Остафьи Яковлевича, пользовавшегося как буллой с указанием на владычную юрисдикцию, так и буллой, лишенной этого указания (Янин 1970, т.2: № 545 и 546).

писца, направил в Новгород не наместника, а наместников (МЛС:394). Это предполагает необходимость одновременной деятельности нескольких должностных лиц, наделенных сходными полномочиями и, во всяком случае, носивших одинаковый титул — титул великокняжеского наместника. Нельзя ли связать отмеченную множественность назначения в Новгород высокопоставленных чиновников великокняжеской администрации с необходимостью присутствия наместников не только в Новгороде? В таком случае, речь должна идти о контроле со стороны великого князя за управлением в пригородах, получивших в результате переговоров новгородского посольства в Москве статус "княжчины". Полагаем, что именно такая процедура материализовалась в изменении сфрагистической регалии ладожского наместника.

После сказанного становится понятной ситуация поступления в Ладугу документов, скрепленных печатями П/VIII.1.гд/К-447 и П/VIII.1.авд-ез/30. Булла великокняжеского тиуна Ивана Макарьича с наибольшим вероятноем относится к последней четверти XIV в., то есть — ко времени либо переподчинения Ладуги под управление правительственных чиновников, либо — к периоду контроля над Ладогой со стороны Москвы. Подавляющее большинство топографически приуроченных в черте Новгорода печатей великокняжеских тиунов происходит из комплекса городищенского архива, поэтому можно думать, что должностные лица, пользовавшиеся в делопроизводстве такими печатями, вряд ли располагали широкими юридическими правами в области оперативного управления Новгородом и Новгородской землей. Весьма вероятно, что документы, скрепленные печатями великокняжеских тиунов, вообще поступали в Новгород извне. В таком случае, грамота, утвержденная тиуном, представлявшим интересы Дмитрия Ивановича или (что менее вероятно) — его сына, Василия Дмитриевича, подтверждает осознанный интерес великокняжеской московской администрации в Ладогe в конце XIV в. Об этом же свидетельствует и печать великокняжеского тиуна (Моисей?) П/VIII.1.авд-ез/30, представлявшего интересы великого князя Василия (Дмитриевича?).

Печати П/IV.3.A/11-12 относится к 20-м — 40-м годам XV в. Не исключено, что в момент поступления в Ладугу документов, скрепленных этими печатями, контроль за городом осуществлялся не новгородской, а московской администрацией (хотя единичность находки печати № 522 Корпуса дает основание полагать, что этот контроль вряд ли продолжался достаточно длительное время). В любом случае, печати новгородского Совета Господ продолжают традицию политических интересов и дипломатической активности

Новгорода в Ладогe. Но особенно любопытной представляется находка в Ладогe печати XV в., атрибуированной новгородскому Юрьеву монастырю (П/VI.2.В/19). Печать, вероятно, относится не к самому началу столетия. О причинах поступления в Ладогу документа, скрепленного этой печатью, можно только догадываться. Конечно, не исключено, что в Ладогe могли быть чисто имущественные интересы монастыря – одного из крупнейших вотчинников Новгорода (Хорошев 1980:159-162). Однако, более вероятным представляется связь документа, скрепленного рассматриваемой печатью с деятельностью главы новгородского черного духовенства – новгородского архимандрита, резиденцией которого был Юрьев монастырь. В.Л.Янин показал, что новгородский архимандрит входил в число высших новгородских магистратов и ежегодно переизбирался на вече, то есть – принадлежал к числу высших чиновников республики (Янин 1970, т.2:137). Связывая печать Юрьева монастыря с деятельностью новгородского архимандрита, мы можем предполагать, что к борьбе за влияние в Ладогe после восстановления над ней великокняжеского патроната, были подключены принципиально новые фигуры новгородской администрации, ранее в ладожской политике Новгорода участия не принимавшие. Должность новгородского архимандрита, напомним, была учреждена еще в XIII в., а полномочия архимандрита, по мнению В.Л.Янина, не попадали под юрисдикцию новгородского архиепископа.

Сфрагистические памятники, характеризующие внутреннее правление Ладоги в XV в. (позднее деятельности наместника Заара), пока к сожалению, остаются не известны. О том, что в Ладогe размещалась в это время резиденция чиновника, обладавшего правом утверждения документов подвесными свинцовыми печатями, свидетельствуют находки однотипных разновеликих заготовок. Однако печати, соответствующие по своим техническим характеристикам этим заготовкам, пока не найдены (во всяком случае - в самой Ладогe). Вероятно, находки печатей, принадлежавших управленческой структуре Ладогe второй четверти - середины XV в. - дело будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сфрагистическая коллекция ладожского происхождения представляется достаточно репрезентативной. Она с редкой степенью полноты характеризует исторические судьбы города с конца XI и до XV вв. включительно. Разумеется, многие из приведенных соображений являются не более чем гипотезами, и до проведения нового цикла исследований исторических судеб Ладоги эпохи высокого средневековья, равноценного исследованию Н.Е. Бран-

денбурга (Бранденбург 1898), намеченная схема политико-административной истории Ладogi остается не более чем ориентиром для дальнейших поисков. "Предложенная модель исторического развития Ладogi... в какой-то мере отражает и концентрирует переменчивые и напряженные события... периода создания и роста Русского раннесредневекового государства" (Кирпичников 1985:26). Действительно, на протяжении всей средневековой истории Ладoga оставалась разменной монетой в политике различных государственных образований, различных ветвей власти, различных группировок политически активных лиц, находившихся волею судеб "на политическом Олимпе". И если публикуемые материалы и высказанные соображения послужат толчком к началу новой дискуссии о судьбах средневековой Ладogi, мы будем считать свою задачу выполненной.

Белецкий, В.Д. 1962. Печати из раскопок 1960 года в Довмонтовом городе в Пскове // Сообщения Государственного Эрмитажа 23.

1971. Клейма на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // Сообщения Государственного Эрмитажа 33.

1978. Пять актовых печатей XII-XV вв. из Пскова // Сообщения Государственного Эрмитажа 43.

Белецкий, В.Д., С.В.Белецкий. 1987. Новые данные о времени строительства Псковского Крома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Москва.

Белецкий, С.В. 1984. Диаметр и вес актовых печатей // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Москва.

1985. Печати "князя Олександра" // Советская археология 1.

1986а. Домонгольские княжеские печати из Пскова // Земля Псковская, древняя и социалистическая (Вып.1). Псков.

1986б. "Яведова печать" (из истории Пскова XII в.) // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли (№ 6).

1987. О достоверности былинных биографий // Комплексные методы в исторических исследованиях. Москва.

1990а. О принципах систематизации древнерусских актовых печатей // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX-XIII вв.". Чернигов.

1990б. О функциях печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источникововедения. Москва.

1992. Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Москва.
- 1994а. Сфрагистика Пскова XIV-XV вв. (материалы для истории властных структур в средневековом городе). // Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. Санкт-Петербург.
- 1994б. Печати ладожских наместников // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург.
- 1994в. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Санкт-Петербург.
- 1994г. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в XIV - начале XV вв. // Древний Псков. Исследования средневекового города. Санкт-Петербург.
- В печати-1. Сфрагистические регалии княжеского аппарата в домонгольской Руси // Уральский геральдический сборник. Екатеринбург.
- В печати-2. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Материалы чтений памяти П.А.Раппопорта. Санкт-Петербург.
- Белецкий, С.В., Е.Ю.Крымов.* 1990. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // Советская археология 3.
- Белецкий, С.В., О.В.Овсянников.* 1994. Именная владычная печать XIV в. из под Холмогор // Советская археология 1.
- Белецкий, С.В., В.А.Посвятенко.* 1994. Абу Хамид ал-Гарнати о процедуре обмена кредитных денег на Руси // Образование древнерусского государства. Проблемы источниковедения. Москва.
- Болховитинов, Е.* 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Часть III. Киев.
- Бранденбург, Н.Е.* 1896. Старая Ладога. Санкт-Петербург.
- Бузов, В.А.* 1977. Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в. // Советская археология 1.
- Василевски, Т.* 1991. Христос Пантократор на печатях и монетах монархов Руси и его византийские и болгарские образцы // Византийский временник, Т.52.
- Воронин, Н.Н.* 1946. Боголюбовский киворий // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 13.
1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР 11.

- ВЛ.* 1859. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей, Т. VIII.
- Гайдуков, П. Г., П. Д. Малыгин.* 1989. Новые сфрагистические находки в Верхневолжье // История и культура древнерусского города. Москва.
- ГВНП.* 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва-Ленинград.
- Джаксон, Т. Н.* 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Москва.
- Древняя Русь ...* 1985. Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР 15. Москва.
- Ершевский, Б. Д.* 1982. Малые вислые печати посадников XII в. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Ленинград.
1984. К вопросу о новгородских посадничьих буллах рубежа XI-XII вв. // Новгородский исторический сборник 2 (12).
1985. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология (по материалам собрания Н. П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины, Т. XVII.
1987. О хронологии и общей атрибуции одной группы памятников новгородской сфрагистики // История и археология Новгородской земли. Новгород.
1989. Письменные источники и материалы новгородской сфрагистики о безмонетном периоде // Новгород и Новгородская земля.
- Кавелин.* 1898. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, чудотворца и похвальное слово ему, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV в. Изд. Леонид (Кавелин). Санкт-Петербург.
- Кирпичников, А. Н.* 1977. Ладога и Переяславль Южный – древнейшие каменные крепости средневековой Руси. Памятники культуры. Новые открытия.
1984. Каменные крепости Новгородской земли. Ленинград.
1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Ленинград.
1988. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Ленинград.
- Кирпичников, А. Н., С. В. Белецкий.* 1994. Новые сфрагистические находки из Старой Ладоги // Археологические вести 3. Санкт-Петербург.

- Колосова, И.О.* 1992. Печати Григория Климовича (к вопросу о характеристике псковско-новгородских отношений во второй половине XIII - начале XIV вв.) // Псковская земля в XII-XIV вв. Псков.
1993. Памятники сфрагистики и проблема новгородско-псковских отношений конца XI - начала XIV вв. // Земля Псковская, древняя и современная (Вып.4). Псков.
- Колчин, Б.А.* 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников Е 1-55. Москва.
- Куза, А.В.* 1966. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо // Культура древней Руси. Москва.
1977. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // Советская археология 3.
- Литвинов, В.А.* 1989. Печать со знаком Рюриковичей из Гомельщины // Первая областная научная конференция по историческому краеведению. Гомель.
- Лихачев, Н.П.* 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Ленинград.
- Лабутина, И.К., О.К.Волочкова, В.И.Лабутин.* 1985. Новые сфрагистические находки в Пскове // Советская археология 1.
1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Ленинград.
- ЛСА.* (Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом. Рукопись. Архив ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444).
- Мартышкин, О.В.* 1992. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. Москва.
- Матюшкина, Г.И.* 1976. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970-1973 гг. // Вестник Московского Университета, сер.9, № 1.
- МЛС.* 1949. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей, т. XXV. Москва.
- Молчанов, А.А.* 1974. Новгородские посадничьи печати с изображениями княжеских знаков // Проблемы истории СССР IV. Москва.
1981. О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XII.
1984. О буллах новгородских посадников XII - первой трети XIII вв. // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли (Вып.4).
1985. Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X-XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины, Т. XVI.

1987. Новгородская посадничья булла. К вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода // Труды V Международного конгресса славянской археологии, т. III, вып. 1-6. Москва.
- Нимчук, В.В.* 1990. Древнерусские печати "дѣньслово"- *дѣньслово // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов, подготовленные советскими исследователями. Москва.
- НЛ.* 1879. Новгородские летописи. Санкт-Петербург.
- НПЛ.* 1950. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. Москва-Ленинград.
- Памятники.* 1935. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов. Москва-Ленинград.
- Подвигина, Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. Москва.
- Плоткин, К.М.* 1986. Печать протопроедра Евстафия из Пскова (к вопросу о времени заселения Запсковья) // Археологическое изучение Пскова и Псковской земли (Вып. 6).
- Путешествие.* 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. 1131-1153 гг. Москва.
- Раппопорт, П.А.* 1982. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник 1(11).
- Рыбаков, Б.А.* 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология VI.
1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. Москва.
- Свердлов, М.Б.* 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Ленинград.
- Словарь.* 1980. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 7. Москва.
- Соболева, Н.А.* 1991. Русские печати. Москва.
- Срезневский, И.И.* 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Татищев, В.Н.* 1963. История Российская. Т. 2. Москва-Ленинград.
- Хорошев, А.С.* 1980. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. Москва.
- Хорошкевич, А.Л.* 1972. Печати полоцких грамот XIV-XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины, Т. IV.
- Шорин, П.А.* 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // Советская археология 3.

- Янин, В.Л. 1956а. Вислые печати из новгородских раскопок 1951-1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 55.
- 1956б. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 62.
1960. Две неизданные новгородские грамоты XV в. // Археологический ежегодник за 1959 г. Москва.
- 1962а. Новгородские посадники. Москва.
- 1962б. Печати с надписью "днѣслово" // Советская археология 2.
1966. Именные буллы русских епископов XII - начала XIII вв. // Советская археология 3.
1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.1-2. Москва.
1981. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). Москва.
1991. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М.

ПРИМЕЧАНИЕ

Рисунки, номера которых отмечены звездочками, взяты из Корпуса В.Л. Янина

1

2

4

3

5

6

7

9

8

0

5 CM

10

15

11*

17

12

16*

13*

18

14*

19

20*

21

26*

27

32

22*

28

23*

29

24*

30

25*

31

33*

41

34*

39

36*

40

37*

42

38

35*

43

44

48

45*

49

46

51*

47

52*

50

0

5CM

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

Отпечатано с оригинал-макета в ГППП-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный, 55.

Формат издания $60 \times 90^{1/16}$. Объем 18 печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. 1194.